

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + Refrain from automated querying Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

University of Michigan
Libraries

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

the land The

.

.

.

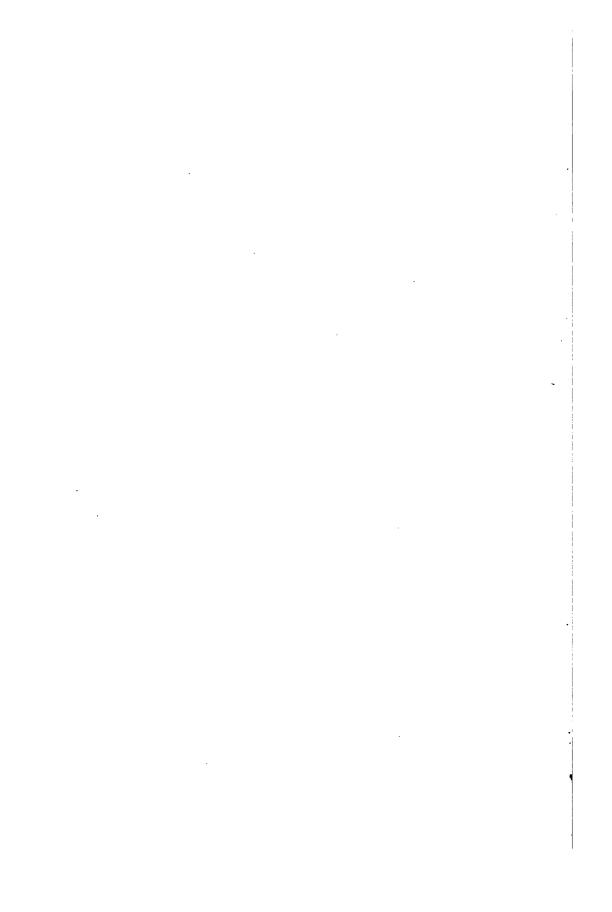
·

The University of Michigan Sibraries

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

91. J. Matyly

Jarirov, Petr Jarrovich

ЗАДАЧИ ПОНИМАНІЯ

исторіи.

проектъ введенія въ изученіе эволюціи ЧЕЛОВЪЧЕСКОЙ МЫСЛИ.

«Центральная» Типо-Литографія М. Я. Минкова, 3-я Рождественская, 7. 1903.

D 16.8 .L42 1903

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	•	•		٠.						•	XI
	•										

ГЛАВА І.

Историческіе труды вообще и научно-философское пониманіе исторіи:

Факты разныхъ областей мысли, 3.—Различные взгляды на фактическое седержание истории, 5.

Три категоріи исторических трудовъ, 7.—Расширеніе историческаго пениманія, 9.

Задачи пониманія исторіи, 9.

Факты, законы и гипотезы, 12.—Факты и гипотезы исторіи, 14 Законы двухъ родовъ, 15.— (Примъры законовъ неповторяющихся явленій, 17).—Законы и гипотезы исторіи, 16.

Повторяющіяся явленія въ исторіи, 17. (Примъры, 18; — Науч-

ность исторіи и соціологіи, 18).

Стремленія къ неизмъняемости и къ измъненіемъ, 19.—Жизненные элементы прошлаго и переживанія, 21.—(Примъры 20).—Четыре элемента въ жизни обществъ, 22.

Культура и историческій процессъ, 23.

ГЛАВА ІІ.

Культурныя измъненія и историческая жизнь,

Культура и ся изм'вненія, 24.—Двигатели этихъ изм'вненій, 25. Потребности личностей, 25.—Временныя и натологическія потребности, 26.—Спорные вопросы, 27.—(Прим'вры, 27),

Потребность развитія и роль интеллигенціи, 28.—Переработка

культуры мыслью, 28.

Кто остается внъ исторія? 29.

Солидарность и ея формы, 29—Рость процесса сознанія въ личностяхь, 31.—Роль того и другого въ борьбъ за существованіе, 31.—Роль ихъ въ исторіи, 31.—Патологическія явленія, 32.

Чередованіе эпохъ двухъ разныхъ направленій, 32.—(Его ускореніе, 33).

ГЛАВА ІІІ.

Группы основныхъ потребностей личности:

Эволюція потребностей, 35.—Двъ группы основныхъ потребностей, 36.

Потребность общежитія, 36.—(Мотивы общежитія, 36).—Половое влеченіе, 37.—(Его соціологическая роль, 37.—Случаи развивающаго вліянія, 38).—Родительская привязанность, 38.—Семья, какъ органъ воспитанія 39.—(Воспитывающія вліянія, 40).

Эгоистическія потребности, 40 — Потребность въ пищъ, 40. — Волюція экономической жизни, 40. — Потребность огражденія безонасности, 41. — Эволюція политической жизни, 41. — Потребность въ нервномъ возбужденіи, 41. — Украшенія жизни, 42.

. РЛАВА ІУ.

Вваимодъйствіе потребностей второй группы:

Три точки зрънія, 43.—(Ихъ нынъшнее распространеніе, 44.— Точки зрънія: экономическаго матеріализма, 44; преобладанія политическихъ побужденій, 45; господства идей, 45.

Три пріема сравненія, 46.—(Ихъ оправданіе, 46).—Болье раннее проявленіе, 46.—(Повторяємость, 47).

Мотивы въ эпоху царства сознанныхъ интересовъ, 48.—-(Необходимость провърки въ каждомъ случав, 49).—Мотивы въ предшествующие и въ послъдующие періоды, 49.—-(Роль сознанныхъ побужденій, 49).

Повторяемость нервных возбужденій, 50.—(Животныя и дикари, 50).—Увлеченіе аффектомъ и сила идей, 50.—(Надстройка экономическаго матеріализма, 51).—Возможность преобладанія потребности нервных возбужденій, 52.—(Вейзенгрюнъ, 52).—Неизбъжныя логическія посл'єдствія, 52.—Новыя общественныя ціли, 54.—(Приміры, 55). Результаты, 55.

IJABA V.

Потребность развитія и области мысли.

Роль потребности развитія, 57.

Два порядка областей мысли, 58.-Ихъ генезисъ, 58.

Мысль техническая и творчество общественныхъ формъ, 58.— Пониманіе и умънье, 60.—Раннее проявленіе задачъ соціологіи, 61. Второй слой областей мысли, 62.

Эстетическия мысль, 62.—Ен отношение къ другимъ областямъ, 63.—Общественния роль искуства, 63.—Отношение эстетической мысли къ эволюции мысли вообще, 63.

Религіозная мысль и фазисы того, что вазывають «религіей», 64.—Религіозный аффекть у животныхь, 64.—Фазись обезпеченія удачи, 64.—Общеніе съ фантастическимъ міромъ, 65.—Фантастическое представленіе, скрыпляющее рядъ обычаевъ, 65.—Апогей и элементы атрофіи, 66.—Обрядный комплексъ, являющійся символомъ культурнаго единства, 66.—Вліяніе пробужденія критической мысли, 67.—Универсалистическія религіи, 67.—Общечеловъческое нравственное ученіе, опирающееся на философское міросозерцаніе, 68.—Противорфчія и атрофія, 68.—Задача свътской цивилизаціи и развитіе невърія, 69.

Третій слой области мысли подъ вдіяніямъ интеллигенціи, 69. Философская мысль, 69.—Ея внъщній матеріалъ, 69.—Формы ея проявленія, 69.—Отсутствіе особеннаго содержанія и характеристическое направленіе, 70.—(Опрелъленіе философіи, 71).

Научная мысль, 71.—Непрерывныя завоеванія, 72.—(Кажущіяся отступленія, 72).—Вліянія другихъ областей, 72.—Наука и ученые, 73.—Условія вполив-логичнаго хода завоеваній, 74.

Мысль нравственная, 74.—Личное убъждение и справедливость, 74.—Научная этика, 75.—Прошедшее и будущее, 76.—(Спорные вопросы этики, 76.—Споръ о предълахъ области нравственныхъ побужденій, 77; о научности этики 77).

Систематическій порядокъ областей мысли, 77.

ГЛАВА VI.

Объективные и субъективные элементы въ соціологіи и въ исторіи:

Историческое знаніе и научное пониманіе исторіи, 80.—Вопросъ о субъективномъ элементь, 80.

Требованія объективнаго мышленія въ исторіи, 80.—(Примъры,

80.—Тоже въсоціологін, 80.—Субъективный методъ и изслѣдованіе субъективныхъ процессовъ, 82).

Основныя приложенія субъективныхъ пріємовъ въ исторіи, 82. Вопросъ о важности явленій, 84.—Законы повторяющихся явленій, 84.—Попытки приложенія объективнаго критерія къ исторіи, 84.—Неизбъжность критерія субъективнаго, 92.—Роль личнаго развитія историка. 86.—(Примъры, 87).

Здоровыя и бользненныя явленія, 88.—Нормальный порядовъ явленій и отклоненія, 88.—Наслажденіе и страданіе, 89.—Существованіе какъ благо, 90.—(Примъры благопріятныхъ страданій, 91).—Эволюція въ единственномъ экземпляръ, 91.—(Спорные вопросы о патологичности явленій, 93).

Опънка возможности для данной эпохи и для настоящаго, 94.— Роль объективнаго и субъективнаго элементовъ, 95.— (Примъры, 95).

Необходимый и научный субъективизмъ въ соціологіи и въ исторіи, 95.

(Русская субъективная школа, Эд. Майеръ и Іерингь, 96).

TJABA VII.

Философское пониманіе исторіи:

Задачи мысли философской, 99.

Роль личности въ исторіи, 101.—Волевые аппараты и соглашеніе ихъ съ детерминизмомъ, 102.—Міръ причинъ и слъдствій и міръ цълей и средствъ, 103.—Аналогіи въ астрономін и въ физикъ, 103.—Два различные слоя, доступные научному изслъдованію, 104.—(Въ чемъ противоръчіе? 105.—Ступени устанавливающейся связи, 105).

Личность и общество, 105.— Двъ различныя точен зрънія, 106.— Личность, какъ единственный реальный дъячль еъ исторін, 106—
Общество, какъ единственная дъйствичльная сочва выработки личностей, 107.—Совокупность элементовъ въ наччео понятой исторін, 107.— Призрачность противорьчія, 108.— Ігь стороны вопроса, 109).

Следствія, 109.—Разнообразіє проявленій оденов в того же историческаго теченія, 109.—Вліяніє индивидуацьська особенностей на ходъ событій, 109.—(Примеры, 110).

Различная роль интеллигенціи въ разныя жиля. 111.

Судъ надъ личностью и надъ событіями. 113—обязанность личности предъ собственною волею и предъ собственных пониманіемъ, 114. Вопросы воспитанія, 114.

Личности реальныя и художественныя, какъ продуктъ истори-

ческихъ эпохъ, 115.—(Недостаточность матеріала, 115).

Формула общаго смысла исторіи, 116.— Явленія прогрессивныя и регрессивныя, 119, здоровыя и бользненныя въ исторіи, 119.— Ростъ солидарности и ростъ сознательнныхъ процессовъ, 120.— Формула прогресса, 121.— Возможность прогресса, 122.— Орудіе суда надъ прощлымъ и жизненная цёль въ настоящемъ, 125.

Вопросъ о сведеніи процессовъ соціологическаго и историческаго на болье общія области, 125: на личную психологію, 126; на біологію, 128; на физику земли и на факты, относящісся къ населенію; 128 (примъры, 128; теорія густоты населенія, 129); на механику, 130.

LAARA VIII.

Схема исторіи мысли: а) До пробужденія критической мысли.

Попытиц построить схему исторіи мысли, 131.—Раздёленіе на періоды и эпохи, 133.—(Примёры отступленія отъ хронологическаго порядка, 133).—Роль областей мысли въ разныя эпохи, 145.

Различіе взгиядовъ, 131.—(Примъры, 132).- Составъ схемы исто-

ріи мысли, 136.

Подготовление человъка, 136.—(Ребенокъ, 138).—Подготовление

исторіи, 139.

وَجُ

ICTS IEE Канунъ исторіи, 143.—(Возможность иного хода событій, 144).— Общественныя формы въ канунъ исторіи, 146.—(Націи, не образовавшія государствъ, 147).—Государство и семья, 147.—Зародыши индивидуализма, 149.—(Выработка личностей, 150).— Два теченія при началъ исторической жизни, 151.—(Признаки исторической жизни, 151).

Выдъленіе интеллигенціи и періодъ обособленныхъ цивиливацій, 154.—Борющіяся партіи, 154.—(Консерватизмъ, 155).--Возможности и здоровыя явленія, 155.—Исторія, какъ процессъ оздоровленія, 158.—Характеристическія черты періода обособленныхъ цивилизацій, 159.—Роль мысли эстической и объединяющей, 161.—(Переживанія родового строя, 164).—Сосуществованіе различныхъ элементовъ, 165.—(Повтореніе процесса, 165).

ГЛАВА ІХ.

Схема исторіи мысли: б) До свътской цивилизаціи новаго времени.

Историческое значеніе мысли критической, 168.—Затрудненія, 168.—Судьба трехъ главныхъ проявленій критической мысли и борьба съ переживаніями, 171.—Невещественныя субстанціи, 193. Разрывъ между основаніями критической мысли и ся проявленіями, 183.

Попытка правового государства, 179.

Періодъ универсалистическихъ религій, 183.—Массы и новая интеллигенція, 184— Церковь, 186.—(Буддизмъ и исламъ, 186).

Средневъковая церковная культура и три ея элемента, 186.— Характеристическія несогласія, 190.—Схоластическое мышленіе и постановка новой религіозно-философской задачи, 192.

Духовный союзь, государство и семья, 192.—Византійскій типъ отношеній между церковью и государствомъ, 194.—(Типъ ислама, 195).—Типъ католицизма, 196.—(Армія монашества и школы, 196).
— Элементъ обрядный и легендарный, 198.

Традиція цезаризма и препятствія ся осуществленію, 199.

Третій элементь среднев'вковой культуры, 202.—Среднев'вковой феодализмъ, 206. Среднев'вковые поэтическіе циклы и типърыцаря, 209.—Экономическіе и идейные процессы, 211.—Среднев'вковый городъ и среднев'вковая буржувзія, 213.—Университеты, 215.—Юристы и медики, 217.

(Возможность иного хода исторіи, 220).

Подготовленіе паденія средневъковаго общественнаго строя, 223. — (Отклоненія отъ общаго хода событій въ разныхъ странахъ, 226).

Канунъ новой свътской цивилизаціи, 227.—Гуманизмъ, 228.—
Открытіе новаго міра, 229.—Демонологія, 230.—Искусство эпохи
Возрожденія, 230.—Реформація, 231.—Политическіе и соціальные вопросы, 231.—(Вопросъ о началъ новой исторіи, 232) *).—Расцвътъ индивидуализма, 233.—Хаотичность, 236.—Область искусства, 238.—Ростъ точной науки, 239.

^{*)} Три последніе параграфа по ошибке пропущены въ оглавленім главы ІХ на стр. 182.

TAABA X.

Схема исторіи мысли: в) Періодъ свътской цивилиза-

Задачи сивтской цивилизаціи, 242.—(Затрудненія исторіи эпохи современной историку, 241). Новыя общественныя овятыни, 243.— Работа новой світской интеллигенціи, 245.

Борьба съ переживаніями, 246.—Переживааія доисторическія, 247.—Переживанія древнъйшихъ историческихъ эпохъ. 249.—Наслъдство работы эстетической мысли, 250.—Наслъдство эпохи пробужденія критической мысли, 251.—Переживанія римской государственной традиціи. 254.—Переживанія средневъкового католицизма, 256.—(Другіе духовные организмы, 256).—Сила сопротивленія разныхъ элементовъ католицизма, 256.

Эволюція новыхъ историческихъ задачъ, 260.—(Посл'ядовательные фазисы или борющіяся партіи, 261).—Вопросы эволюціи новаго времени, 261.

эпоха государственнаго абсолютизма, 262.—Эпоха деспотовъ реформаторовъ и новая буржувзія, 265.—Завоеванія мысли научной и ся задачи, 267.—Новая наука и новая философія, 269.—Популяризующая литература и общій характеръ второй эпохи свътской цивилизаціи, 271.—(Космополитизмъ и интернаціонализмъ, 276).

Экономическая почва дальнъйшей эволюціи 276.—Вліяніе ся въ области научной мысли, 277.—Эпоха политическихъ катастрофъ, 279.—Работа мысли эстетической и философской 281.—Поднятіє и упадокъ общественнаго духа: во Франціи, 284; въ Германіи, 284.—Романтизмъ, 286.—Метафизика, 288.—(Изученіе народностей и народничество, 289).

B

13.

<u>'</u>δ.

1012

, l'a

P.D.

·IB!

ГЛАВА ХІ.

Схема исторіи мысли: г) теченія и партін настоящаго времени.

Эпохи періода новой свътской цивилизаціи, 290 — Горющіяся или послъдовательно развивающіяся теченія, 291.

Теченіе политическое, 292.—Теченіе буржувано-капиталистическое, 293.—Протесть противъ послъдняго теченія, 294.—(Генцъ 295).

Идеалы новой буржуазіи, 296.—Идеалы ея противниковъ, 297— Противугосударственники, 298.

Генетическій порядокъ возникающихъ теченій, 298.

Затрудненія для сторонниковъ неограниченной власти государства

и для противниковъ всякой организованной власти, 299.—Затрудненія для сторонниковъ политическаго теченія, 301.—Два враждеб-

ныхъ класса и общая имъ почва, 307.

Затрудненія для сторонниковъ идеала конкурренціи. 310.—Затрудненія для ихъ противниковъ, 312.— Нъкоторыя фактическія явленія въ работъ мысли послъднихъ эпохъ, 316.—Цезаризмъ и усиленіе клерикализма, 316.—Явленія въ областя работы эстетической и философской мысли, 318.—(Истербургскій періодъ исторіи русскаго общества, 327).

Вопросы настоящаго, 328. —Вопросы будущаго, 381.

Подготовление вопросовъ настоящаго въ прошединемъ, 332. Постановка вопросовъ и ихъ ръшение, 336.—Еще одинъ вопросъ настоящаго, 337.—Поучительная роль истории, 338. 299.—ыг — Два ира пін. 310пі факта — Пезарач аботы эсп деріодь по

331. emb, 332. (e oluhb». 8.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Насколько методы естествознанія и ихъ приложенія вь вопросамъ всёхъ областей мынленія составляли главную характеристическую черту первой половины нашего въка, связывая его непрерывно съ великими начинаніями эпохи Галилея, Декарта и Ньютона, настолько же едва ли не слъдуетъ признать характеристическою чертою второй половины того же въка пріемы сравнительно-соціологическіе и исторически - эволюціонные, Поэтому, не мудрено, что въ последние годы появилось не мало болъе или менъе замъчательныхъ трудовъ, въ которыхъ авторы пытаются, каждый со своей точки зрънія, установить понимание исторіи какъ науки, а также уяснить задачи, которыя выростають изъ стремленія внести въ это пониманіе философскую цівлость и единство. Авторъ позволяеть себъ предложить со своей стороны читателямъ попытку разъяснить кое-что въ этой области. Желая ограничить объемъ этого труда лишь необходимымъ авторъ предпочелъ устранить почти всякія ссылки на писателей, которые прежде или теперь занимались тъми же вопросами и ръшали ихъ отчасти такъ же, какъ считаль правильнъйнимъ это сдълать авторъ, отчасти же совствив иначе или даже въ смыслъ прямо противуположномъ. Но само собою разумъется, что почти во всъхъ главахъ этого труда самою большею частью того, что въ

немъ встрътитъ читатель, авторъ обязанъ многимъ историкамъ и мыслителямъ какъ иностраннымъ, такъ и русекимъ, которые или прямо и опредъленно высказали ту или другую мысль, здъсь повторенную, или навели на нее автора. Для послъдняго было всего менъе важно отличитъто, что можно здъсь встрътить новаго и оригинальнаго, отъ того, чъмъ онъ обязанъ предшественникамъ. Важнъе же всего было установить различіе между тъмъ, что онъ считаетъ върнымъ, и тъмъ, что для него сомнительно или прямо опшибочно.

ЗАДАЧИ ПОНИМАНІЯ ИСТОРІИ.

•

ГЛАВА І.

Историческіе труды вообще и научно - философское пониманіе исторіи.

Фанты разных областей мысли.—Различные взгляды на фантическое содержание истории.

Три категоріи исторических трудовъ. — Расширенів историческаго пониманія.

Задачи пониманія исторіи.

Фанты, законы и ипотезы. — Фанты и ипотезы исторіи.

Законы двух родовъ. — (Примъры законовъ неповторяющихся явленій).—Законы и гипотезы исторіи.

Повторяющіяся явленія въ исторіи. — Примпры. — Научная исторія и соціологія).

Стремление къ неизмъняемости и къ измънениямъ. — Жизненные элементы прошлаю и переживания. — Примъры. — Четыре элемента въ жизни обществъ.

Культура и исторические процессы.

Мы будемъ разсматривать всякую область мысли какъ состоящую изъ фактовъ. Различіе областей обусловливается выборомъ этихъ фактовъ и способомъ ихъ группировки. Знаніе ученаго характеризовано его способностью установить достовърность или степень въроятности изучаемыхъ имъ фактовъ въ ихъ отдъльности, выработать для этой цъли наиболъе удобные методы и отмътить сходства и различія въ изучаемыхъ имъ фактахъ по способамъ установленія этой достовърности.

Это имъсть уже мъсто въ области техники; она имъсть въ виду практическія цъли (иногда фантастическія, какъ цъль колдуна или алхимика); но для ихъ достиженія она вырабатываетъ умпинья разнаго рода, начиная отъ изготовленія ка-

меннаго топора до устраненія личной отпоки астронома, начиная съ прієма ловли добычи, употребляемаго инфузорією, до пріємовъ краснорічія адвоката, иміющаго въ виду убідить присяжныхъ, и до тіхъ, которые употребляетъ психологъэксперименталистъ для успіха гипноза или внушенія; но всі эти умпьнья опираются на факты, усвоенные техникомъ, въ одномъ случать факты ясно понятые, въ другомъ эмпирическиконстатированные или даже такіе, которые предполагаются усвоенными.

Такъ оно бываетъ и въ области творчества общественныхъ формъ; общественный дъятель, стремящійся укръпить и упрочить существующей строй или видоизмънить его въ данномъ направленіи, призываетъ на помощь факты привычекъ, аффектовъ, интересовъ, убъжденій; именно эти факты служатъ ему для того, чтобы провести прогрессивный или реакціонный законъ, организовать новую политическую партію; вызвать или успокоить общественное волненіе; при этомъ онъ пытается отодвинуть на второй планъ всъ тъ фактическія общественныя заботы, которыя могутъ ослабить интересъ большинства вліятельныхъ личностей къ консервативному или къ революціонному творчеству общественных формъ.

Опять таки факты точнаго личнаго наблюденія или творчества и «манеры» предшественниковъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ находится, составляють всю подкладку эстетической дѣятельности художника, правдивости или «дѣланности» образовъ, имъ создаваемыхъ; но здѣсь группировка фактовъ обусловливается красотой формы цѣлаго, патетическимъ настроеніемъ художника и тѣмъ идейнымъ дѣйствіемъ, которое онъ намѣренъ произвести.

И религіозная мысль имъеть своимъ основаніемъ факты-же, но различаемые и группированные уже совершенно независимо отъ всякой попытки изслъдовать ихъ достовърность, отъ заботы о ихъ эстетической правдивости, о ихъ технической пользъ или общественномъ вліяніи; критеріемъ ихъ значенія является фантастическое представленіе, обязательный обрядъ,

догмать, предъ которымъ должны замолчать и стушеваться и наблюдение и опытъ и разсудокъ.

Наконецъ предъ философомъ развертывается во всей ея общирности совокупность всъхъ фактовъ знанія и върованія, частныхъ техническихъ задачъ, личныхъ жизненныхъ цълей и общественныхъ формъ и процессовъ, наконецъ эстетическихъ комбинацій, ставя мыслителю единственную задачу: понятъ эту совокупность какъ нъчто цълое и единое, и связать это теоретическое пониманіе міра, своей личности и общества съ послъдовательною жизненною дъятельностью этой понятой личности въ этомъ понятомъ міръ при условіяхъ этого понятаго общественнаго строя.

Каждая изъ этихъ областей мысли участвовала въ эволюци той отрасли литературы, которая называлась и называется исторіей. Ея задачи съуживались до схоластической эрудиціи, гдь, безо всякой перспективы важнаго и незначительнаго, существеннаго и случайнаго, дело шло исключительно о достоверности отдёльных событій и ихъ частностей. Одни ученые исключали изъ исторіи, какъ лишенныя права на интересъ ивследователя, области общественной деятельности, которымъ въ последующія эпохи придавали первостепенное значеніе для пониманія исторической эволюціи. Другіе готовы были ограничивать задачи исторіи біографическими данными о государяхъ, о ихъ министрахъ или военачальникахъ и дворцовыми интригами. Третьи, напротивъ, охватывали терминомъ «исторіи» и быть австралійцевь и эволюцію породь животныхь и эволюцію міровъ, точно такъ, какъ нікоторые соціологи подводили подъ терминъ «общества» группировку клеточекъ и біонтовъ въ сложный организмъ, сознающій себя какъ особь. Съ другой точки зранія накоторые историки видали въ предмета своихъ занятій исключительно или преимущественно поученіе государямъ и народамъ. Въ исторіи искали аргументовъ въ пользу фантастического провиденціализма или метафизического перенесенія абстрактныхъ категорій логики въ сложную последовательность конкретныхъ событій. Здёсь не место останавливаться на этихъ явленіяхъ эволюціи человіческой мысли, ко-

торыя, вийсти съ никоторыми другими, можеть быть дозволительно назвать аберраціями этой мысли. Они, большею частьюпринадлежать уже прошедшему: ихъ представители теперь составляють, какъ намъ кажется, лишь переживанія этого прошедшаго, и ихъ приходится лишь отмътить на ихъ хронологическомъ мъсть въ эволюци пониманія историческаго процесса. Мы отложимъ до дальнейнаго разсмогренія и вопросъ о техъ пределахъ, которые, какъ мы думаемъ, следуеть провести между эволюціей доисторической и эволюціей исторической человъческой мысли, точно также какъ между важнымъ и существеннымъ для пониманія исторіи, съ одной стороны, незначительнымъ и случайнымъ — съ другой. Но, кажется, здась, приступая къ нашей работь, полезно отметить разницу, существующую по самой сущности дёла между нёсколькими главивними категоріями историческихъ трудовъ, которыя, каждая, могуть ставить предъ умами изследователей того или другого типа вполнъ раціональную задачу особаго рода.

Это, во-первыхъ, задача исторической эрудиціи и исторической критики—установить съ возможно-большею точностью историческое знаніе, т. е. отдільные факты, входящіе въ область исторіи. Это, во-вторыхъ, задача того, что можно было бы назвать исторического эстетикою, именно задача воскресить ту или другую эпоху жизни человъчества или отлъльнаго народа съ тою цальностью впечатланія и съ тамъ распредаленіемь світотіни и красокь, какими пользуется художникь для своихъ эстетическихъ задачъ. Это, наконоцъ, задача научнофилософского пониманія исторіи, устанавливающаго, съ возможно-большей ясностью, какъ необходимость перехода всякаго предъидущаго фазиса общественной жизни въ последующій, такъ различіе главныхъ и второстепенныхъ элементовъ этого процесса, особенность роли каждаго изъ нихъ въ различныя эпохи, усиленіе однихъ и атрофію другихъ; однимъ словомъ, это--задача придать, по возможности, комбинаціи точныхъ и въроятныхъ историческихъ свъдъній характеръ такого же определеннаго пониманія этой комбинаціи въ ся частностяхъ и въ ея целомъ, которое ищеть натуралисть, изучая эволюцію

органическаго міра, или космологь, стремясь разгадать эво люцію небесныхъ тіль.

Всѣ эти задачи принадлежать исторіи, но онѣ весьма различны какъ по своей сущности, такъ и по частнымъ вопросамъ, на которые онѣ распадаются, и по пріемамъ, употребляемымъ для своей цѣли изслѣдователями, ими занимающимисм.

Цёль исторической эрудиціи и критики (въ узкомъ смыслё последняго термина) -- даль прочную подкладку какъ картине историка-художника, такъ и пониманию историка-мыслителя. Это-точная установка достовърности, въроятности и невъроятности или невозможности того или другого факта, опредвление источниковъ сведеній о томъ или другомъ факте, оценка до. стовърности или недостовърности этихъ источниковъ и т. под-Здёсь играеть несущественную роль важность или незначительность самаго факта или источника для пониманія цёльнаго процесса исторіи; на задній планъ отодвигается характеристичность того или другого изъ этихъ фактовъ и источниковъ; едва ли ставится вопросъ о принадлежности ихъ, въ минуту ихъ появленія, переживанію стараго строя культуры или предъугадыванію новаго теченія мысли. Самая незначительная съ виду подробность для одного историка можеть получить громадное значение съ точки зрвнія другого, а потому достовърность или степень вероятности каждой мельчайшей подробности историческаго знанія должны быть установлены съ возможной точностью.

Когда дёло идеть о полытики воспрешения той или другой эпохи на почей точных данных исторической критики, цёль автора уже совсёмъ иная и очень сходна съ задачей всякаго правдиваго художника, отличансь отъ послёдней лишь тёмъ условіемъ, что нь первой для всёхъ фактическихъ данныхъ историческая критика должна установить ихъ достовърность или въроятность. Эпоха, воскрещаемая историкомъ-художникомъ, должна быть представлена читателю во всей ея индивидуальной сложности, какъ конкретный образъ. Всё элементы историческаго явленія должны быть воспроизведены, размётнены и комбинированы такъ, чтобы общее впечатлёніе, остав-

ляемое картиною, не только было произведено при помощи точныхъ данныхъ, но чтобы оно еще было наиболее живо, цельно и эстетически-правдиво. Важно здесь вовсе не то, откуда возникъ каждый изъ этихъ элементовъ, каковъ процессъ его генезиса, насколько въ немъ отразилось прошедшее и насколько въ немъ подготовляется будущее. Важна роль, которую каждый изъ нихъ играеть въ разсматриваемую эпоху, какъ составная часть художественно-правдивой картины, возникающей предъ взоромъ читателя. Если дело идеть объ исторической личности, то вов элементы, входящіе въ ся образъ, должны быть почеринуты изъ точныхъ данныхъ исторической критики, но комби--РИЦ ВЕЗТЕТИР ВЕД ОКУНЬТЕТИ И ОКУВИЖ ЭЖ ОКУЛСТ В БЕНЬВООГИВ ность, какъ образъ Макбета или Фауста, какова ни была бы физіологическая, психологическая или сопіальная роль того или другого изъ этихъ элементовъ. Если дело идетъ объ опредъленномъ моментъ развитія цълаго общества, то общія историческія теченія во всей ихъ сложности, частныя заботы разныхъ общественныхъ группъ, преходящія модныя увлеченія кружковъ, взрывы энтузіазма или варварства толны, иллюстрацік коллективныхъ процессовъ въ отдельныхъ типическихъ личноотяхъ, и частности формъ культуры — опять таки почерпнутыя изъ результатовъ самой кропотливой и объективной исторической критики, --- должны комбинироваться въ одно стройное и живое целое, подобное тому, которое создаваль изъ элементовъ своей художественно-правдивой фантазіи Микель Анджело въ фрескъ послъдняго суда, Каульбахъ во вступлении римлянъ въ Іерусалимъ, или Давидъ въ изображении присяги въ «Jen de Pommes». Основное требованіе здісь: единство, цільность и. живость образа, какъ образа конкретной индивидуальности, личной или коллективной. Наиболее точною формулою для работы мысли историка-художника этого типа остается «воскрешеніе» личности или эпохи, какъ эту задачу ставилъ себъ Мишла.

Совершенно иными представляются намъ требованія научнофилософскаго пониманія исторіи. При художественномъ воскрешеніи личности или эпохи стушевывается различіе элементовъ, входящихъ въ ихъ конкретную индивидуальность и подчеркивается различіе между личностями или эпохами; пониманіе исторического процесса, напротивъ, ставитъ непремъннымъ условіемъ различеніе для каждой эпохи и для каждой личности всвхъ элементовъ, относительная роль которыхъ обусловливала событія въ ихъ совокупности; здісь важно указаніе тісной связи между побужденіями, существовавшими въ данной области мысли и дъятельности въ различныя послъдовательныя эпохи и въ средв личностей, занимавшихъ очень различное общественное положение въ данномъ обществъ. Единство данной энохи и данной личности есть точка исхода ихъ художественнаго воскрешенія, и всв подробности ихъ образа получаются въ продукта мысли историка-художника, какъ результать этого заранъе даннаго фактическаго единства. Понимание истории имветь точкою исхода-какъ и всякое научное и философское пониманіе-уясненіе отдільных исторических подробностей, отдъльной групцы событій и общественных в формъ. Но затымъ эти понятыя группы постепенно расширяются. Уясняется ихъ связь. Среди періодовъ и общественныхъ группъ, смутно рисующихся въ умѣ изслѣдователя, возникають эпохи съ болѣе яркими очертаніями частностей и ихъ зависимости между собою. Выдвигаются обобщающія гипотезы о главныхъ и второстепенныхъ двигателяхъ культурныхъ измененій и историческаго прогресса (напримъръ, о мотивъ украшенія жизни, экономическихъ интересовъ, фантастическихъ върованій и т. п.), какъ о двигателяхъ болъе или менъе исключительныхъ или допускающихъ взаимодъйствіе. Эти гипотезы, взаимно дополняя и исправляя одна другую, пріобретають все более научный характеръ, позволяя въ то же время все съ большею въроятностью уяснять себъ вопросы, остающеся спорными, и пополнять пробылы понятаго исторического процесса въ цыломъ. Лишь какъ окончательный результать всёхъ подготовительныхъ работъ въ области исторіи, образуется въ воображеніи историка-мыслителя общее и объединенное историческое міросозерцаніе, попытка понять исторію въ цалости ся совершившагося уже процесса, попытка, доставляющая подкладку для решенія

соціологическихъ вопросовъ современности, позволяющая до нъкоторой степени угадывать и будущій ходъ событій.

На следующихъ страницахъ читатель найдетъ попытку разъяснить, въ чемъ состоять задачи научнаго и философскаго пониманія исторіи.

Для этого автору пришлось прежде всего разсмотреть, какія требованія могуть быть поставлены исторіи, какъ входящей вь область научной мысли вообще. Затымъ, какъ входящей въ категорію наукъ эволюціонных, им'вющихъ въ значительной мара дало съ фактами неповторяющимися. Эти посладнія требованія приводять къ необходимости обратить особенное вниманіе на сосуществованіе въ каждую эпоху жизни всякаго общества н'всколькихъ существенно различныхъ элементовъ. Это, прежде всего, явленія, характеризующія эту эпоху; но рядомъ съ ними присутствують, во-первыхъ, элементы, перешедшіе въ нее отъ прошлаго, однако остающіеся и для нея элементами жизненными; затъмъ другіе элементы, оказывающіеся вредными переживаніями; наконець, зародыши болье или менве отдаленнаго будущаго. Взаимодвиствіе этихъ элементовъ составляеть едва ли не важнъйшую долю процесса исторіи. Но, чтобы усвоить истинный смыслъ этого процесса, приходится еще вдуматься въ ту роль, которую играють въ исторіи, съ одной стороны, ея реальные двигатели, сознательныя личности, съ другой — общества, т. е. тв коллективные организмы, въ формъ которыхъ эти двигатели входять въ процессъ исторіи. Непосредственнымъ результатомъ этой задачи оказывается необходимость внести въ изучение потребностей личности различіе потребностей основных и временных, здоровых и патологических и обратить особенное вниманіе на потребность развитія. Оказывается, что эта последняя потребность выдъляеть интеллигенцію исторических періодовъ изъ народовъ, классовъ и многочисленныхъ отдельныхъ особей, остающихся вню исторіи, и устанавливаеть грань между жизнью неисторического и жизнью историческою. Въ тесной связи съ только что поставленною (задачею изученія взаимод'яйствія личности и общества оказывается требованіе уясненія какъ

солидарности въ различныхъ ся проявленіяхъ, такъ и взаимо. дъйствія этой связующей общественной силы съ ростомъ сознательных процессов въ общественной интеллигенціи. Это взаимодъйствіе обнаруживается какъ подкладка поочередной смины эпожь двухъ родовъ, когда, въ одномъ случав, главною задачею общества является попытка создать новую прочную культуру, въ другомъ-именно въ переходныя эпохи-преобладаеть борьба противъ наличной культуры. Чтобы разобраться въ только что указанныхъ мотивахъ борьбы или примиренія между задачами общественной солидарности и индивидуальнаго развитія сознательныхъ процессовъ, и въ мотивахъ сміны историческихъ эпохъ разныхъ тенденцій, — приходится войти въ большія подробности относительно соціальной и исторической роли различных группъ человъческих потребностей, и, въ особенности, трехъ группъ потребностей, дающихъ начало жизни экономической, политической и идейной. Опираясь на результаты, здёсь полученные, становится, съ одной стороны, возможнымъ обобщение истории какъ процесса перера. ботки формь культуры мыслью, съ другой — дифференцированіе этого процесса на различныя, фактически наблюдаемыя области работы мысли.

На этой ступени пониманія исторіи, какъ процесса, приходится оглянуться на самый способъ работы, которымъ это пониманіе пріобрѣтается, и на роль, которую въ этомъ пониманіи справедливо признать за мыслью научною и за мыслью философскою. Возникаеть одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ нашего времени, именно вопросъ о роли объективнаго и субъективнаго элемента ез соціологіи и ез исторіи. Въ связи съ нимъ приходится установить взглядъ и на отношеніе индивидуальной иниціативы личности къ детерминияму общественныхъ и историческихъ процессовъ. Лишь на этой почва оказывается возможнымъ установить философское понятіе о прогрессъ, какъ смысла исторіи, а, вмаста съ тамъ, и уяснить, съ этой точки зранія, въ чемъ именно состоитъ истинное пониманіе какъ отдальныхъ историческихъ эпохъ, такъ и историческаго процесса въ его цаломъ; причемъ результаты

современной точной науки устанавливають для философских в обобщеній предёлы, дал'я которых в эти обобщенія историческаго процесса становятся фантастическими.

Если исторіи мы ставимъ тѣ же требованія, которые приходится ставить всякой другой обособленной наукѣ, то она, должна представлять обособленную область фактовъ, группирующихся сами собою, по логическимъ условіямъ мышленія, въ законы, и позволяющихъ еще дальнѣйшее сближеніе и распредѣленіе ихъ, при помощи научныхъ гипотезъ, въ болѣе общирныя области познанія.

Группа наукъ механико-химическихъ въ главной своей части обособляетъ повторяющіеся факты, которые можно съ большею или меньшею точностью, или гипотетически, свести на механическіе процессы движенія въсомыхъ массъ или невъсомаго вещества; процессы, охватываемые однимъ общамъ представленіемъ сохраненія энергіи въ неизмънной массъ вещества и разнообразныхъ проявленій этой энергіи. Однако и тутъ, въ теоріяхъ развитія небесныхъ тълъ вообще и солнечной системы въ особенности, предъ нами возникаютъ факты эволюціонные, требующіе постановки вопросовъ, обусловленныхъ этимъ обстоятельствомъ.

Группа наукъ біологическихъ распадается на дві обширныя области, изъ которыхъ одна стремится построить, какъ одно понятое цілое, всі факты повторяющихся явленій, подходящіе подъ формулу жизни, именно явленій физіологическихъ, другая—установить послідовательность въ фактахъ эволюціи формъ живыхъ существъ, идеть ли діло о развитіи отдільной біологической особи, или системы организмовъ какъ одного пілаго.

Группа фактовъ психическихъ или наблюдается субъективно въ самомъ себв сознательнымъ существомъ, или это существо заключаеть о ихъ существованіи въ другихъ существахъ на основаніи объективныхъ признаковъ, позволяющихъ болве или менве ввроятное субъективное заключеніе. Здась, съ еще большею логическою необходимостью, чвмъ въ предъидущихъ случаяхъ, для каждаго психическаго факта возникаетъ насколько родовъ

вопросовъ: одинъ—о повторяющихся, при единообразныхъ условіяхъ, процессахъ ощущенія, представленія, пониманія, аффекта, воли; другой—о послѣдовательныхъ фазисахъ, чрезъ которые переходить каждое изъ этихъ явленій до достиженія имъ своей наиболье полной формы; третій — объ эволюціи этихъ психическихъ фактовъ въ рядѣ организмовъ параллельно съ эволюціею физіологическихъ процессовъ въ нервной системъ и съ процессомъ трансформизма въ органическомъ мірѣ, какъ одномъ цьломъ.

Факты соціологическіе въ наше время еще вызывають горячіе споры по отношенію къ ихъ отграниченію отъ фактовъ сосёднихъ областей и по построенію ихъ совокупности какъ особеннаго научнаго целаго. Здесь они будуть разсмотрены исключительно какъ факты проявленія, усиленія или ослабленіе солидарности между сознательними существами, причемъ такіе факты, которые изучаются, какъ допускающіе повторенія тахъ же самыхъ условій общественной жизни. Въ реальномъ ихъ осуществленіи, эти факты, по сложности упомянутыхъ условій, почти не допускають повторенія; однако, зд'ясь приходится обратить вниманіе на различіе, им'яющее м'ясто въ этомъ отношении. Такъ какъ въ области этихъ фактовъ постоянно совершается взаимодействое реальныхъ личностей, вырабатываемых общественное средою, и общества, солидарность котораго создана сознательными процессами этихъ самыхъ личностей, то отсюда получаются два следствія, не лишенныя значенія. Во первыхъ, оказывается, что въ личностяхъ и въ обществахъ, не выработавшихъ потребности развитія, господствуеть, по тому самому, повторяемость формъ солидарности, ихъ прочность; тогда какъ тв общественные элементы, которые усвоили упомянутую потребность, тымъ самымъ вступають почти неизбъжно на путь эволюціи неповторяющихся фазисовъ и ведутъ на этотъ же путь общества, въ которыхъ пріобрали вліянія; сладовательно мы имаемъ одновременно сба ряда явленій; повторяющихся и эволюціонныхъ. Какъ второе следствие приходится признавать, что, при изучении соціологическихъ явленій этихъ двухъ рядовъ, и вопросовъ, вызываемыхъ

ихъ группировкою, приходится, съ одной стороны, брать въ соображение не только доступные объективному изследованию явления, имъющия мъсто въ большинствъ, но и субъективные процессы въ средъ сознательныхъ сторонниковъ развития; съ другой же, самъ изследователь принужденъ пользоваться какъ общими объективными приемами изучения предмета, такъ и тъми средствами, которыя онъ можетъ получить исключительно изъ своего личнаго субективнаго развития.

Именно ть факты общественной жизни, которые вызываются потребностью развитія и съ логической необходимостью обусловливають последовательность различных фазисовъ этой жизни, мы будемъ разсматривать какъ факты исторические, совершающіеся на почве сознанной солидарности, и возникающіе подъ вліяніемъ какъ насущныхъ общественныхъ задачь эпохи, такъ и элементовъ прежнихъ эпохъ, — элементовъ, продолжающихъ существовать, а также иногда подъ вліяніемъ зародышей готовящагося будущаго. Для пониманія въ области исторіи, точно такъ же какъ въ области соціологіи, приходится брать въ соображеніе факты какъ міра объективнаго, такъ и субъективнаго, а также пользоваться орудіемъ, какъ объективныхъ, такъ и субъективныхъ пріемовъ мысли.

Отношеніе исторія, какъ науки, къ фактамъ, входящимъ въ ея составъ, и къ гипотезамъ, служащимъ для ихъ группировки и для пониманія ихъ связи, остается совершенно такимъ же, какъ и во всякой другой наукъ. Научное изслъдованіе историческаго процесса, какъ и всякого другого, требуетъ, прежде всего, самой тщательной и вполнъ объективной критики фактовъ при отдъльномъ и самомъ строгомъ различеніи достовърнаго отъ въроятнаго и сомнительнаго; того, что доказано на основаніи памятниковъ и документовъ, отъ того что остается гипотезою. Она можетъ быть блестяща, можетъ быть и способна ярко освътить особенности фактовъ и ихъ связь; однако она все-таки сохраняетъ свой характеръ гипотезы. Для всякаго научнаго мыслителя она лишь до тъхъ поръ есть гипотеза научная, пока, съ одной стороны, ни одинъ достовърный фактъ ей не противоръчитъ, и пока, съ другой,

всѣ подобные факты тѣмъ удобнѣе объясняются ею, чѣмъ болѣе тщательной критикѣ она подвергнута. Историческая критика, устанавливающая мѣсто каждой исторической подробности въ рядѣ достовѣрнаго или сомнительнаго, точнаго или гипотетическаго, составляетъ единственную научную подкладку и для историка-художника, стремящагося къ воскрешенію эпохъ и личностей въ ихъ конкретной цѣльности, и для историка-мыслителя, который имѣетъ въ виду научное пониманіе мѣста этой эпохи и этой личности въ процессѣ исторіи.

На почвъ этихъ объективно-установлениныхъ, достовърныхъ и научно-гипотетическихъ элементовъ, выясняются законы психологіи личной и коллективной, соціологіи въ ся различныхъ областяхъ, наконецъ самой исторіи. Но туть одинъ и тоть же терминь, законь, имбеть различный смысль для области повторяющихся явленій и для области эволюціи. Для первой найти законъ явленій значить-установить условія ихъ повторнемости и отличить этотъ существенный элементъ отъ случайныхъ видоизмененій, которыя встречаются изследователю. Для второй понятіе о законь обозначаеть нормальный порядокъ последовательности фазисовъ эволюціи, при чемъ приходится строго отличать этотъ нормальный порядокъ отъ отклоненій, требующих себь каждый разъ спеціальнаго объясненія, будеть ли это отклоненіе заключаться въ выпаденіи одного изъ нормальныхъ фазисовъ эволюціи, во внесеніи въ нее фазиса добавочнаго, или въ измѣненій нормальнаго порядка последовательности фазисовъ. Это прилагается въ эволюцін, которую мы можемъ наблюдать въ многочисленныхъ экземплярахъ (какъ въ эволюціи человьческаго зародыша въ зрвлое существо), для каждаго изъ которыхъ фазисы эволюціи повторяться не могуть и законь ихъ последовательности составляетъ единственную научную задачу. Но это же самое имъетъ мъсто для мыслителя и при изучении эволюціи, совершающейся въ единственномъ экземпляръ (какъ въ эволюціи земнаго органическаго міра въ ціломъ подъ вліяніемъ трансформизма).

Громадная роль, которую играни въ исторіи науки послідних вівковъ явленія повторяющіяся и отвритіє икт ваконовъ, нісколько заслонила оть внеманія ученихь особенности явленій зволюція и того,
что въ этихь областахъ можно назвать закомами. Именно въ нашъ
вівкъ, и превиущественно въ посліднія десятвлівтія этого віна, эти
особенности выступають съ большею аркостью. Во всіхъ группахъ
фактовъ, подлежащихь научному изслідованію, приходится отмітить
работу имели въ этомъ направленія.

Астрономы-теоретиви стараются угадать законы последовательности фазисовъ развитія пебесныхъ телт, —фазисовъ неповторяющихся для важдаго элемента солнечной системы, прилагам этв законы и въ другимъ системамъ светилъ; эмбріологи устанавливають законы последовательности фазисовъ метаморфозъ насёкомаго, развитія куринаго яйца, человеческаго зародыща; естествоиспытатели-трансформисты пробуютъ установить законъ генеалогіи и разветиления формъ органическаго міра начиная элементарными протистами и доходя до высщихъ однодольныхъ и двудольныхъ растеній и до высшихъ формъ животныхъ у насёкомыхъ, у птяць и у приматовъ.

Не привода уже изъ эмбріологіи и изъ ученія о метаморфозахъ біодогических организмовъ многочисленных примвровъ и необходимой посладовательности фазисовъ развитія, и выпаденія иныхъ фазисовъ въ нъкоторыхъ случаяхъ, и различія типовъ развитія, можно убъдетельные примъры всему этому найти и въ области изучения жизни человаческих обществъ. Посладовательность фазисовъ первобытной нидустрін исторических народовь представляеть и поразительное сходство у племень, не имъвшихъ возможности сноситься между собою, и выпаденіе одного довольно общаго фазиса первобытной металлургін на большей части материка Африки. Все болье устанавливается положеніе, что материнскій родовой строй предшествоваль отцовскому, сперва проявлявшемуся какъ организація власти, а потомъ уже какъ форма родства между своими: однако, при этомъ пормальный ходъ смёны общественныхъ категорій допускаеть многочисленныя и разнообразныя исключенія, всявдствіе случайных местных обстоятельствахь. Въ поздивищемъ фазисв исторіи философской мысли наблюдають совершенно правильный переходь отъ господства элемента догматическаго въ господству сначала элемента ненаучно-свътскаго построенія, а потомъ къ научному понименію міра и общества; однаво, это не мешало ни развитію совершевно иныхъ типовъ универсалистической религіи въ христіанствъ и въ буддазив, ни многочисленнымъ переживаніямъ болве раннихъ философскихъ направленій мысли рядомъ съ довольно тщательной выработною повдеййшихь. Въ новёйшей Западной Европе можно считать вполнё доказанною необходимость послёдовательности, въ которой, на почвъ измъненія формъ производства, развилась сначала буржуваїя съ ея капаталистическимъ режимомъ, а затёмъ соціализмъ съ его организаціей рабочаго пролетаріата, съ современною формой классовой борьбы и съ идеалами всеобщей коопераціи; однако, это не мёшаетъ, при перенесеніи результатовъ этого процесса въ стравы съ менте развитой индустріей и съ болте отсталыми формами политической жизни, допущенію возможности, что частности этого нормальнато хода могутъ представить типъ общественной эволюціи въ достаточной мтрть отличны отъ того, который имтлъ мтсто въ Англіи и т. п.

Исторія представляеть процессъ преимущественно эволюціонный, следовательно и для научнаго изследованія ся задачь приходится преимущественно искать аналогій въ области другихъ эволюціонныхъ процессовъ, въ эмбріологіи, въ теоріи развитія органическаго міра, въ теоріи эволюціи міровъ. Важнвишую задачу пониманія исторіи составляеть стремленіе открыть законъ нормальной последовательности фазисовъ общественной жизни, какъ въ отдельныхъ коллективностяхъ, такъ и въ человъчествъ въ его цъломъ. При этомъ могутъ разсматриваться, какъ спорные, вопросы: следуеть ли для всехъ человъческихъ обществъ допустить, какъ нормальную, одну и ту же последовательность фазисовъ развитія, относя все отклоненія къ случайностямъ или къ уродствамъ? или научнъе признать въ эволюціи обществъ столь же различные типы развитія, какіе представляють намъ разные классы растительныхъ и животныхъ организмовъ? какія потребности личности или элементы общественных союзов обусловливали преимущественно или исключительно какъ неповторяемость историческихъ явленій вообще, такъ и направленіе, въ которомъ совершалась сміна исторических фазисовь? что въ данную эпоху исторической жизни правильные разсматривать какъ характеристическія задачи этой жизни, и что имело м'есто, какъ элементь, видоизмъняющій эти задачи или въ смыслъ возвращенія къ задачамъ невозвратимаго прошлаго или въ смысль частного угадыванія и подготовленія къ задачамъ гораздо позднайшаго (удущаго? -- Все это представляеть обширную область борьбы исторических гипотезъ болве или менве основательныхъ и научныхъ, при чемъ степень ихъ основательности и научности обусловливается прежде всего количествомъ и качествомъ того фактическаго матеріала, на которомъ самым гипотезы были построены при ихъ появленіи, а затёмъ поддержкою, которую каждая изъ нихъ находитъ въ дальнъйшихъ результатахъ исторической критики и эрудиців.

Признавъ за явленіями эволюціи и законами посл'єдовательности ихъ фазисовъ главную роль въ научной обработк'й исторіи, не сл'єдуеть упускать изъ виду, что процессъ посл'єдней представляеть и многія явленія, повторяющіеся или въ продолженіи всей эволюціи челов'єчества, или въ продолженіи бол'є или мен'є долгаго періода.

Кавт примъры явленій соціологическихъ, постоянно повторяющихся, можно привести: сосуществованіе въ каждомъ обществъ нѣсколькихъ послёдовательныхъ поколёній: дѣтскихъ, зрёлыхъ и старческихъ; способность коллективности, какъ толиы, увлекаться аффектомъ энтузіавма или неразсудительной жестокости подъ вліяніемъ подражаніи и прямого внушевія со стороны энергической личнести и т. под.

Какъ примъры временнаго-хотя иногда и очень продолжительнаго господства одной и той же группы соціологических явленій есть основаніе допустить поперем'вным преобладанія среди исторических в народовъ стремленія установить прочную обычную культуру, и другого, противоположнаго первому, стремленія измінить существующія формы вультуры подъ вліяніемъ работы мысли; господство экономическихъ интересовъ надъ всеми другими во все историческія эпохи, во всёхъ сферахъ, гдъ подчинение обычаю уже превратилось или ослабъло, господство убъжденій еще не установилось и сознанные интересы составляють главный мотивъ действія личностей и обществъ. Сюда же относится ежегодное повтореніе въ данномъ обществѣ (пока въ культуръ и въ мысли его не произошло какихъ-либо существенныхъ изманеній, вногда очень тругно доступныхъ наблюденію) одной и той же цыфры нъкоторых в самых в произвольных вим случайных явленій, именно: самоубійствь, опредёленныхъ формъ преступленій или подвиговъ самоотверженія, литературныхъ произведеній опредёленной отрасли, фактовъ забывчивости при обыденныхъ событіяхъ, процента лицъ, выдерживающихъ опредъленный экзаменъ и т. под.

Вопросъ о повторяющихся и неповторяющихся явленіяхъ въ обществевной жизни побуждаетъ разсмотръть внамательные отличіе научной разработки исторіи отъ подобной же обработки соціологіи. Это разграниченіе имфетъ особенное значеніе для нашего времени, такъ какъ цф-

лый рядь мыслителей склоняется къ отождествлению этихъ областей съ темъ большимъ кажущимся правомъ, чемъ неразрывате ихъ связь и чемъ чаще каждая изъ нихъ принуждена пользоваться матерьяломъ другой. Но упомянутое разграничение едва-ли не уясняется само собою. если мы установимъ болве опредвленную точку зрвнія на задачи этихъ двухъ областей и, съ этой точки зрвнія, вдумаемся въ общую схему соціологическаго и историческаго вопроса для каждаго отдёльнаго момента общественной эволюців. Соціологь спрашиваеть себя: какія явленія усилевія или ослабленія, расширенія или съуженія солидарности могли и должны были произойги при данныхъ историческихъ комбинадіяхь общественных формь и усвоенных прісмовь мысле въданномь обществъ и въ данную эпоху? какія изъ нихъ произошли дъйствительно и повторились бы неизбъжно, если бы повторились та же самыя историческія данныя (хотя это повтореніе съ достаточною полнотою въ исторін не встрічается)? Историвъ же хочеть знать: вавую вомбинацію живыхъ элементовъ и переживаній, задачь спеціальныхъ для общества данной эпохи и зародышей будущаго представляеть данная эпоха причемъ вопросы объ изміненіяхъ солидарности составляють лешь одинъ элементъ изследованій) и какимъ путемъ эта комбинація перешла, впосавдствін, въ комбинацію болже или менже отличную отъ первой, отбрасывая один переживанія, вызывая другія и развивая въ своей средв новые зародыши еще не наступившаго будущаго? Вопросы со ціологін суть всегда вопросы о законахъ явленій сольдарности---и исключительно этих звленій, которые если и очень редко повторяются въ дъйствительности во всехъ ихъ частностяхъ, то представлявтся тёмъ не менфе № 3следователю, какъ нифющіе возможность повторяться по однимъ и темъ же законамъ. Вопросы исторіи суть столь же неизбъжно вопросы о переходъ одного изъ неповторяющихся, вообще говоря, фазисовъ эволюціи мысли и жизни въ другой фазисъ, точно также не повторяющійся, причемъ ніть ни одного явленія, наблюдаемаго въ комплексв каждаго изъ этихъ фазисовъ, которое приходилось бы, по сущности двла, оставить въ сторонъ, каково ни былобы отношение этихъ разнообразныхъ явлений въ солидарности. И соціологія и исторія беруть весь свой изтерьяль изь коллективныхъ организновъ, но первой соотвётствуетъ въ области біологіи изученіе физіологических виленій, второй-изученіе того закона сміны формъ, который обусловливаеть переходъ личини насекомаго въ зрелое животное, переходъ зародыша человъка въ самоопредъляющуюся историческую личность. Съ этой точки врвиія устраняется всякое отождествленіе или даже сметеніе двухъ научныхъ областей, пользующихся однив и темъ же матерьяломъ.

Какъ только въ жизни обществъ приходится констатировать одновременно явленія повторяющіяся и неповторяющіяся, то при изследованіи эпохъ мы должны ожидать преобладанія въ каждой изъ нихъ того или другого изъ этихъ элементовъ, или, по крайней мъръ, опредъленное стремление къ такому преобладанію, однако, при сосуществованіи обоихъ элементовъ. Во всякомъ новомъ устанавливающемся общественномъ стров мы можемъ искать явленій эволюціонныхъ, характеризующихъ неизбъжность перехода къ новому фазису. Во всякомъ историческомъ процессв перехода отъ одной эпохи къ другой мы можемъ отмътить элементы, отстанвающие свою прочность или стремящіеся сділаться элементами новаго прочнаго строя. Опасности борьбы за существование вызываютъ постоянно возникающее въ обществахъ стремление къ созданию такихъ формъ общежитія, которыя представляли бы возможно-большую прочность и возможно-меньшую необходимость въ измѣненіяхъ и передълкахъ. И тъ же самыя опасности обнаруживаютъ несовершенства существующаго строя и сознательно или безсознательно толкають наиболье развитые его элементы на его измънение.

Вглядимся внимательное въ проявления этихъ двухъ борю щихся стремлений и они на нашихъ глазахъ разложатся на ностолько болое простыхъ элементовъ, обусловливаемыхъ неизбожною связью прошлаго, настоящаго и будущаго въ жизни народовъ.

Каждая эпоха жизни обществъ имъеть свои жизненныя задачи, ея характеризующія какъ эпоху особенную. Но эти характеристическія задачи для каждой эпохи приходится ставить и ръшать личностямъ и обществамъ, къ ней принадлежащимъ, подъ вліяніемъ многочисленныхъ остатковъ прошлаго, а также въ присутствіи новыхъ элементовъ, дъйствительная роль которыхъ можеть вполнъ опредълиться лишь въ болъе или менъе отдаленномъ будущемъ. Понять каждую эпоху возможно лишь вдумавшись въ комбинацію всёхъ этихъ вліяній.

Въ огромномъ большинствъ явленій личной и общественной жизни каждой эпохи прошедшее личности и общества оставило

свои неизгладимые следы. Это прошедшее продолжаетъ жить въ настоящемъ двумя способами, имфющими для дальнфишихъ процессовъ весьма различное значеніе. Самое продолженіе жизни личности или общества было бы невозможно безъ того или другого элемента, восходящаго въ болве или менве глубокую древность, или же отсутствіе этого элемента придало бы личности и обществу характеръ патологическій, внося въ нихъ процессъ вырожденія. Такова роль жизненних элементовъ эволюціи біологическихъ или соціологическихъ организмовъ, какъ далеко ни восходили бы въ прошедшемъ явленія, сюда относящіяся. Совсьмъ иное значеніе имбють другіе элементы входящіе въ формы культуры или въ пріемы мысли данной эпохи исключительно потому, что они имели место въ этихъ формахъ и пріемахъ въ предшествующія эпохи и удержались после того; эти элементы не только чужды новымъ задачамъ индивидуальной и коллективной жизни, но более или мене противоречать этимъ задачамъ, представляють помехи ихъ правильному ръшенію; устраненіе этихъ элементовъ изъ заботь даннаго общества было бы для него оздоровлениемъ. Эти элементы исключительно будуть подразумъваться здёсь подъ терминомъ переживаній.

Пряведемъ примвры.

Неустранимый жизненный элементь всяваго общества составляеть сосуществованіе въ немъ различныхъ покольній (ребяческихъ, зрълыхъ, старьющихъ) и особей различныхъ половъ. Необходимый для исторической жизне всяваго общества жизненный элементь представляеть существованіе въ немъ интеллигенцій, действующей подъ вліяніемъ потребности развитія и наслажденія имъ, хотя эта традиціонная интеллигенцій унаследована цивилизованными народами отъ дальнихъ предковъ; не только ед исчеваніе, но и еслабленіе ед энергій есть натологическое явленіе. Точно также научные пріемы мысли являются жизненными элементами ед работы, ослабленія которыхъ есть регрессивное явленіе, хотя эти пріемы составляють съ некоторой эпохи школьную традицію.

Вотъ примъры другого рода.

Употребленіе назшихъ формъ производства и худшихъ орудій труда когда техника открыла высшія и лучшія, есть лишь вредное переживаніе, иногда неизбёжное вслёдствіе недостатковъ общественнаго- стрея,

но, тёмъ не менёе, вызывающее эдоровое стремленіе устранить низшія формы техники. Употребленіе амулетовъ, остатки анимияма и шамянизма въ обществе, где въ школахъ принято научное и вообще притическое мышленіе, есть протяворёчивое последнему переживаніе отсталыхъ пріемовъ мысли. Метафизика есть вредное переживаніе сътёхъ поръ, какъ философская мысль выработала научное міросозерцаніе. Если бы въ какой-либо странв нынашняго міра установился строй, отличный отъ настоящаго, полнёе удовлетворяющій потребностямъ человіка, особенно потребности развитія, солидарности большинства и вообще высшимъ задачамъ нашей эпохи, то немедленно настоящій общественный порядовъ обратился бы въ арханческое переживаніе, какъ сділались уже теперь такимъ переживаніемъ не только родовой строй и сословное государство, но и другія существующія еще, но отсталыя формы.

Такимъ образомъ, въ каждую эпоху форму жизни и пріемы мысли живущаго поколенія обусловлены отчасти эдементами. сохранившими свою жизненность, отчасти же переживаніями формъ жизни и пріемовъ мысли прежнихъ покольній. Лишь -игодабо отг. жиот жа волони аткноп стоивковбои вынкім итс ваетъ людей данной эпохи и составляетъ ея жарактеристическія черты. Къ этимъ элементамъ присоединяется еще иной: каждое покольніе не только сознательно идеть къ своимъ цьдямъ; оно еще полусознательно или вовсе безсознательно полготовляеть будущее, которое для него вовсе не составляеть сознанной цели, но выростаеть изъ прошлаго съ фатальной необходимостью. По этому факты, явленія и личности, вовсе незначительные для современниковъ или понимаемые ими опредъденнымъ образомъ, освъщаются для историка совершенно иначе, когда онъ знаеть, что выросло изъ этихъ фактовъ, явленій и личностей; какую роль они играли, какъ зародыши будущаю, которое въ разсматриваемую эпоху едва ли кто могъ предвидъть. Для научнаго пониманія данной эпохи и послъдовательности періодовъ въ ихъ цъломъ получаетъ первостепенную важность именно указанная почва личной и коллективной психологіи и соціологіи, и надлежащее распредвленіе всехъ элементовъ этой почвы на переживанія, характеристическія задачи данной эпохи и зародыши будущаго. Приходится проследить степень участія каждаго изъ этихъ элементовъ въ общемъ ходе историческихъ событій, степень ихъ взаимнаго вліянія и возможность ихъ борьбы въ однихъ случаяхъ, ихъ комбинаціи въ другихъ. Это и есть процессъ различенія и раціональнаго синтеза въ исторіи какъ наукъ. Онъ именно необходимъ для историческаго пониманія роли каждой эпохи въ эволюціи человечества, какъ результата предшествовавщихъ періодовъ и какъ почвы для следующаго фазиса исторіи.

Въ самыхъ общихъ чертахъ эта комбинація и борьба вліяній можеть быть представлена какъ противоположеніе ряда общественныхъ формъ и вызываемыхъ имъ явленій мысли и жизни, стремящихся устранить всякое изміненіе и обратиться въ обычай, ряду совершенно иныхъ вліяній, направленныхъ на изміненіе этой общественной культуры, въ однихъ случаяхъ путемъ процессовъ вовсе не преднаміренныхъ и совершающихся какъ бы автоматически, въ другихъ же—обнаруживающихъ боліве или меніве ясно и опреділенно поставленную ціль развитія, придающую этимъ изміненіямъ характеръ процесса историческаго.

ГЛАВА П.

Культурныя измѣненія и историческая жизнь.

Культура и ен измъненія. — Двигатели этихъ измъненій. Потребности личностей. — Временныя и патологическія потребности. — Спорные вопросы. — (Примъры).

Потребность развитія и роль интелличенціи.—Переработка культуры мыслыю.

Кто остается вип исторіи?

Солидарность и ея формы.—Рость процессовь сознанія въ личностяхь.— Роль того и другого въ борьбъ за существованіе.—Роль ихъ въ исторіи. — Патологическія явленія.

Чередованіе эпохъ двухъ разныхъ направленій. — Его ускореніе.

Терминомъ культура здѣсь будетъ обозначена та совокупность формъ общежитія и психическихъ пріемовъ, которая, какъ въ самыя отдаленныя эпохи жизни человѣчества и нѣкоторыхъ другихъ животныхъ породъ, такъ и въ продолженіи всей исторіи, обнаруживаетъ стремленіе передаваться отъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ нѣчто неизмѣнное.

Тамъ не менте въ этой культурт совершаются изманенія. У накоторыхъ породъ насакомыхъ и млекопитающихъ мы можемъ лишь предполагать или угадывать, что подобныя изманенія имали масто. Имъ приходится придать лишь незначительную и почти безсознательную роль у многихъ племенъ дикарей. Они составляютъ особенно яркіе, иногда загадочные,

иногда драматическіе, въ иныхъ случаяхъ проникнутые глубокимъ содержаніемъ, эпизоды исторіи, увлекательные подъ перомъ историка-художника, вызывающіе могучія философскія построенія у историка-мыслителя.

Гдѣ же искать двигателей этихъ разнообразныхъ измѣненій? Исихологія личная и коллективная, точно такъ же какъ соціологія, выдвигають гипотезу, что этихъ двигателей надо искать, во первыхъ, въ потребностяхъ отдельной личности, создающихъ формы общежитія и видоизміняющихь эти формы, опять таки подъ вліяніемъ тахъ же или иныхъ потребностей; во вторыхъ, во вліяніи на личности соціальной среды, т. е. существующихъ въ данную эпоху формъ общежитія, которыя поддерживаютъ и усиливають одни потребности личностей, подавляють другія и вызывають иногда новыя временныя потребности не мен'ве могучія, какъ тв, которыя восходять къ самымъ основнымъ органическимъ процессамъ. Взаимодъйствіе личностей съ ихъ потребностями и общественныхъ формъ, создающихъ солидарность личностей, выступаетъ какъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ исторіи, если мы стремимся внести въ нее пониманіе.

Потребности личности представляють изсколько группъ, очень различныхъ по своему происхжоденію и по своему значенію. Для исторической жизни народовъ имветъ особую важность побуждение потребности развития, но она появляется весьма поздно и охватываеть лишь меньшинство, принадлежащее къ интеллигенции. Далеко въ прошедшее идутъ потребности, которыя приходится признать основными. Онъ обнаруживали свое вліяніе гораздо ранье эпохи, когда наслажденіе развитіемъ могло быть почувствовано личностями или группами. Въ значительной мъръ онъ были унаслъдованы человъкомъ отъ его зоологическихъ предковъ, но впоследствіи, подъ вліяніемъ работы мысли и изміненія формы и мотивовъ солидарности, эти основныя потребности сами подвергались эволюція, результаты которой были такъ отличны отъ точки ея исхода, что лишь тщательныя изследованія въ новейшее время могли указать въ техъ и въ другихъ различные фазисы одного и того же процесса эволюціи. Для научнаго пониманія исторіи именно эти потребности получають особенную важность.

Отъ слоя основных потребностей, восходящих в в зоологическому міру, приходится отличить слой потребностей временных (иногда патологических в), возникающих в атрофирующихся во всё періоды доисторической и исторической жизни; а также упомянутую передъ этимъ потребность развитія, съ появленіемъ которой начинается жизнь историческая и которая, затёмъ, обусловливаетъ всё фазисы послёдней.

Нѣкоторыя основныя потребности, большею частью общія человѣку со многими животными, приходится допустить у людзй уже при самомъ выдѣденіи ихъ изъ міра приматовъ. Таковы біологическія потребности питанія, полового совожупленія и ухода за дътыми; такова соціологическая потребность безопасности, уже наблюдаемая у всѣхъ животныхъ, у которыхъ сознаніе пробудилось въ нѣсколько опредѣленной степени; такова, наконецъ, потребность въ наслажденіи возбужденіемъ первовъ, усвоенная едва ли не всѣми существами съ болѣе выработанною нервною системою, потребность, къ когорой приходится отнести, какъ одинъ изъ ея частныхъ случаевъ, удовольствіе общежитія, обусловливающее нравы всѣхъ общественныхъ животныхъ.

На почвъ этихъ основныхъ потребностей развивается, уже въ процессъ доисторической и исторической эволюціи обществъ, слой *временныхъ* потребностей, входящихъ въ разрядъ того, что фигурируетъ въ этой эволюціи какъ *историческія категоріи*. Вліяніе, ими обнаруживаемое на формы культуры и на работу мысли, бываетъ огромно и продолжительно, такъ что часто заслоняетъ отъ изслъдователя и никогда не прекращающееся дъйствіе потребностей основныхъ и историческую роль потребности развитія; однако, внимательное изслъдованіе обнаруживаеть въ нихъ лишь преходящіе, болье или менье сложные пріемы для удовлетворенія только что упомянутыхъ двухъ слоевъ потребностей.

Въ области потребностей временныхъ приходится обратить вниманіе еще на одно различіе. Въ соціологіи, какъ въ біологіи, явленіямъ и процессамъ здоровымъ, физіологическимъ приходится противуположить явленія и процессы патологическіе, бользненные. Это имъеть неизбъжнымъ слъдствіемъ допущеніе, что многія потребности, возникающія временно въ особи или въ обществъ, суть сами по себъ потребности безусловно чатологическія. Какъ таковыя, онв подлежать устраненію; но туть мы встрвчаемся съ двумя затрудненіями. Съ одной стороны, эти потребности лишь въ некоторыхъ случаяхъ устранимы. Съ другой, въ обществъ, въ подобныхъ случаяхъ, обыкновенно существуетъ разногласіе относительно того, что именно патологично и что нормально въ этихъ потребностяхъ и въ способахъ ихъ удовлетворенія. Большею частью рашеніе этихъ спорныхъ вопросовъ тёмъ или другимъ изслёдователемъ обусловливается его субъективнымъ убъжденіемъ и степенью его личнаго нравственнаго и сопіодогическаго развитія.

Такъ антропофагія большею частяю разсматривается какъ явленія безусловно-патологическое —однако, не всёми. То же можно сказать о наслажденів ненужною жестокостью при обращеніи съ побъжденнымъ врагомъ. Рабство часто признается неизбёжнымъ фазисомъ перехола отъ истребленіи враговъ къ болёе человёчному обращенію съ ними. Оцёнка эксплоатація массъ меньшинствомъ, расширяющимъ свое индивидуальное развитіе при помощи чужого труда, есть въ наше время шиболетъ, помощью котораго можно отливить сторонниковъ двухъ борющихся между собою соціологическихъ міросозерцаній. Религіозность въ различныхъ ея фазисахъ, подчиненіе женщинъ мужчинамъ; семья по отношенію къ общимъ задачамь человёческой солидарности, частная собственность по отношенію къ потребностямъ большинства, конкурренція въ ея полномъ развитія, раздёленіе труда на различныхъ ступеняхъ его спеціализація и т. под.—представляютъ спорные пункты въ этомъ отношенія, допускающіе весьма различные оттёнки убёжденій.

На этой-то почвъ потребностей основных и временныхъ, физіологическихъ и патологическихъ, а также формъ культуры, представляющихъ благопріятныя обстоятельства для дальнъйшаго процесса измъненія формъ общежитія, выдъляется въ иныхъ случаяхъ и пріобрътаетъ вліяніе на общество группа дичностей, способныхъ наслаждаться развитиемъ и вырабатывающимъ потребность развития. Этой группъ будеть здъсь присвоено название интеллигенции и она выступаетъ какъ двигатель сознательныхъ измѣненій культуры въ противуположность непреднамѣреннымъ ея измѣненіямъ, до тѣхъ поръ имѣвшимъ мѣсто. Ея дѣло—переработка культуры мыслью. Съ началомъ этой сознательной работы начинается историческая жизнъ человѣчества и въ процессѣ переработки культуры мыслью эта жизнь обнаруживается.

Съ принятой здѣсь точки зрѣнія мы считаемъ себя въ правѣ допустить слѣдующія положенія: усвоеніе личностью потребности развитія составляеть характеристическій признакъ вступленія этой личности въ историческую жизнь; выра ботка въ обществѣ интеллигенціи въ такомъ размѣрѣ, въ которомъ она способна оказывать вліяніе на общество, есть условіе вступленія въ эту жизнь даннаго общества; тѣмъ самымъ для всѣхъ обществъ и для цѣлаго человѣчества начало исторической жизни связывается съ фактомъ выработки группъ, способныхъ наслаждаться развитіемъ и ощущать потребность въ немъ, какъ бы ни было фактически трудно установить для разныхъ народовъ хронологическій моменть, когда это событіе имѣло мѣсто.

Сознательное стремленіе участвовать въ исторической жизни человічества и даже сознательная потребность развитія, обусловливающая для личности и для общества вступленіе въ эту историческую жизнь, были явленіями сравнительно поздними въ человічестві вообще. Когда эти явленія могли иміть місто, они обнаружились въ меньшинстві сравнительно-незначительномъ. Можно въ иныхъ случаяхъ наблюдать, въ другихъ угадывать, что именно придало этимъ явленіямъ историческое значеніе. При нікоторыхъ благопріятныхъ для этого условіяхъ, интеллигенція данной страны и данной эпохи съуміла сділаться историческою силою и обнаруживать свое дійствіе, какъ подобная сила, на большинство отдільнаго общества, а затімъ и на вліятельную долю человічества. До выработки

этой исторической силы и вн'в ея д'вйствія большинство людей оставалось и остается вн'в исторіи.

Эта неисторическая жизнь иногда представляется намъ прямо въ формъ неисторических племена и народова, цъликомъ живущихъ доисторическою жизнью. Въ другихъ случаяхъ передъ нами касты, сословія и классы, бывшіе и остающіеся пасынками исторіи въ средв историческихъ націй и государствъ, строй которыхъ дишалъ и лишаетъ этихъ насынковъ возможности участвовать въ исторической жизни, хотя эволюція последней совершалась и совершается рядомъ съ ними. Наконецъ, сюда же принадлежать особи и группы, имъвшія и имъющія всь внышнія средства вступить въ историческую жизнь, но оставшіяся вні ея, какъ культурные дикари, по недостатку личныхъ способностей почувствовать потребность развитія и наслажденія имъ, что не мішало этимъ культурнымъ дикарямъ разныхъ позднъйшихъ цивилизацій нользоваться всёми выгодами этихъ цивилизацій и наслаждаться вившними формами ихъ интеллектуальныхъ, эстетическихъ и соціальныхъ завоеваній.

Но если потребность развитія въ личности была явленіемъ позднимъ, то съ существованіемъ первыхъ же обществъ въ органическомъ мірѣ въ этихъ обществахъ не могла не суще. ствовать и не проявляться необходимость солидарности. Она могла обнаруживаться какъ нечто фатальное, подобно тому, какъ она связываеть части одного и того же біологическаго организма. Она могла быть временнымъ и не преднамвреннымъ проявленіемъ аффекта. Она могла, наконецъ, быть сознанною цёлью группировки интеллигенціи данной эпохи и, въ этомъ последнемъ случае, приходилось установить ея отношеніе къ потребности развитія и ко всемъ сознательнымъ процессамъ. Но, во всвхъ этихъ случаяхъ, она оставалась невыдълимою изъ существованія общества на столько же, сколько основныя потребности личности были невыделимы изъ существованія посл'ядней. Взаимод'яйствіе личности и общества, о которомъ сказано выше, и къ которому мы вернемся впоследстви, есть лишь осуществление въ міра реальномъ того взаимодъйствія, которое, въ мірѣ интеллектуальномъ, имѣетъ мѣсто между понятіемъ о развитіи сознательныхъ процессовъ въ особи и объ общественной солидарности.

Исторія имѣетъ дѣло съ обществомъ, т. е. съ коллективностями человѣческихъ особей, представляющими большую или меньшую степень солидарности. Для раціональнаго пониманія историческаго процесса весьма важно различать только, что упомянутые три совершенно иные случая, въ которыхъ соціологу приходится употреблять терминъ солидарность, понятіе о которой, въ своемъ развитіи, исчерпываеть его науку.

Это, во-первыхъ, зависимость между особями, устанавливающаяся между ними помимо всякихъ сознательныхъ процессовъ и, напротивъ, вызывающая разнообразные процессы этого рода самымъ фактомъ болѣе или менѣе продолжительнаго общенія между особями. Въ этомъ случаѣ особи фатально солидарны между собою, потому что не могутъ уклониться отъ этой солидарности и ея слѣдствій.

Это, во вторыхъ, вырабатывающаяся на почвѣ только что раземотрѣнной фатальной солидарности, солидарность общаго аффективнаго настроенія, чуждаго какому бы то ни было критическому обдумыванію. Сюда принадлежитъ, какъ явленіе хроническое, то общее поднятіе духа, которое, повидимому, безо всякой сознанной причины, охватываетъ въ данную эпоху руководящіе слои даннаго общества (особенно интеллигенцію историческихъ народовъ), и то общее подавленное состояніе духа, которое обнаруживается въ другія эпохи. Сюда же принадлежитъ, какъ острое явленіе, тотъ внезапный взрывъ энтузіазма толпы или ея безсмысленнаго варварства, которые удивляютъ не только постороннихъ наблюдателей, но и самихъ участниковъ этой второй формы солидарности,—взрывъ, обнаруживающійся во временномъ аффективномъ настроеніи.

Объ эти формы солидарности не обусловливають ни наслажденія развитіемь, ни его потребности, и потому становятся историческими явленіями лишь тогда, когда вырабатывають третью форму ея, именно солидарность историческую, вполнъ сознанную или какъ прочное чувство близости между особями одной и той же группы, или даже какъ понятіе, обусловливающее опредъленныя задачи личной и коллективной жизни. Лишь эта солидарность является могучимъ орудіемъ въ борьов общества за свое существованіе и становится прогрессивнымъ двигателемъ исторіи. Темъ не мене, всё три указанныя формы солидарности характеризуютъ уже переходъ отъ скопленія и общежитія къ обществу и делаютъ это скопленіе предметомъ изученія соціологіи.

Последняя форма солидарности, единственно-важная въ періоде жизни исторической, оказывается обусловленной ростомъ сознанія въ личностяхъ. По этому этотъ рость получаеть для исторіи обществъ не меньшее значеніе, чемъ ихъ солидарность.

Личности входять въ исторію лишь какъ элементы коллективностей, по ихъ отношенію къ коллективнымъ задачамъ, предъ ними поставленнымъ событіями. Но въ то же время понятіе объ обществя, при внимательномъ разсмотрвній его, оказывается лишь удобною формою для изученія единовременныхъ психическихъ процессовъ, совершающихся въ большемъ или меньшемъ числъ солидарныхъ между собою личностей, и реальныхъ действій, ими совершаемыхъ, такъ что общества имъють, собственно, реальное существование лишь въ личностяхъ, ихъ составляющихъ, именно въ сознании личностями своей солидарности, какъ между собою, такъ и съ коллективностью. Неизбъжно, степень сознательности процессовъ, связующихъ личности одного и того же общества, обусловливаеть не только здоровое или патологическое состояніе общества, но и различные пути, которыми идетъ историческій процессь. Рость сознанія въ личностяхь одинаково съ ростомъ солидарности выступають какъ общественныя и историческія силы.

И тоть и другой оказываются могучими пособіями и въ основномъ біологическомъ факть борьбы за существованіе и въ выработкъ личными и коллективными организмами орудій для отстаиванія себя въ этой борьбъ. Человъкъ, при своемъ появленіи въ міръ животныхъ, нашель уже подготовленными

для успъха въ этой борьбъ эти два надежныя орудія: солидарное общежитие и развитие сознательных процессовъ. Поэтому понимание исторіи цочти неизб'яжно ставить себ'я основною задачею изследование фазисовъ эволюции солидарности въ человъческихъ обществахъ, фазисовъ развитія сознательныхъ процессовъ въ личностяхъ, и явленій взаимодъйствія этихъ двухъ основныхъ элементовъ исторической жизни. Для научно-философскаго пониманія исторіи приходится искать решенія вопросовъ: въ какомъ отношеніи теченіе событій могло находиться въ разныя эпохи-и дъйствительно находилось — къ росту или къ ослабленію общественной солидарности, къ образованію, скрышенію и распаденію разныхъ общественныхъ союзовъ? въ какой степени оно способствовало усиленію и уясненію сознательных процессовь въ личностяхъ? въ какой мъръ могли способствовать или мъшать другъ другу указанныя два явленія: изм'яненія формъ и степени солидарности обществъ и роста или ослабленія сознательныхъ процессовъ при участіи личности въ общественной жизни? Существеннъйшимъ элементомъ пониманія историческаго процесса оказывается отношеніе этого процесса къ только что указаннымъ двумъ понятіямъ.

Прежде всего приходится зам'втить, что исключительное или даже вполн'в преобладающее вліяніе одного изъ этихъ историческихъ двигателей способно вызвать въ обществ'в патологическія явленія.

Потребность солидарнаго общежитія для усп'яха въ борьб'я за существованіе вызываеть постоянно-возникающее въ обществахъ стремленіе къ созданію такихъ формъ общежитія, которыя представляли бы возможно-большую прочность и возможно-меньшую необходимость въ изм'яненіяхъ и въ переділкахъ. Изъ потребности солидарности вытекаетъ постоянное стремленіе къ господству неизм'яннаго обычая, къ установленію обычныхъ формъ быта и вообще къ подчиненію индивидуальной мысли и д'ятельности устанавливающимся формамъ общежитія; иначе говоря—къ формамъ культуры, въ которыхъ господствуетъ наклонность къ застою.

Потребность расширенія сознательныхъ процессовъ въ особи—или того, что здѣсь будеть подразумѣваться подъ терминомъ работы мысли—ведеть къ столь же постоянно возникающей переработкѣ обычая, или непреднамѣренной или сознательной. Въ послѣднемъ случаѣ она обнаруживается какъ протестъ противъ существующей культуры во имя потребности развитія, усвоенной цивилизацією. Но исключительная или даже господствующая въ интеллигенціи даннаго общества забота о ростѣ сознательныхъ процессовъ, пренебрегая усиленіемъ общественной солидарности, способна вызвать въ обществѣ эксплоатацію массъ, устраненныхъ отъ исторической жизни, меньшинствомъ интеллигенціи, пользующейся ею, и подрывъ общественнаго организма.

Такъ какъ оба эти стремленія им'вють свое основаніе въ самой сущности двигателей общественной жизни, то и вътъхъ случаяхъ, когда преобладаніе одного изъ нихъ не дошло до патологическихъ явленій, тотъ или другой изъ этихъ двигателей все-таки неизовжно преобладаеть въ некоторой степени. Отсюда бросающійся въ глаза историческій фактъ послідовательной смёны двухъ фазисовъ въ жизни обществъ: фазиса повторяющихся попыток установить новый обычай, новую прочную культуру, подверженную возможно меньшимъ измъненіямъ и передълкамъ, и фазиса протеста противъ существующаго обычая, стремленія передёлать культуру сообразно болве или менве ясно-сознаннымъ требованіямъ работы мысли. Эпохи переходныя чередуются съ эпохами попытокъ установленія новой культуры, при чемъ, въ переходныя эпохи, особенную историческую важность получають зародышныя явленія, подготовляющія будущію періоды, къ которымъ совершается переходъ; въ эпохи попытокъ созданія новыхъ культуръ — явленія переживанія эпохъ прошедшихъ, способствующія прочности создаваемой культуры.

Повидимому, исторія указываєть, что, при ходів событій, бливкомъ кь нормальному, чёмъ поздийе мы наблюдаемъ это поеторяющееся явленіе сміны эпохи двухъ разныхъ направленій, тімъ каждый фазисъ становится короче; чередованіе муж идеть быстріве; проявленія того

Задачи пониманія исторін.

в другого направленія ділаются все болье одновременными и самая противуположность этихъ стремленій ступевывается, такъ какъ каждая новея устанавливающимся культура все болье обращается въ культуру, стремящуюся осуществить задачи работы мысли, а протесть мысли все менье ограничивается смутнымъ стремленіемъ къ лучшему, но ставить себь цілью заміну существующаго все болье опреділенными новыми формами прочнаго общежитія.

ГЛАВА III.

Группы основныхъ потребностей личности.

Эволюція потребностей.—Двъ группы основных потребностей.

Потребность общежитія.—(Мотивы общежитія).—Половое влеченіе.—(Его соціологическая роль.—Случаи развивающаю вліннія).—Родительская привязанность.—Семья, какт органт воспитанія.—(Воспитывающія вліянія).

Эгоистическія потребности.—Потребность въ пищъ.— Эволюція экономической жизни.—Потребность огражденія безопасности.—Эволюція политической жизни.—Потребность въ нервномъ возбужденіи.— Украшеніе жизни.

Сміна исторических неріодовъ и эпохъ, непреднаміренное изміненіе культурь, иміющее місто какъ бы автоматически, и сознательная переработка культуръ мыслью интеллигенціи совершаются подъ вліяніемъ потребностей личности и формъ общежитія, вызывающихъ, на почві потребностей основныхъ, потребности временныя, отчасти патологическія, а также потребности временныя. Можно допустить, что всі временныя и патологическія потребности вызывались въ человічестві различніми нормальными и уродливыми попытками удовлетворить основнымъ потребностямъ человіка вообще и потребности развитія въ интеллигенціи. А потому приходится какъ одинъ изъ важныхъ элементовъ историческаго процесса, прослідить ту эволюцію, которой подверглись эти дві группы потребностей, создавая продукты крайне различные отъ ихъ точекъ исхода.

Въ этомъ отношени слой основныхъ потребностей приходится раздёлить въ свою очередь на двё группы, изъ которыхъ одна, на первый взглядъ боле способная сближать людей, оказалась на дёлё или весьма мало вліятельною по отношеню къ задачамъ солидарности и развитія сознательныхъ процессовъ, или даже вліяла на этой почвё скоре въ неблагопріятномъ направленіи; другая же, имёвшая, очевидно, вгоистическую точку исхода, оказалась наиболе вліятельною на эволюцію тёхъ же задачъ. Въ указанномъ выше ряду потребностей основныхъ, удовольствіе, получаемое отъ общежитія, инстинктъ половаго сближенія и родительская привазанность составляють первую группу; потребность питанія, безопасности и нервнаго возбужденія—вторую.

Удовольствіе общежитія или соціальный инстинкть составляеть основу большей доли нравственныхъ побужденій и элементовъ общественной солидарности, но оно, съ одной стороны, не есть инстинкть самостоятельный, а получается, какъ результать усвоенной привычки, вырабатываемой мотивами иного рода; съ другой же стороны, это удовольствіе общежитія, именно потому, что оно принимаеть характерь соціальнаго инстинкта, усиливаеть солидарность общества лишь на счеть потребности въ болье или менье самостоятельномъ развитіи сознательныхъ процессовъ въ личности и на счеть стремленія расширить кругь общежитія, обнаруживансь наиболье полно въ рутинномъ быть узкой семьи, строгой замкнутости кружка, класса, сословія, касты.

Мотивами, изъ которыхъ вырабатывается привычка въ общежитію, могутъ быть: продолжающееся половое влеченіе, развитіе молодого по-кольнія при родительскихъ заботахъ о немъ, сообща на вего направленныхъ, выгода общежитія для питанія и безопасности особи, наконецъ—нервное возбужденіе, вызываемое у молодежи пграми, у болье взрослыхъ передачею чувствъ и мыслей и т. п.

Половое влеченіе является, психологически, весьма важнымь источникомъ выработки альтруистическихъ аффектовъ, которые служать почвою для привычки къ общежитію; но этого далеко нельзя сказать о его соціологической роли, которая или становится иногда элементомъ неблагопріятнымъ расширенію и установленію болье широкой общественной солидарности, или когда входить въ число элементовъ личнаго и общественнаго развитія, то входить въ нихъ лишь какъ элементъ, усиливающій вліяніе другихъ мотивовъ, совершенно самостоятельныхъ и въ которыхъ исключительно приходится искать двигателей исторіи въ томъ или другомъ направленіи.

Относительно соціологической роди полового влеченія, можно зам'єтить следующее: у однихъ животныхъ половое влечение вызываетъ упорную борьбу между самцами и является помехою общежитію между ними вменно на столько, на сколько силенъ половой аффектъ. У другихъ, тдѣ совокупленія не ведуть къ прочному сожительству самца съ самкою, форма общежитія опирается на потребности, не им'вющія вичего общаго съ половою. У безповночныхъ выработка сложнаго общежитія часто связана съ существованіемъ въ немъ большинства безполыхъ особей. Въ первобытномъ человъческомъ обществъ соціологическія отношенія между полами зависять гораздо боліве оть роли женщины, какъ идейнаго центра родственнаго союза, или отъ распредъления власти въ обществъ, чъмъ отъ роля женщины какъ самки. Какъ только устанавливается раздёленіе труда между женщиной и мужчиной, оно является преобладающимъ мотивомъ форми и функціонированія общежитія, под чиняя себъ способы удовлетворенія полового влеченія. Позже, при выделения обособленной семьи, какъ преимущественной формы этого удовлетворенія, половое влеченіе, съ одной стороны, вграеть въ самой соціологической роли семьи съ легально-установившимися формами брака, совершенно второстепенную роль; съ другой же, оказывается началомъ очень часто противодъйствующимъ широкой обществе ной солидарности, и при противуноложении интересовъ семьи интерес мъ болье обширных соціальных организмовт, и при развити проститую в съ ея болве или менве безобразными формами.

Половое влеченіе входить развивающимь образомь въ общественную жизвь, напримітрь, при слідующихь условіяхь:

При развитів полового влеченія въ особяхъ, которыя осуществляють наиболёе полно мёстный и временный идеяль привлекательной формы, этоть идеаль подвергается болёе или менёе безсознательной критикі, и эстетическій вкусь развивается въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. На дальнійшемъ фазисі чувственныя влеченія комбинируются съ правственными требованіями и въ идеаль привлекательной особи входить отраженіе въ ея врёшности ея интеллектуальной и

аффективной жизни. Тогда половое влеченіе можеть усиливать всего своею энергіей процессь вванинаго развитія сближающихся особей разнаго пола и увеличинать общественную роль каждой изъ нихъ. Изъсамой формы этихъ благородныхъ вліяній половаго влеченія очеввано, во первыхъ, что они могуть обнаружиться (по крайней мтр т до сихъпоръ) лишь у весьма незначительнаго меньшинства людей, в, во вторыхъ, что это вліяніе обусловливается вовсе не свмимъ элементомъ полового влеченія, а тты элементомъ, содтйствующимъ росту солидарности или сознательныхъ процессовъ, съ которыми это влеченіе связывается.

Родительская привязанность является—опять-таки псикологически-еще болъе сильнымъ и плодотворнымъ источникомъ альтруистическихъ аффектовъ. Привычка заботиться о другомъ существъ помимо личнаго интереса — и даже, часто, въ противурачіи съ посладнимъ — выработалась и могла выработаться лишь на почвѣ этой привязанности. Но соціолоическое вліяніе ея обнаруживалось всегда-и почти не могло обнаруживаться иначе — въ прямомъ противодъйствіи расширенію общественной солидарности на значительное число особей. Какъ только проявилась попытка сплотить въ живой организмъ дружину, народъ, націю, государство, немедленно возникъ антагонизмъ между этимъ сплоченіемъ и аффективною связью родителей съ дътьми. Впослъдствіи, семья, на сколько въ ней осуществился элементь этой аффективной связи, точно также какъ и связи, опирающейся на половое влечение или на противуположение «своей» семьи и ея экономическихъ правъ всему «чужому», входить всего чаще въ борьбу, какъ съ болье глубокою солидарностью, такъ и съ служеніемъ идев. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ сильнаго развитія ея участниковъ; семья, съ ея привязанностями, становится центромъ благопріятнаго вліянія на общество, но при этомъ семейная связь есть лишь совершенно случайный фактъ, и всякая другая форма сближенія сильно развитыхъ личностей можетъ сдълаться энергическимъ центромъ развивающаго вліянія.

Важную соціологическую роль играла семья во всё эпохи, какъ вліятельный органъ, связывающій посл'ядовательныя покол'єнія и въ значительной степени обусловливающій способъ дъйствія старшаго покольнія на младшее. Но, во - первыхъ, следуеть заметить, что не существуеть прямой и непосредственной связи между ролью семьи, какъ воспитательнаго органа, и родительскою привязанностью, о которой здесь идеть рвчь. Воспитательная роль въ значительномъ числв случаевъ двиствительно фактически принадлежить родителямь въ болве или менве значительной степени, но и тогда, когда это было такъ, рядомъ съ вліяніемъ родителей имѣли мѣсто и другіе элементы; а въ историческое время каста, государство, церковь и т. под. намеренно захватывали въ свои руки восцитательную роль, при чемъ чуть-ли не въ этомъ направленіи шло логическое развитие педагогии. Во-вторыхъ, при разсмотрвній отношенія семьи, какъ органа воспитанія, къ общественнымъ процессамъ, надо помнить, что семейное воспитаніе (точно такъ же, впрочемъ, какъ воспитаніе подъ вліяніемъ касты, государства, церкви и т. под.) было элементомъ охраненія существующаго обычая гораздо болье, чымь источникомъ его передълки.

Изъ всего предъидущаго слъдуетъ, что родятельская привизанность можетъ, опять - таки, лишь въ исключительныхъ случаяхъ, быть благопріятнымъ элементомъ въ области воспитанія, и этотъ элементъ молодому покольнію всего чаще приходится черпать изъ другихъ источниковъ.

Всё поколёнія, въ ихъ цёломъ, воспитываются гораздо болёе вліяніемъ среды и вваниодёйствіемъ сверстниковъ, чёмъ непосредственнымъ вліяніемъ родителей.

Прямое аффективное наслёдство зоологическаго міра (влеченіе въ общежитію, влеченіе половое и родительская забота), весьма вліятельное по отношенію въ психологическимъ процессамъ въ особяхъ, оказывается едва-ли особенно значительнымъ мотивомъ соціологической эволюціи, благопріятной для роста солидарности и сознательныхъ процессовъ. По этому побужденіе въ ней приходится искать въ тёхъ чисто-животныхъ потребностяхъ человёка, которыя нельзя не признать

эгоистическими, но которыя именно от обратиль въ человъчныя и благопріятныя въ указанныхъ отношеніяхъ.

Это была, прежде всего, потребность въ пищи. Она явилась самымъ могучимъ орудіемъ выработки сначала привычекъ, обычаевъ, непобъдимыхъ аффектовъ, затъмъ все болъе цълесообразныхъ разсчетовъ, наконецъ цълыхъ идейныхъ построеній. Всь эти продукты прямой потребности въ пищъ получили еще болье опредъленную форму, когда эта потребность, при развитіи разсудочнаго мышленія, обратилась въ потребность особи обезпечить себъ, при помощи общежитія и общественныхъ учрежденій, матеріальныя средства существованія. Въ этой своей формъ, она легла въ основаніе всей эволюціи экономической жизни человьчества.

Для оценки соціологической важности этого побужденія на всъхъ его ступеняхъ, достаточно вспомнить, что на почвъ непосредственной разницы въ способахъ питанія выросло въ классв млекопитающихъ существенное социологическое различіе въ быть хищныхъ и травоядныхъ-стадныхъ; что наслаждение трою сообща легло въ основание трхъ коллективныхъ транезъ, которые были и остались существеннымъ элементомъ скрипленія общежитія самыхъ низшихъ дикарей; что, по новъйшимъ изследованіямъ, исторія городовъ Германіи въ эпоху перехода отъ среднихъ въковъ къ новому времени находилась въ самой тесной связи съ переходомъ большинства ихъ трудящагося населенія отъ превмущественно мясной пищи къ преимущественно растительной. Едва ли нужно напомнить, что, въ дальныйшихъ формахъ своей трансформаціи въ потребность обезпеченія себ' запасовъ необходимаго и привлекательнаго, вся эволюція родовой, семейной, индивидуальной и государственной собственности, борьба классовъ въ продолженіе всей исторіи и борьба труда съ капиталомъ въ наше время-оказываются въ значительной мъръ въ своемъ основаніи «вопросами желудка», и что огромная доля творчества художественнаго, философскаго, научнаго и нравственнаго уже теперь можеть быть отнесена къ этому источнику, который давалт начало и самымъ низшимъ побужденіямъ человъкаживотнаго, и самымъ идеальнымъ работамъ мысли, и самымъ героическимъ подвигамъ.

Это была, затымъ, потребность огражденія индивидуальной безопасности. Она выработала уже въ отдёльныхъ животныхъ органы обороны и нападенія, инстинкты самосохраненія и уловленія добычи, формы общежитія, которыя удовлетворяли этимъ инстинктамъ особи путемъ удовлетворенія ихъ въ коллективномъ паломъ. Она же въ человачества доисторическомъ и историческомъ обусловила эволюцію политической жизни соціальныхъ организмовъ. Эта политическая жизнь обществъ обнаружилась въ способахъ охраненія въ нихъ внутренняго порядка, въ устроеніи внашнихъ формъ солидарности; въ пріемахъ успѣшнаго хищничества по отношенію въ другимъ коллективностямъ; въ борьбъ за власть. Но къ ней же принадлежали въ позднейшее время представленія о правахъ и обязанностяхъ личности и коллективности личностей; выработка идеаловъ политической свободы и солидарности въ разныхъ ся видахъ; изследование техъ сипшнихъ условій общественной жизни, которыя служили или могли служить обезпеченію за личностью матеріальнаго благосостоянія, возможности вырабатывать свои убъжденія, воплощать ихъ въ жизнь и осуществлять идеаль свободнаго развитія и солидарности. Наконецъ, эта же политическая жизнь обнаруживалась и въ эмпирическихъ или научныхъ попыткахъ фактически перестроить существующія общества сообразно упомянутымъ идеаламъ, путемъ реформъ или революцій.

Это была, наконецъ, потребность въ нервном возбужденіи. Сначала неотдълимая отъ внутренностныхъ побужденій,
она представляется въ формъ наслажденій обжорствомъ или
половыхъ и ихъ безобразныхъ извращеній, какъ единственныхъ средствъ украшать жизнъ. Но довольно рано нервная
система человъка обращаетъ для него въ удовольствіе самое
общеніе съ другими людьми или даже съ прирученными животными; она знакомитъ человъка съ экстазомъ, вызываемымъ
не только опьяненіемъ, но ритмическими движеніями и звуками; съ экстазомъ коллективнаго аффекта въ играхъ, празд-

нествахъ и обрядахъ, затвмъ въ коллективныхъ проявленіяхъ симпатін и ненависти, борьбы съ опасностями и общенія съ фантастическимъ міромъ. Именно это стремленіе украшать жизнь разнообразными, новыми и все высшими нервными возбужденіями, является въ большемъ числь случаевъ могучимъ побужденіемъ для перехода отъ неисторическаго строя мысли къ историческому. Оно полагаетъ начало эстетическому раз витію человічества. Оно вызываеть въ немъ-сначала весьма грубое - представление о личномъ достоинствъ, о необходимости его поддержать и расширить. Оно, затымь, переносить это достоинство изъ области украшеній и уродованій, отъ гордости подвигами хищничества и жестокости или аскетизмана болъе осмысленные упражненія тыла и мысли, на задачи нравственныя, на выработку критики, на научное пониманіе, на самые сложные процессы исторической жизни. Надъ ланью твла и мысли, составляющею характеристическую черту дикаря неисторической и исторической культуры, было способно восторжествовать лишь то стремленіе украшать жизнь, которое вырабатывалось на почет жажды нервныхъ возбужденій. Всякая побъда надъ этою лънью во имя того, что было привлекательно и что считалось возвышающимъ личное достоинство, была для доисторического человька шагомъ къ усвоенію исторической жизни, а для человъка историческаго - побужденіемъ лучше понимать задачи общественной жизни и съ большею энергіей осуществлять ихъ. Такъ, наприміръ, на позднійшихъ фазисахъ мысли, эта самая потребность нервнаго возбужденія вызвала у развитаго человъка наслаждение сознаниемъ процесса методической критики, точнаго научнаго знанія и объединяющаго философскаго пониманія; затъмъ, на почвъ последняго, еще более редкую потребность последовательности въ жизненной деятельности, гармоніи пониманія и практической жизни, гармоніи личныхъ и общественныхъ стремленій, личнаго развитія и общественной солидарности. Наконецъ, этимъ же путемъ становится для исключительныхъ личностей доступно и наслаждение сознательнымъ участиемъ въ историческомъ процессъ, даже на счетъ всъхъ низшихъ нервныхъ возбужденій и, въ случав нужды, на счеть самой жизни особи.

ГЛАВА IV.

Взаимодъйствіе потребностей второй группы.

Три точки врънія. — (Ихъ нынъшнее распространеніе). — Точки врънія: экономическаю матеріализма, преобладантя политическихъ побужденій; господства идей.

Три прієма сравненія.—(Ихъ оправданіе).—Болье раннев проявленіе.—Повторяемость.

Мотивы вз эпоху царства сознанных интересовъ.— (Неооходимость провырки вз каждомз случав).—Мотивы въ предшествующе и вз послыдующе періоды.—(Роль сознанных в побужденій).

Повторяемость нервных возбужденій.—(Животные и дикари).— Увлеченіе аффектом и сила идей.—("Надстройка" экономическаго матеріализма).—Возможность преобладанія потребности нервных возбужденій.—(Вейзенгрюнь).— Неизбъжныя логическія послыдствія.—Новыя общественныя силы.—(Примъры).—Результаты.

Такимъ образомъ всё три основныя потребности последней группы выступають какъ могучіе двигатели эволюціи человъчества. Однако, ихъ взаимныя отношенія въ продолженіи различныхъ періодовъ его жизни составляють именно въ наше время одинъ изъ снорныхъ вопросовъ философіи исторіи. Сопоставимъ въ главныхъ чертахъ попытки построенія последней съ трехъ различныхъ точекъ зрёнія, обусловливаемыхъ предположеніемъ исключительнаго или радикально-преобладающаго господства въ исторіи того или другого изъ трехъ основныхъ побужденій разсматриваемой группы.

Свеценіе всёхъ явленій исторіи на побужденія и потребности экономическія составляеть главную черту ученія современнаго историческаго матеріализма. Нівоторые современные писателя (напримівръ
Дюрингь, Гумиловичь) охотно ищуть въ хищиничество—слідовательно,
собственно, въ элементь политическомъ—основной мотивъ процесса
исторія. Наименів приверженцевъ сохраняло между реалистическими
ввелідователями этого процесса недавно еще господствовавшее сгремленіе видіть въ сознанныхъ и несознанныхъ идеяхъ—слідовательно въ
высшихъ формахъ нервнаго возбужденія главнаго двигателя исторіи.

Приходится ли признать, что выработанныя потребностью питанія въ ея метаморфозахъ экономическія условія жизни общества и особенно формы производства лежать въ основаніи вспать общественных в явленій и процессовь? Можно-ли предположить, что вст обычая, господствующие надъ племенами неисторическими и установившіеся въ разные періоды въ культурахъ историческихъ націй, имфють подъ собою эту основную подкладку? Сводятся-ли вст политическія явленія въ жизни народовъ, выросшія на почвѣ потребности безопасности, на борьбу экономическихъ интересовъ кастъ, сословій и классовъ? Следуетъ-ли объяснять всю коллективные аффекты группъ человъчества, съ ихъ разнообразными пріемами коллективно наслаждаться возбужденіемъ нервовъ, несознанными въ ихъ источникахъ проявленіями техъ же самыхъ экономическихъ интересовъ? Неизовжно-ли смотреть на всю продукты идейнаго творчества, эстетическіе, научные, правственные, философскіе, вызванные высшими формами техъ же нервныхъ возбужденій, лишь какъ на «надстройку» надъ тою же самою экономическою жизнью?

Или, не върнъе ли искать такого двигателя исторія въ непосредственномъ столкновеніи личностей и группъ, которыя, нападая и защищаясь, стремились охранить свою безопасность и боролись за власть звъриными, доисторическими и историческими пріемами? Не эта ли борьба принимала форму борьбы экономической, переживъ эпоху болъе непосредственнаго взаимнаго истребленія? Не она ли создала безсознательно обычаи, какъ форму сплоченія людей, подобно тому, какъ она создавала въ зоологическомъ міръ органы нападенія

и борьбы? Не были ли надъ нею возведены идейныя «надстройки» техническихъ изобрѣтеній и научнаго пониманія въ виду успѣха болѣе искуснаго хищничества, въ виду эстетической, нравственной и философской идеализаціи для оправданія предъ массами и предъ самимъ безсознательнымъ хищникомъ господства однихъ надъ другими, при чемъ экономическая эксплуатація являлась бы лишь одною изъ формъ политическаго преобладанія?

Нельзя ли, съ иной точки зрвнія, допустить, что, подъ сознанными принципами, которыми руководился развитой человекъ, лежить удовольствіе нервнаго возбужденія того самого элементарнаго свойства, которое искаль первобытный дикарь въ экстазъ военной пляски, и что разнообразные аффекты этого рода составляють, въ сущности, всю подкладку эволюціи человъчества? Не были ли лишь продуктами стремленія къ особой форм'я нервнаго возбужденія при посредств'я тых или другихъ представленій, привлекательныхъ или грозныхъ образовъ, идейныхъ аффектовъ-и великія историческія движенія, и фантастическіе міры, выдвинутые минологіями на поклоненіе человъчеству, и подвиги жестокихъ и безцеремонныхъ побъдителей въ борьбв между народами, и спекуляціи эксплуататоровъ, которые создавали и создають громадныя централизаціи капиталовь, вызывають ужасающія катастрофы краховь, подобно тому какъ къ этому источнику возводитъ свои труды и великій ученый въ своей лабораторіи, и вдохновенный художникъ въ своей мастерской? Не выросло ли разнообразіе политическихъ отношеній между людьми и народами изъ элементарнаго жеданія наслаждаться видимыми формами поклоненія и подчиненія, и способовъ экономической эксплуатаціи — изъ элементарнаго наслажденія сознаніемъ своего могущества и возможностью выказать его? Не лежить ла жажда наслажденія своимъ и чужимъ аффектомт въ основъ не только творчества художника, ръчи политического оратора, но и въ основъ дъйствій всякаго историческаго діятеля, ведущаго за собою взволнованную толну на битву, на политическую революцію,

на показиный подвигь, на спекуляціи акціями новаго биржеваго предпріятія?

Эти три теоріи им'єють весьма различную цінность для научнаго пониманія эволюціи человічества, но для точнаго ихь сравненія приходится обратить вниманіе, во-перыхъ, на сравнительно бол'є или мен'є раннее появленіе трехъ упомянутыхъ основныхъ побужденій, лежащихъ въ основаніи этихъ теорій; во-вторыхъ, на сравнительно бол'є или мен'є частое ихъ повтореніе въ жизни и въ мысли челов'єка; въ третьихъ, на большую или меньшую необходимость эволюціи ихъ посл'єдовательныхъ фазисовъ, при чемъ эта эволюція требовала бол'є или мен'є усиленной работы мысли.

Чфиъ ранъе обнаруживалась та или другая потребность въ эволюцій животнаго міра, тъмъ прочите она должна была установиться и ттмъ болте существуеть основаній ее принямать гипотетически, какъмотивъ дъйствій особи во всё последующіе періоды. Чтмъ чаще она возвращается, ттмъ болте на нее направлена работа мысли и потому она имфетъ болте шансовъ быть мотивомъ дъятельности. Чтмъ съ большею необходимостью новая форма обнаруженія потребности вытекаетъ изъ старой, и чтмъ неизбежите для этого работа мысли, ттмъ опять таки, она становятся привычное для особи.

Въ зоологическомъ мірѣ потребность въ пищѣ является всего ранѣе, на первыхъ же ступеняхъ существованія организмовъ. Потребность нервнаго возбужденія собственно слѣдовало бы отнести, по смыслу слова, къ эпохѣ появленія нервной системы, но такъ какъ различеніе пріятнаго отъ непріятнаго обнаруживается, повидимому, у самыхъ низшихъ организмовъ, а половыя влеченія—при первомъ же раздѣленія половъ, то приходится, можетъ быть, допустить, нервное возбужденіе, а, слѣдовательно, потребность въ немъ, даже тамъ, гдѣ нервные элементы еще не отдѣлились явно отъ другихъ элементовъ протоплазмы. Потребность охраненія безопасности предполагаетъ уже нѣсколько высшее развитіе, а потому ея проявленія слѣдуетъ отнести къ сравнительно-позднѣйшему времени; однако, и ее нельзя не признать на столько раннею, что яѣть необходимости непремѣнно свести ея самостоятельное

проявленіе на другія, болье раннія побужденія. Человькъ долженъ быль унаслідовать отъ своихъ зоологическихъ предковь всі три упомянутыя основныя потребности, какъ вполнів выработанныя; слідовательно, на основаніи болье или менье ранняго ихъ первоначальнаго появленія въ зоологическомъ мірів, приходится признать ихъ мало-уступающими одна другой, какъ мотивы человіческихъ дійствій.

Совершенно иное приходится зам'втить о повторяемости побужденій, обусловливаемыхъ тремя упомянутыми потребностями. Потребность въ пищъ въ этомъ отношении безусловно преобладаеть надъ двумя другими; следовательно, а ргіогі можно допустить, что ті комбинаціи біологическихъ элементовъ, -- уже на раннихъ ступеняхъ проявляющихся какъ элементы нервные-которыя обусловливали мысль о пищ'в и о рядь экономическихъ представленій, понятій, привычекъ, аффектовъ и сложныхъ интеллектуальныхъ построеній, должны были развиваться и укрѣпиться сравнительно быстрѣе и оказывать въ большинствъ случаевъ преобладающее вліяніе на двятельность и на работу мысли особи. Потребность обезпеченія себі матеріально-необходимаго присутствуєть почти непрерывно предъ воображениемъ самаго неразвитаго дикаря. Поколеніе за поколеність должно было направить свои заботы почти исключительно на дъятельность, сюда относящуюся. По этому неизбъжно, наибольшая доля первой техники, первыхъ группъ обычаевъ, первыхъ общественныхъ связей и перваго распредвленія функцій между особями, соединенными для общежитія или для коллективныхъ предпріятій, должна была произойти подъ вліяніемъ первоначальной заботы объ экономически-необходимомъ. Забота о безопасности не могла не проявляться гораздо реже, въ какихъ формахъ мы ни представляли бы себъ первоначальный быть дикарей. Въ періодъ же историческій, когда легальный строй общества до нъкоторой степени сдълаль заботы о личной безопосности сравнительно еще болъе ръдкими, работа мысли и даже жизненная деятельность, на нихъ направленныя, неизбежно еще уменьшились, сравнительно съ твмъ, что требовалось отъ чедовъка для добыванія и для охраненія экономически-необходимаго. Роль заботь о матеріальныхъ нуждахъ должна была сдѣлаться еще значительнѣе, когда борьба сознанчыхъ интересовъ прибавила всѣ свои перипетіи къ процессамъ инстинктивной борьбы за существованіе, имъвшей мѣсто до тѣхъ поръ.

Это побуждаеть выставить следующее вероятивишее решеніе вопроса о сравнительномъ исихологическомъ могуществе мотивовъ, которые, для краткости, мы вообще назвали экономическими, и мотивовъ, которые, въ подобныхъ же условіяхъ, мы обозначили, какъ политическіе: едва-ли не приходится признать, что экономическіе мотивы во вси эпохи борьбы сознанныхъ интересовъ должны были безусловно преобладать надъ политическими; политическія явленія могли въ значительной мфрф вытекать изъ заботъ экономическихъ; и, въ каждомъ частномъ случаф, научное пониманіе политической исторіи прежде всего должно искать ей объясненія въ интересахъ экономическихъ.

Должно, впрочемъ, всегда удерживать въ памяти, что въждое гипотетическое объяснение этого рода не можетъ считаться фактическимъи что въроятность его должна быть строго провърена въ наждомъчастномъ случаъ.

Нѣсколько иначе стоить вопросъ для періода, предшествовавшаго историческимъ эпохамъ борьбы сознанныхъ интересовъ, для періода царства обычая. Признавая, какъ сказано выше, что большинство обычаевъ могло имѣть этотъ же экономическій источникъ, слѣдуетъ здѣсь имѣть въ виду, что, при отсутствіи у дикаря послѣдовательности мысли и разсчетливости въ пріемахъ жизни, изслѣдователю приходится быть очень осторожнымъ относительно гипотезъ, и для каждаго частнаго случая необходимо взвѣшивать различныя возможности.

Впрочемъ, и въ періодъ господства борьбы сознанныхъ интересовъ, когда экономическіе мотивы не могли не преобладать, не лишнее помнить, что исторія совершала свои фазисы

подъ вліяніемъ борющихся группъ прогрессивной, реакціонной и консервативной интеллигенціи, за которыми неисторическіе элементы общества шли очень часто по прявычкі или по аффекту; въ нікоторыхъ же группахъ руководящей интеллигенціи мотивы политическихъ интересовъ могли преобладать надъ экономическими, точно также, какъ, въ другихъ случаяхъ—о чемъ сейчасъ будетъ сказано—ті и другіе могли уступать идейнымъ аффектамъ или убъжденіямъ. Разъ же господствующая въ данномъ случай группа интеллигенціи дійствовала подъ подобными цобужденіями, научное пониманіе исторіи требуеть взвішвать господствовавшія побужденія по ихъ реальному значенію въ разсматриваемую эпоху.

Конечно, возможно, что данное проявление политического мотива въ формъ аффекта или продуманной теоріи, могло имъть несознанную экономическую основу, точно также, какъ его гипотетически можно свести на процессъ личной исихологіи, на чисто-біологическое побужденіе и т. под.; но мы разсмотримъ ниже, насколько подобное восхожделіе къ далевимъ причинамъ-глиотетически и философски всегда возможное--- выветь научный характерь лишь въ исключительныхъ обстоятельствахъ, когда сами источники наводятъ насъ на подобное объясненіе; въ огромномъ же большинствъ случаевъ, научное пониманіе остается въ сферв комективныхъ интересовъ, аффектовъ, убъжденій и преимущественно сознанных нотивовъ, твиъ болве, что самая форма сознанія мотивовъ историческаго процесса современниками харакгеризуетъ эпоху, независимо отъ боле глубовихъ, единообразныхъ причинъ, действовавшихъ въ разныя эпохи. Тавъ, напримеръ, экономичесвіе мотивы крестовыхъ походовъ и конквистадоровъ Америки и Индін могли быть сходны, но для пониманія разницы эпохъ важна въ особенности разница ихъ сознанных в нобужденій.

Потребность нервныхъ возбужденій, точно также, какъ потребность безопасности, проявляется гораздо ріже, чімъ потребность въ пищі, однако едва ли можно столь же рішительно, какъ для предъндущаго, сказать, что для ея проявленія, вообще говоря, есть всегда основаніе искать прежде всего мотивы, которые здісь вообще названы экономическими, и тімъ менье мотивы политическіе.

Уже у пауковъ потребность полового наслаждения господствуетъ надъ потребностью безопасности и ведеть часто къ пойданию увлеЗадачи понимания истории.

ченных самцовъ боле сильною санкою. - Украшение предмествоваль по мивнію большинства изследователей, одежде. Привлекательное, у динари съ слабою делгельностью задержавающих с центровъ, безпрествино оказывается преобладающимъ не только надъ предусмотрительностью, но даже издъ непосредственною физіологическою потребностью. - Стоить, можеть быть, заметать, что у многих динарей, даже на самой инашей ступени развитія формъ наслажденій, пред усмотрительность, требующаь обезпеченія себе инщи на будущее, уступаеть самымъ безообразнымъ пропиденіямъ наслажденія обжорствомъ, когда потребность пищи уже давно удоплетворена.

Во все продолжение историческихъ періодовъ большинство, остающееся вий исторіи—а иногда и большая или меньшая доля меньшинства интеллигенціи — подвергалось очень часто увлеченіямъ коллективныхъ аффектовъ, изъ которыхъ всякій разсчеть какихъ-бы то ни было реальныхъ интересовъ, экономическихъ или политическихъ, исчезалъ совершенно. Какъ только началась историческая жизнь и личность выработала способность противуположить себя окружающей ее общественной средь, появились и группы, для которыхъ интересы принимали форму убъжденій; вырабатывались и убъжденія независимыя отъ интересовъ, иногда даже враждебныя имъ; в элементъ нервнаго возбужденія идеею, каково бы ни было ея первоначальное происхожденіе, въ личностяхъ и въ группахъ иногда положительно преобладаль надъ элементомъ разсчета интересовъ, въ томъ числъ и интересовъ экономическихъ. Конечно, при слабомъ распространении нравственнаго развити въ человъчествъ, огромная доля событій была обусловлена борьбою интересовъ, а потому историческое вліяніе нервнаго возбужденія идеею обнаруживалось въ редкихъ случаяхъ и было настолько слабо, что до сихъ поръ исторические періоды въ огромномъ числъ случаевъ представляютъ даже коллективные аффекты и идейныя пріобрітенія, какъ «надстройки» надъ экономическимъ движеніемъ. Это еще поразительние проявилось въ последній періодъ господства капитализма, когда и традиціонныя и идейныя побужденія прежняго времени стушевались предъ борьбой классовъ и она стала чуть

ли не единственнымъ мотивомъ всёхъ явленій общественной жизни, имъющихъ нъсколько обширное распространеніе.

Можеть быть именно фактическое наблюдение современа й жизни гдь дъйствительно трудво найти какія-либо значительныя явленія; вполнѣ чуждыя рыночному интересу, вызвало, какъ непзбѣжную «надстройку», стремленіе ученыхъ соціологовь и историковь переносить современное намъ почти исключительное господство экономическихъ мотивовь, какъ на эпохи, когда элементъ господства обычая, независимаго оть всякихъ сознанныхъ или несознанныхъ интересовъ, еще быль очень силенъ, такъ и на янленія, въ которыхъ наслажденіе нервнымъ возбужденіемъ аффекта или идеи преобладало, какъ мотивъ дъятельности.

Твит не менве, при всвхъ идейныхъ движеніяхъ, для ихъ на учнаго пониманія, необходимо помнить, что здівсь предъ нами явленія, которыя, съ самаго давняго времени до настоящаго, могли противополагаться несознаннымъ или сознаннымъ интересамъ личности и, при удобныхъ условіяхъ, подавить ихъ. Необходимо помнить, что эта потребность нервнаго возбужденія была достаточно сильна, чтобы выработать представление о личномъ достоинствъ среди царства обычая; подготовить въ средъ этого царства, а затъмъ и создать историческую интеллигенцію; ввести человіка въ историческую жизнь а въ ней вызвать продукты высшаго, эстетическаго, научнаго, нравственнаго, философскаго и соціальнаго творчества. Нельзя не допустить, что въ доисторическомъ бытв нервное отвращеніе отъ всякаго изміненія могло долго противополагать господство обычая царству интересовъ. Въ такомъ случав нътъ научной невозможности, чтобы въ будущемъ не произошло другое явленіе, аналогичное этому: при достаточномъ роств интеллигенціи, выработавшей въ себв потребность наслажденія внесеніемъ въ жизнь началь личной и общественной нравственности, царство интересовъ можетъ замъниться другимъ, гдв вопросы интересовъ уступять потребности въ только-что упоминутыхъ наслажденіяхъ или отожествятся съ ними.

Вейзенгрюнъ, который старался опредъленные, чтит другіе, провести эту же мысль, пытался приводить примфры господства правственныхъ убъжденій уже въ последній историческій періодь; но эти примфры представляють натяжки и допускають совершенно иное, матеріалистическое, объясненіе. Лить паденіе строя, опирающагося на вонкуренцію, можеть сделаться почною преобладанія идейныхъ мотивовъ надъ интересами экономическими, которые теперь безусловно господствують надъ всёми прочими.

Къ сферъ побужденій, входящихъ въ область последней разсмотрѣнной потребности нервнаго возбужденія, принадлежить и еще одинь историческій двигатель, именно мотивъ неизбъжныхъ лошческихъ послыдствій. Онъ распространяется на всв области жизни и мысли, изъ какой потребности ни возникали бы явленія той или другой изъ этихъ областей. Всякій усвоенный пріемъ техники, въ самомъ процессв упражненія въ этомъ пріемъ, влечеть неизбъжно появленіе новыхъ пріемовъ, разв'єтвляющихъ технику на нісколько вполні опредъленныхъ отраслей. Всякій усвоенный пріемъ мысли, всякое представление или понятие, возникшее въ процессъ безсознательнаго или сознательнаго развитія особи или общества, вызываеть фатальнымъ логическимъ процессомъ ноявление другихъ представленій и понятій, вполн'в независимо, повидимому, отъ того, совпадаетъ ли развитіе этихъ психическихъ фактовъ съ интересами экономическими и политическими тъхъ личностей и обществъ, среди которыхъ эти факты возникли и развились. Если новыя представленія и понятія совпадають съ интересами вліятельных личностей и общественных группъ, то процессъ развитія идеть быстро. Если это совпаденіе не имфеть мфста, то происходить психическій конфликть. Слишкомъ часто человъкъ върилъ и сомнъвался, оставлялъ безъ вниманія весьма существенные вопросы, или тщательно разрабатываль другіе, мен'ве важные, подъ исключительнымъ вліяніемъ своихъ интересовъ. Однако все-таки, съ большимъ или меньшимъ затрудненіемъ, чрезъ болве или менве значительное время, логика развитія следствій изъ данныхъ посылокъ оказывалась неодолимою силою. Каждая отрасль техники

вырабатывала съ логическою необходимостью изъ предыдущаго фазиса фазись последующій. Какъ только группа людей пріобрѣтала господство въ мірѣ идей или въ мірѣ интересовъ, представители господствующаго вфрованія или убъжденія стремились къ экономическому и политическому господству, и, наоборотъ, классъ, вліятельный въ экономическомъ или поли-Тическомъ отношении, крупная личность или крупное событие въ этихъ сферахъ, вызывали попытки идеализаціи этого класса, этой личности или этого событія въ художественныхъ созданіяхъ, въ научныхъ аргументахъ или въ философскихъ построеніяхъ. Какъ только въ системв вврованій заключалось логическое противорачіе, неизбажно возникало сомнаніе и поддерживалось среди оффиціальнаго вірованія, пока не подрывало его; и точно также неизбъжно среди рутиннаго, ненаучнаго сомньнія устанавливалось убъжденіе. Никакія усилія господствующихъ интересовъ и оффиціальныхъ теченій мысли не были въ состояніи помішать «проклятымь вопросамь» возникать снова и снова, требуя себъ ръшенія. Когда, подъ совокупнымъ вліяніемъ сознанныхъ мотивовъ экономическихъ, политическихъ и жажды нервныхъ возбужденій, въ данную эпоху вырабатывалась определенная форма государства, опредъленное распредъление художественныхъ, научныхъ и техническихъ занятій, опредвленное религіозное вврованіе или фидософское міросозерцаніе, эти продукты выступали въ слвдующую эпоху какъ общественныя силы, иногда содействовавшія, но иногда и противодівиствовавшія соціологическому творчеству въ смыслъ новыхъ возникавшихъ интересовъ. Идейныя силы противупоставлялись давленію новыхъ сознанныхъ интересовъ со всемъ могуществомъ усвоеннаго обычая, польза или достоинство котораго считались теперь обсужденными въ свое время и доказанными неопровержимыми аргументами. Эти силы противупоставлялись тому же давленію и въ формъ ряда теоретическихъ выводовъ и практическихъ по-. следствій, совершенно независимых отъ новых потребностей экономическихъ и политическихъ. Экономическія и политическія побужденія, даже тогда, когда именно они выработали

опредъленную форму обычныхъ воззрвній или нервшенныхъ общественныхъ задачъ, встрвчали въ этихъ самыхъ своихъ продуктахъ на новой ступени общественной жизни новыя общественныя силы, способныя соперничать съ поздивйшими формами твхъ же самыхъ интересовъ, способныя иногда и парадизовать ихъ вліяніе.

Такою самостоятельною силой, вызвавшей цвлыя господствующія формы экономическихь отношеній, ислитическахь организацій, философскяхь и эстетическихь продуктовь, яввлась, напр., христіанская церковь. Многіе писатели объясняють ея возникновеніе (какъ соціальнаго организма) мотивами преимущественно свътскими; однако, разъона организовалась, съ нею пришлось бороться, какъ съ особеннымъ организмомъ, новымъ возникающимъ формамъ политическаго строя и формамъ хозяйства, точно такъ же какъ мысль позитивная боролась съ догматическою, свътское искусство съ церковнымъ; и борьба эта предолжается до нашего времени, съ его безусловнымъ преобладаніемъ экономическихъ мотивовъ.—То же можно сказать о конфликтъ новъйшаго милитаризма съ интересами капитализма, котя первый быль въ значительной мърѣ вызвань нъвоторыми требораніями посивцияго.

Такимъ образомъ, можно признать въ періодъ господства сознанныхъ интересовъ, и особенно въ ближайшее къ намъ время, преобладание экономическихъ мотивовъ надъ всеми прочими при созданіи новыхъ общественныхъ формъ, идейныхъ теченій и вообще при установленіи хода историческихъ событій. Однако справедливо, можеть быть, и допустить для каждой эпохи возможность болье или менье значительнаго видоизм'йненія этого преобладанія вліяніемъ элементовъ, которыя были сознаны, какъ мотивъ иного рода. Таковы были мотивы политическіе, или, въ особенности, мотивы цервнаго возбужденія; ихъ источникомъ быль иногда установившійся обычай, привычка мысли; въ другихъ случаяхъ — идейный аффектъ, вызванный или неизбежнымъ логическимъ последствіемъ предшествовавшихъ завоеваній мысли, или возникающими убъжденіями въ области теоретической или практической дъятельности. Философское понимание можетъ пытаться идти глубже въ своихъ разъясненіяхъ событій, но очень часто въ подобных в случаях в приходится довольствоваться более или

менье привлекательной гипотезой, которая, съ точки зрвнія научной критики, остается лишь в роятною или даже не болве какъ возможною. Оставаясь въ области сознанных явленій, мы имвемъ, сначала, безусловное господство обычая, отступленіе отъ котораго сопровождается бользненнымъ нервнымъ возбужденіемъ; затвиъ преобладающую борьбу интересовъ, которые, въ дальнайшемъ хода событій и въ дальнайшей работа мысли, все более обнаруживають свою экономическую подкладку; наконецъ, съ началомъ исторической жизни, начинаетъ проявляться и вліяніе нервныхъ всзбужденій идейнаго свойства, вступающее въ борьбу и съ наслаждениемъ жизнью по обычаю и съ господствомъ низшихъ интересовъ, экономиче-. скихъ и политическихъ: эта борьба ведется во имя интересовъ идейныхъ, сознаваемыхъ, какъ высшіе. Вліяніе върованій и убъжденій можно отмътить въ исторіи во многихъ случаяхъ, но, вообще говоря, въ продолжение всъхъ минувшихъ періодовъ, оно обнаруживалось лишь эпизодически, постоянно подавленное господствомъ интересовъ; по этому преобладание его въ нъ сколько обширныхъ размірахъ въ прошедшемъ и въ настоящемъ искать нечего. Однако, едва-ли следуетъ признать ненаучною гипотезу, что въ будущемъ, при нъкоторомъ ходъ событій — им'яющемъ за себя, можеть быть, даже віроятность интересы экономические (поглотившие интересы политические) отожествятся съ интересами идейными, и что можно будетъ тогда одинаково сказать, что царство убъжденій побъдило царство интересовъ, или, выражаясь иначе, что исторія продолжаеть представлять господство интересовъ, только низшіе, не идейные интересы уступили высшимъ, а съ темъ вместь, борьба интересовъ прекратилась, оставляя мёсто гармоніи интересовъ идейныхъ для личностей и для общества.

ловѣка для добыванія и для охраненія экономически-необходимаго. Роль заботь о матеріальныхъ нуждахъ должна была сдѣлаться еще значительнѣе, когда борьба сознанчихъ интересовъ прибавила всѣ свои перипетіи къ процессамъ инстинктивной борьбы за существованіе, имѣвшей мѣсто до тѣхъ поръ.

Это побуждаетъ выставить слѣдующее вѣроятнѣйшее рѣшеніе вопроса о сравнительномъ психологическомъ могуществѣ мотивовъ, которые, для краткости, мы вообще назвали экономическими, и мотивовъ, которые, въ подобныхъ же условіяхъ, мы обозначили, какъ политическіе: едва-ли не приходится признать, что экономическіе мотивы во вст эпохи борьбы сознанныхъ интересовъ должны были безусловно преобладать надъ политическими; политическія явленія могли въ значительной мѣрѣ вытекать изъ заботъ экономическихъ; и, въ каждомъ частномъ случаѣ, научное пониманіе политической исторіи прежде всего должно искать ей объясненія въ интересахъ экономическихъ.

Должно, впрочемъ, всегда удерживать въ памяти, что важдое гипотетическое объяснение этого рода не можетъ считаться фактическимъи что въроятность его должна быть строго провърена въ каждомъ частномъ случаъ.

Нъсколько иначе стоить вопросъ для періода, предшествовавшаго историческимъ эпохамъ борьбы сознанныхъ интересовъ, для періода царства обычая. Признавая, какъ сказано выше, что большинство обычаевъ могло имъть этотъ же экономическій источникъ, слъдуетъ здъсь имъть въ виду, что, при отсутствіи у дикаря послъдовательности мысли и разсчетливости въ пріемахъ жизни, изслъдователю приходится быть очень осторожнымъ относительно гипотезъ, и для каждаго частнаго случая необходимо взвъшивать различныя возможности.

Впрочемъ, и въ періодъ господства борьбы сознанныхъ интересовъ, когда экономическіе мотивы не могли не преобладать, не лишнее помнить, что исторія совершала свои фазисы

подъ вліяніемъ борющихся группъ прогрессивной, реакціонной и консервативной интеллигенціи, за которыми неисторическіе элементы общества шли очень часто по прявычкѣ или по аффекту; въ нѣкоторыхъ же группахъ руководящей интеллигенціи мотивы политическихъ интересовъ могли преобладать надъ экономическими, точно также, какъ, въ другихъ случаяхъ—о чемъ сейчасъ будетъ сказано—тѣ и другіе могли уступать идейнымъ аффектамъ или убѣжденіямъ. Разъ же господствующая въ данномъ случаѣ группа интеллигенціи дѣйствовала подъ подобными побужденіями, научное пониманіе исторіи требуеть взвѣшивать господствовавшія побужденія по ихъ реальному значенію въ разсматриваемую эпоху.

Конечно, возможно, что данное проявление политическаго мотива въ формъ аффекта или продуманной теоріи, могло имъть несознанную экономическую основу, точно также, какъ его гипотетически можно свести на процессъ личной психологіи, на чисто-біологическое побужденіе и т. под.; но мы разсмотримъ ниже, насколько подобное восхожденіе къ далекимъ причинамъ-гипотетически и философски всегда возможное-имъетъ научный характеръ лишь въ исключительныхъ обстоятельствахъ, когда сами источники наводятъ насъ на подобное объясненіе; въ огромномъ же большинствъ случаевъ, научное пониманіе остается въ сферв коллективныхъ интересовъ, аффектовъ, убъжденій и преимущественно сознанных потивовъ, твиъ болве, что самая форма сознанія мотивовъ историческаго процесса современниками харакгеризуеть эпоху, независимо отъ боле глубовихъ, единообразныхъ причинь, действовавшихъ въ разныя эпохи. Такъ, напримеръ, экономичесвіе мотивы крестовыхъ походовъ и конввистадоровъ Америки и Индів могли быть сходны, но для пониманія разницы эпохъ важна въ особенности разница ихъ сознанных побужденій.

Потребность нервныхъ возбужденій, точно также, какъ потребность безопасности, проявляется гораздо ріже, чімъ потребность въ пищі, однако едва ли можно столь же рішитэльно, какъ для предъидущаго, сказать, что для ея проявленія, вообще говоря, есть всегда основаніе искать прежде всего мотивы, которые здісь вообще названы экономическими, и тімъ меніе мотивы политическіе.

Уже у пауковъ потребность полового наслажденія господствуєть надъ потребностью безопасности и ведеть часто къ поёданію увле-Задачи пониманія исторіи. ихъ обозрвній, быть расположены въ два, внолив различные порядка, смотря по тому, руководствуемся ли мы генетическою последовательностью ихъ возникновенія, или ихъ логическою зависимостью, въ томъ видь, въ которомъ эта зависимость обусловливается нынъшнима пониманіемъ роди той или другой изъ этихъ областей въ общемъ систематическомъ комплексъ работы мысли. Для эволюція мысли важна, въ особенности, генетическая последовательность областей, тогда какъ ихъ систематическая зависимость представляется лишь результатомъ этой исторіи, - результатомъ, который дальнейшіе фазисы эволюціи могуть болье или менье видоизмінить. Тімь не менье, изследование генезиса областей мысли и оценка ихъ историческаго значенія обусловивается почти неизбіжно систематическимъ пониманіемъ нормальной работы мысли въ цёломъ составь это работы. Съ точки эрьнія того или другого пониманія та или другая область получаеть болье или менье важное мъсто въ общей схемъ нормальной мысли, а то и вовсе изъ нея исчезаетъ, хотя играетъ иногда весьма значительную роль въ генезисъ формъ мысли и ея продуктовъ.

За источники всей эволюціи человіческой мысли прихоходится, повидимому, принять мысль техническую и творчество общественных форма. И то и другое вырабатываются въ психической деятельности человека, какъ орудія въ борьбъ за существованіе, подобно тому какъ различные біологическіе органы и функціи развиваются въ мірт біологическихъ организмовъ. Какъ орудія этой борьбы, двв упомянутыя области мысли оказываются у человъка уназоологическихъ предковъ. Подобно слъдованными отъ его этимъ предкамъ и человъкъ путемъ технической мысли устанавливаеть отдёльные пріемы для достиженія отдёльныхъ частныхъ целой, которыя онъ себе ставить въ разнообразныхъ сферахъ своей дъятельности; затъмъ онъ опредъляетъ і ерархію этихъ цълей по степени ихъ непосредственной требовательности и полезности для него. Многія изъ животныхъ пошли въ техникъ настолько далеко, насколько это было возможно для нихъ при условіи, что орудія труда были имъ даны формою ихъ

организма, а не изтотовлялись ими: это изготовление оказалось доступнымъ только человъку. Въ формахъ солидарнаго общежитія н'ікоторыя изъ упомянутыхъ животныхъ даже превзощли его, хотя лишь въ такихъ проявленіяхъ солидарности, при которыхъ развитие сознательныхъ процессовъ, помимо служенія элементарнымъ инстинктамъ особи, осталось на очень низкой ступени. Целью мысли технической, какъ орудія въ борьбъ за существование особи и породы, было всегда для человъка вообще господство надъ природою и, въ частности, подчинение себь другихъ организмовъ. Точно также цълью творчества общественныхъ формъ было въ огромномъ числъ случаевъ въ мірѣ зоологическомъ и человъческомъ укрѣпленіе и расширеніе солидарности въ данномъ обществъ. Гораздо нозже цълью этого творчества сдълалось для человъка осуществленіе такихъ общественныхъ формъ, которыя наилучшимъ образомъ удовлетворили бы потребностямъ особи вообще. Еще позже и въ совершенно исключительныхъ случаяхъ въ числъ этихъ потребностей вошла потребность развитія. Это еще болве опредвление можно утверждать относительно представденія о возможной солидарности всего человічества.

Но именно только что указанныя цёли мысли технической и раннихъ фазисовъ творчества общественныхъ формъ имёли слёдствіемъ, что об'є эти области мысли сами по себі проявляли склонность принять форму привычки, обычая вы эмпирической случайности, а потому перейти изъ сферы работы мысли въ сферу культуры.

Чёмъ далее шло развите человечества въ научномъ отношени, темъ более разросталась возможность техническихъ применений научной мысли; однако, въ то же время и темъ определение противуполагалась область пониманія области умпнія, область теоретическаго мышленія—области техническихъ пріемовъ. Съ темъ вмёсте происходило почти неизбежно дифференцированіе: научная подкладка позднейшей техники становилась однимъ изъ самыхъ замечательныхъ проявленій работы мысли; но особенно техника, какъ умпнее, противуполагаясь своей научной подкладке, какъ пониманію,

BULLERAND WE THE PERSON OF A PROPERTY OF STREET BY THE STR

Mora daug coma, comembereure dours comanadors sume-\$8.50 CARD A RECEIVED DAY BY BUILD 19.1 CAMEN OCYMECT-ALAR VALUE MARKET MEALURE. IT THIS HIPE BE SPORECT 80. O 120,00000 a nos Cianana Siskenta Athosphatebhil, sieм жиж исполимамия выпичению филир культулы оть напора размуски пряси мисля, и самый пропросъ едва ли не целикомъ умилимим минести къ офера культуры съ ем непреднамъренными изибаненими. Но весьма споре твертество общественныхъ Учрик Инаружило остленность, не встречающуюся въ области залимиськой мысли. Предъ общественными формами при са-" или ихи появления, -- впилнъ непреднамъренномъ-стало уже пробемение не только сманы общественныхъ формъ подъ вліяисму случайностей, но и требование развитыя этихъ формъ ил смыслі, личнаго удовлетворенія аффектовъ, интересовъ н убжисий особи; требование работы мысли надъ расширениемъ импества, нали скрыпленіемт, его солидарности, надъ усовершенствованіемъ его органовъ и функцій. При всемъ стремленій всякаго общежитія къ прочнымъ и неизміннымъ формамъ кулмуры, можно сказать, что, при первомъ же сплоченім родовыго совая дикарей въ самой элементарной и грубой формв. итого сплочения, передъ человъкомъ возникли уже въ своемъ зародышћ задачи соціологіи, какъ науки пониманія формь и

законовь общественной солидарности, и какъ нераздъльно связаннаго съ этимъ искусства переработки формъ общежитія въ виду личныхъ и общественныхъ интересовъ и идеаловъ. На логическій процессъ уясненія и рѣшенія этихъ задачъ могли потребоваться тысячельтія, но, по самому логическому существу работы мысли въ этой области, этотъ процессъ долженъ былъ имьть мьсто и придти къ ныньшней научной постановкъ теоретическихъ и практическихъ задачь соціологіи. Въ эволюціи творчества общественныхъ формъ исторію мысли преимущественно интересуетъ подготовленіе на эмпирической почвъ раціональныхъ задачъ соціологіи, коллективной и личной нравственности, а иногда и раннее угадываніе истинной постановки этихъ задачъ въ нѣкоторой ихъ долъ.

Однако, и цѣль господства надъ природою, рано проявлявшаяся въ работѣ технической мысли человѣка, и стремленіе не только пользоваться солидарностью общежитія для практическихъ цѣлей, но и наслаждаться различными нервными возбужденіями, которыя могло доставить общежитіе, давали двумъ основнымъ областямъ работы мысли еще и другое значеніе. Они вызывали дифференцированіе техническихъ пріемовъ и усложненіе задачъ непроизвольнаго творчества общественныхъ формъ, а то и другое образовало почву для новыхъ областей мысли.

Таковы были двъ области втораго слоя ея, именно мысли астетической и религозной, при чемъ нъкоторыя проявленія первой вполнъ опредъленно можно возвести къ зоологическому міру, для второй же тамъ можно найти лишь зародыши, самое существованіе которыхъ еще гипотетично.

Работа мысли эстетической развилась на почей мысли технической вообще, выдёляя тё формы послёдней, которыя были вызваны побужденіями украшать жизнь, стремленіемь къ привлекательному. Здёсь выработалась и элементарная область игры и забавы, и поздійшиее творчество правдивых эстетических образовь и правдивых патетических настроеній, т. е. область искусства; на высшей стадіи эволюціи, подъ вліяніемь общаго стремленія къ развитію мысли,

получило мѣсто въ искусствъ творчество изищныхъ формъ съ идейнымъ содержаніемъ. Такимъ образомъ въ области мысли эстетической приходится брать въ соображеніе отношеніе ея и къ мысли технической, изъ которой она выдѣлилась, и къ забавѣ, параллельно съ областью которой искусство выработалось, и къ сферамъ мысли религіозной, философской, научной и нравственной, доставлявшимъ искусству, на высшей ступени его развитія, надлежащее идейное содержаніе. Кромѣ того, вслѣдствіе неизоѣжнаго отраженія общественныхъ заботъ на продукты всѣхъ областей мысли человѣка, слѣдуетъ имѣть въ виду и общественную роль искусства, по отношенію къ подобной же роли всѣхъ только что упомянутыхъ, сосѣднихъ съ ней областей.

Связь техники эстетической съ техническою мыслыю вообще не только не ослабела въ процессе эволюціи искусства, но становилась все теснее, а потому исторія искусства есть настолько же исторія художественной техники, принадлежащей почти вполит области культуры, какъ и эволюція чувства красоты въ его связи съ идейнымъ содержаніемъ, что одно входить въ эволюцію мысли. Изъ области наслажденія привлекательнымъ и творчества привлекательнаго эта последняя эволюція имбеть дело лишь сь тою долею привлекательнаго, которая заключаеть въ себъ наслаждение и творчество развивающее. Къ области культуры относятся всё тё произведенія, которыя имъютъ въ виду лишь забаву привлекательными ощущеніями или игрою сміняющихся болье или менье привлекательныхъ представленій. Но за то вив области эстетической мысли остается почти вполнъ искусство дидактическое, которое, хотя и употребляеть пріемы привлекательнаго, но болве или мен'ве чуждо образному мышленік; вн'в этой области остается также всякое творчество, направленное на вызовъ патетическаго настроенія вив художественныхъ пріемовъ. Патетическій элементь и идейное содержание могуть придать продуктамъ художественного творчества высокое місто въ развитія мысли индивидуальной и коллективной, но м'есто этихъ продуктовъ въ области чисто-эстетической опредвляется преимущественно

художественной правдивостью образовь и настроеній въ произведеніяхъ художниковъ.

Отсюда и сложность общественной роли произведеній искусства. Въ эпоху доисторическаго общества оно есть исключительно отражение коллективнаго аффекта и коллективной мысли. Затъмъ именно въ его области завоевываетъ себъ мъсто самое раннее проявление индивидуализма, и, съ тъхъ поръ, художественное совершенство произведенія почти нераздільно отъ степени отраженія въ немъ индивидуальности художника. При этомъ, можетъ быть, представляютъ исключение весьма немногіе геніальные объективные художники, индивидуальное творчество которыхъ настолько прониклось высшимъ угадываніемъ духа времени, что лишь особенно тонкій ценитель въ состояніи разглядьть въ ихъ произведеніяхъ ихъ индивидуальность. Вообще же говоря, противуположение искусства индивидуального искусству коллективному едва-ли не составляетъ самой опредвленной вившней характеристики историческихъ періодовъ въ отличіе отъ доисторической ступени жизни народовъ.

Однако, и въ фазисъ общественной забавы, точно такъ же какъ въ фазисъ отраженія въ искусствъ общественныхъ аффектовъ и общественнаго міросозерцанія, наконецъ и въ фазисъ индивидуального потетического творчества и индивидуального воплощенія идейнаго содержанія въ изящныя формы, искусство могло быть иногда въ своихъ продуктахъ однимъ изъ самыхъ могучихъ элементовъ общественной солидарности а, въ другихъ случаяхъ, могло оставаться, при высокой ступени технического совершенства, или вполн'в чуждымъ жизненнымъ задачамъ эпохи, орудіемъ общественнаго индифферентизма, или даже обращаться въ орудіе общественной деморализаціи. По своему существу область эстетической мысли не обусловливаетъ опредъленно ни того, ни другого направленія въ общественной жизни; общественная роль его опредвляется твиъ, насколько въ других отношеніяхъ развилось и общество, гдв мы его наблюдаемъ, и личность художника.

На основании предыдущаго можно окончательно установить .

следующимь образомъ отношение области эстетической мысли къ эволюціи мысли вообще. Эстетическое творчество отпадаетъ въ область культуры всею долею техническаго элемента, изъ него невыделимаго ни на какой ступени развитія, и входитъ въ эволюцію мысли какъ своимъ внёшнимъ элементомъ общественнаго вліянія, такъ и всёми тёми своими проявленіями, въ которыхъ оно достаточно выполняетъ свою существенную задачу: воплощеніе въ прекрасныя формы той правды, которую художникъ умёсть уловить въ природё и въ жизни, и другой правды, находящейся въ гармоніи съ первой, правды, которая живетъ въ нравственномъ уб'ёжденіи художника, какъ развитого человёка.

Работа мысли *религіозной* требуеть отт изслідователя эволюціи мысли вообще особенной осторожности, какъ потому, что религіозная мысль въ своей эволюціи проходить чрезъ весьма различные фазисы, такъ и по тому, что сила религіознаго аффекта втягиваеть въ сферу мысли религіозной множество элементовъ, вовсе къ этой сфері не принадлежащихъ, и законы психологическаго вліянія которыхъ, по этому самому, совсімь иные, чімь законы вліянія мысли религіозной.

Въ мірѣ зоологическомъ можно, повидимому, допустить лишь зародышное присутствіе релягіознаго аффекта въ формѣ ужаса передъ неиявъстною силою; въроятно, не далѣе этой зародышной формы пошло проявленіе религіозной мысли и въ первые періоды существованія человѣка, какъ обособленнаго примата; но здѣсь можно говорить лишь о въроятности, потому что ни одно племя человѣческое не осталось на этомъ низшемъ фазисѣ религіозной эволюціи.

У всёхъ дикихъ народовъ, намъ извъстныхъ, религіозная мысль проявлялась уже въ той формъ своего развитія, которая ее всего тъснъе связываетъ съ мыслью техническою и какъ бы свидътельствуетъ о ея древнемъ дифференцированіи изъ области этой мысли. Въ борьбъ человъка за власть надъ природою, рядомъ съ обыденною техникою, мы находимъ технику, имъющую цълью обезпечить удачу въ предпріятіяхъ, при смутсознаніи, что нътъ прямой связи между совершаемымъ

техническимъ прісмомъ обряда или выбраннымъ амулетомъ и пълью, достигаемою при помощи этого дъйствія или амулета, Неизвъстная сила, вызывавшая ужасъ у животнаго, есть и здась источникъ подобнаго же аффекта, но уже болье сложнаго. Это не только ужасъ, но въ то же время и любопытство, направленное на отъискание средства разгадать будущее, обезпечить себъ удачу, подчинить себъ ту грозную силу, которая может служить для этой прли; это, наконепъ, и особое удовольствіе войти въ общеніе съ этою фантастическою силою. Лень мысли и действія, присущая дикарю, и которой противодвиствовало только побуждение украсить жизнь, — побужденіе здоровое, но сравнительно слабое-встрвчаетъ тецерь гораздо сильнъйшее противодъйствіе въ желаніи усвоить содъйствие фантастическихъ помощниковъ Начинается въ человвчествъ сильная работа фантазіи. Она начинаетъ вызывать представленія объ этихъ таинственныхъ силахъ, сопровождаемыя только что упомянутымъ сложнымъ религіознымъ аффектомъ ужаса, любонытства и своеобразнаго удовольствія. Мірч дикаря наполняется существами, способными вредить и помогать ему. Область творчества общественных формь находить себв и здвсь немедленно приложение. Предъ человъкомъ встала вполнъ опредъленная задача установить общение между людьми и фантастическими существами, а солидарность реальнаго общества усилилась возникновеніемъ фантастических представленій, скрппляющих рядь обычаевь. Это и есть золотой выкъ фантастического творчества, когда изъ него и культура черпаеть свои самыя выработанныя формы, и мысль свои самые плодотворные мотивы къ двятельности. Религіозная мысль охватываеть въ этоть періодъ почти всв психическія проявленія, которыми умъ человѣка отличается отъ инстиктивной жизни животныхъ. Въ вфрованіяхъ этихъ эпохъ мы встрачаемъ зародыши искусства, философіи, науки, нравственности, для которыхъ не было другаго источника. И для поздивишихъ періодовъ эта эпоха оказывается главнымъ источникомъ собственно-фантастического творчества и эмоціональнаго элемента того, что полинезіецъ и Францискъ ассизCLIÉ DIERREACTE DUTS CLERRE E TÎNE DE CAUNES BEJUNT-L-RUNG LIE EZIS TOJAZE NE PASSEJONE THAIRISE ROS TU-RU DIE DOLÎSȚE DE DEJIM TRAINSMICE DIREC BESCHE-V BUJĂLINE ROS DIRIE L'RUL-LICIES T., TO CHEDITICE EN PLA-CIRNU ROLJOTIRA, ȘZIOCIȘ R. ENJUR, EJASTISCHE CIE, EMPOQUITEN OLIMER, SACTIM RA LIVER SEPLEMBI E DEJERE BARE ICURRICI ROMANIZITEMBO DISTE SIENCHTE. ORE COURS CHIES DICEPTE BU DISTA OLIACTE, COMIARE ȘI PRE ATTICIONAL ARENEUMA. GETT-MIRONA, MANARISMA, TROPSCUSO RESCED, CENBULIES, DELATIS MI-CHUSCOCALO OSPAȚA E RECURSCUS OSRAHENTE.

Ognako, su stonu cantar uponecch costania permiesmant представлений, вы выработий спеціальныхы хранителей мястическаго знанія и мистической обрядилсти, въ размышает о можь духовь и боговь, и т. под. этогь же періодь повт.-TOBISITE TARME USIDIARE TOFS, TO HOSPOLETA CONDARRE HEREнее внушительное название, элементами, заниствованными вза другиха областей мысли. И воть, въ историческій періодъ обособленных в цивилизацій, рядомъ съ переживаніемъ вз массахъ доисторическихъ верованій, историческая роль вокплекса, о которомъ мы здесь говоримъ, делается уже чист. сопіологической. Забота о прочности реальнаго общенія межлу дильми заслоняеть собою заботу объ общенім человька съ его фантастическими помощниками. Религія господствующихъ языческихъ классовъ теперь обрядный комплексъ, являющійся символоми культурнаго единства обособленной націн или государства, комплексъ, въ которомъ все болће ослабъваеть роль представленій о богахъ и религіознаго аффекта, все меньшее значение получаеть работа мысли и все большееформа религіознаго обряда, самымъ тёснымъ образомъ связанная съ формами государственнаго союза, культурной жизни и вызывающая весьма значительную самостоятельную деятельность мысли эстетической и философской.

Опять новый фазист того, что продолжаетъ сохранять прежисе названіе, настаетъ съ выработкой критической мисоли, которая ставить заразъ задачи научнаго пониманія, созпательной правственности и человіческаго универсализма.

Съ первымъ пробужденіемъ мысли научной обнаруживается для меньшинства, которому она стала доступна, что она прямопротивуположна эмоціонально фантастической работв мысли: объ стремятся обладать истиной, но для мысли научной истина не существуеть вив критики, она вся-въ пониманіи, тогда какъ мысль эмоціонально-фантастическая пытается рфшить эту задачу совсемъ инымъ способомъ. Критика въ ней отсутствуеть, понятіе о віроятномъ и сомнівніе ей чужды; для нея эсе или принимается какъ вполнъ достовърное или же отвергается какъ безусловно-ложное; она стремится уловить истину лишь въ той сферъ, которая вызываеть къ дъятельности своеобразный аффекть, гдв смешаны стражь и привлекательность; она жаждеть освобожденія оть чувства зависимости и безсилія предъ личными жизненными задачами; она не стремится понять окружающее, а хочеть господствовать надъ нимъ независимо отъ всякаго пониманія.

Такимъ образомъ въ эту эпоху наиболье развитое меньшинство неизбъжно сознаетъ противуръчіе между двумя пріемами отысканія истины; но, одновременно съ этимъ, въ большинствъ происходитъ взаимодъйствіе двухъ различныхъ фазисовъ работы эмоціонально-фантастической мысли: первый и древнъйшій фазисъ продолжаетъ преобладатъ среди массъ, оставшихся подъ господствомъ переживанія фантастическихъ представленій доисторическихъ върованій; въ другомъ, позднъйшемъ фазисъ находятся господствующіе классы, которые охраняютъ общественную обрядность, символъ единства нафіи или государства, но даютъ широкій просторъ эстетической и философской мысли. Доисторическія върованія массъ проникаются требованіями сознательной нравственности и универсалистическаго единства. Личное убъжденіе противуполагается обряду.

На этой почвъ философскихъ и нравственныхъ требованій мы наблюдаемъ появленіе универсалистическихъ религій съ ихъ догматическими затрудненіями, рядомъ съ критическою мыслью, стремящеюся неизбъжно устранить эти затрудненія. Происходитъ какъ бы религіозное возрожденіе. Ря-

домъ съ переживаніями прежнихъ представленій о роли вѣрованій, эмоціонально-фантастическій элементъ ставить перь передъ передовою интеллигенціею совсимъ уже иную задачу: общечеловъческое нравственное учение, опирающееся на философское міросозерцаніе. Вывств съ твиъ возникаетъ попытка создать новую обычную культуру на почвъ догмата, подчиняя послъднему всъ проявленія мысли эстетической, философской и нравственной. Но, въ сущности, все это возрождение совершилось исключительно въ областяхъ мысли философской и нравственной: первая требуеть болъе логическаго единства и последовательности въ мысли и жизни; вторая-жизни по убъжденію. Въ новомъ комплексв представленій, продолжающемъ носить прежнее названіе, произошла полная атрофія роли элемента эмоціонально-фантастическаго. Въ культурв онъ остается все твмъ же доисторическимъ переживаніемъ. Вся же работа мысли, характеризующая этотъ новый періодъ, получила совершенно иное теченіе: она требуетъ личнаго убъжденія, рядомъ съ единообразнымъ обрядомъ; поддержки существующихъ формъ общества религіозными представленіями, рядомъ съ перестройкою этихъ формъ по типу церковнаго единства; а потому она идетъ неизбъжно къ логическому пониманію несовм'єстимости прогрессивной цивилизаціи съ какой-либо эмоціонально-фантастической подкладкой и невозможности объединить человъчество на почвъ подобнаго върованія. Даже работа мысли эстетической, наиболье индифферентной къ общимъ историческимъ теченіямъ мысли, направлена въ это время къ подрыву эмоціонально-фантастическаго настроенія. Такимъ образомъ въ определенную эпоху всв отрасли работы мысли получили сходное направленіе, характеризованное только что указаннымъ подрывомъ, и вмѣстѣ съ твмъ, требованія того, что продолжаетъ сохранять прежнее названіе, принявъ въ себя совершенно иной смыслъ, стали, собственно, требованіемъ свитской цивилизаціи, не заботящейся уже объ «общеніи между богами и людьми» и пишущей почвы для прочнаго и развивающаго общественнаго союза въ реальныхъ источникахъ мысли и жизни, чуждыхъ

всякой мистической обрядности и всякаго фантастическаго представленія.

Съ наступленіемъ эпохи сознательно-свѣтской цивилизацій новаго времени, эволюція, о которой мы только что говорили собственно кончается, и дѣло идетъ лишь о процессѣ распаденія эмоціонально-фантастическаго элемента во всѣхъ его переживающихъ еще формахъ. Дѣло идетъ о ростѣ наступающаго и развивающаго—прямо-противуположнаго прежнему—направленія мысли, ростѣ, проявляющемся все болье опредѣленно даже во временныхъ попыткахъ мистической реакціи въ послѣдній вѣкъ: онѣ имѣютъ лишь значеніе поддержки переживаній прежнихъ періодовъ, при полномъ противорѣчіи этихъ переживаній съ теоретическими и практическими задачами настоящаго и будущаго.

Дальнъйшія области мысли возникають уже на почвъ исторической мысли и представляются въ формъ дъйствія исторической интеллигенціи на массы.

Это, сперва, область объединяющей философской мысли. Она подготовляется въ инстинктивныхъ психическихъ процессахъ выработки общихъ представленій и понятій, въ процессь развитія рычи. Она проявляется въ зародышной формы въ върованіяхъ натуризма и анимизма, пытающихся инстинктивно внести единство въ пониманіе міра и въ формы культуры. Она выступаеть уже какъ самостоятельная сила въ первый періодъ исторической жизни, пытаясь слить всі умственныя пріобретенія и всё отрасли культурной жизни господствующих в классовъ въ одно стройное, хотя и вовсе не критическое, целое. При первомъ пробуждении мысли критической философская мысль выступаеть съ задачами мудрости, единствъ послъдовательнаго цълаго всъ охватывающей въ вопросы пониманія и жизненныхъ ц'ялей. Наука и нравственность, вырабатывающіяся на этомъ фазись развитія, доставляють ей весь главный матеріаль ея всеобъемлющихъ, болве или менве систематическихъ задачъ. По мврв того, какъ эти двъ области развиваются при помощи болье или менъе критическихъ пріемовъ мысли и ставять определенне свои

задачи; философская мысль следуеть покорно накопляющемуся вне ея матеріалу науки и нравственности, только что указаннымъ фазисамъ изменяющагося содержанія въ мысли религіозной, и колебаніямъ общественныхъ аффектовъ подъ вліяніемъ историческихъ событій и борьбы классовъ. Въ этомъ сложномъ процессе эволюціи она получаетъ характеръ то боле религіозный, то преимущественно метафизическій, то съ преобладаніемъ научныхъ задачъ. Она выдвигаетъ на первый планъ то вопросы пониманія міра, то смену жизненныхъ целей, то изследованіе самихъ интеллектуальныхъ орудій этого пониманія и возможности ставить себе те или другія цели.

Философская мысль выступаеть преимущественно въ четырехъ формахъ более или мене сознательного объединения всъхъ сосуществующихъ въ данную эпоху теченій мысли. Это во-первыхъ, безсознательное единство литературы и практической діятельности эпохи, доторое въ своемъ разнообразін, обусловливаеть комбинацію переживаній стараго, зародышей новаго и характеристическихъ чертъ эпохи. Это, во-вторыхъ, критика литературы и правовь у наиболье развитыхъ личностей, критика, единство которой лишь отчасти совнательно, темъ более, что она направлена всего чаще на отдъльные эпизоды и симптомы личной и общественной жизни. редко достигая общаго міросозерцанія. Это, въ третьихъ, та форма, которою преимущественно занимаются историки философія, форма сознательно-построенныхъ философских системь, охватывающихъ болье или менье широко матеріаль, мысли и жизни, и заключающихъ въ себъ болъе или мевъе элементовъ религіозныхъ, метафизическихъ, научныхъ и жизненныхъ. Это, наконецъ, примъры посльдовательной личной жизни и дъятельности, единство которыхъ иногда есть не болье, какъ результать выработки личнаго характера. обусловливающаго почти инстинктивно частности двятельности; въ другихъ случаяхъ жизненное единство обусловлено натянутымъ и театральнымъ доктринерствомъ отвлеченныхъ и условных принциповъ, пытающихся искальчить жизнь и отчасти достигающихъ этой цели; наконецъ, иногда это -- сознательное служение жизненному идеалу, гармонически соглашенному съ общимъ міросозерцаніемъ, при чемъ построеніе этого міросозерцанія болье или менье тьсно связывается съ требованіями посльдовательности въ жизни. Но во всь періоды своей эволюціи эта область сохраняетъ свой характеристическій признакъ: она не создаетъ никакого своего особенного содержанія, заимствуя его изъ другихъ областей мысли и изъ задачъ жизни. Ей спеціально принадлежитъ лишь стремленіе къ объединенію въ мышленіи, къ посльдовательности въ жизни, къ гармоніи между пониманіемъ и дъйствіемъ.

Определения философіи многочисленны, и для значительнаго числя имельтелей стараго и новаго времени это не только область интеллектуальной двятельности, гдв функціонируеть особый пріемъ мышленія (нменно объединяющій), но еще область науки, имеющая свое особенное фавтическое содержаніе. Пишущій это принуждень стать на совсёмь иную точку врёнія. Такъ называемы я «философскія» науки (догика, пенхологія, этика и т. под.) ставять, на его взглядь, изслёдователямъ совершенно такія же требованія относительно точныхъ. фактовъ и ихъ частныхъ законовъ, какъ геометрія, біологія вли соціологія. Негь ни одного, такъ наз мваемаго «философскаго» принципа, который не принадлежаль бы, при внимательномъ разсмотраніи, или къ комплексу обычаевъ в вёрованій одной изъ эпохъ жизни человёчества, или въ одной изъ наукъ, которыя устанавливають въ разныхъ областяхъ точные факты и частные обобщающие законы, ставять болье или менье строгія гипотезы и опредыляють степень возможности, въроятности или ошибочности этихъ гипотевъ. Нетъ ни одного тавъ называемаго «философскаго» метода, который не входиль бы или въ прівмы мистиви или въ область естествознанія, логики, психологіи, этики или соціологіи, какъ методъ болье или менье точный и допускающій болье или менье пирокое примывеніе. Поэтому трудно даже представить себв особую науку-философію. За то философскій элементь объединенія представленій и понятій путемъ ихъ сближенія по аналогін, путемъ ихъ систематизацін в т. под. присутствуетъ и во всяхъ наукахъ и въ элементарныхъ върованіяхъ, и въ значительной долъ замъчательнъйшихъ произведеній исвусства и въ продумавной нравственности, и въ жизни личностей, вонлощающихъ наилучще въ этой своей жизни историческую эпоху, и въ исторической эволюціи событій, общественных формы и продуктовы мысли и жизни, Потребность объединенія, создающая область философін в придающая ей жизненность, есть столь же неустранимая и важная потребность развывающагося человёка, какъ въ области науки потребность точ ной

установки фактовъ и ихъ законовъ, постановки гипотезъ и ихъ критики, или, въ области правственности, потребность вносить јерархію въ жизненныя цъли и оценивать действія, свои и чужія, во имя этой іврархіи.

Лишь эпоха появленія критической мысли въ человъчествь дала и могла дать начало области мысли научной, подкладкой которой служило непроизвольное накопленіе фактовъ знанія, размышленіе надъ предметами върованія, и, затьмъ,— нъсколько позже возникшее и выработанное на почвъ двухъ предыдущихъ побужденій—любопытство къ предметамъ и явленіямъ, собственно чуждымъ прямому интересу особи.

Разъ пробудившись, научная мысль, въ своемъ самостоятельномъ ходъ, обусловленномъ ея особенностями, была характеризована тъмъ, во-первыхъ, что въ своихъ завоеваніяхъ она постоянно шла впередъ, никогда не отступая ни въ сферъ точныхъ или въроятныхъ фактовъ и обобщающихъ законовъ, ни въ сферъ усвоенныхъ и критически оцъниваемыхъ методовъ, но мъняя лишь вспомогательныя гипотезы, которыя, въ сущности, настолько же принадлежатъ мысли объединяющей, сколько мысли научной.

Огступленія въ области мысли чисто-научной представляются лишь въ формъ того эпизодическаго обстоятельства, что истины, прежде усвоенныя, были временно забыты, чтобы быть снова открытыми самостоятельно или припомненными въ повднъйшую эпоху; но совнательное оставленіе научнаго пріобрътенія имъло мъсто яногда лишь въ сферъ гипотезъ и болье или менъе философскихъ теорій, в также вслъдствіе лицемърнаго прислуживанія учепаго интересамъ личнымъ или влассовымъ.

Во-вторыхъ, мысль научная характеризована тъмъ, что въ этой области болье, чъмъ въ какой-либо другой, господствовала логическая необходимость полученія дальныйшихъ слыдствій изъ усвоенныхъ уже истинъ. Это самое ставило успыхи мысли научной, исключительно критической, въ прямую зависимость отъ упадка и атрофіи мысли некритической.

Колебаніе прогрессивныхъ и регрессивныхъ элементовъ въ области научной мысли обусловливалось лишь тою связью, въ

которую вступала эта мысль въ разныя эпохи съ мыслью философскою и съ жизненными цълями, сознательно или безсознательно подпадая подъ ихъ вліяніе. Недостаточно-строгое разделеніе задачь научныхъ отъ задачь философскихъ подчиняло ученыхъ всемъ колебаніямъ, которыя были неизбежны въ философіи, при отсутствіи содержанія ей собственно-принадлежащаго и при ея зависимости отъ различія элементовъ, требовавшихъ объединенія въ данную эпоху. Неизбъжная спеціализація разныхъ сферъ научныхъ фактовъ и законовъ вызывала въ однихъ ученыхъ наклонность выделять задачи науки изъ задачъ жизни, относиться къ последнимъ индифферентно или делаться сторонниками общественной реакціи. Переходъ техники элементарной во всёхъ ея сферахъ въ технику научную и огромное общественное значение, которое получала въ этомъ случав наука, уже не какъ источникъ пониманія, а какъ источникъ умпнъя, какъ орудів въ борьбъ за личные и групповые интересы обогащенія и власти, вызывали въ другихъ ученыхъ наклонность подчинять изследование истины и оценку пріемовъ методическаго мышленія практическимъ интересамъ. Оттого, рядомъ съ логическимъ и неустранимымъ ходомъ научной мысли къ новымъ и новымъ завоеваніямъ, міръ ученыхъ представлялъ иногда поразительныя патологическія явленія. Таковы были, въ трудахъ иныхъ ученыхъ, смутные и изм'вняющіеся выводы, полученные вследствіе нераціональнаго внесенія въ научныя работы чисто-философскихъ гипотезъ и споровъ. Таково было съуживание мысли спеціалистовъ вследствіе самой ихъ спеціализаціи. Въ другихъ случаяхъ ученые обнаруживали прямую враждебность къ здоровымъ общественнымъ задачамъ, развивая въ средв своихъ учениковъ политическій индифферентизмъ и поддерживая реакцію будто бы въ виду более интенсивныхъ успеховъ чисто-научныхъ завоеваній. Встрічались, наконець, и случаи позорнаго служенія представителей знанія интересамъ личнымъ и классовымъ. Лишь въ этихъ енъшнихъ для науки вліяніяхъ ся эволюція представляеть колебанія въ тёсной зависимости отъ общихъ задачъ культуры и мысли въ каждую эпоху. Установленіе

вполнъ—логическаго хода ен завоеваній (лежащаго въ самой сущности научнаго мышленія) можно ожидать лишь въ эпоху, когда въ другижь областяхъ мысли будутъ устранены вреднын вліянія ненормальной спеціализаціи мысли и общественной конкуренціи, вліянія, искажающія не пріемы научной мысли, а жизненныя заботы ученыхъ. Въ прошедшемъ, въ настоящемъ и въ будущемъ болье или менье раціональный ходъ научныхъ завоеваній исключительно зависьть, зависить и будетъ зависьть отъ успьховъ или бользней общественнаго строя.

Та же самая эпоха появленія критической мысли дала начало и мысли сознательно-правственной, которая въ мірь доисторическомъ представляла подготовленія лишь зародышныя. Таково было обязательное подчинение особи обычаю, противъ котораго не протествоваль и тоть, кто быль его жертвою; таково было столь же обязательное подчинение върующаго повельнію фантастическаго міра духовь и боговь, съ которыми религія устанавливала «общевіе» для человіка; подчиневіе обусловленное опасеніемъ худшаго наказанія въ случав неповиновенія. Разъ въ исторической цивилизаціи пробудилась потребность наслажденія собственнымъ развитіемъ, одна изъ первыхъ и самыхъ существенныхъ формъ последняго состояла въ выработкъ представленія объ-обязательности, налагаемой самимъ человъкомъ на себя сознательно, не изъ опасенія вившнихъ последствій, а вследствіе требованій личного убпожденія. Внесеніе болье развитыми людьми правственнаго элемента въ доисторическое представление о личномъ достоинство, критическая выработка ими этого взгляда на достоинство человъка, требованіе жизни по убъжденію и сопіологическое развитіе иден справедливости, составляли впродолжении всей исторической эволюціи этики существенные мотивы этой эволюціи, вившность которой разнообразилась разными казуистическими и доктринерными заповъдями, большею частью лишенными собственно-этического содержанія. Именно въ области правственности всего опредъленные обнаружилось противуположение въ сторическое время развитаго и развивающаго меньшинства

интеллигенціи большинству дикарей высшихъ культуръ. Передовая доля исторической интеллигенціи болве или менве успвшно вырабатывала въ своемъ пониманіи и въ своей діятельности основные этическіе мотивы; тогда какъ, для дикарей разныхъ культуръ, формы, въ которыя воплощались въ каждую эпоху эти самые развивающіе принципы нравственности, обращались въ формулы обычныхъ нравовъ, въ чисто-вившнія правила катехизиса культурнаго обихода, чуждыя всякаго живого содержанія. Вследствіе сложности вопросовъ этики и трудности придагать къ нимъ научные методы, выработанные преимущественно въ вопросахъ совсемъ иныхъ сферъ, попытки научной этики были явленіемъ очень позднимъ въ исторіи. Нравственныя задачи прежде всего были сознательно или безсознательно ноставлены въ области верованій, что и обусловило переходъ отъ господства обрядныхъ культовъ къ нравственно-метафизическимъ системамъ *) съ подрывомъ фантастическаго ихъ элемента. Затъмъ, уже съ гораздо большими затрудненіями, область нравственной мысли пыталась проникнуть въ область эмпирическаго творчества общественных формъ; борьба ея съ обычаемъ и съ интересами была, въ большинстве случаевъ, сезуспъшна, хотя логическая необходимость вывода слъдствій изъ усвоенныхъ уже-хотя бы и очень незначительныхъ-элементовъ нравственности въ общественномъ стров мало-по-малу дълала свое дъло: она отвоевала себъ признаніе, чаще теоретическое, однако иногда и практическое. Въ продолжении всего историческаго преобладанія борьбы интересовъ, мы присутствуемъ при эпизодическихъ протестахъ нравственнаго убъжденія противъ этого преобладанія. Подобные протесты были вполнъ безнадежны при тъсной связи нравственности съ догматическимъ элементомъ, такъ какъ это самое придавало имъ характеръ нереальный и противунаучный. Самая возможность успъшности этихъ протестовъ явилась лишь въ свътской цивилизаціи. Съ техъ поръ классовая борьба, разростаясь и обостряясь, поставила предъ развивающеюся соціологіею, одно-

^{*)} См. стр. 73 и сл.

временно и въ тесной зависимости одинъ отъ другого, вопросъ сопіологическій о прекращеній классовой борьбы путемъ устраненія разницы классовъ, о всемірной трудовой коопераціи, и вопросъ нравственный о царствъ справедливости. При самыхъ ожесточенныхъ столкновеніяхъ классовъ въ наше время, едва-ли кто рашался отрицать въ принципа требованія справедливости. Борьба двухъ направленій происходить на почві столкновенія интересовъ различныхъ классовъ и научная подкладка этой борьбы есть обусловление историческихъ явлений вь прошедшемъ экономическими интересами. Однако, научное понимание строя, который получится въ результать ожидаемыхъ столкновеній и катастрофъ, побуждаеть писателей некоторыхъ группъ выставить, какъ научную гипотезу, что этотъ строй, за прекращеніемъ конкурренціи съ устраненіемъ разницы классовъ, долженъ неизбъжно повести къ упомянутому выше подавленію экономическихъ интересовъ, какъ основнаго мотива исторіи въ прошедшемъ и въ настоящемъ, идеалами нравственными (или, пожалуй, высшими интересами нравственнаго развитія), какъ преобладающаго мотива будущей исторіи.

Область этики вызывала и вызываеть до сихъ порь весьма обширную литературу, но при этомъ остаются еще спорными многіе вопросы, относящіеся въ самымъ основнымъ пунктамъ этой области, именно въ ся объему, въ ея методу, въ ея развѣтвленіямъ, въ тому, допускаетъ пли не допускаетъ она эволюцію своихъ главныхъ идей и т. д. Рядомъ съ этикою, какъ метафизическимъ ученіемъ о высшемъ благѣ, мы видемъ этику, путающуюся въ неразрѣшимыхъ задачахъ самой спеціальной казуистики. Рядомъ съ понятіемъ о нравственности, какъ долженствующей господствовать и руководить въ области права и обычая, мы встрѣчаемъ утвержденіе, что лишь въ эмпиризмѣ положительнаго права, установившагося обычая и колеблющагося общественнаго миѣнія можно найти реальные устои нравственности. Здѣсь не мѣсто останавливаться на этихъ продолжающихся еще спорахъ, но по нѣкоторымъ частнымъ пунктамъ можно замѣтить слѣдующее.

Очень многіе авторы вводять въ категорію правственных побужленій и обязательность обычая в обязательность практической заповёди, имёющей миенческій источникь. Едва-ли это, правильно, такъ какъ въ этомъ случат весьма различные мотивы смёшиваются подъ одной рубрикою: действія по убежденію не различаются ни отъ убежденія исполнять необсуждаемый обычай — побужденія противуположнаго требованія расширенія области совнанія въ поступнахъ, —ни отъ побужденія дъйствовать такъ или иначе изъ страха наказанія, — побужденія, прямо деморализующаго личность. Конечно, можно отличать ихъ терминами обычной, религіозной и сознательной правственности, но можеть быть желательнье въ самой основной номенклатуръ ръзче противуположить неразвивающіе и развивающіе мотивы дъйствія.

Многіе авторы не признають и за новъйшими попытками обработки этики характеръ научный, но, кажется, можно допустить, что кое-что въ этомъ случав сдълано или дълается.

Какъ только человъчество вступило въ періодъ свътской цивилизаціи, предъ нимъ стало логическое требованіе внести во всъ области мысли, въ ихъ связи и въ ихъ взаимодъйствіи, систематическую зависимость на почвъ научнаго пониманія и нравственныхъ требованій. Съ точки зрънія, достигнутой на этомъ фазисъ эволюціи мысли нашего времени, рядомъ съ задачею зенетического пониманія областей мыслей, которое мы здъсь преимущественно имъемъ въ виду, становится задача ихъ пониманія систематического. Она, повидимому, могла бы быть формулирована слъдующимъ образомъ:

Объединяющимъ элементомъ является здёсь научная философія, устраняющая элементь догматическій и метафизическій. Она связываеть въ одно цівлое область науки, направленной къ пониманію міра, человіка, общества и исторіи въ виду нравственной дъятельности особи и общества-и область этой нравственной дъятельности, проникнутой, во всёхъ ея элементахъ, столь широкимъ пониманіемъ, какое только возможно для человъка въ каждую эпоху. Нераздъльное вліяніе этихъ двухъ областей должно обусловливать дальнъйшія формы работы технической мысли, служащей теперь уже не обычаю, неподлежащему обсужденю, не фантастическимъ върованіямъ, не интересамъ личностей или классовъ, а научно-продуманнымъ задачамъ коопераціи человічества въ виду наиболіве тіснаго скришленія его солидарности и наиболие широкаго развитія сознательности въ особи и въ коллективности. Это же вліяніе должно обусловить дальнъйшее творчество общественных з форми въ виду тахъ же цалей, постановку личностью и коллективностью себѣ вообще жизненных задачъ. При этомъ сохранившееся еще отъ зоологическихъ предковъ человѣка побужденіе украшать жизнь ставитъ теперь себѣ задачей въ области здоровой эстетической мысли— придать всѣмъ формамъ культуры содержательную привлекательность и внести во всѣ формы творчества мысли и жизни содержательный художественный элементъ.

ГЛАВА VI.

Объективные и субъективные элементы въ соціологіи и въ исторіи.

Историческое знаніе и научное пониманіе исторіи. — Вопрось о субъективномь элементь.

Требованія объективнаго мышленія въ исторіи.—(Примъры. — То же въ соціологіи. — Субъективный методъ и изслъдованіе субъективных процессовъ).

Основныя приложенія субъективных пріємовь къ исторіи.

Вопрось о важности явленій.—Законы повторяющихся явленій.—Попытки приложенія объективнаго критерія къ исторіи.—Неизбъжность критерія субъективнаго.—Роль личнаго развитія историка.—(Примъры).

Здоровыя и бользненныя явленія.—Нормальный порядонь явленій и отклоненія.—Наслажденіе и страданіе.— Существованіе какт благо. — (Примпры благопріятных страданій). — Эволюція вт единствечном экземплярь. — (Спорные вопросы о патологичности явленій).

Оцпнка возможностей для данной эпохи и для настоящаю.—Роль объективнаю и субъективнаю элементовъ. — (Примъры).

Необходимый и научный субъективизмъ въ соціологіи и въ исторіи.

(Русская субъективная школа, Эд. Майеръ и 1еринъъ).

Данныя исторіи представляются намъ отчасти въ видв повторяющихся фактовъ культуры, составляющихъ почву изучаемаго процесса, отчасти въ виде неповторяющихся явленій въ той или другой области работы мысли, вырабатываемыхъ на этой почвъ и видоизменяющихъ ее. Онъ образуютъ группы, которыя характеризують ту или другую эпоху, или представляють въ ней отчасти жизненные элементы прошлаго, отчасти его переживанія, наконець, въ иныхъ случаяхъ, зародыши будущаго. Эти данныя каждый добросовъстный и старательный изследователь можеть усвоить какъ элементы историческаго знанія. Но для научнаю пониманія процесса исторіи остается еще ихъ распредвлить на категоріи существеннаю и случайнаю, важнаю и второстепеннаю, здороваю и патологическаго; на задачи, которыя могли быть поставлены предъ работою мысли лишь на опредъленномъ ея фазисъ, но не могли быть устранены на этомъ фазисъ, и другія, которыя не имъли этой особенности. Можно ли сказать, что и эта переработка исторического знанія въ историческое пониманіе представляеть одинаковыя трудности для всякаго ученаго, требуеть отъ каждаго изъ нихъ одинаковыхъ условій лишь добросовъстнаго изследованія данныхъ и критической ихъ оценки? Или не прибавляются ли здівсь къ упомянутымъ объективнимъ требованіямъ еще иныя, субъективныя, зависящія отъ общаю развитія историка, неизб'яжно-различныя для различныхъ изследователей, но столь же научныя, какъ и требованія объективныя? Такъ какъ этоть вопросъ именно въ наше время вызываеть наибол'е споровь и такъ какъ значительная часть этихъ споровъ вызвана, повидимому, недоразумъніями относительно точнаго смысла и употребленія терминовъ: объективные и субъективные пріемы мышленія-то едва ли не необходимо несколько подробне остановиться на этомъ вопросв.

Здёсь будуть разсматриваться какъ объективные всё тё результаты мышленія, которые могуть быть усвоены всякимъ изслёдователемъ при достаточномъ знаніи и достаточной добросов'єстности, каково бы ни было его отношеніе къ другимъ областямъ в'єрованія, философскаго міросозерцанія, личныхъ и

общественныхъ влеченій, страстей и жизненныхъ целей. Разъ эти результаты мышленія одинаково доступны для всёхъ, они составляють неуклонное научное требование, и всякій изслівдователь, ихъ невыполняющій и сознательно или безсознательно отъ нихъ уклоняющійся, столь же мало заслуживаеть названія работника въ области науки, какъ астрономъ, который доцускаеть, что движение небесныхъ таль могло изманиться по желанію того или другого чудотворца, или физикъ, для котораго законы тяжести допускали бы исключение въ случав, когда двло идеть о столахъ, надъ которыми спиритисты совершають свои манипуляціи. Безусловное требованіе объективизма въ этихъ пріемахъ мышленія исключаеть изъ области науки и субъективизмъ личного аффекта, искажающаго понимание некритическимъ пристрастіемъ (къ личности, къ сословію, къ національности, къ привычной культуръ, къ религіозному догмату и т. п.) и логический субъективизмъ случайнаго и произвольнаго миния, не подвергнутаго той критикв, которая выдъляеть гипотезу научную изъ массы гипотезъ ненаучныхъ, и субъективизмо невыденія, обусловленный недостатком в знанія и правильнаго умозаключенія. Эти пріемы ненаучны не потому, что они субъективны, а потому, что ихъ субъективизмъ можетъ всякимъ изследователемъ быть устраненъ изъ его работъ, если этоть изследователь усвоиль достаточно всемь доступной критики и всемъ доступнаго знанія фактовъ.

Върующіе и невърующіе могуть и обязани совершенно одинавово понстатировать фактическое содержаніе самых уважаемых текстовъ и ихъ противоръчія. Тоть и другой могуть и обязаны знать, какъ комментировали эти тексты и какъ относились къ ихъ противоръчіямъ провиденціалисты, раціоналисты и миеологи. Это—объективныя требованія и отклоненіе отъ нихъ было бы безусловно не научно. Но мъсто, которое историкъ счелъ бы необходимым удълить въ общей картинъ знехи или въ попыткъ ея научнаго уясненія словамъ той или другой проповъди сравнительно съ паденіемъ Сеяна, съ повмой Лукреція или съ работами Гиппарха, зависъло бы отъ его пониманія эпохи по субъективному развитію его, историка; и степень его добросовъстности туть не при чемъ: чтобы надлежащимъ образомъ оцёнить сравнительную важность этихъ явленій, здоровое или бользненное значеніе ка-

кого-либо традиціоннаго върованія или эпикурензма, возможность для развитаго человъва той эпохи поставить себъ вопросъ о сравнительномъ значении того или другого тауматурга или объ обществъ безъ рабовъ-историку нужна не более критическая установка фактовъ, а болъе упорная работа надъ своимъ общимъ личнымъ развитіемъ, выработка болве широкаго личнаго міросозерцанія, личное усвоеміе, высокихъ жизненныхъ целей. Лишь этотъ субъективный элементь можеть доставить ему надлежащее понимание эпохи; и, въ то же время, то или другое субъективное отношение къ этимъ вопросамъ настолько неизовжно, что вполня устранить его не можеть не историкъ-художникъ, ни историкъ-мыслитель, не отвазавшись отъ своей существенной задачи: осмыслить свой трудъ. Совершенно подобное отношение существовало бы для политического историка первой французской революцін по отношенію, съ одной стороны, къ фактическому содержанію, съ другой-из сравнительной важности террора или цесаризма, или къ патологическому элементу въ нихъ, или, для историка новъйшаго рабочаго движенія, будь онъ соціалисть или манчестерець, когла діло идеть, въ одномъ случай, о фактическомъ содержании того, что происходило въ Базелѣ или въ Гаагѣ, въ другомъ-о значения этихъ собраній для общаго хода событій энохи. Объективность, обязательная для научности историческаго труда въ одной его части, сибинется столь же неизбежною, а потому столь же научною субъек тивностью въ другой его части. Было бы недостойно ученаго исказить тексть Маркса ная варварства «кровавой недели», или даже намеренно умолчать о нихъ въ виду извращенія фактовъ; но никакія усилія быть безаристрастнымъ не могуть устранить неизбежность дли историка оденить субъективно сравнительную важность того или другого изъ этихъ фактовъ хотя бы тёмъ пріемомъ, что историкъ удёляетъ одному изънихъ болве мъста, чемъ другому, упоминая объ нихъ.

Сказанное вдёсь о пониманіи исторіи распространяется въ значительной мёрё и на пониманіе соціологіи. Хотя, какъ было сказано
выше, явленія уврёпленія и ослабленія солидарности изучаются, какъ
бы они были явленія повторяющіяся, однако условія, при которыхъ
эти явленія обнаруживаются, оказываются существенно-различными
для разныхъ эпохъ; и допущеніе, что подобныя условія, констатированныя для одной эпохи, прилагаются безъ всявихъ изивненій къ другой, можетъ повести къ врупнымъ ошибкамъ въ пониманіи роли общественныхъ формъ и процессовъ, которые остаются катеюріями историческими. Роль частной собственности, напримёръ, для солидарпости
общества совершенно иная въ эпоху распаденія родового строя и замёны его другимъ, гдё характеристическими формами оказывались государство и тёсная семья, и въ эпоху современнаго громаднаго развитія пролетаріата и его нынёшняго положенія въ индустріи. Точно

также связующее вліяніе мистической обрядности въ періодъ обособленныхъ цивилизацій не только атрофировалось, но скорве замвнилось вліяніемъ противуположнаго характера, когда мысль въ этой области усвоила требованіе личнаго убъжденія, а въ составѣ этого самаго убъжденія элементы научные и метафизическіе все болже вытъснили элементы мистические. Но правильное усвоение этого социологическаго различія зависить опять таки гораздо болье оть субъективнаю развитія изследователя, способнаго более или менее верно, на основаніи этого самаго субъективнаго развитія, оценить эволюціонное значеніе собственности и фантастической обрядности, чёмъ отъ точнаго знанія формъ солидарности въ данную эпоху и событій, вызванныхъ усиленіемъ или ослабленіемъ этой солидарности, такъ какъ борьба за преобладаніе одной формы собственности надъ другой, или протестантсваго мотива «вёры» надъ католическимъ мотивомъ «дёль» въ праведной жизни, при одинавовомъ знанім изследователей и при одинавовой ихъ добросовъстности — могла представляться совершенно вначе, въ своихъ здоровыхъ и патологическихъ элементахъ, двумъ изследователямъ различнаго общаго развитія. Это обусловливаеть важную и неизбъжную роль субъективныхъ пріемовъ мысле въ соціологіи, на сколько категорін, въ ней разсматриваемыя, оказываются категоріями историческими.

Не лишне, можеть быть, обратить здёсь внимание читателей и еще на одно смашеніе терминова, которое можета повести на ошибкама ва пониманіи. Вопрось о приложеніи субъективнаю метода из пониманію исторических и соціологических явленій совершенно отличень отж вопроса о научномъ изследовании субъективныхъ процессовъ въ особи и въ группахъ особей. Уже въ физикъ процессъ объективнаго пониманія звуковыхъ и оптическихъ различій какъ различныхъ системъ колебаній опреділенной среды, съ одной стороны, и язученіє субъективно различныхъ для насъ звуковъ и красокъ, съ другой, требуютъ совершенно одинавовыхъ пріемовъ объективнаго мышленія, такъ какъ діло вдеть о повторяющихся явленіяхь, совершенно также изучаемыхь всявимъ физикомъ. Въ исихологія передъ нами исключительно явленія субъективныя, которыя можеть, въ сущности, исвлючительно наблюдать въ самой себв отдельная особь, лишь умозаключая, по признавамъ, воспринятымъ ею опять тави субъективно, что въ другихъ особяхъ совершаются подобные же субъективные процессы. Тъмъ не менве, едва ли можно наявать иначе, какъ пріемами чисто-объективными чуть ли не всё способы язученія всёхь областей психологіи, начиная съ психо-физическихъ опытовъ надъ быстротою перехода внишняго впечатлинія въ движеніе, обращаясь ватимь въ эволюціи ощущеній въ представленія и понятія, къ искаженію этихъ интеллектуальныхъ процессовъ процессами аффективными, въ разватію и въ

видонамвнения личныхъ психическихъ явленій подъ вліяніемъ общественной жизни и, наконецъ, къ психологіи воллективностей, которая заямствуеть весь свой матеріаль изъ исторіи и статистики. Во всёхъ этихъ случаяхъ разница субъективная между изследователями различнаго общаго развития имфеть не болфе значения, какъличная поправка къ наблюденіямъ астронома, поправка, существованіе которой не вызываеть вопроса объ объективности астрономическихъ изследованій вообще. Субъективныя явленія могуть быть совершенно точно констатированы и изучаемы во всёхъ ихъ частностяхъ всякимъ изследователемъ, усвоившимъ себф достаточно знанія и добросовфстности, сафдовательно, чисто- объективными прівнами мышленія, точно такъ же, какъ явленія вполит объективныя (какъ, наприміръ, явленія историческія в соціологическія) для научнаго ихъ пониманія требують довольно часто оть изследователя определенной ступени общаго личнаго развитія, савдовательно, чисто-субъективныхъ условій, безъ которыхъ это пониманіе невозможно.

Научное приложеніе субъективныхъ пріемовъ мышденія къ исторіи обнаруживается преимущественно въ трехъ задачахъ историческаго пениманія: въ оцінкъ сравнительной важности того или другого элемента культуры или той или другой отрасли работы мысли въ опредъленную эпоху; въ признаніи того или другого элемента культуры или работы мысли здоровымъ или патологическимъ для опредъленной эпохи; въ допущеніи, что для той или для другой группы явленій и событій существовала общая возможность иміть місто въ данную эпоху, котя конкретныя случайныя распреділенія интеллектуальныхъ и общественныхъ силъ и обшій ходъ событій подорвали эту возможность въ эту эпоху и, напротивъ, способствовали иному ходу событій въ другую.

Вопросъ о сравнительной важности того или другого элемента мысли или жизни въ данной области фактовъ обусловливаетъ открытіе законовъ въ этой области. При изслѣдованіи законовъ явленій повторяющихся, это самое повгореніе сиссобствуетъ отличенію фактовъ важныхъ и существенныхъ отъчастностей, не имѣющихъ значенія для разсматриваемыхъ фактовъ, и отъ случайностей, обусловленныхъ извѣстнымъ трюизмомъ, что нѣтъ ни двухъ предметовъ, ни двухъ опытовъ совершенно сходныхъ между собою во всѣхъ ихъ частностяхъ: для законовъ повторяющихся явленій важны именно тѣ элементы предмета или процесса, которые повторяются, и въ той степени, въ какой они повторяются.

Но когда дело идеть о законахъ последовательности фазисовъ эволюціи въ явленіяхъ неповторяющихся, то именно эти объективные признаки отсутствують, и приходится прибегать къ инымъ пріемамъ, чтобы установить разницу между существеннымъ и случайнымъ, между важнейшимъ и второстепеннымъ.

Какимъ же объективнымъ признакомъ, т. е. одинаково доступнымъ всякому наблюдателю, можно руководствоваться для установленія этой разницы въ исторической эволюція?

Не считать ли важнъйшими тъ явлечія, которыя охватывають большее число личностей и болье обширную территорію? Но въ такомъ случать эпидеміи пришлось бы признать болье значительнымъ историческимъ явленіемъ, чъмъ проповъдь Виклифа и Яна Гуса, а романтизму, охватившему литературы значительнаго числа народовъ, дать, въ исторіи мысли, гораздо большее мъсто, чъмъ системъ Спинозы.

Или не слёдуеть ли руководиться мивніемъ современниковъ того или другого событія о значеніи послёдняго, независимо отъ поздивішихъ вліяній и оцінокъ? Но, съ этой точки зрівнія, философъ Огюсть Контъ былъ бы совершенно маловажнымъ явленіемъ сравнительно съ эклектизмомъ, крестовый походъ Людовика ІХ въ Африку иміть бы несравненно боліве значенія, чімъ разрушеніе провансальской цивилизаціи другими крестоносцами той же эпохи, и даже процессъ созданія христіанской церкви въ ІІ и ІІІ вікахъ послів нашей эры пришлось бы отнести къ явленіямъ маловажнымъ, какъ и цінило его большинство гражданъ Римской Имперіи, сравнительно съ борьбою этой имперіи противъ нареянъ и маркоманові.

Едва ли не подобныя же возраженія можно привести при разсмотрівній всякаго другого объективного критерія для различенія важнаго и второстепеннаго въ историческомъ процессів. Между тімь отказаться оть всякаго различенія подобнаго рода—все равно, что отказаться оть всякаго отчетливаго пред-

ставленія о данной эпохів, какъ о конкретномъ индивидуализированномъ историческомъ образъ, и отъ всякаго пониманія этой эпохи, какъ одного изъ фазисовъ общаго эволюціоннаго процесса человъчества. Этого не дълалъ и не могъ сдълать ни одинъ авторъ историческаго труда. Наивный летописенъ заносиль въ сухой рядъ отмвчаемыхъ имъ событій лишь некоторыя событія, которыя для него были наиболье достойны вниманія. т. е. наиболпе важны. Ученый прагматикъ останавливался преимущественно на техъ изъ событій предшествовавшей эпохи. которыя наилучшимъ образомъ для него объясняли необходимость событій эпохи сл'ядующей, т. е. опять таки, которыя казались ему наиболпе важными въ этомъ отношении. Историкъ-художникъ ставилъ на разные планы своей картины, которая должна была воскресить минувшее, личности и событія, смотря по тому, которыя изъ нихъ для него лучше иллюстрировали наиболье характеристическія особенности эпохи. Философское понимание исторія совершенно немыслимо безъ того, чтобы историкт не группироваль отдельныя явленія, ихъ комбинаціи и цілые періоды сообразно тому міросозерцанію, которое для него обусловливаеть во всёхъ сферахъ мысли и жизни существенное и случайное: Историкъ-философъ поступаеть въ этомъ случав лишь сознательно и преднамвренно, но совершенно такъ же, какъ привуждены поступать и поступають болбе или менбе сознательно и преднамбренно всв писатели пытающіеся понять историческій процессь или воскресить прошлое въ живомъ образъ.

Какой же источникъ этого неизбѣжнаго явленія?

Едва ли его можно искать внё личнаго развитія писателя, внё іерархіи существеннаго и случайнаго, важнаго и незначительнаго, какъ она вырабатывалась въ его мысли на основаніи его знанія и вёрованія, его интересовъ, личныхъ и классовыхъ, его жизненныхъ задачъ и нравственныхъ убежденій. Государственникъ и религіозный мистикъ, политическій индифферентистъ и народникъ-фанатикъ, пессимистъ и вёрующій въ фатальность прогресса, художникъ, мыслящій образами, и мыслитель, невольно обобщающій все имъ воспринимаемое—

всь они могуть обладать одинаковымь знаніемъ и одинаковою добросовъстною рышимостью передавать и группировать факты, какъ они восприняли и поняли эти факты, не искажая намъренно ни одной подробности; и, тымъ не менье, эти факты будуть въ ихъ умы иначе распредъляться, иначе окращиваться, будуть иначе входить въ общую картину прошлаго, будуть иначе поняты въ ихъ іерархіи и въ ихъ комбинаціи. Различеніе существеннаго отъ случайнаго, важнаго отъ незначительнаго, при одинаковыхъ объективныхъ условіяхь, будетъ весьма различно вслъдствіе совершенно-неизбъжнаго внесенія въ пониманіе эпохи или въ ея картину субъективного элемента, лежащаго въ личномъ развитіи писателя, и продуктъ работы мысли будетъ при этомъ тымъ научные—помимо всъхъ объективныхъ условій — чымъ субъективное развитіе писателя выше.

Возьмемъ несколько историковъ, съ одинаковымъ знаніемъ фактовъ, но изъ которыхъ одинъ придаетъ болбе значенія личной иниціативъ въ ходъ событій; другой убъждень въ томъ, что экономическіе витересы лежать въ основе какъ всехъ историческихъ событій, такъ и всёхъ устанавливающихся обычаевъ и всёхъ идейныхъ продуктовъ; для третьяго степень развитія государственной жизни есть единственное мірило прогресса; четвертый одіниваеть прогрессь лишь по успівхамъ философскаго и научнаго мышленія, наконець, для пятаго, важнъе всего расширение и укръпление солидарности между людьми. Каждый изъ нихъ распредвляеть одни и та же известные всемь имъ факты въ различную перспективу; при этомъ иногда одинъ умалчиваетъ совсвиъ, какъ о ничтожной детали, о фактв, которому другой придаетъ первостепенную важность. Каждый изъ нихъ придаеть біографическому элементу совсёмъ неое значеніе; для одного, это-двигатель исторій; для другого-подчиненное проявленіе коллективныхъ ся теченій; для третьяго здесь важно лишь наблюдение надъ экземплярами, иллюстрирующими эти теченія; передъ четвертымъ здісь продукть общественной жизви, столь же цвиный для пониманія данной эпохи, вакъ государственной формы или философскія системы. Каждый изъ этихъ историковъ придастъ цёлымъ рародамъ — вапримеръ Греціи и Риму-совершенно иное мъсто въ такъ или иначе понятой исторіи влассичесваго міра: съ точки вржнія выработки государственнаго начала или роли иниціатора критической мысли, эстетическаго вкуса и идейной жизни. Но можно ли отвергнуть, что, независимо отъ одинаковаго (по предположенію) объективнаго достоинства всёхъ этехъ историческихъ

произведеній, то изъ нихъ должно быть поставлено выше съ паучной точки зрѣнія, въ которомъ субъективное превосходство автора, по его личному развитію, позволило ему выработать болъе вѣрное пониманіс важныхъ и значительныхъ элементовъ общественнаго строи и всторическаго процесев, а, слѣдовательно, что всякій историвъ, чтобы сдѣлать свой трудъ болѣе научнымъ, долженъ стремиться, помимо расшаренія своего знанія и помимо выработки критическаго безпристрастія въ передачѣ фактовъ, еще къ высшему субъективному развитію своей личности.

Нъсколько большая доля объективныхъ пріемовъ мысли входить въ составъ рашенія вопроса о раздаленіи явленій эволюціи вообще на дв'я группы: явленій здоровыхъ и бол'язненныхъ. Въ процессахъ эволюдіи міровъ или перехода зародыша біологическаго организма въ зрівлое существо, или исихическаго перехода ощущенія въ понятіе и въ актъ воли, объективный элементъ повторенія - отсутствующій по отношенію къ каждому отдельному небесному телу, къ каждому органическому индивидууму, или къ каждому данному психическому акту-получаеть свое масто въ научномъ изсладованіи вслідствіе возможности сравнить совершенно подобные процессы для нѣсколькихъ астрономическихъ тѣлъ, для огромнаго числа сходныхъ зародышей, подвергающихся совершенно одинаковымъ процессамъ, для длиннаго ряда понятій и актовъ воли, получающихся въ результать эволюцій, подобныхъ одна другой по своимъ фазисамъ. Отсюда объективное представленіе о нормальном в процессь эволюціи міровъ, отдельных в организмовъ и отдельныхъ понятій и актовъ воли. Этому представленію о нормальному порядки послидовательных фазисовъ логически противуполагается представление о частныхъ и исключительныхъ случаяхъ, когда этотъ порядокъ претеривваеть отклоненія, когда мы констатируемъ аномаліи, когда продуктъ эволюціи признается уродствомъ.

Для астрономическаго процесса эволюціи далье этого изученіе не идеть, такъ какъ міры не могуть научно быть признаны сознательными, именно страждующими или наслаждающимися, а потому къ нимъ не приложимъ терминъ процес совъ бользненныхъ, а измъненія, въ нихъ совершающіяся при какомъ нибудь сплочении туманности въ звъзду или при разсыцании большой планеты на сотни маленькихъ астерои-довъ, имъютъ въ глазахъ изслъдователя мыслителя совершенно одинакий характеръ.

Но когда дело идетъ объ эволюціи организмовъ или психическихъ процессовъ интледлектуальныхъ иди волевыхъ, то вопросъ усложняется. Большинство зоологическихъ организмовь можеть страдать и наслаждаться. Такъ какъ человъкъ, изучающий эти субъективные процессы, самъ ихъ испытываеть, какъ самое обычное противуположение, то онъ не можеть не переносить это врожденное для него различіе и на понимание процессовъ аволюціи, вив его совершающихся. Онъ зидеть, что то или другое существо страдаеть въ одномъ случав, наслаждается въ другомъ. Это-явленія оубъективныя, но они могутъ быть приложены къ совершенно объективной классификаціи процессовъ на процессы наслажденія, страданія и безраздичные въ этомъ отношеніи. Точно также человбил знаеть по дичному опыту, что подъ вліяніемъ бользии или страсти, по недостатку пониманія и энергіи, психическій процессь перехода ощущеній въ понятія и въ акть воли совершается вы немъ совершенно иначе, чемъ при благопріятныхъ условіяхъ работы мысли и, но сравнонію съ последнимъ, нормальныма, процессомъ, онъ объективно признаеть первую группу патологического. И здесь изучаемыя явленія субъещины, но они могуть быть изучаемы и различными объентивными пріемами.

Однако и на этомъ дело не останавливается. Наука констатируетъ съ достаточном убъдительностью, что процессы дряжденія и умиранія совершенно аналогичны процессамъ пріобретенія зрілости и усиленія жизненной эпергіи, и что ощибочное разсужденіе маніака, человека охваченнаго страстью, нев'яжды или лишеннаго способности мыслить логически совершаются по темъ же самымъ законамъ, какъ мынілоніе самаго строгаго ученаго, самаго таланвливаго художника, самаго теніальнаго философа. Однако, на первыхъ же нізгахъ изученія всёхъ тёхъ явленій, которыя подходять нодъ формулу

жизни, мысль человъческая обособляеть процессы, поддерживающіе существованіе отдільнаго организма, отъ процессовъ, въ которыхъ обнаруживается его ослабление и приближение его смерти; на высшей точкъ, которой въ наше время достигло мышленіе въ этой области, это элементарное представленіе вырабатывается въ понятіе борьба за существованіе, какъ за нъкоторое объективное благо, съ противуположениемъ пообды однихъ существъ гибели другихъ, хотя отнесение существованія къ благама есть процессь исключительно субъективный, точно также, какъ на низшемъ фазисв эволюціи мысли мы констатируемъ смутное представление такъ называемаго инотинкта самосохраненія. (Субъективность признанія существованія благомъ подтверждается и тімь, что теорія нирваны и новый цессимизмъ принципіально отвергають это признаніе). Всв эти субъективные инстинкты, блага и т. п. въ своихъ фактическихъ появленіяхъ доступны одинаковому объективному констатированію со стороны всякаго критически мыслящаго и добросовъстнаго наблюдателя, и потому ихъ научное изследование происходить приемами объективными. Мало того: только что указанное передъ этимъ различение явленій на субъективно-бользненныя и субъективно-пріятныя, съ точки зрвнія пониманія области явленій жизни вообще, теряетъ свое значение передъ различениемъ фактовъ, поддерживающихъ жизнь, отъ фактовъ, ослабляющихъ ея процессы, фактовъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ въ борьбі за существованіе. Изследователь относить вполив научно къ благамъ страданія, неизб'яжныя для расширенія области жизни, и къ патологическимъ явленіямъ-наслажденія, следствіемъ которыхъ является ея ослабленіе или прекращеніе. Чисто-субъективное отношение къ жизни какъ къ благу дожится въ основаніе столь же чисто-объективнаго изученія, съ одной стороны-процессовъ, устраняющихъ или усиливающихъ страданіе и наслажденіе, съ другой — процессовъ, поддерживающихъ жизнь или опасныхъ для нея. Здесь субъективный элементь различенія наслажденія и страданія и субъективное отношеніе къ жизни какъ къ благу столь же научно-необходимы для

изследователя, какъ и объективные пріемы изученія области знанія и пониманія, выдвигающіеся на почве этихъ субъективныхъ элементовъ.

Кавъ примъръ, можно привести процессы беременности, родовыхъ болей, иногда проръзывание зубовъ у младенца, процессы безспорно болъзненные, а иногда и опасные для жизни особей, но которые, съ точки зрънія расширенія жизни какъ блага, тоже являлись благами даже въ періоды, когда научная техника не давяла и не даеть средствъ уменьшить или устранить болъзненность и опасность этихъ процессовъ.

Но значительный объективный элементъ мышленія въ только что разсмотренныхъ областяхъ обусловливался фактомъ, что мы можемъ наблюдать и сравнивать процессы астрономической, эмбріологической и психической эволюціи въ многочисленныхъ экземилярахъ. Дъло измъняется, какъ только мы переходимъ въ область, гдт эволюція подлежить нашему изследованію въ единственном экземплярь, именно въ случав эволюціи органическаго міра въ его ціломъ и въ историческомъ процессь развитія цивилизацій на почвь доисторической культуры и поздивишихъ формъ культуры и продуктовъ работы мысли на почвъ болье раннихъ формъ и продуктовъ. Здісь большею частью предъ нами факть, который сравнивать не съ чёмъ; но даже тамъ, гдё въ частныхъ случаяхъ гипотетическое сравнение возможно для двухъ или болве групиъ организмовъ и обществъ (какъ, напримвръ, для выработки центральнаго мозга у безпозвоночныхъ и у позвоночныхъ, общежитія у муравьевъ и у человъка, или для феодализма у самыхъ различныхъ и отдаленныхъ между собою народовъ, для греческой философіи и для философіи новой Европы и т. п.), при внимательномъ изученіи сходства относятся гораздо болье къ необходимымъ органическимъ условіямъ физіологическихъ процессовъ, или къ соціологическимъ (отчасти повторяющимся) требованіямъ солидарности, чемъ къ эволюціонному закону послідовательности фазисовъ общественной жизни и работы мысли, для котораго характеристичны болве различія, чемъ сходства. За отсутствіемъ возможности сравнивать сходные процессы и отсюда объективно различать

нормальный ходъ эволюціи оть ея случайныхъ отклоненій, здоровыхъ процессовъ отъ натологическихъ, приходится искать, вив всякихъ фактовъ повторяющихся или допускающихъ точное объективное сравнение, указаний на то, что принадлежитъ къ тому или другому порядку явленій. Всв попытки объективно различить здоровые и натологическіе процессы общественной жизни здъсь едва ли не столь же ненаучны, какъ это было показано для различія важнаго отъ неважнаго въ калейдоскопъ событія. Самое точное знаніе, самая строгая добросовестность въ передаче фактовъ здесь могутъ служить лишь очень недостаточнымъ пособіемъ. Изследователю приходится особенно заботиться здёсь о своемъ личномъ развитія вообще, такъ какъ лишь это развитие можетъ доставить ему нужный ему критерій. Объективно процессъ исторіи неизбізженъ во всехъ его подробностяхъ; но вив этого философскаго детерминизма--придожить который къ частнымъ явленіямъ данной эпохи съ какою либо точностью большею частью историку невозможно-всякая попытка научно понять какую-либо эпоху представляеть историку ивсколько возможностей дальныйшаго хода событій. Ученый можеть довольно часто объективно установить всё эти возможности, но, перенося на нихъ понятіе о нормальномъ ходъ событій и объ отклоненіи отъ него, о здоровомъ развитіи общества и о патологичеслихъ явленіяхъ, онъ принужденъ, въ виду задачъ научнаго пониманія, опівнить нормальность совершающагося. Онъ не можетъ отказаться отъ попытки оценить ее, не отказываясь отъ пониманія историческаго процесса вообще. Именно различе личнаго развитія писателя-элемента чисто-субъективнаго — вызываетъ самые ожесточенные споры относительно того, что въ данный моменть исторіи было явленіемъ здоровымъ или патологическимъ, совершенно независимо отъ страданій, вносимыхъ этими явленіями въ общество. Именно вырабатывая въ себъ это субъемтивное развите историвъ можетъ приблизиться къ пониманію исторія какъ эволюцін, въ которой одни фазисы были здоровы, другіе-патологичны.

Разнообразіе оціновь событій, личностей и цілыхь эпохь вь этомь

случат слишкомъ обычно, чтобы стоило на этомъ долго останавливаться. Прежде всего бросаются въ глаза группы писателей, изъ воторыхъ одни признають здоровыми лишь тё явленія, которыя скрёпляють солидарвость обществъ и придають виъ прочность, совершенно пренебрегая явденіями прогресса, неизбѣжно потрясающими прочность существующаго; другіе же придають значеніе лишь яркимъ проявленіямъ индивидуальной мысли и энергів, обращая мало вниманія на рость и расширеніе или на обособленіе и съуженіе солидарности между особями. --Многоческенны в частные примъры. Процессъ развития и господства капиталистическаво строя вызываеть очевь различныя оценки. Противники соціализма торжественно прославляють капитализмъ; одна часть сеціалистовъ сметрить на этотъ строй, какъ на бользненное, но необходимое подготовление соцівлизма; есть и такіе, которые вносять въ это положение изкоторое видоизминенение, они вполни признають эту подготовительную роль вапитализма, вавъ посподствующего начала у многихъ народовъ, достигшихъ опредвленнаго фазиса развитія индустрін; однано, они не считають самое это господство неизбижными фазисомъ подготовленія соціализма у другихъ націй; они подагають возможнымъ-в потому и необходимымъ-довести въ вастоящемъ проявленія капитализма до возможно меньшаго манимума, какъ это желательно для всякаго процесса, признаннаго патологическимъ. Потеря личностью религіозныхъ уб'ёжденій, составлявшихъ прежде главную почву ем психической жизни, будеть неизбёжно признана однимъ біографомъ этой личности какъ процессъ правяльнего развитія, другамъкакъ явленіе патологическое, хотя и тоть и другой признають, что это, для самой личности, - процессъ бользненный. Точно также, субъективная одънка почти невзовжна для одънке фактовъ той борьбы, воторая шла и продолжаеть идти въ европейскомъ обществъ, впродолженія посліднихь віжовь, между догиатическими и научными элемен-TAME.

Наконецъ, нельзя не отмътить еще одного случая, гдѣ объективные пріемы мышленія приходится, для полученія научныхъ результатовъ, употреблять одновременно съ субъективными, не имъя всегда возможности установить долю того или другого элемента. Въ каждую данную эпоху, какъ было только что указано выше, рядомъ съ реальнымъ ходомъ событій совершившихся, историку приходится, при недостаточности его фактическаго знанія, допускать нъсколько возможныхъ, но не осуществившихся рядовъ событій. Эти возможности обусловливали, какъ было сказано, субъективное признаніе того или

другого явленія здоровымъ или болізненнымъ. Но, при самомъ признаніи возможными различныхъ процессовъ, далеко не всегда мы имвемъ передъ собою достаточно объективныхъ данныхъ, чтобы устранить колебанія. Возможна ли была для греческаго міра иная постановка политических задачь, чімь та, которая привела къ господству надъ нимъ сначала Македоніи, потомъ Рима? Возможенъ ли былъ, независимо отъ личной силы мысли Платона и Аристотеля, иной процессъ эволюцін греческой философской мысли, чемъ тоть, который поставиль на первое мъсто ученія этихь двухь философовь, отодвигая на второй планъ интедлектуальную традицію Демокрита и Эпикура? Возможно ли было, при отолкновеніи религіозно. философскихъ теченій около эпохи нашей эры, фактическое торжество иного метафизико-нравственнаго ученія чімъ то, въ которому пришли христіанскіе соборы и богословы IV-го и следующихъ вековъ? Могла ли быть поставлена раціонально и разръшена сколько дибо удовлетворительно въ эпоху Карла Великаго задача бюрократическаго и полицейскаго государства, а въ древнемъ міръ задача организаціи рабочаго власса? Можеть ли теперь быть раціонально поставлена задача общественнаго строя, который рисуется въ воображении крайнихъ критиковъ строя, государственнаго? или задача о философскомъ міросозерцаніи, въ которомъ детерминистическое пониманіе міра не только не преставляло бы антиномію съ требованіемъ энергической д'ятельности, воодушевленной желаніемъ общественнаго прогресса, но усиливало бы это требованіе? Можеть ли, на почев борьбы труда съ капиталомъ, установиться солидарность всего трудящагося человечества и можеть ли выработаться при этомъ общество, гдф низшіе интересы (экономическіе) уступали бы въ историческомъ значеніи высшимъ (нравственнымъ)?--Многое для приближенія къ рішенію этихъ вопросовъ можетъ дать объективное изучение того, что было логически необходимо, констатирование распредаления экономическихъ, политическихъ и умственныхъ силъ въ обществъ данной минувшей эпохи, и некоторых вероятностей въ прежнихъ комбинаціяхъ жизненныхъ элементовъ прошлаго и его

переживаній. Однако большею частью эти пріемы мысли окажутся недостаточны, и историкъ, поднявшійся болье или менье высоко въ своемъ общемъ развитіи, будеть склоняться къ тому или другому ръшенію этихъ вопросовъ преимущественно во имя своего субъективнаю пониманія соціологическихъ и историческихъ задачъ, помимо своего фактическаго знанія и своей критической добросовъстности. Всего чаще лишь это субъективное пониманіе подскажеть ему: это было возможно въ прошедшемъ, хотя и не совершилось; это возможно въ ближайшемъ будущемъ; это-же должно быть устранено изъ предъловъ исторической возможности.

Какъ примъры болъе или менъе въроятныхъ заключеній о возможномъ и невозможномъ въ данную эпоху, можно привести следующее.-Въ періодъ обособленныхъ національныхъ цивилизацій возможно было появленіе универсалистических ученій даже въ зародыші, повидимому, лишь при ходъ событій, показывавшемъ на дълж непрочность государствъ этого типа, или сившавшемъ національности на почвъ кодоній, независимо отъ всявихъ болёе шировихъ соціологическихъ тенденцій; однако въ очень древнихъ идеалахъ всемірнаго государства присутствовали уже зародыши позднайшаго универсализма. Идеалъ свътскаго общества могь быть, по всей въроятности, поставленъ лишь тогда, вогда исторія подорвала сначала религіозное обособленіе язычесвихъ народовъ, а потомъ обусловила иной ходъ эволюціи соціальныхъ идей въ Средніе Въка; однако, подготовительныя попытки основать сивтское государство новые ученые изследователи возводять уже въ ХП-му въку. Самое представленіс о союзъ рабочихъ, какъ класса, для борьбы, за обладаніе орудіями труда, было невозможно, пока, съ одной стороны, не выработался въ достаточномъ количествъ рабочій пролетаріать, пока, съ другой, индустрія и рынки не получили космонолитическаго характера; тёмъ не менёе, и тутъ можно констатировать кое-какіе ранніе, подготовительные факты.

Такимъ образомъ, при разсмотрвніи спорнаго вопроса объ объективныхъ и субъективныхъ пріемахъ мышленія въ научномъ изученіи соціологіи и исторіи, едва-ли не всего правильнее допустить, что всюду, гдв достаточно знанія и добросов'єстности, чтобы понять историческія явленія или воспринять ихъ цальную картину, субъективные пріемы не только излишни, но и ненаучны. Но во многихъ случаяхъ изученіе зволюціи неповторяющихся явленій не даеть объективнаго средства для рівшенія только-что указанных вопросовь, въ особенности для оцівнки важности явленія, ни для отнесенія его къ явленіямъ здоровымъ или патологическимъ, ни даже для опреділенія для данной эпохи, какія эволюціонныя возможности для нея иміти місто. Тіть не мен'те, отказаться отъ попытки рітать эти вопросы,—значило-бы отказаться отъ научнаго пониманія процесса исторіи. Рітить ихъ возможно большею частью лишь путемъ заботы историка о своемъ общемъ развитіи, дозволяющемъ все бол'те правильные субъективные пріемы этого рітшенія. Отсюда въ исторіи и въ соціологіи цітая область, гдіт долженъ господствовать необходимый и научный объективнямъ.

Вопросъ о субъективизив въ соціологіи и въ исторіи, насколько мив извъстно, обратилъ на себя внимание преимущественно въ русской литературъ, однако были и въ западной Европъ замъчательные историческіе труды, гдё этоть вопрось быль поднять и решень въ смысле. близкомъ въ тому, когорый высказанъ здёсь. Такъ, находимъ следующія выраженія у Ed. Meyer «Geschichte d. Alterthums» I (1884), 18-19: «Задача историва вавлючается въ выдёленіи изт всей массы переданнаго ему матеріала тёхъ фактовь, которые исторически важны, въ изложенім развитія въ его связи, въ указанім господствующихъ теченій. Для этого ему вужны общія иден и руководящія возгрівнія. Всявій историческій трудъ по необходимости субъективень; объективны лишь второстепеные факты, действительная современная историку жазнь, но никогда не обобщающее изображение прошлаго. Въ трудъ историка должны отражаться его время и его собственная индивидуальность; бегь этого его произведение не возвысится надъ сухниъ отчетомъ о рядъ событій. Внё отношенія въ настоящему немысливь историческій трудь; прошедшее представляется въ последнемъ, какъ степень, предплествующая вастоящему періоду, и лишь изъ круга идей, возможныхъ въ настоящемъ, могутъ быть заимствованы точки врвнія, способныя служить основаніемъ изложенію. Наше притическое время отличается лишь тамъ отъ предъидущихъ эпохъ, что для него яснъе эта зависимость, но на одинъ историвъ не можетъ не предпослать своему труду, какъ основное предположение, свою точку зрвнія (von auszetzunglos kann kein Historiker sein)... Она (исторія) есть изложеніе прошедшаго и судъ надъ нимъ при освъщери его настоящимъ».

Точно также внаменятый Rud. v. Ihering въ своемъ посмертномъ трудв "Entwickelungsgeschichte des römischen Rechts" (1894), I ж слъд.

говорить о «внутренней связи исторических» событій»: «Эта связь не выступаеть въ ихъ вившиости; она опирается на умозавлючение. дълвеное субъектомъ, и въ этомъ случай каждое истинное изложение исторін субъективно; требованіе отъ этого изложенія объективности обусловливается отностнымъ пониманіемъ (Verkennung) сущности человъческаго пониманія. Все совершающееся въ міръ, чтобы быть изложеннымъ, должво пройти черезъ человъческій духъ и съ тёмъ самымъ получаеть отпечатовы субъективности. In dem Berichten steckt ein Richten ... wer berichtet, richtet, er mag wollen oder nicht ... Образъ прошлаго, набросанный историкомъ, зависить отъ его индивидуальности... Этоть субъективный моменть обусловливаеть возможность прогресса въ изложении исторін... Римская исторія получила теперь совсёмъ иной видь, чёмь тоть, который она имёла тому 100 леть, исторія францувсвой революців-совстить иной, чтить тотъ, который она имыла еще 50 леть назадь. Почему? Не только нотому, что нашлесь новые источники, но потому, что произошло измёнение въ способе понимания этих исторій. Каждая эпоха приносить свой соособь пониманія и это придаеть прошлому новый видъ, сравнительно съ прежнамъ. Прошлое оставалось всегда тикимъ, какимъ было, ноэтому новый видъ его зависить исклюзительно отъ субъемтивняго момента: отъ общаго способа нониманія, присущаго данной эпохъ и отъ индивидуального способа пониманія историка. Все новое, совершающееся въ мірі, отражается на процломъ; многое, принадлежащее давно минувшему періоду жизни человічества стало лишь теперь для насъ понятнымъ».

ГЛАВА VII.

Философское пониманіе исторіи.

Задачи мысли философской.

Роль личностей въ исторіи. — Волевие аппарати и соглашеніе ихъ съ детерминизмомъ. — Міръ причинъ и слъдствей и міръ иплей и средствъ. — Аналогіи въ астрономіи и въ физикъ. — Два различные слоя, доступные научному изслъдованію. — (Въ чемъ противоръчіе? — Ступени устанавливающейся связи).

Личность и общество.—Двп различния точки эрпнія.—Личность, какъ единственний реальний дъятель въ исторіи.—Общество, какъ единственная опиствительная почва выработки личностей.—Приграчность противоръчія.—(Двъ отороны вопроса).

Сладствія. — Разнообразів проявленій одного и того же историческаго теченія.—Вліянів индивидуальных в особенностей на ходъ событій.—(Примъры).

Различная роль интеллигенціи въ разныя эпохи.

Судъ надъ личностью и надъ событіями.—Обязаность личности предъ собственною волею и предъ собственнымъ пониманіемъ.

Вопросы воспитанія.

Личности рвальныя и художественныя, нако продукты исторических эпохо.—(Недостаточность матеріала).

Формула общаю смысла исторіи.— Явленія прогрессивныя и регрессивныя, вдоровыя и бользненныя въ исторіи. —Рость солидарности и рость сознанных процессовь.— Формула прогресса. — Возможность прогресса; — Орудія суда надъ прошлымь и жизненная цъль въ настоящемь.

Вопрост о сведеніи процессовт соціологических и исторических на болье общія области, на личную психологію, на біологію, на физику земли и на факты, относящієся къ населенію (Примъры, Теорія густоты населенія), на механику.

Для научнаго пониманія отдільных явленій, процессовъ или даже цълыхъ эпохъ, входящихъ въ составъ исторіи, можно было-бы, повидимому, ограничиться тёми обобщеніями и эволюціонными законами, которые обусловлены понятіями сосуществованія и взаимодійствія въ ході событій жизненныхъ элементовъ разныхъ эпохъ, переживаній прошлаго, зародышей будущаго и характеристическихъ чертъ каждой эпохи или каждой группы историческихъ явленій; понятіями о культурі и о мысли въ ихъ взаимодъйствіи; понятіемъ о растушей или понижающейся роли различныхъ человъческихъ потребностей въ отдёльные періоды или при смене этихъ періодовъ; наконецъ, понятіемъ о необходимомъ и научно-обязательномъ приложеній къ изследованію явленій и законовъ исторіи того или другого метода иышленія и т. под. Если мы пойдемъ далье этого, то може думать, что мы ставимъ себъ задачи уже совсёмъ инаго рода. Это уже не задачи мысли научной, озабоченной отделеніемъ достовернаго отъ вероятнаго, установленіемъ степени віроятности и возможности каждаго отдівльнаго факта или-же каждой гипотетической свяви между фактами. Это-задачи мысли философской, объединяющей. Для нея тодько что упомянутыя научныя задачи составляють липь прочную почву для дальнъйшихъ построеній. Эти построенія не имъютъ права отрицать результаты научной критики, но позволяють себв тамъ, гдв степень ввроятности гипотезъ установить въ настоящую эпоху невозможно, расширять область научныхъ гипотезъ всеми элементами научно-возможнаго, желательнаго и допускающаго элементь вфрованія, насколько эти

элементы способствують единстоу всей сферы пониманія послідовательности въ постановкі всіхъ жизненныхъ задачъ, наконецъ, согласію теоретическаго міросозерцанія съ практическимъ воплощеніемъ уб'яжденія въ жизнь.

Разсмотримъ нѣкоторыя задачи этого рода, которыя намъ кажутся важнѣйшими.

Такою философскою задачею историческаго мышленія можно считать вопрось о томъ, насколько пониманіе историческаго процесса, въ формѣ этого пониманіи, которая только-что была изложена, можетъ быть согланіено съ тѣмъ или другимъ общимъ міросозерцаніемъ, выработаннымъ нашимъ временемъ, или представляетъ кажущіяся противорѣчія съ нимъ; при этомъ, въ частности, имѣются, въ виду безусловный детерминизмъ всего совершающагося и иниціатива индивидуальной воли, выступающей въ процессѣ исторіи какъ единственный реальный дѣятель.

Къ философіи исторіи относится и вопросъ о такой объединяющей формуль для исторического процесса, которая охватывала бы и всв объективныя задачи историческихъ и неисторическихъ обществъ, стремящихся автоматически отстоять себя въ борьбъ за существование и восторжествовать въ этой борьб'в надъ своими соперниками, и всв субъективные идеалы развитыхъ и развивающихся личностей, которыя стремятся придать этой неумолимой борб за существование характеръ борьбы за созданіе и воплощеніе въ жизнь идеаловъ все болъе высокихъ, все болъе широкихъ, все болъе научнооправдываемыхъ и практически-осуществимыхъ. Здёсь вопросъ преимущественно идеть объ установленіи теоріи прогресса, какъ философскаго смысла исторіи; при этомъ приходится разобрать, на сколько этоть смысль исторіи можеть считаться осуществленным действительным процессом коллективной. и индивидуальной жизни; на сколько процессъ прогрессивной эволюціи не можеть быть признань явленіемь фатальнымъ, вовсе не зависящимъ отъ сознательныхъ процессовъ въ личностяхъ; наконецъ, каковы условія его реальнаю осуществленія, если допустить, что онъ осуществимь, но не фатально.

Такого же рода вопросъ о томъ, на сколько, для лучшаго пониманія историческаго процесса въ его отдільныхъ проявленіяхъ и въ его цілости, удобно сводить усванваемое исторіею, какъ наукою, непосредственное представленіе о коллективной жизни въ ея конкретныхъ проявленіяхъ-т. е. о явленіяхъ и формахъ соціологическихъ-на представленіе о комбинаціи бол'є простыхъ явленій, именно, прежде всего, явленій индивидуальной психологіи, затыть явленій біолотических, обусловливающихъ психическій міръ, наконецъ на представление о механической систем'в движущихся массъ между которыми существують различныя связи, происходить метаморфозы энергін, и въ этихъ основныхъ механическихъ пропоссахъ обнаруживается почва для всёхъ послёдующихть комбинацій, воспринимаемых нами, какъ явленія біологическія исихическія — индивидуальныя, психическія — коллективныя, историческія.

Первая изъ этихъ задачъ можетъ быть вообще формулирована какъ задача о роли личности въ исторіи.

Научный факть-тоть, что въ исторіи мы непосредственно наблюдаемъ лишь человвческія личности, какъ волевые аппараты, составляющие реальную почву всёхъ историческихъ событій, реальные элементы всёхъ культурныхъ общественныхъ формъ, реальный источникъ всей работы мысли. А въ то же самое время научное мышленіе во всёхъ его областяхъ делаеть для нась невозможнымь понимать мірь иначе, какъ подчиненный безусловному детерминизму. Такъ что автономія волевыхъ аппаратовъ (сознательныхъ личностей) субъективно неустранима, объективно немыслима. Возможно ли соглашение детерминистического пониманія міра вообще-а, сладовательно и процесса исторіи въ немъ происходящаго-съ тою ролью обычаевъ, аффектовъ, интересовъ и убъжденій, которая положена выше въ основаніе историческаго процесса? Если же возможно, то какимъ путемъ наше объединяющее мышленіе можеть согласить ихъ?

Детерминиямъ составляеть необходимую точку исхода для воякаго научнаго мышленія. Она логически приводить къ

представлению о необходимыхъ процессахъ, совершающихся въ міровомъ веществъ, и которые дають въ однихъ случаяхъ группы повторяющихся явленій, въ другихъ-эволюцію, проходящую неизбъжно чрезъ рядъ последовательныхъ неповторяющихся фазисовъ. Мы констатируемъ, что въ опредъленный моментъ существованія нашей планеты на ней обнаружилось то, что принято называть явленіями жизни; что, затімъ, въ организмахъ пробудилось и стало развиваться сознаніе въ его разныхъ проявленіяхъ. Для этихъ сознательныхъ органическихъ существъ субъективный міръ ощущеній, представленій, понятій, аффектовъ и волевыхъ процессовъ, возникавшій и развивавшійся по условіямъ безусловнаго детерминизма, сділался столь же безспорнымъ фактомъ наблюденій, опыта и мотива дальнышихъ фактовъ субъективнаго и объективнаго міра, какъ паденіе камня или пзміненіе світовыхъ явленій. Процессъ эволюціи животнаго міра выработаль человіческія личности, способныя ставить себв вопросы пониманія, вопросы науки. Эти научные вопросы съ одинаковою неизбъжностью пришлось поставить и для фактовъ объективнаго міра, понимать который возможно было лишь какъ систему необходимыхъ причинъ и следствій, систему подчиненную безусловному детерминизму, и для фактовъ міра субъективнаго, гдф основнымъ явленіемъ были акты воли, подготовлямые процессами интеллектуальными и аффективными, приводящіе къ объективнымъ дъйствіямъ, но, въ процессъ своего проявленія, сознаваемые исключительно какъ мірт цилей и средствъ для достиженія этихъ целей. Этотъ міръ целей и средствъ-подобно всёмъ другимъ субъективнымъ явленіямъ-надо было научно изучать не только какъ необходимый результать процессовъ механическихъ, химическихъ и біологическихъ, подчиненный безусловному детерминизму, но еще въ техъ его особенностяхъ, которыя воспринимались исключительно субъективно, точно также какъ научнос мышленіе разрабатываеть систему видимаю движенія свётиль рядомъ съ понятіемъ о ихъ движеніяхъ, эстетические вопросы о гармони красокъ и звуковъ рядомъ съ теоріей вибраціонных движеній, составляющихъ, для на-

учнаго пониманія, сущность онтическихъ и акустичесскихъ процессовъ. Каковъ ни былъ бы настоящій источникъ нашихъ представленій о чилями, которыя мы себ'в ставимь, и о средствахъ, избираемыхъ нами для ихъ достиженія, мы не можемъ устранить признанія ихъ какъ фактовъ нашего субъективнаго міра; мы принуждены ихъ изучать въ ихъ іерархіи съ точекъ зрвнія пользы, привлекательности, обязательности, хотя бы считали всв эти категоріи такими же субъективными иллюзіями, какъ самостоятельное движеніе солнца по горизонту, впечатавніе гармоніи или диссонанса тамъ, гдв происходять лишь разнообразныя колебанія воздуха и т. под. Детерминизмъ астрономическихъ и акустическихъ явленій, въ одномъ случав, и детерминизмъ нашихъ водевыхъ актовъ въ другомъ--не отрицается при этомъ ни на минуту, но мы констатируемъ, что мы находимся въ области, гдв, для научнаю изученія явленій, мы не можемъ получить никакихъ полезныхъ результатовъ отъ приложенія этого общаго философскаго понятія. Орудіемъ детерминизма мы не въ состояніи изучить разницу, которую сознаемъ между цълью полезною и вредною, высшею и низшею, между средствомъ цълесообразнымъ и нельпымъ. Если мы интересуемся этою разницею, хотимъ классифицировать факты, сюда относящіеся, установить ихъ і рархію, ихъ взаимную зависимость, то намъ приходится ихъ изучать такъ, какъ будто бы ихъ детерминизмъ не существовалъ. Міръ цалей и средствъ, который, для нашего философскаго его пониманія, есть въ своемъ целомъ и въ своихъ подробностяхъ не что иное, какъ продуктъ безусловнаго детерминизма явленій механическихъ и біологическихъ (то, что называется эпифеноменомъ) можетъ быть научно изучаемъ лишь вт. формахъ его субъективнаго воспріятія. Но не ставить себ'в цівлей и не отыскивать средствь для ихъ достиженія мы не можемъ; сладовательно намъ іприходится искать научнаго пониманія міра пілей и средствъ въ особенностяхъ его субъективнаго воспріятія и развитія.

Въ изучении историческаго процесса предъ нами реальныя личности, которыя нуждаются къ дъятельности мотивами обычая, аффекта, интереса или убъжденія, борятся за существо-

ваніе орудіями солидарности и раввитія сознательных процессовъ, создавая культурныя формы и направляя свою мысль на ихъ переработку. Все это относится къ міру челей и средство, къ той субъективной надстройно надъ міромъ механическихъ и біологическихъ явленій, которая нисколько не противор'ячить всеобщему детерминизму, но должна быть изучаема въ ея особенностяхъ иными пріемами мысли, точно также, какъ эстетическое изученіе комбинаціи красокъ и звуковъ им'веть м'есто, не приб'ятак къ обсужденію теоріи волнообразнаго движенія. Мы им'вемъ предъ собою два различные слоя фактовъ, одинаково доступныхъ научному изученію.

Эти факты пришлось бы, по видимому, признать противорачивыми лишь въ томъ случай, если бы мы захотили приложеть въ одному изъ этихъ слоевъ пріеми мисли, годных для другого. Наприміръ, если бы мы захотили отрицать веобходимую объективную связь причинъ и сийдствій на томъ основаніи, что мы субъективно ставимъ себй ціль жокъбы совершенно произвольно: вакъ будто этотъ произволь не приходится понимать канъ ненебіжное слідствіе ряда предпествованнихъ несознаннихъ причинъ! Или если бы мы вздумали воздерживаться отъ поставовне себі какой либо ціли жизни на томъ основанія, что детеринизмичобуслеваннаєть всі событія и вашь воля туть не при чемъ: канъ будто это самое воздержаніе не есть особая моло жизни, нами себі поставленная; канъ будто самая ен постановка не составляєть опреділеннаго участія въ послійловательности причинъ и слідствій; и канъ будто мы, съ нашимъ актомъ воли, не составляємъ, какъ волевой аппарамъ, невыділимаго звема въ сіти міровыхъ процессовъ!

Между пониманіемъ исторім манъ процесса, совершающагося въ коллективностяхъ личностей, которыя ставять себі ціли и отмекнавають для нихъ средства, и философскимъ представленіемъ о детерминизмів всего совершающагося, не только нівть противорічня, но не особенно трудно указать ступени идейнаго процесса, связывающаго эти два—на первый взглядь противорічнию— момента пониманія всего сущаго.

Принимая за точку исхода необходимый объективный процессь, мы имвемъ ступени: механическій детерминизмъ міроваго процесса; выработка механическимъ процессомъ жавыхъ и сознательныхъ организмовъ; зволюція ихъ сознанія, какъ необходимаго оружія въ борьбѣ за существованіе; выработка въ этомъ сознанія потребности развитія, научной критики и правственныхъ идеаловъ, какъ ряда необходимыхъ эпифенеменовъ міровыхъ механическихъ процессовъ на определенномъ фазисъ

последних»; научная обработка этихъ эпифеноменовъ въ ихъ особенностях»; научное понимание истории въ ея субъективныхъ элементахъ.

Принимая за точку исхода постановку личностью себѣ цѣлей, какъ бы эта личность была автономною, мы имѣемъ подобный же родъ ступеней: личность ставитъ себѣ цѣли эмпирически (какъ бы произвольно) по самымъ разнообразнымъ побужденіямъ; въ ней пробуждается наслажденіе развитіемъ и потребность развитія; однимъ изъ путей этого развитія является пониманіе міра на почвѣ научной критики; эта критика, какъ логически-обусловленное орудіе мысли, приводитъ къ пониманію міра въ его цѣломъ какъ подчиненнаго безусловному детерминизму.

Міръ цілей и средствъ, подлежащій нашему изученію для научнаго пониманія исторіи, вырабатывается въ сознаніи личностей, которыя группируются въ общество, и, при этомъ, приходится установить отношеніе между этими двумя понятіями, принадлежащими опять таки къ двумъ различнымъ категоріямъ продуктовъ мысли, которые, на первый взглядъ, вызываютъ кажущееся противорічіе и, во всякомъ случай, требують отъ объединающей мысли соглашенія.

Роль въ личности въ ходе исторіи составляеть въ последній періодъ одинъ изъ спорныхъ вопросовъ историческаго пониманія. Еще не особенно давно въ историческихъ трудахъ интересъ къ крупнымъ личностямъ и къ ихъ индувидуальнымъ побужденіямъ какъ бы заслоняль собою коллективный характеръ историческихъ событій. По тому самому, въ ближайшее къ намъ время темъ решительнее выступиль другой пріемъ исторического пониманія, когда личности разсматриваются исключительно какъ продукты коллективныхъ задачъ эпохъ и какъ представители увлеченій коллективнаго аффекта, разсчетовъ коллективныхъ интересовъ, требованій коллективныхъ в'врованій и уб'яжденій. Едва-ли не сл'ядуеть признать, что оба эти взгляда опираются на правильныя задачи мысли, по становятся ненаучными лишь въ своей исключительности, которая въ обонть случаниь заслоняеть некоторыя, очень важныя соображенія для надлежащаго повиманія исторін.

Здесь, прежде всего, приходится противупоставить реаль-

нивамъ побужденій, которыя вызывають къ діятельности эта самые реальные влементы.

Въ функціонированія общественняго союза, въ историческомъ движенія и въ жизня историческихъ эпохъ вообсте реальны лишь особи. Лишь въ большемъ или меньшемъ числё этихъ особей воплощаются коллективные обычан, аффекты, интересы и убъжденія. Съ этой точки зрічнія можно сказать, что всё явленія въ соціологіи и въ исторіи совершаются исключительно личностиями, которыя создають общество съ его разнообразными пріемами солидарности, съ его пестрыми фермами культуры, съ его продуктами мысли, переработывающими эти формы культуры.

Но въ то же самое время, эти единственно-реальные агенты исторіи—сознательныя личности—суть ни что иное, какъ продукты общественныхъ процессовъ, обусловленные во всёхъ своихъ актахъ интеллектуальной и аффективной жизни, во всёхъ своихъ жизненныхъ цёляхъ и практическихъ проявленіяхъ своей воли—строемъ и жизнью того коллективнаго организма, часть котораго составляють эти личности. Въ отдёльныхъ личностяхъ въ дёйствительности воплощается безъ остатка жизнь общества. Ни одна личность не можетъ черпать ни побужденій, ни пониманія, ни привычекъ мысли и жизни, ни правей, ни средствъ—ни откуда виё общества, среди котораго личность выработалась и живеть, продуктъ котораго она составляеть.

Ни тоть, ни другой изъ этихъ двухъ одинаково важныхъ фактовъ не могутъ быть оставлены въ сторонѣ при научномъ пониманіи исторіи. Ненаучно видѣть въ историческомъ процессѣ исключительно комбинацію личныхъ аффектовъ и интересовъ, личнаго пониманія событій и личнаго творчества соціологическихъ идей и общественныхъ формъ, комбинацію какъ бы вполнѣ зависящую отъ индивидуальныхъ особенностей историческихъ героевъ. Но столь же ненаучно разсматривать этотъ историческій процессъ какъ безличный, пренебрегая соображеніемъ, что его единственными реальными совершителями были, будутъ и могутъ быть лишь личности въ ихъ индивидуальномъ

разнообразіи; въ ихъ конкретномъ общественномъ положеніи, въ узлѣ событій или въ одной изъ второстепенныхъ ихъ комбинацій; въ ихъ личныхъ побужденіяхъ. Ни исторія борьбы личностей за ихъ индивидуальныя привычки, интересы и убѣжденія, ни абстрактная исторія послѣдовательно-возникающихъ и ослабѣвающихъ общихъ теченій исторіи не есть, въ ихъ отдѣльности, научно-понятая исторія. Послѣдняя требуетъ, чтобы обѣ эти стороны въ ходѣ событій были одинаково взяты въ соображеніе какъ въ ихъ особенности, такъ и въ ихъ взаимодѣйствіи.

И противоръчіе, котораго можно было бы опасаться при этомъ, есть едва-ли не исключительно призрачное. Да, реальны въ историческомъ процессв лишь отдельныя личности съ ихъ привычками и съ ихъ критикою, съ ихъ ролью мыслящихъ аппаратовъ, создающихъ науку, искусство, философію, съ ихъ ролью солесих аппаратось, создающихъ исторію; но въ этихъ процессахъ творчества идейнаго и практическаго, совершающихся въ милліонахъ отдёльныхъ мозговъ, для научной исторіи важно въ особенности то, что сближало всь эти процессы въ немногія могучія историческія теченія желаній, убъжденій и событій, стирая всякую индивидуальную обособленность реальныхъ агентовъ исторіи и обращая ихъ въ безличные органы жизни коллективной. Да, предъ продуктомъ коллективной жизни въ области творчества общественныхъ формъ, какъ и творчества идей въ исторіи, совершенно незначительна роль личной иниціативы каждаго отдёльнаго мыслящаго и волеваго аппарата; темъ не мене, лишь эти индивидуальные аппараты общаго безличнаго процесса позволяють ему совершаться, составляють исключительные его органы и, въ этой своей роли, придають проявлениемъ этого процесса во всемъ его протяжении индивидуальное разнообразіе, которое историкъ долженъ взять въ соображеніе; иногда же обусловливають какой либо личности, поставленной случайными обстоятельствами въ узлъ событій, большее вліяніе на ходъ послъднихъ, чемъ можно было бы ожидать, принимая исключительно въ соображение могущество общихъ историческихъ теченій и

индивидуальныя качества и способности того мыслящаго и волеваго аппарата, который въ данномъ случай имбется въ виду. Никакого действительнаго противоречія не можеть существовать между иниціативою отдельной личности, стремящейся своею волею вліять на ходъ историческихъ событій, и тёмъ фактомъ, что это самое стремленіе особи есть цёликомъ продуктъ эпохи и общественной среды, обусловливающихъ всё мысли и действія особей: личная иниціатива — въ действіи и въ воздержаніи отъ действій, въ критической борьбе съ существующимъ и въ подчиненіи рутины — есть именно тотъ пріемъ, который исключительно доступенъ для историческиго теченія, самаго могущественнаго какъ и самаго слабаго, чтобы воплотиться въ событіи и въ идейные продукты.

По этому едза ли можно отнести къ протворъчіямъ или къ уступкамъ выраженія одного и таго же автора, который въ одномъ маста своихъ работь говорить: «Личности создали исторію», а въ другомъ: «все въ личности есть неизовжное савдствіе предшествующихъ причинъ» и «наука исторіи начинается лишь съ усвоенія... подчиненія личности общинъ законамъ личной и общественной жизни». Это лишь отдёльное констатированіе двухъ сторонъ, фактически-существующихъ въ историческомъ процессъ: въ одномъ случав--роли иниціативы личности, какъ необходимато способа осуществленія всявихъ безанчныхъ историческихъ теченій; въ другомъ-роли среды и эпохи въ выработив втой самой ненціативы. Желающіе могуть назвать, если это имъ угодно, первое изъ этихъ констатированій «субъективно-идевлистической точкою зрвия», второе-какъ-нибудь иначе; во какъ-то странно представить себъ, чтобы эти объективисты ръшились утверждать, что ходъ историческиго процесса можеть совершаться безъ всякаго посредства и вив всякой иниціативы индивидуальныхъ мыслащихъ и волевыхъ аппаратовъ.

Разъ мы допустили, что для пониманія исторіи необходимо взять въ соображеніе роль личностей, какъ таковыхъ, въ теченіи событій, въ измѣненіи культурныхъ формъ и въ работъ мысли въ разныхъ областяхъ ея, — приходится обратить вниманіе на нѣкоторыя особенности процесса исторіи, обусловленныя этимъ обстоятельствомъ.

Во-первыхъ, слъдствіемъ его оказывается разнообразіе про явленій всякаго историческаго теченія въ личностяхъ разнаго

общественнаго положенія, разнаго развитія и разной подготовки; а у личностей, поставленныхъ случайностями жизни въ узелъ событій, иногда обнаруживается особенное вліяніе на ходъ событій. Необходимость воплощаться въ личную мысль и въ индивидуальныя действія сообщаеть коллективнымъ процессамъ неизбъжный элементъ разнообразія; на сцену выступають индивидуальныя особенности, индивидуальное общественное положеніе личностей, ділающихся орудіями того историческаго діла, которое становится на очередь въ данную историческую минуту. Личность не можеть не черпать причинъ своей дъятельности и своихъ побужденій изъ общества, въ которомъ она живеть, но эти соціальныя причины и побужденія, дійствуя одинаково на всв особи общества, не могутъ также не дифференцироваться въ своихъ проявленіяхъ и результатахъ соотвётственно разнообразію этихъ особей по ихъ индивидуальнымъ особенностямъ, привычкамъ и положению. Поэтому для научнаго пониманія исторіи приходится одинаково брать въ соображение не только общій характерь коллективныхъ общественныхъ теченій, дійствующихъ на всі особи и разнообразящихся по групповой и классовой разнице ихъ общихъ привычекъ, общихъ интересовъ и общихъ убъжденій — теченій, составляющихъ сущность хода исторіи-но также индивидуальную разницу тахъ личностей, которыхъ въ разные исторические моменты обстоятельства поместили въ узелъ переплетающихся нитей конкретной комбинаціи событій, неизбежно окрашивая при этомъ, въ большей или въ меньшей мъръ, ходъ событій личными особенностями того или другого даятеля.

Приміры вліянія особенностей, той или другой личности на ходъ исторіи многочисленны. Общій характерь політической и экономической исторіи Европы во второй половині XVIII-го віжа обусловлень историческими теченіми, независівшими отъ личности, участвовав. шихь въ этой исторіи; однако роль Пруссіи въ эту упоху,—а, съ тімь вийсті, и много отдільныхь событій этого и послідующаго времени была бы совершенно иною, если бы Елисавета Петровна умерла годомъ позже, и еслибы наслідникь ел иміль тругія личныя особенности. — Точно также судьбы Польши въ ту же эпоху, въ общемь ненабіжныя, могли бы быть иными, віфроятно, въ частности, если бы Екатерина и Фридрихъ II были иныя личности. — Относительно другой эпохи можно сказать, что личности Лютера и Кальвина, съ особенностями придали первому періоду реформаціи окраску, которая могла бы быть совсёмъ иная, если бы въ чужи комбинаціи событій» стояли другіе люди. — Даже въ области науки личный характеръ Кювье, а въ философіи личный характеръ Кузена, можетъ быть, не остались безъ вліянія на задержку одняй отрасли ученыхъ работъ и философской мысли и на расширевіе другихъ направленій въ тёхъ же областяхъ

Во-вторыхъ, признавъ роль мысли и воли личностей, какъ неизбъжныхъ органовъ въ коллективныхъ процессахъ, мы почти неизбъжно приведены къ вопросу: во всъ ли эпохи одинаково историку приходится, для научнаго пониманія хода событія, брать въ соображеніе эту роль, какъ значительный мотивъ, и, въ особенности, не вытекаетъ ли изъ этихъ соображеній болье или менъ важное различіе въ роли этой интеллигенціи, которую мы выше признали единственнымъ агентомъ пробужденія, продолженія и развитія исторической жизни въ обществахъ?

Дъйствительно, мы можемъ здъсь подмътить два весьма различные случая.

Въ одномъ изъ нихъ экономическія и политическія условія общественной жизни проявляются съ полною опредвленностью; задачи мысли и жизни, столкновенія интересовъ, группировка убъжденій и вліяніе установленных обычаевъ комбинируются съ такимъ явнымъ детерминизмомъ, последующія событія такъ неизбижно вытекають изъ предыдущихъ, что весь ходъ исторіи получаеть какъ бы автоматическій характеръ. Тогда роль интеллигенціи заключается лишь въ томъ, что этотъ общественный элементь, съ большею ясностью и съ большей сознательностью идеть тамъ путемъ, которымъ по необходимости идетъ все общество. Интеллигенціи приходится лишь приспособляться въ ходу событій, облегчать ихъ неизбъжное теченіе и историкъ-мыслитель съ некоторымъ правомъ говоритъ, что ходъ событій остался бы, вообще говоря, почти темъ же самымъ, если бы вмёсто личностей, имена которыхъ теперь характеризують подобную эпоху, болве крупными двятелями были бы совствить иныя личности, или если бы даже ни одной особенно

крупной особи, типической для данной эпохи и для даннаго общества, не было бы на лицо.

Но представляются случаи иного рода. Тогда экономическій и политическія условія им'ють гораздо мен'ве опред'яленный характеръ и сами собою не указывають на возможные пути выхода изъ общественныхъ затрудненій. Подготовленность общества въ его приомъ недостаточна. Задачи жизни, прежде чемъ оне становятся определенно передъ обществомъ, принуждены воплотиться въ идею, требующую себъ осуществленія въ индивиду: льномъ дёль. Представители этой идеи становятся необходимымъ органомъ исторического движенія. Лишь при ихъ неизбъжномъ посредствъ можетъ дъйствовать детерминизмъ исторіи. Прежде чёмъ задача времени можетъ выработаться въ форм'в реальнаго исторического теченія, стремденіе къ прогрессу принимаеть форму идейнаго движенія, которое получаеть начало сперва въ меньшинствъ интеллигенция чтобы уже въ последствии обратиться въ общественную силу. Въ подобныхъ случаяхъ особенности личностей, которыя составляють какъ бы узлы въ исторической съти событій данной эпохи, получають болье или менье важное значение для историка, стремящагося понять эту эпоху. Нельзя уже тогда раціонально исключать этотъ элементь изъ исторической комбинаціи. Могущество уб'яжденіям энергія воли личностей становится историческими силами. Во имя этого могущества и этой энергіи судить ихъ исторія, преклоняются педъ ними или предають, ихъ проклятію ихъ современники, и предъ ними самими встають требованія ихъ общественной обязанности и общей цвли ихъ жизни. Въ этомъ случав, конечно, не устраняется ни неумолимый законъ историческаго детерминиза, ни вліяніе экономическихъ и политическихъ условій на ходъ событій, однако эти основные двигатели истори принимають лишь особенную форму.

Но весьма существенная роль, принадлежащая въ разсматриваемыхъ случаяхъ субъективному элементу жизни личностей, входящихъ реальнымъ органомъ въ исторію, вызываетъ еще дальнъйшее соображеніе, тъмъ болье важное, что оно является,

для прошлаю исторіи, одникь изь нособій для установленія раціональной іерархіи жизненныхь цілей, служившихь мотивами діятельности личностей разныхь эпохъ, и средствъ, употребленныхъ ими для достиженія этихъ цілей; а, въ то-же время, для настолицаю, здісь діло касается опреділяющихъ началь созданія будущаго фазиса исторіи.

Какъ приходится личности, добровольно или невольно участвующей въ исторической жизни, смотреть на это свое участіе?

Она есть единственный реальный двятель общественной и исторической жизни, а потому не имбеть ли она права думать о себь, что она, эта личность, можеть придать исторіи актомъ своей воли то или другое теченіе, и что на ней самолично лежить въ той или другой степени отвътственность за все возмутительное, какъ и за все великое въ современныхъ ей событахъ?

Но она есть въ то же время продукть общества во всемъ, что она думаетъ, испытываетъ, ставитъ себѣ задачею и совершаетъ: не имъетъ ли личность поэтому, съ другой сторовы, такого же основанія смотрѣть на себя, какъ на игрушку историческаго детерминизма, подчиненную общему ходу событій на столько же, на сколько снѣжинка падаетъ, принимаетъ ту или другую форму и окончательно таетъ по общимъ законамъ межаники и физики.

Усвоивъ представление о мірѣ, какъ подчиненномъ, въ его цѣльности, безусловному господству детерминизма, критическимыслящая личность не можеть не понимать, что ен побужденія и рѣшенія, постановка ею цѣлей и выборъ средствъ—суть явленія, неизбѣжно имѣюнія мѣсто въ опредѣленной послѣдовательности, помимо всякой произвольной иниціативы ен будто бы независимаго я. Но, рядомъ съ этимъ, подобная личность сознаеть и то, что въ неразрывную сѣть причинъ и слѣдствій входятъ неустранимымъ элементомъ представленія различныхъ психическихъ я; что эти я преслѣдують свои цѣли, осуществляють свои идеалы и, слѣдовательно, играютъ въ сознаваемомъ ими историческомъ движеніи своего времени роль не какъ

автоматическія орудія, а какъ орудія, проникнутыя сознаніемъ своей роли и действующія во имя процесса собственной воли, представление которой для нихъ практически неустранимо. Метафизическая подкладка детерминизма не имъетъ никакого значанія для ихъ дъятельности, въ той ея форм'в, въ какой они сами сознають ее. Они для себя, какъ дъйствующаго я, суть аппараты волевые. Помимо этихъ волевыхъ аппаратовъ ничто въ исторіи соверщаться не можеть, такъ какъ именно въ этой формъ самоотверженія и преданности идеалу, или индифферентизма и низменнаго разсчета, эти волевые аппараты входять въ сознанную съть причинъ и следствій. Отсюда любопытное и въ то же время неустранимое явленіе, что личность признаеть себя нравотвенно-ответственною за свои поступки, наслаждаясь въ той или другой аффективной формь тыми изъ нихъ, въ которыхъ она видить свою заслугу; осуждая такъ или иначе себя за другіе, которые, по ея убъжденію, принижають ся достоинство. Въ сознаніи личностей возникаеть нравственный мірь обязанностей перодъ собою. Здёсь, для разсматриваемаго вопроса, на первомъ мёсте становятся двъ различныхъ обязанности. Это, во первыхъ, обязанность преда своею волею осуществлять практически то, на что личность решилась, какъ будто бы это решение было вполнъ автономно и произвольно. Это, во вторыхъ, обязанность передъ своимъ пониманиемъ, признавать истиннымъ лишь то, что выдерживаетъ критику этого пониманія, т. е. въ разсматриваемомъ случав, обязанность признавать всв свои совершившіеся психическіе процессы неизбіжными. Уже на почві этихъ двухъ основныхъ психическихъ обязанностей, при выработкъ убъжденій, устанавливающихъ классификацію въ іерархію цілей и средствь, возникаеть для личности дальнійшая теоретическая обязанность вырабатывать и формулировать идеалы, сознавать факты и поступки какъ согласимые или несогласимые со своими идеалами, и практическая обязанность бороться за эти идеалы противъ застоя и реакціи, за здорорыя историческія побужденія противь патологическихъ.

Съ вопросомъ о взаимодѣйствіи личности, какъ ставящей Задачи пониманія исторіи.

себь автономно цъли жизни, -- и общества, какъ среды, обусловливающей всю деятельность личности, тесно связанъ и вопросъ о преднамъренномъ и о непреднам вренномъ вліяніи взрослаго покольнія на растущее, отцовъ и дьтей. «Отцы» сознательно стремятся воспитывать «детей» въ определенномъ направленіи, преимущественно въ томъ, которое поддерживаетъ культурный обычай и сходство между последовательными поколвніями. Но среда безсознательно действуеть на растущее покольніе отчасти въ томъ-же консервативномъ направленіи, отчасти же воспитывая въ немъ стремленіе къ постановкъ новыхъ задачъ мысли и жизни. Отсюда, для пониманія каждой эпохи, возникаетъ важный вопросъ о томъ, съ одной стороны, въ какой мъръ сознательное и въ какой безсознательное воспитаніе новыхъ покольній обусловило ихъ отличія отъ предшествовавшихъ; съ другой, въ какой мъръ это сознательное и безсознательное дъйствіе было направлено на сохраненіе традицій въ области мысл и ижизни-особенно въ эпохи, характеризованныя понытками создать новую культуру или поддержать старую; — и въ какой оно действовало въ смысле какъ бы естественнаго противуположенія «отцовъ» и «дітей», особенно въ переходныя эпохи.

Для научнаго пониманія исторіи и даже для надлежащаго изученія ея фактическаго содержанія въ его существенных элементахъ, важенъ, помимо субъективнаго элемента, вносимаго въ исторію соображеніемъ о роли всякой личности, еще другой —уже объективный — элементъ историческихъ понятій, относящійся къ представленію о личностяхъ, какъ реальныхъ воплотительницахъ общаго теченія событій и характеристическихъ особенностей эпохъ.

Эволюція человъчаства создаеть не только новыя формы культуры и новыя продукты работы мысли. Она въ каждую эпоху воплощается еще въ конкретныя типическія или исключительныя личностии. Одні изъ этихъ личностей суть реальные органы совершающейся общественной эволюціи. Но, рядомъ съ ними, въ миев, въ произведеніяхъ искусства и болье или менье сознательной литературы возникають еще другія

личности, пъликомъ созданныя фантазіей общества или индивидуального художника. Личности второго рода суть иногда даже болве вврные и цвльные документы для пониманія эпохъ, чвит ихъ реальные современники, почти неизбежно примешивающіе къ своимъ типическимъ или исключительнымъ особенностямъ ту кору случайнаго, незначительнаго или пошлаго, которую искусство устраняеть изъ своихъ наиболю совершенныхъ произведеній. Пониманіе исторіи требовало бы столь же внимательнаго изученія въ отдёльныхъ личностяхъ, реальныхъ или художественно созданныхъ, тъхъ переживаній, тъхъ зародышей будущаго или тахъ характеристическихъ особенностей данной эпохи, которыя мы ищемъ, имвя въ виду то же самое пониманіе, въ формахъ культуры и въ продуктахъ разныхъ областей мысли вообще. Для историка имфютъ существенную важность реальныя личности, какъ конкретныя иллюстраціи мысли и жизни данной эпохи съ ся характеристическими чертами, переживаніями прошедшаго и зародышами будущаго. Въ этомъ отношении интересна и та доля особенностей личности. которая есть не иное что, какъ проявление культурныхъ привычекъ мысли и жизни, общихъ целымъ группамъ и классамъ, независимо отъ индивидуальныхъ особенностей; и тв оригинальныя, исключительныя-иногда патологическія-проявленія личнаго характера, которыя свидетельствують о томъ, какія отступленія отъ обычнаго средняго хода мышленія могли имъть мъсто въ данную эпоху, или какъ странныя переживанія или какъ неопредвленныя предугадыванія еще не организовавшихся историческихъ теченій. Біографическій элементь исторіи, разрабатываемый въ этомъ направленіи, не уступаеть, по важности его для понимавія эпохи, никакимъ другимъ работамъ съ тою ж з цвлью.

Къ сожаленю, для огромной доли прежнихъ эпохъ матеріалъ для подобной обработки біографическаго элемента исторія или крайче недостаточенъ или даже прямо недостоверенъ, такъ что для древней и средневековой исторіи всяможны въ этомъ направленіи большею частью лишь вполив-гипотетическія возстановленія личностей. Но и для

болёе новаго времени отрывочность матеріала въ перепискахъ и документахъ и сомнательность окраски личностей, доставлиемой мемуарами, дълають эту вадачу очень затруднительной.

Лальнайшимъ философскимъ вопросомъ исторіи можно признать задачу найти обобщающую формулу, которая охватила бы всв только что указанныя антиноміи, возникающія при стремленіи научно и философски понять исторію: какъ процессъ, объективно обусловленный міровымъ детерминизмомъ и въ то же самое время осуществляющійся лишь при помощи субъективно-автономной дъятельности ряда волевыхъ аппаратовъ; какъ процессъ соціологической борьбы обществъ за существованіе, для которой личности служать лишь необходимыми орудіями вырабатываемыми во всёхъ подробностяхъ ихъ теоретической и практической деятельности коллективными организмами; и, вт то же самое время, какъ процессъ борьбы, единственные реальные элементы которой суть эти самыя личности, создающія обычаи, волнуемыя аффектами, стремящіяся понять и осуществить свои личные и коллективные интересы, ставящія жизненною цізлью воплощеніе въ жизнь своихъ убізжденій. Задачею подобной обобщающей формулы было бы дать возможность историку отличить въ объективномъ процессъ событій то, что совершается какъ бы автоматически, при наименьшей доль иллюзіонной автономіи мыслящихъ и волевыхъ индивидуальных аппаратовь, оть явленій, въ которыхъ, для научнаго пониманія эпохи, необходимо принять въ соображеніе именно формы упомянутой идлюзіонной автономіи и ихъ связь съ теченіемъ событій. Ея задачею было бы установить, какія явленія при этомъ приходится признать здоровыми и какія патологическими, во-первыхъ, съ точки зрвнія объективнаго существованія, усиленія, ослабленія и разрушенія коллективныхъ организмовъ; во вторыхъ — съ точки зрвнія воплощенія въ жизнь данной эпохи привычекъ, аффектовъ, интересовъ и убъжденій реальныхъ личностей, составляющихъ эти общества; въ третьихъ, — съ точки зрвнія развитой личности нашею времени, которая придагаеть по необходимости къ прошлому свое объективное знаніе или угадываніе возможнаго и невозможнаго въ данную эпоху, свое субъективное пониманіе исторіи въ ея частностяхъ и въ ея ціломъ. Задачею этой формулы было бы, наконецъ, не только позволить субъективную оцінку историческихъ личностей и событій на почві объективнаго знанія и съ точки зрінія развитія историка, но указать личностямъ нашего времени и возможное и желательное для ихъ діятельности, какъ развитыхъ и единственно-реальныхъ двигателей исторіи.

Эта обобщающая формула смысла исторіи есть, съ точки зрвнія детерминизма, одинъ изъ частныхъ случаевъ міровой эволюціи, случай обособленный тімь обстоятельствомь, что эта эволюція совершается при помощи индивидуальныхъ мыслящихъ и волевыхъ аппаратовъ, живущихъ обществами. Съ точки зрвнія пониманія двятельности этихъ сознательныхъ аппаратовъ, это есть стремление все лучше и поливе осуществить всю совокупность своихъ потребностей въ ихъ сознанной іерархіи. Пониманіе историческаго процесса при нераздальноми взятім ви соображеніе объихи этихи точеки зранія дозволительно, можеть быть, обозначить терминомъ пониманія исторического прогресса. Въ этомъ понятіи одинаково существень и элементь необходимого, являющійся для акта воли ничемъ инымъ, какъ ограниченіемъ ея произвола, и элементь лучшаю и высшаю, не иміній никакого смысла съ точки зрвнія детерминизма.

Смыслъ исторіи, какъ одного изъ проявленій мірового детерминизма, обязываеть историка прежде всего констатировать явленія, которыя мы будемъ называть прогрессивными, въ ихъ отличіи отъ явленій, для насъ регрессивныхъ, и тѣмъ самымъ признать возможность первыхъ обращающуюся фактически въ необходимость въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако далеко не во всѣхъ. Для установленія этого отличія теорія всеобщаго детерминизма намъ орудій не даетъ. Эти орудія мы можемъ черпать лишь изъ міра цѣлей и средствъ, вырабатываемаго отдѣльными мыслящими и волевыми аппаратами, какъ таковыми. Понятіе о прогрессѣ и регрессѣ, заключая въ себѣ представленіе о лучшемъ и высшемъ, на почвѣ исключитель-

наго детерминизма не мыслимо, а потому самый вопросъ о фатальности прогресса вообще есть вопросъ, заключающій въ себъ логическое противоръчје и чисто-метафизическое перенесеніе пріемовъ мысли, раціонально приложимыхъ въ одной области, къ другой, гдъ они теряютъ смыслъ. Это неизбъжное обращение къ міру пілей и средствъ приходится допустить при всякомъ пріемѣ внесенія въ общій процессъ исторіи определеннаго смысла. Одинъ историкъ (провиденціалистъ) находить этоть смысль въ осуществлении таинственнаго плана, установленнаго волею и разумомъ высшаго существа; при чемъ внъ этой воли и этого разума, провиденціальный планъ не могъ бы быть осуществлень самъ собою. Другой видить этотъ смыслт, въ самомъ широкомъ удовлетвореніи основныхъ потребностей все растущаго большинства отдельных в личностей, сознавая, что, фактически, это удовлетворение не только не всегда расширяется, но большею частью и съуживается для большинства, такъ что неизбёжнымъ его признать нельзя. Точно также, третій, принимающій за критерій прогресса рость солидарности и процессовъ сознанія въ личностяхъ, очень хорошо знаеть, что эти процессы роста лишь возможные отдёльно и въ совокупности, но далеко не совершаются сами собою. Вообще, автоматическій прогрессъ, предполагающій, по самому смыслу этихъ словъ, определенную и желательную цель (что прямо противоръчиво автоматизму) есть представление ненаучное. Единственный вопросъ, который дозволительно поставить съ точки зрвнія науки, это: насколько реальное теченіе фактовъ въ его строгомъ детерминизмъ совпадаетъ или не совпадаеть съ твиъ желательными прогрессомъ, представление о которомъ создавала мысль развитой личности подъ названіемъ. прогресса, считала-ли личность этотъ желательный процессъ осуществляемымъ волею Провиденія или осуществимымъ усидіями автономныхъ дичностей, совершенно оставдяя въ сторонъ въ последнемъ случав вопросъ о томъ, действительна-ли или призрачна эта автономія мыслящихъ или волевыхъ аппаратовъ, дъйствующихъ въ исторіи?

Какія же явленія въ мір'в целей и средствъ мы можемъ

отличить какъ *прогрессивныя* отъ другихъ, которыя для насъ регрессивны или остаются безразличными съ этой точки эрвнія?

Цёли и средства въ области исторіи констатируются исключительно какъ явленія жизни организмовъ коллективныхъ и индивидуальныхъ. Исторія имѣетъ дёло съ обществомъ, вырабатывающимъ личности, и съ личностями, своею теоретическою и практическою дѣятельностью создающими жизнь общества. Какъ организмы, и тѣ и другіе допускаютъ приложеніе кънимъ категорій здоровыхъ и бользненныхъ. Попробуемъ формулировать для исторіи эти категоріи какъ явленія прогрессивныя и регрессивныя.

Что можно считать эдоровыми явленіями для общества и что—явленіями патологическими?

Сущность понятія объ обществь, какь о формуль, обобщающей процессы, которые совершаются одновременно въ болъе или менъе значительномъ числъ личностей, есть его солидарность. Соціологію дозводительно понимать исключительно какъ науку солидарности сознательныхъ особей, въ установленіи, усиленіи, ослабленіи и разрушеніи этой солидарности. Пріемы изученія общества, какъ обобщающей формулы, прилагаются совершенно научно и къ обществу какъ конкретному наблюдаемому и изучаемому коллективному организму, по необходимости вырабатывающему для своего существованія сознательныя личности. Поэтому является вполнъ дозволительнымъ для общества — и какъ понятія и какъ конкретнаго организма, признать здоровымъ все то, что способствуеть установленію и укръпленію солидарности въ обществъ, патологическимъ — то, что ее подрываеть. Это самое позволяеть поставить научно гипотезу о прогрессивности всякаго явленія, указывающаго на рость солидарности, причемъ оправданіе или отрицаніе гипотезы обусловливается уже значеніемъ разсматриваемаго явленія для других здоровых процессовъ въ личных и коллективныхъ организмахъ, помимо солидарности последнихъ.

Эти последніе процессы приходится искать въ организмахъ индивидуальныхъ, входящихъ въ процессъ исторіи. А потому едва ли можно здёсь устранить вопросъ: что можно считать

здоровымъ явленіемъ и что — патологическимъ для личности, въ ея качествѣ необходимаго органа всѣхъ соціологическихъ и историческихъ процессовъ?

Выше было указано, что, для точки зрвнія, здвсь принятой, исторія начинается для всякаго общества лишь тогда, когда въ этомъ обществъ не только образовалась, но получила вліяніе на него группа личностей, усвоившихъ потребность развитія. Существованіе, усиленіе въ числь и въ энергической дъятельности этой исторической интеллигнији обуслованваеть и степень дальнайшаго участія общества въ исторической жизни. Это предполагаеть рость сознательных процессовъ въличностяхъ, какъ нормальное явленіе исторической . жизни, застой и атрофію ихъ, какъ отклоненіе отъ нормы. Следовательно, приходится признать здоровымъ процессомъ для интеллигенціи всякаго историческаго народа все то, что замедляеть или вовсе останавливаеть его. Отсюда научность гипотезы о прогрессивности всего, что действуеть на интеллигенцію въ первомъ направленіи, причемъ — подобно тому, что было сказано сейчасъ-оправдание или отрицание гипотезы следуетъ искать въ значении изучаемаго явления для другихъ здоровыхъ общественныхъ явленій: въ данномъ случав само собою разумвется, что двло можеть идти въ особенности объ общественной солидарности.

Такимъ образомъ обобщающая формула смысла исторіи, какъ понятія, охватывающаго и согласующаго точку зрвнія детерминизма и личной автономіи, представленіе объ обществі, вырабатывающемъ личности, и о личностяхъ, перерабатывающихъ общество подъ вліяніемъ индивидуальныхъ потребностей, — сводится на понятіе о двухъ прогрессивныхъ процессахъ, яміющихъ місто въ двухъ нераздільныхъ элементахъ исторической жизни: о фазисахъ эволюціи солидарности въ организмахъ коллективныхъ и о фазисахъ эволюціи процессовъ сознательныхъ въ организмахъ индивидуальныхъ. Оба эти элемента одинаково необходимы для прогресса, какъ объективновозможнаго и субъективно-желательнаго теченія событій, при помощи которыхъ совершается переходъ не только отъ неиз-

бъжно-предшествующаго фазиса исторіи къ неизбъжно-посльдующему, отъ возможнаго вчера къ возможному сегодня, но и отъ лучшаго и желательнаго, какъ оно сознавалось менъе развитымъ поколвніемъ интеллигенціи, къ лучшему и желательному для покольнія болье развитаго. Но эта одинаковая необходимость двухъ элементовъ, существенно различныхъ, приводитъ къ возможности еще новаго рода патологическихъ явленій въ исторіи, именно такихъ формъ солидарности, колорыя мѣшаютъ росту сознательныхъ процессовъ въ интеллигенціи, и такихъ условій роста посліднихь, которыя подрывають общественную солидарность. Подобный патологическій конфликть двухъ здоровыхъ историческихъ процессовъ констатируется фактически во многихъ случаяхъ; следовательно можетъ быть признанъ возможнымъ еще въ большемъ числе ихъ. Отсюда, формула прогресса должна принять ограничительную форму: прогресса, какъ смыслъ исторіи, осуществляется во ростив и во скрвпленіи солидарности, насколько она не мишаеть развитію сознательных процессовь и мотивовь дыйствія вы личностяхь; точно также какь вы расширении и вы уяснении сознательных процессовы и мотивовь дойствія вы мичностяхь, насколько это не препятствуеть росту и скръпленію солидарности между возможно большим числомь личности.

Отсюда, опредѣляя точнѣе приложеніе термина прогресса къ отдѣльнымъ событіямъ и личностямъ, приходится признавать прогрессивною роль тѣхъ изъ нихъ, которыя полнѣе другихъ воплощали въ себѣ хотя бы одинъ изъ двухъ указанныхъ влементовъ прогресса, наименѣе поддаваясь наклонности подавить другой; въ особенности же тѣхъ, въ которыхъ проявлялись оба эти элементы. Противуположное направленіе характеризуетъ регрессивныя событія и личности. Для историка нашей эпохи этотъ критерій можно считать безусловнымъ съ точки зрѣнія философскаго пониманія исторіи. Для практическаго дѣятеля, раціональный субъективный идеалъ формулируется въ стремленіи содѣйствовать росту солидарности и сознатель-

ныхъ процессовъ въ обществъ, которому личность принадлежитъ, настолько, насколько это возможно.

Вопросъ о томъ, насколько именно это было возможно для развитой личности въ разныя эпохи и насколько теперь возможно ставить себъ эту задачу и стремиться къ ея благо-пріятному рѣшенію, есть уже вопросъ, который здѣсь ставить едва ли правильно, такъ какъ на него можно отвѣтить не на основаніи общихъ соображеній, а лишь на основанія тщательнаго объективнаго изученія и широкаго субъективнаго пониманія самаго процесса исторіи въ его фактическомъ содержаніи.

Тымъ не менте, не лишне будетъ указать, что ни логическій анализъ понятій, имтющихся въ виду, когда дёло идетъ о солидарности и о ростт сознательныхъ процессовъ, ни фактическое содержаніе исторіи въ ея главныхъ чертахъ—не только не побуждають изследователя считать непримиримыми эти два требованія отъ историческаго прогресса, но скорте поддерживають гипотезу о возможности и даже втроятности наступленія эпохи, когда эти требованія окажутся согласимыми и будуть соглашены.

Представление о солидарномъ общежити, способствующемъ развитію сознательныхъ процессовъ въ особяхъ, точно также какъ и представление о развитыхъ личностяхъ, ставящихъ себв сознательною цалью жизни, всладствие самого своего развитія, усиленіе и расширеніе общественной солидарности, едва ли можно считать противоръчивыми или даже несогласимыми. Скорће можно склоняться къ предположенію, что прочная солидарность общества, формы жизни котораго подавляють всякое стремленіе личности къ развитію своихъ сознательныхъ процессовъ, рискуетъ создать значительныя опасности для существованія этого общества, въ случав, если его соседи пользуются въ борьбъ съ нимъ болъе совершенными процессами сознанія; и что другое общество, въ которомъ интеллектуальное развитіе меньшинства происходить на счеть подрыва солидарности этого меньшинства съ остальнымъ населеніемъ, чуждымъ задачь интеллигенціи, подвергается риску. что, въ процессь борьбы за существованіе между групцами людей, именно интеллигентное меньшинство будеть унесено историческою катастрофою и уровень развити опустится до полнаго интеллектуальнаго преобладания въ обществъ пасынковъ цивилизации и дикарей высшей культуры. Иначе выражаясь, исключительное или даже слишкомъ значительное преобладание одного изъ двухъ упомянутыхъ элементовъ прогресса логически какъ будто ведетъ къ возможному или даже въроятному подрыву не только другого изъ нихъ, но и того самаго элемента который, повидимому, господствовалъ въ соціальномъ стров.

Фактически во всемъ процессъ прошлой исторіи можно проследить более или менее сознательное стремление къ поддержкъ обоихъ элементовъ прогресса и даже къ ихъ соглашенію, причемъ, можеть быть дозволительно констатировать, что это последнее стремление становилось все более сознательнымъ и раціональнымъ. Забота о солидарности общества, хотя бы механической (при помощи коэрситивныхъ мъръ, употребляемых государственною властью), было заботою человъческихъ (и даже зоологическихъ) обществъ во всё эпохи исторіи, и, при этомъ, въ эту заботу входило самымъ обыкновенннымъ элементомъ стремленіе улучшить работу технической мысли, въ особенности въ сферъ обороны и нападенія. Господствующіе классы и обладатели власти весьма часто приходили къ стремленію, въ виду своихъ классовыхъ интересовъ, монополизировать интеллектуальное и эстетическое развитіе, выработать высшій идеаль личнаго достоинства, т. е. къ заботв о развитіи сознательныхъ процессовъ хотя бы въ привидлегированномъ меньшинствъ. Универсалистическія религіи поставили себъ уже задачею не только сплотить върующихъ въ солидарный организмъ, но и развить этихъ върующихъ въ личности, индивидуально-убъжденныя и все полные воплощающія въ свою жизнь эти убъжденія, причемъ препятствіемъ какъ этому сплоченію такъ и этимъ жизненнымъ цалямъ было лишь обстоятельство, что именно на почве догматического верования было и оказалось невозможнымъ и решение этихъ задачъ и сама правильная ихъ постановка. Въ новый періодъ светской цивилизаціи всего опредвленные, повидимому, не только отдылились

одна отъ другой, но какъ бы прямо противуположились одна другой задача индивидуалистическаго развитія (преимущественно научнаго и индустріальнаго) и задача солидарности (преимущественно механической, государственной). Тѣмъ не менѣе, именно въ нашу эпоху не только выработались новые соціальные идеалы, но они создали себѣ опору въ новыхъ общественныхъ организмахъ, ставящихъ себѣ одновременно задачею солидарность всего человѣчества, живущаго своимъ трудомъ, и интегральное развитіе всѣхъ личностей, способныхъ къ этому развитію, какъ существенный элементъ этой самой солидарности.

Такимъ образомъ, во взаимодъйствін культуры и мысли, въ смънъ фазисовъ общественной жизни, то оказывающихся попытками создать новую культуру, то переходными эпохами къ новымъ общественнымъ задачамъ, въ разнообразныхъ комбинаціяхъ характеристическихъ особенностей каждой эпохи, живыхъ элементовъ общественной жизни, переживаній прошлаго и зародышей будущаго - существенно объединяющею, философскою идеею исторіи въ ея цёломъ дозволительно, повидимому, признать прогрессь, какъ процессъ совокупнаго и индивидуальнаго развитія; процессь, который оказывается возможнымь. въроятнымъ и раціональнымъ смысломъ исторіи. Событія и ихъ двигатели, безличныя историческія теченія и выработанныя ими реальныя и идейныя личности, не только составляють научный матеріалъ историческаго пониманія, но и подлежать суду развитого историка во имя ихъ отношенія къ прогрессу, въ томъ его значеніи, которое этолько что было установлено. Содъйствіе прогрессу въ этомъ же его значеніи есть высшая жизненная цёль, доступная современному практическому деятелю, который сознаетъ себя необходимымъ органомъ въ процессв исторіи и стремится участвовать въ этомъ процессв, какъ сознательный мыслящій и волевой аппарать.

Взаимодъйствіе общества и личности, істремленіе къ солидарности и стремленіе къ индивидуальному развитію суть явленія соціологическія или относящіяся къ той вырабатывающейся и дифференцирующейся молодой наукъ (можетъ быть,

върнъе, отдълу исихологіи), которую нъкоторые писатели называють психологіей обществъ. Для научной философіи въ этой ея отрасли совершенно достаточно указать единство и взаимную зависимость фактовъ, законовъ и гипотезъ, принадлежащихъ къ этимъ областямъ и къ исторіи. Но научная философія вообще им'веть основаніе поставить еще одинъ вопросъ: не следуетъ ли, для лучшаго научнаго пониманія только что указанныхъ фактовъ, законовъ и гипотезъ, подъ совокупностью элементовъ историческихъ, соціологическихъ и общественно-психологическихъ, искать и ввести въ наше построеніе исторіи по отношенію къ прогрессу слой болье элементарныхъ фактовъ, законовъ и гипотезъ индивидуальной психологіи біологін, физико-химін, наконець механики? Исторія наукъ показала, что научное понимание космическихъ явлений сделалось возможнымъ лишь тогда, когда, подъ видимими движеніями наблюдаемых в нами небесных в тёль, астрономы констатировали ихъ действительныя движенія. Для научнаго пониманія физическихъ явленій теплоты, свёта и электричества, точно также какъ и химического разнообразія элементовъ, входящихъ. въ составъ наблюдаемаго и испытуемаго вещества, значительное пособіе оказала не только механическая гипотеза о единомъ веществъ такъ или иначе нами воспринимаемомъ подъ вліяніемъ трансформаціи энергіи, но даже гипотеза невъсомаго эеира. Прежняя психологія совершенно преобразовалась и выработала совершенно новыя отрасли фактовъ и законовъ, когда, для пониманія последнихь, она стала употреблять орудіе психо-физики, психологіи коллективностей и стала опираться во многихъ своихъ задачахъ (отчасти лишь гипотетически) на физіологію нервовъ, какъ на реальную подкладку процессовъ индивидуальной психологіи. Нельзя ли точно также расширить и уяснить пониманіе историческаго процесса, устанавливая или допуская его зависимость уже не только отъ соціологіи и отъ психологіи коллективностей, но и отъ бол'ве элементарныхъ областей знанія и пониманія?

Такъ какъ, по сказанному выше, реальны лишь личности, и общество представляеть не более какъ формулу для удоб-

нято ододинення проинссоко вр нихр совершающихся ник ний совершаниять, то можно было бы предположить, что дальнъйниж филичификим обибщение исторического процесса повело бы искличительно из задачань личной психологін. Потребности н посуждения особи состанляють, безъ сомнина, подкладку всёхъ инленій общестивниой солидарности и всьхъ сознательныхъ Проправанть из личности, такъ какъ вив этихъ потребностей и побужденій ни то, ни другое но могло бы иметь места. Однако здась приходится заматить, во-первыхъ, что весьма часто въ исторіи прісмы удовлетвиренія нівкоторыхъ потребностей особой и дъйствія, вызываемыя ихъ побужденіями, могуть быть наблидаемы непосредственно лишь какъ потребности и побуждонін коллоктинным, хотя и имфють мфсто реально лишь въ квждой личности особо; во-вторыхъ, что огромное число потребностей и побуждений въ особи даже не мыслимо въ ней, кикъ обособлениой единицъ, а обусловливается ся жизныю въ общестий и оц солидарностью (фатальною, аффективною или совнительною) съ другими членами этого общества. Сведеніе опоштий и милоній историческихъ на факты понхологін исключитольно личной една ли не обязательно въ общемъ философокомъ представлении этого процесса. Когда это сведение оказынаотом из изкоторымъ случаяхъ возможнымъ на основания какихъ лисо документовъ (напр. частной переписки, переданиму в разговоровъ и т. п., при явленіяхъ, гдь индивидуальныя поолждения человических личностей играли преобладающую роль), то оно становится и научно-обязательнымъ. Однако это омнаеть девольно радке; а потому приходится сказать, что подобноо оводение или научнаго пеннизния событий иместь лишь ограниченное приложение. Всеоще же говоря, оказывастом исположивамь, даже сь помощью гипотезъ, сколько ниот св. иличных в. простедить связь между разносоразіемь лич-HULL THOU WELLET A CTURREA PROTESS TO STAND THE STREET PROTESS OF THE PROTESS OF рее имвесь передь соосю истерать.

Сомечно всй проявлять дальнай паго философекаго окасован мугерических в сообиль и билософекаго окапроцессы. міра представляются въ общемъ научно-философскомъ пониманіи процессами нервной системы біологической особи вызываемыми дъйствіемъ внѣпіняго міра на эту особь. Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, когда счастливая комбинація обстоятельствъ сохранила драгоцѣнные документы, существовали и будутъ имѣть мѣсто попытки показать біологическую подкладку важнаго для исторіи психологическаго процесса во вліятельной личности; но это, именно, случаи совершенно исключительные. Пээтому и историкъ можетъ пользоваться біологическими объясненіями лишь въ совершенно исключительныхъ условіяхъ своей работы.

Уже чаще удавалось болье или менье успытно разъяснять особенности хода исторіи того или другого народа въ опредъденную эпоху климатическими, географическими и топографическими условіями страны, гдв событія совершались, или же передвиженіями населенія и распредъленіемъ его въ бол'ве или менъе плотныя антропологическія скопленія, помимо всъхъ мотивовъ солидарности, или потребности развитія. Последній родъ явленій получаеть научное значеніе большею частью косвенно, по своему вліянію (подобно н'якоторымъ другимъ явленіямъ, какъ, напримъръ, эпидеміямъ, геологическимъ катастрофамъ и т. под.) на дальнъйшіе факты, гдь уже затронуты только что указанные мотивы. Что же касается до явленій перваго рода, то подобное восхождение къ элементарнымъ причинамъ историческихъ событій оказывалось очень редко возможнымъ помощью научно-доказательныхъ пріемовъ; большая часть подобныхъ объясненій оставалась гипотетическою и допускала лишь самое общее представление о связи между причиною и следствіемъ. Объясненіе историческихъ событій вліяніемъ распредъленія въ пространствъ и во времени предметовъ и явленій внышняго міра, вполны правильное и научное въ общихъ чертахъ, становится тъмъ болъе сомнительнымъ и тъмъ менъе ваучнымъ, чемъ спеціальнее историческій вопросъ, о которомъ идетъ рвчь.

Няпримъръ, вполнъ безспорно общее вліяніе на нъкоторыя историческія явленія астрономическаго мъста вемли въ солнечной системъ

при посредстве распределенія времень года, средней температуры в метеорологических особенностей въ разных странахь; эти данных объясняють совершенно наглядно не только разницу общественной живни эскимосовь и грековь, но въ частности существованіе земледёльческих праздниковь въ определенные сроки, сношенія между нёвоторыми странами вслёдствіе господствующих вётровь и морских теченій. Топографія Египта обусловливаеть нёвоторыя черты о исторіи въ древнести, а форма береговь Эгейскаго мори—иных особенности исторіи древней Греціи. Однако едва ли было бы научно искать объясненія разницы и сходства мисовь Греціи п Полинезія въ географических условіяхь этихь странь, или распредёленіи католицияма, протестантвама разныхь толновь и православія въ климатическихь условіяхь, гдё установилось господетно того или другого изъ втихь исповёданій.

Въ последнее время некоторые соціологи, предмествующія работы которыхъ заставляють обратить особенное ванианіе на ихъ мивніе, выставили гипотезу, что «главным» двигателем»» въ ходе историчесвых событій (особенно «во всёхь измёненіяхь экономическаго строя») сивдуеть признать «рость населенія», что его рость есть «примой цингатель всёми эволюцій экономическаго строя» и что обособленіе различныхъ періодовъ «экономической эволюція» обусловлено развитіемъ обивна «по мврв того, какъ ростетъ густота населенія». Безспорно что здёсь предъ нами важный вопросъ соціологін, и что изслёдователь «основъ даннаго эксномическаго порядка» обязанъ обратить особенное вниманіе на «степень густоты населенія данной страны в ея сосёдей». Начало цивилизаціи могло им'ять м'ясто лишь при достиженіи густотою населенія нъкотораго наименьшаго численнаго преділа, и существовавшая цввилизація должна была придти въ упадовъ, если кавія-либо причины понизили эту густоту за подобный же наименьшій преділь. Легко указать во всё эпохи факты, «всточникъ» которыхъ нельзя не искать въ измъненіи «густоты населенія». Для доисторическаго періода рость этой густоты оченедно являлся "разлагающимь началомь" первобытныхъ общественныхъ формъ. Скопленіе населенія въ городахъ было важнымъ моментомъ въ жизни народовъ. Однако уже тутъ приходится очень отличать историческое значение старинныхъ большихъ городовъ передней Азін, разділенныхъ пустынями, черезъ которыя шли изрёдка караваны, и совсёмъ иныхъ городовъ древней Греціи или средневъковой Европы, гдъ предъ нами не иное что, какъ центры скопленія сельскаго населенія. Затімъ можно считать на первый взглядъ очень сомнительнымъ, чтобы для всёхъ странъ, гдё густота населенія перешла за наименьшій предвять, допускающій историческую цивилизацію, можно было установить опредвленную функціональную зависимость между числомъ, выражающимъ густоту населенія

п другимъ числомъ, соотвётствующимъ тому или другому уровию производства и обмёна. Взявъ это въ соображевіе, можеть быть вёрнёе нёсколько ограничить только что приведенную гипотезу, допуская, что ез нькоторыя эпохи доисторическаго быта и при нькоторых условіяхе среды, рость населенія приходится признать однимъ изь главныхъ двигателей экономической эволюціи. Впрочемъ, въ ту минуту, когда пишутся эти строки, упомянутая гипотеза только что поставлена, и читатели ожидають ея подтвержденія въ приложеніи къ достаточному числу конкретныхъ фактовъ.

Совершенно уже безполезно, для пониманія историческихъ событій въ ихъ сложности или въ ихъ единстві, восходить къ самому общему философскому представленію о мірѣ въ его цёломъ, которое все полнёе устанавливается въ умахъ современнаго развитого человъчества: именно къ механической систем' движущихся однородных частиць, взаимодействие которыхъ, при ихъ разнообразныхъ движеніяхъ, обусловливаетъ, съ совершенно неуклоннымъ детерминизмомъ, всв явленія, намъ доступныя. Конечно, приходится признать, что отъ это о общаго процесса и отъ перехода одной и той же неистребимой энергіи въ ту или другую форму зависить и наблюдаемое нами химическое разнообразіе веществъ, и распредъленіе міровъ въ пространстви или горныхъ породъ въ земной коръ, формы материковъ и океановъ на земной поверхности, и различныя ступени эволюція міра организмовъ, и все разнообразіе психическихъ процессовъ пониманія, аффекта и воли, совершающихся въ человъческихъ особяхъ, и, наконецъ, событія исторіи съ ихъ драматизмомъ и увлеченіями. Но самое глубокое убъждение въ върности этого общаго философскаго міросозерцанія не можеть помочь намъ ни на одну іоту для пониманія какого нибудь конкретнаго явленія или процесса не только исторического, но даже геологического или астрономическаго. Въ настоящемъ состояніи знанія и научно-дозволительныхъ построеній, даже гипотетическій переходъ отъ представленія объ механической систем'в однороднаго движущагося вещества къ наблюдаемому нами распредвленію міровъ и химическихъ элементовъ на нашей планеть невозможенъ съ какою бы то ни было подробностью; понытка же внести хотя бы мальйшій научный элементь въ пониманіе исторіи при помощи механическаго объясненія того, какъ произошель въ фантазіи художника образъ Венеры милосской, въ умѣ математика—мысль объ интегральномъ исчисленіи, или въ убѣжденіи соціолога—задача объединенія пролетаріата всѣхъ странъ, не можетъ быть чѣмъ либо инымъ, какъ бредомъ безумца, или забавою юмориста.

LABA VIII.

Схема исторіи мысли: а) До пробужденія критической мысли.

Иопытка построить схему истории мысли.—Раздълсніе на періоды и эпохи.—(Примпры отступленія от хронологическаю порядка).—Роль областей мысли въ разныя эпохи.

Различіе взілядовъ.—(Примърм).—Составъ схемы исторіи мысли.

Подготовление человика.—(Ребенокъ). — Подготовление истории.

Канунъ исторіи.—(Возможность иного хода событій).—
Общественныя формы въ канунъ исторіи.—(Націи, не образовавшія государствъ).—Государство и семья.—Зародыши индивидуализма.—(Выработка личностей).— Два теченія при началь исторической жизни.—Признаки исторической жизни).

Выдпленіе интеллигений и періодъ обособленных и цивилизацій. — Борющіяся партіи. — (Консерватизмъ). — Возможности и здоровыя явленія. — Исторія, какъ процессъ оздоровленія. — Характе истическія черты періода обособленных цивилизацій. — Роль мысли эстетической и объединяющей. — (Переживанія родоваго строя). — Существованіе различных элементовъ. — (Повторенія процесса).

На основании предъидущаго можно было бы попытаться построить схему истории мысли.

Она должна бы обозначать, хотя бы въ самых общихъ чертахъ, послъдовательные фазисы работы этой мысли

которые привели человъчество отъ первыхъ проявленій этой работы въ древнъйшую эпоху доисторическаго періода кътъмъ задачамъ будущаго, которыя та же работа ставитъ предъсовременнымъ человъкомъ.

Эта попытка понять работу мысли ез исторіи въ единств'я этой работы, при помощи научныхъ пріемовъ критики и научно-философскаго построенія матерыяла, доступнаго изслідователю, неизб'яжно страдала бы неполнотою, не могла бы изб'яжать и многочисленныхъ ошибокъ. Но на нее и сл'ядовало бы смотр'ять лишь какъ на попытку.

Съ темъ вийсте подобная попытка должна была бы имъть некоторыя особенности, какъ въ своемъ содержании, такъ и въ своей формъ.

Какъ попытка понять работу мысли въ исторіи, подобный трудъ могь бы вовсе не входить въ разсмотрвніе частностей твхъ формъ, которыя принимала культура разныхъ эпохъ, лишь изръдка касаясь того или другого явленія этой области, вызвавшаго опредвленную работу мысли или илиюстрирующаго результать этой работы.

Въ этотъ очеркъ должны были бы войти всв области работы мысли, насколько онв не переходили въ культурные обычан или не впадали въ спеціализацію, не дозволяющую до сихъ поръ связать ихъ съ жизненными цълями, которыя можно понимать какъ мотивы исторіи. Поэтому мысль техническая вошла бы въ этотъ очеркъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, насколько умпьные или вело къ лучшему пониманию, или было имъ обусловлено. О мысли эстетической могла бы идти ръчь лишь по отношенію къ ея идейному содержанію и къ ея общественному вліянію, оставляя вовсе въ сторонв изміненіе художественной техники. Придавая огромное значение эволюціи мысли нравственной, лишь мимоходомъ пришлось бы остановиться на характеристик в нравовь той или другой эпохи. Наконецъ, пріобретенія науки-которымъ во всякой исторіи мысли неизбъжно придавать большое значеніе-могли бы быть разсматриваемы въ подобномъ трудъ лишь въ тъхъ предълахъ паччной спеціализаціи, въ какихъ эти пріобретенія или имели общее вліяніе на работу мысли, или вызвали болье или менье обширныя отрасли дальныйшихъ работь, или, наконецъ, имъли значеніе для вопросовъ жизни.

Теченія, возникающія во всёхъ областяхъ мысли, зарождаются гораздо ранёе, чёмъ пріобрётають историческое значеніе, и нёсколько разныхъ теченій иміють місто одновременно, при чемъ одни ослабівають, а другія ростуть; однако борьба разныхъ теченій иногда продолжается гораздо позже того, когда исторія произнесла уже надъ ними свой приговорь. Поэтому точныя хронологическія грани между разными теченіями или даже между продуктами этихъ теченій установить не только трудно, но почти невозможно. Въ изложенія хода исторіи не разъ приходится разділять одновременных теченія и сближать явленія, далеко отстоящія по времени одно отъ другого. При распреділеніи и при группировкі разсматриваемыхъ явленій, главное діло въ облегченій пониманія сходнаго и различнаго по сущности самихъ историческихъ теченій.

Кавъ примъры необходимаго отсупленік отъ строго-хроническаго порядка, можно привести слѣдующее: вмериканскія цивилизація, существовавшія въ XV вѣкѣ, правильнѣе, повидимому, разсматривать какъ «обособленныя» цивилизацій рядомъ съ древнимъ Египтомъ. Явленія революціоннаго періода конца XVIII вѣка, попытки основать царство буржуваной культуры и ростъ соціалистическаго движенія принадлежать въ тремъ различнымъ фазисамъ исторической эволюцій; между тѣмъ нѣкоторая часть этихъ историческихъ теченій кивла мѣсто одновременно и раздѣлять кхъ приходится лишь по кхъ характеристическихъ особенностямъ; и т. под.

Однако недостаточно констатировать, что со сделанными только что ограниченими, всё области мысли входять въ схему ея исторіи въ своихъ продуктахъ и стремленіяхъ, какъ здоровыхъ, такъ и патологическихъ, а также въ характеристикахъ личностей, которыя воплощали въ себё эти стремленія, какъ двигатели мысли и жизни, или какъ иллюстрація тоголи другого ихъ фазиса. Следуетъ также заметить, что, по самой сущности дела, различныя области мысли должны получить более или мене видное значеніе, смотря по тому,

какую роль въ ту или другую эноху играла та или другая изъ этихъ областей. Для пониманія одной эпохи характеристичны болье продукты эстетического творчества, для другоймистическія стремленія. Въ переходныя эпохи приходится особенно подчеркнуть индивидуализацію личностей, которая блізднъеть въ эпохи попытокъ установленія новаго обычая. Господствующія міросозерцанія то воплощаются въ болбе или мен ве стройныя системы, то расплываются въ дробных в проявленіях в литературной и политической полемики. Соціальныя задачи то формулируются опредъленно въ той или другой ихъ долъ; то ихъ приходится угадывать въ рядћ не особенно яркихъ событій, совершающихся подъ знаменами совершенно иныхъ задачъ и идей. Данную эпоху и данное историческое движение характеризуютъ именно различныя роли той или другой области мысли во всей совокупности работы последней въ разсматри. ваемую эпоху; именно проявленіе, при опредъленномъ историческомъ движеніи, задачть времени въ той или другой культурной формъ, какъ продуктъ мысли, въ томъ или другомъ спеціальномъ теченіи въ посл'ядней, бол'я или мен'я индивидуализировавшихся, въ болве или менве оригинальныхъ личностяхъ.

Изъ предыдущаго само собою слъдуетъ, что принятое тъмъ или другимъ историкомъ разділеніе всего теченія событій на періоды и эпохи, принятыя при этомъ точки дъленія и отнесеніе того или другого явленія къ болье или миже характеристическимъ чертамъ данной эпохи, къ жизненнымъ элементамъ, къ переживаніямъ въ ней прошлаго, или къ зародышамъ будущаго.—зависятъ преимущественно отъ пониманія этихъ явленіи и, слъдовательно, въ значительной мъръ, отъ степени развитія историка или даже отъ его индивидуальныхъ наклоннестей мысли. Немудрено поэтому, что въ этой сферъмы встръчаемъ иногда разницу болье или менье значительную даже у одного и того же писателя въ разныя эпохи его ра боты надъ историческими вопросами, а тымъ болье у писателей, даже довольно близкихъ по общему направленію.

Мы позноляемъ себъ констатировать, напримъръ, что характеристическія черты эпохъ и роль переживаній или жизненныхъ элементовъ въ каждую изъ нихъ далеко не удовлетворительно указаны въсхемъ, которую набросилъ авторъ «Опыта исторіи мысли», вып. І стр. 67—76 (помъщено въ «Знаніи» 1875 г.).

Предъ всякимъ историкомъ мысли развертывается одинъ и тоть же объективный рядь событій, обусловливаемый его знаніемъ. Эти событія группируются въ эпохи и періоды, распредълясь на болже ими менже важныя, на здоровыя и патологическія, при чемъ эти группировки и распредёленія зависять отъ пониманія и отъ личнаго развитія историка. Въ каждую эпоху передъ народами возстають характеристическіе для этихъ народовъ вопросы, которые настоятельно требуютъ решенія. Но для историка, стремящагося понять эпохи, каждая изъ нихъ представляетъ рядъ еще иныхъ вопросовъ, большею частью невидимыхъ для непосредственныхъ деятелей того или другого времени, но безъ болъе или менъе опредъленнаго рътенія которых пониманіе этого времени невозможно. Изъ эти**хъ объ**ективныхъ и субъек**тивныхъ элементовъ знані**е и пониманія, изъ этихъ вопросовъ, которые ставить исторія и пругихъ, которые не можетъ не ставить историкъ, формируется для посл'вдняго схема исторіи мысли.

Въ этой схемъ первою задачею является открытіе или угадываніе условій, при которыхъ было возможно первое опредъленное проявленіе жизни среди неорганическаго вещества; фазисовъ, которыми подзотовлялось это проявленіе; наконецъ фактическихъ данныхъ, въ которыхъ оно обнаружилось. При настоящемъ состояніи знаній и пониманія, это подзотовленіе жизни еще неотдѣлимо отъ подзотовленія сознанія и, какъ бы ни относился тотъ или другой изслѣдователь къ этому вопросу, при научной его разработкѣ едва ли не приходится поступать, какъ бы эпохи перваго проявленія жизни и элементарныхъ процессовъ мысли совпадали.

Какъ только въ процессѣ эволюціи вещества предъ нами возникъ міръ живыхъ и сознательныхъ аппаратовъ, дальнѣйшею задачею становится открытіе или угадываніе тѣхъ ступеней эволюціи органическаго міра вообще, которыя дифференцировали эвомоцію человъка отъ совершавшихся рядомъ съ нею эволюцій дуба, полипа, сепіи, муравья, лошади, унстити. Следя за процессомъ, который интересуеть насъ, какъ подкладка схемы исторіи мысли, начиная отъ его общаго корня въ низшихъ организмахъ, мы констатируемъ, что этотъ процессъ оставляеть въ сторонъ сначала эволюцію міра растительнаго, не пользующагося въ борьба за существование оружиемъ сознательныхъ процессовъ. Затъмъ, въ міръ животныхъ, процессъ развитія біологическихъ формъ оставляеть въ стороні наиболее значетельную долю міра низшихъ животныхъ и диффиренцирующиеся особыми приемами типы моллюсковъ и членистыхъ. Однако разница нервныхъ системъ въ этихъ классахъ, противуполагающихся влассу позвоночныхъ (а въ нихъ и человъку) не обусловливаетъ полной разницы въ процессахъ психическихъ и въ формахъ общежитія живыхъ существъ разнаго типа. Мало того, обособленный ходъ эволюціи позвоночныхъ самъ дифференцируется въ біологическихъ формахъ и противуполагаетъ сперва эволюцію млекопитающихъ эволюціи птицъ, земноводныхъ и т. д., далве эволюцію приматовъ-эволюціи хищныхъ или грызуновъ; наконецъ эволюцію человъка -- эволюціи низшихъ обезьянъ или горилъ. Но, рядомъ съ этою выработкою, въ каждой серіи новыхъ біологическихъ формъ, въ ней обнаруживаются явленія психическія и соціальныя, причемъ лишь иныя изъ этихъ явленій обособляють во всей ихъ совокупности, напримъръ, позвоночныхъ отъ членистыхъ, другія же позволяють нівкоторымъ изслідователямъ проводить близкую параллель между обществомъ ичелъ и обществомъ человъка, или даже уподоблять охоту одного низшаго животнаго, въ которомъ отсутствуетъ еще нервная ткань, за другимъ микро-организмомъ-охоть щуки за плотвою.

Следовательно, задача подготовленія человека дифференцируется на три:

1) Узнать или угадать, какой рядъ чисто-біологическихъ формъ и процессовъ подготовилъ форму человъка вообще, форму его мозга и конечностей въ особенности, такимъ обра-

зомъ, что эти формы и соотвътствующіе имъ пріемы сношеній его съ внішнимъ міромъ, дали ему *возможность* сділаться человікомъ.

- 2) Узнать или угадать, какіе психическіе процессы ему присущіе имѣли мѣсто и у другихъ животныхъ разныхъ типовъ, выработанныхъ процессомъ эволюціи, которой человѣкъ не принэдлежалъ, слѣдовательно появились независимо отъ его спеціальныхъ біологическихъ формъ, а потому и не могли служить подготовленіемъ его духовному міру; и какіе обособили его вѣроятныхъ предковъ въ серіи позвоночныхъ, млекопитающихъ, приматовъ, отъ классовъ, развивавшихся рядомъ съ нимъ, и потому могли входить въ непосредственное подготовленіе мысли доисторическаго дикаря, египетскаго строителя пирамидъ, греческаго трагика, еврейскаго пророка и евангелиста, средневѣковаго рыцаря и горожанина, Шекспира, Ньютона, Дарвина, автора «Капитала».
- 3) Узнать или угадать, какія формы общежитія въ зоологическомъ мірѣ могуть считаться подготовленіемъ человѣческой общественности, т. е. представляють, во первыхъ, безспорѣые или вѣроятные признаки солидарности фатальной, аффективной или даже, въ иныхъ случаяхъ, сознательной; во вторыхъ, обнаруживаются не только въ группахъ общежительныхъ животныхъ вообще, но именно въ тѣхъ ихъ группахъ, которыя, въ ихъ біологическомъ генезисѣ, можно отнести къ ряду возможныхъ предковъ человѣка, слѣдовательно, для которыхъ можно допустить, что явленія ихъ общежитія могли быть переданы, по наслѣдству, человѣку, какъ это могло быть и для психическихъ явленій, только что упомянутыхъ.

Для уясневія только что указаннаго тройнаго процесса эволюців человіва (въ ряді біологических формъ, психических явленій и общественныхъ группъ) изъ предшествовавшаго ему зоологическаго міра, не малыя указанія историкамъ мысли могли доставить и дійствительно доставили сравненія съ этимъ экбріологическаго и ребяческаго процесса развитія зрілой человіческой личности изъ безформеннаго зародыща, изученіе психическихъ явленій дітскаго возраста, встрічающихся отчасти и у дикарей, наконець факты, наблюдаемые при общеній дітей въ муж коллективныхъ играхъ и представляющіе зналогію

съ искоторыми фактами общественной жизни у техъ же дикарей. Въ настоящее время въ глазахъ изследователей по сравнительной исихологів все болье значенія пріобрытаеть область игры, какъ группа явленій, подготовляющая животное, отдільняго развивающагося ребенка или элементарное неисторическое общество особей къ поздажищей дъятельности, связанной съ серьозными жизненными вопросами. Недавно была высказана любопытная гипотеза, что у высшихъ животныхъ болъе или менъе продолжительный періодъ ребячества, отдъляющій появленіе на свъть новаго существа оть эпохи, когда это существо начиваеть функціонеровать какъ артлая особь (періодъ, пока отсутствующій у животныхъ низшихъ, вырабатывается именно потому, что въ этотъ періодъ дітскаго возраста игры молоди у существъ, для которыхъ психическіе процессы представляють важное оружіе въ борьбъ за существованіе, составили необходимый процессь усвоенія изкоторыхъ инстинктовъ, или наклонностей, полевныхъ особямъ впоследствін; или, какъ это формулирують сторонняки последняго мифнія, что не потому большая часть жизни детей посвящена играмъ, что онидъти, а потому они переживають дътскій нозрасть, что имъ надо играть, т. е. подготовиться путемъ игръ къ делтельности своего зрелаго возраста; и что такова же роль игры у всёхъ животныхъ. Эта гипотеза легко распространяется и на забавы дикарей.

*Каковы ни были бы достовфрныя или гадательныя представленія о подготовленіи человфка въ мірѣ животномъ, предъисторикомъ мысли въ схемѣ эволюцій послѣдней подкладкою жизни исторической является человпиъ доисторическій, съ его біологическими потребностями, съ его нервною системою, неизбѣжно-впечатлительною къ дѣйствію внѣшняго міра на человѣка и доставляющею ему наслажденіе въ нервномъ возбужденіи; съ его конечностями, форма которыхъ обусловливала его главные способы воздѣйствія на этотъ міръ; съ разнообразіемъ способовъ этого воздѣйствія: путемъ техники, путемъ общественнаго строительства, путемъ творчества въ области фантазіи, путемъ усвоенія знаній и первыхъ попытокъ пониманія. Этотъ первый человюческій фазисъ эволюціи мысли ставить предъ схемою ея исторіи новыя задачи.

Эти задачи, въ ихъ характеристическихъ чертахъ періода, были огромны. Первобытная мысль, въ борьбъ человъка за существованіе, должна была создать орудіе общественной солидарности, именно выработать среди особей, руководимыхъ

сперва лишь непосредственными индивидуальными потребностями, строгій и ненарушимый обычай, а, номощью его, обособить мелкія группы людей, представлявшія случайное сближеніе и столь же случайное распаденіе, въ болье прочное общежитіе, которое сразу оказалось и наиболье прочнымь изъ всых намъ извыстныхъ. Въ этомъ процессь подготовленія обычая и родоваго союза на почвы первобытной техники, вызванной потребностью питанія и потребностью ограждать свою безопасность, задержкою являлись переживанія зоологическаго міра, отъ котораго постепенно обособлялся міръ человыческій.

Историкъ мысли констатируетъ, что это обособление произошло. Создался человъческій обычай, какъ высшая форма животнаго инстинкта. Образовался родовой союзъ, сплотивний своих по родству и противуположившій имъ чужих какъ естественныхъ враговъ. Этотъ союзъ выработалъ разнообразныя формы материнства и отцовства съ ихъ переходными ступенями. Какъ внв союза сеоих борьба родовъ переходила оть поголовнаго истребленія къ эксплуатаціи труда поб'яжденныхъ, такъ внутри этого союза возникало соперничество особей изъ-за высшаго достоинства, сначала очень грубаго, но потомъ мало-по-малу усвоившаго элементь развитія сознательных в процессова. Какъ только этотъ элементъ — особенно важный въ борьбъ родовъ за существованіе — отвоеваль себъ мъсто въ общественной жизни этихъ родовъ-приходится констатировать нъсколько явленій, имъющихъ немалое значеніе для всего последующаго процесса исторіи. Во-первыхъ, среди самыхъ неразвитыхъ дикарей, но усвоившихъ представление о достоинствъ сознательныхъ процессовъ, оказывается поставленнымъ вопросъ о соглашении задачъ общественной солидарности съзадачею развитія этихъ процессовь, а это обусловливаеть логическую необходимость последовательной постановки въ будущемъ всёхъ самыхъ трудныхъ и самыхъ высшихъ вопросовъ соціологіи. Во-вторыхъ, въ самомъ элементарномъ соперничествъ изъ-за высшаго достоинства (хотя бы въ формъ болъе замітнаго украшенія или большого числа убитыхъ враговъ-

и т. под.) лежить зародышь всего развитія въ отдаленномъ будущемъ нравственныхъ обязанностей съ ихъ критикой. Въ третьихъ, въ обычав самаго грубаго дикари возникала передъ человъчествомъ первая общественная святыня, во имя которой совершались и самые изумительные подвиги самоотверженія и самые возмутительные поступки; святыня, заминенная въ теченіе исторів другими: святынею эгоистической національности, святынею государственнаю права, святынею универсалистической церкви, святынею свытской власти въ липъ монарха или въ формъ народоправства, наконецъ святынею солидарности человъчества въ его задачахъ взаимного развитія. Рядомъ съ этими зародышами, которые должны были логически развиться въ далекомъ будущемъ, доисторическій человъкъ представляеть историку мысли и некоторые элементы, которые должны были войти какъ элементы жизненные въ позднайшую исторію, рядомъ съ вредными переживаніями этого же періода. Таковъ быль міръ сказокъ, басней и сказаній разнаго рода. Это творчество было вызвано, большею частью, стремленіемъ къ забавъ, какъ украшенію жизни. Однако, развиваясь въ формъ непроизвольного или произвольного подражанія среди всёхъ расъ и народовъ, этотъ міръ, съ одной стороны, можетъ служить историку мысли аргументомъ въ пользу того, какъ глубоко въ прошедшемъ лежатъ корни наивнаго универсализма человіческой мысли; съ другой, онъ сохраниль, для самыхъ позднихъ періодовъ исторического развитія, въ народной поэзіи. Свежій источникъ фантазіи для самыхъ дучшихъ представителей позднейшаго индивидуалистического творчества. Въ болъе ограниченномъ смыслъ можно то же сказать по отношенію къ самымъ выработаннымъ минологіямъ древнихъ народовъ, именно, что ихъ роскошное развитие обусловлено цъликомъ твии фантастическими представленіями, которыя выработаль въ натуризмъ, анимизмъ, фетишизмъ старинный дикарь, когда для него обработка этихъ представленій быда ничвиъ инымъ, какъ продолжениемъ технической задачи еще болве древняго дикаря обезпечить себъ удачу или уяснить значеніе знаменія.

Затвиъ возникаютъ не менве спорные вопросы: на сколько работа эстетической и религіозной мысли, которыя играють столь значительную роль именно въ періодъ родового быта, можетъ считаться содъйствовавшею прочности и укръпленію этого быта, и насколько она подрывала его въ его существенныхъ основахъ? Почему именно въ формахъ родоваго строя, относимыхъ къ этому времени, мы замъчаемъ то разнообразіе элементовъ, которое обозначають терминами материнства и отцовства? Въ какомъ порядкъ могла совершаться и дъйствительно совершалась эволюція этихъ формъ? Которыя изъ этихъ формъ можно и следуетъ признать здоровыми и которыя патологическими, какъ въ виду жизненности существовавшихъ родовыхъ организмовъ, такъ и въ виду последующей исторіи человъчества? Какую роль, наконецъ, въ этомъ разнообразіи первобытнаго творчества общественныхъ формъ играли развивавшіяся рядомъ съ ними — и столь важные съ точки зрвнія эволюціи сознательныхъ процессовъ-продукты эстетической и религіозной мысли?

Одновременью съ указанными характеристическими чертами эпохи, мы наблюдаемъ другія, которыя разные историки, по своему субъективному развитию могутъ оцівнивать очень различно, и которыя, большею частью, относятся къ начинающемуся дифференцированію областей мысли. Явленія, сюда относящіяся, разнообразны. Техника религіозная, а отчасти и эстетическая, все болье дифференцируются отъ техники обыденной и непосредственно-полезной. Спеціалисты колдовства и общенія съ фантастическимъ міромъ обнаруживають во многихъ случаяхъ стремленіе къ обособленію. Мистическая обрядность обособляется отъ эмоціональнаго фантастическаго настроенія. Въ народной поэзіи и въ повъствованіять можно отмътить слъды свътскихъ побужденій, не имъющіе ничего общаго съ религіозной повзіей и съ миномъ. Въ минахъ и въ общихъ представленіяхъ анимизма мы встрічаемъ элементы, которые трудно отнести не къ области мысли объединяющей, философской, и т. под. Предъ историкомъ мысли здъсь трудноразръшимые вопросы: что изъ наблюдаемой у того или другого народа совокупности явленій можно отнести ст увъренностью къ этому періоду? Что мы опибочно переносимь въ него изъ послѣдующаго? Что, наконецъ, приходилось бы признать не особенностью быта родоваго, но переживаніемъ дородоваго? Главною задачею является возможно-точное выдѣленіе всего того—преимущественно въ областяхъ техники и творчества общественныхъ формъ—что составляетъ особенность родоваго быта въ разнообразныхъ его проявленіяхъ, изъ того, что было доступно человъку и до усвоенія представленія о дѣйствительномъ или воображаемомъ родствѣ, а также изъ того, что, въ царствѣ родоваго обычая, было уже подготовленіемъ задачъ, обусловленныхъ требованіями государства и тѣсной семьи, подрывавшими начала родового строя, или даже подготовленіемъ того, что можно считать зародышами еще позднѣйшаго универсализма.

Какъ только обнаружились следы подрыва родоваго строя въ этихъ или въ другихъ областяхъ мысли какого либо народа, немедленно онъ вступаетъ въ одинъ изъ важнъйшихъ фазисовъ своей эволюціи. Предъ нимъ судьба ставить задачу: усвоить ли онь трудныя требованія исторической жизни, или ему придется остаться вні ея? Огромное большинство народовъ остается при господствъ родоваго обычая, видоизмъненія котораго подъ вліяніемъ внішнихъ обстоятельствъ и событій могуть быть весьма разнообразны, создавая націи и государства, вырабатывая нестрыя формы болье или менье тесных семейных союзовь, но при этомъ не идя, въ процессв созданія группъ, наслаждающихся развитіемъ и усвоивающихъ потребность въ немъ, далье индивидуальныхъ или случайных явленій. Образовался въ человічестві слой неисторическихъ народовъ, которыхъ условія географическія или другія обрекли на невозможность вступить въ исторію собственными силами — всего чаще дълая это вступление невозможнымъ и въ продолжение всего ихъ существования, какъ обособленной этнологической или лингвистической группы. Надъ этимъ слоемъ въ некоторыхъ странахъ вырабатывается другой слой особей, въ которомъ происходить процессъ все

болѣе сознательной борьбы противъ обычая, процессъ образованія исторической интеллигенціи и обращеніе ея въ историческую силу. Этотъ процессъ родовъ пивилизаціи сопровождается большею частью страданіемъ. Но съ нимъ наступаетъ и первая переходная эпоха жизни человѣчества, когда рѣшаются вопросы: быть или не быть для него исторіи? и какимъ путемъ народы, которымъ условія среды дали возможность сдѣлаться историческими, сдѣлались дѣйствительно таковыми въ этотъ болѣзненный канунъ исторіи?

Здёсь историкь человёческой мысли едва ли можеть оставить въ сторонё следующій нажный вопрось своей науки. Переходь оть родоваго обычая въ исторической жизни совершился, по видимому, фактически всюду путемъ подрыва родовой солядарности привудительнымъ орудіемъ государственности и съуживаніемъ родовыхъ интересовъ до интересовъ тёсной семьи: приходится ли смотрёть на этотъ процессъ, какъ на единственно-возможное тогда рёшеніе задачи? или существовали и другія возможности, неосуществившіяся при данныхъ условіяхъ, но которыя приходится признать возможностями мыслителю, стремящемуся понять историческій процессъ?

Если допустить ту точку зрвнія, съ которой здвсь сдвлана попытка ностроить схему исторіи мысли, то нормальный ходъ этой исторіи представляется въ видъ перехода отъ царства обычая къ царству критическаго пониманія и критически-обоснованных убъжденій. Этотъ реально совершился и совершается путемъ преобладанія, въ продолженія всего процесса имъвшаго мъсто въ прошломъ исторической жизни, царства низшихъ интересовъ (экономическихъ, политическихъ, некритической мысли), создававшихъ разнообразныя національныя формы враждебности и конкуренціи. Лишь постепенно въ этомъ царствів низшихъ интересовъ могутъ сначала отвоевать себв мъсто, затълъ получить вліяніе и наконець-можеть быть-восторжествовать-интересы высшіе, именяно критическое новиманіе и жизнь по критическому убъжденію. Съ въкоторою увъренностью можно, поэтому, сказать, что, въ предълахъ историческихъ возможностей, ванболее здоровый ходъ процесса быль тогт, въ которомъ переходъ отъ царства обычая (родового въ данномъ случав) въ царству вритичессвого пониманія и убъждения совершился бы давая возможно менье ивста промежуточному фазису враждебности низшихъ интересовъ и вызываемой ею конкуренціи. Едва ли можно отрицать, что этотъ промежуточный фазисъ быль фазисомъ патологическимъ, какъ потому, что онъ непосредственно вызываль огромную массу страданій и заблужденій въ большинствъ чувствующихъ и волевыхъ аппаратовъ, которые были единственными

реальными двигателями исторіи, такъ и потому, что, противуполагая визшіе интересы высшимъ, онъ замедіяль выработку и господство последнихъ, которые одни могли примирить два основныя требовавія прогресса; рость солидарности и рость совнательныхъ процессовъ. Но остается спорнымъ вопросъ, не быль ли эготь промежуточный патологическій фазись эволюцін-фазисомъ непабіжнымъ? или приходится признать и другія неосуществившіяся, но болье здоровыя, возможности? Было ли вполив неосуществимо, при солидарности родоваго строя, появленіе, въ области мысли технической, формъ производства, обмѣна и распределенія, которыя не подорвали бы эту солидарность, но сделали бы ее болве сознательною, т. е. вритически обоснованною; вызвали бы въ некоторой части населенія наслажденіе развитіемъ и потребность его; создали бы въ средъ родового строя историческую нителингенцію, поставник бы постепенно предъ нею, въ процессв ем эволюців (уже не подъ вліявіемъ конкурренців, а при сохраненів влеченія въ солидарности) вопросы науки, правственности и научной философіи. и позвозили бы человъчеству перейти, въ его поискахъ за бодъе полною солидарностью, болве или менве непосредстивенно эть безсовнательнаго и эмпирического творчества общественимхъ формъ въ ихъ творчеству на почет точнаго поняманія отношеній между личностью и обществомъ?-При нынашнемъ знанім домсторическаго родоваго быта едва ли есть основаніе безусловно отрицать эту возможность. Допущеніе же ея-зависящее гораздо болбе отъ личивго развитія историия, чвить отъ его значая и безпристрастія— ямъеть значеніе не только для уясненія нашего пониманія доисторическаго человъка, но и для правильного решенія въ настоящемь общаго вопроса: какъ следуеть относиться развитому человёму къ дёйствительному теченію событій и къ возможности иного ихъ хода? Если гипотетическій переходъ, адъсь указвиный, быль возможемь, то тв немногія личности, которыя въ канувъ исторів стремились въ развилію, даже весма смутно новиман его сущность, но при этомъ пытались сохранить унаследованную от в предвовъ солидарность рода, были двятелями прогресса, хотя в были побъядены и заперты въ своей борьбв противъ фатальнаго хода событій, обусловленнаго средою. Точно также въ наше время не большая или меньшая въроятность успъха есть критерій для оцінки прогрессивной или реакціонной роли общественныхъ двятелей, а тѣ бойцы будуть героями прогресса для будущаго историка, которые стоять за наиболже прочное соединение задачь солидарности и развития сознательныхъ процессовъ въ настоящемъ и въ будущемъ человъчествъ. Борьба противь патологическихь явленій тёмь более обязательна во всёхь случаяхъ для развитаго человъка, что лока она продолжается, никому нельзя знать точно, на сколько велики шансы победы для борющихся партій. Но обязательна даже безнадежная борьба, такъ какъ непримяримый протесть противь общественнаго зла подготовляеть и, большею частью, приближаеть его поздивёшее пораженіе.

Но вотъ наступилъ фактически для даннаго народа манунь истории, обусловливающій его вступленіе въ историческую жизнь: среда и событія начертали народу путь, которымъ при данныхъ условіяхъ, для него исключительно возможно вступленіе въ эту жизнь; этоть путь, большею частью, шелъ чрезъ царство интересовъ съ ихъ борьбою и медленною выработкою интересовъ высшихъ изъ низшихъ. Тогда неизбъжно и въ области мысли технической и въ области творчества общественныхъ формъ (древныйшихъ изъ областей мысли *) могли съ наибольшимъ удобствомъ отстоять себя въ борьбъ за существовали такіе продукты, которые способствовали успаху того или другого человъческого общества въ ихъ конкурренціи за наилучшее удовлетвореніе низшихъ потребностей. Техника скотоводства, земледелія и садоводства, съ одной стороны, употребленіе металловъ, съ другой, улучшеніе домостроительства, употребленіе повозокъ; судоходство и т. д. легли въ основу трансформаціи культуры и возбужденія работы мысли, возможныхъ лишь на этой ступени техническихъ знаній и привычекъ. Въ родовомъ стров произошелъ почти всюду-какъ полагають некоторые изследователи наиболее заслуживающе довърія-переходъ отъ материнства къ отцовству, сперва въ форм'в установленія власти въ рукахъ мужчинъ (именно всего чаще дядей съ материнской стороны, позже, окончательно, въ рукахъ отцовъ), потомъ и въ формв перенесенія всвхъ понятій о родственномъ союзв на родство по мужской линіи. Патріархальный родъ почти всюду представляется историку какъ среда, въ которой все на большую долю орудій труда и предметовъ пользованія распространяются вопросы о коллективной и частной собственности; въ которой все поливе устанавливается въ обычат и въ нравахъ униженное и безправное положеніе раба; въ которой и между свободнымъ населеніемъ все далве идеть раздвленіе труда, влекущее за собою и различіе

^{*)} См. стр. 62. Задача пониманія исторіи.

сословнаго достоинства; наконецъ, все шире, рядомъ съ производствомъ для собственнаго потребленія въ сред'в рода, распространяется производство товарное, а вибств съ темъ, рядомъ съ производителями товаровъ, обособляются семьи и группы, живущія торговлею; первый записанный обычай и вырабатывающійся законъ почти всюду предполагаеть существованіе торговаю сословія. Онъ предполагаеть, что въ обществі все опредвлениве устанавливаются обычныя формы культуры, принимающія характерь юридическій: общество налагаеть чаще на своихъ членовъ, въ случав нарушенія закона или записаннаго обычая, определенныя наказанія и взысканія; прочиве устанавливаются формы судопроизводства; возникаеть система договоровъ и обязательствъ; наконецъ власть принимаеть все болъе принудительныя формы. Отсюда въ творчествъ общественныхъ формъ кануна исторіи наблюдателю приходится отметить не только формы развитія рода, какъ бы продолжающія его прежнюю эволюцію, но и выступленіе на первый планъ такихъ общественныхъ формъ, сущность которыхъ стояла въ противоречіи съ сущностью родовой связи, охватывавшей съ одинаковою силою вспать родичей, но, при этомъ, связи не принудительной, а опирающейся на обычай, не допускающей нарушенія въ глазахъ того самаго, на котораго онъ ложился всего тяжелье. Уже характеристикою патріархальнаго рода едва ли не приходится признать повсемъстно элементъ припудительной власти и предпочтение для ея представительства боле близких родственников патріарха родственникамъ его болве дальнихъ колвнъ. Позже возникли три новыя формы общежитія, долженствовавшія въ историческія эпохи играть самыя значительныя роли.

Это во первыхъ, союзъ первобытныхъ доисторическихъ націй, наименъе враждебный союзъ родовому, какъ бы непосредственно изъ него вырабатывающійся какъ союзъ между родами, вчера еще безусловно враждебными, а теперь соединенными фактомъ общей ръчи, общей культуры и общихъ преданій. Понятія о своихъ и чужихъ, устанавливающіяся на этой почвъ, остаются какъ бы въ прежней силъ, но, при

этомъ, историкъ мысли почти неизовжно констатируетъ ослабленіе и связи между своими и враждебности къ чужимъ, а также, что лишъ въ немногихъ случаяхъ національный союзъ оказался способнымъ подготовиться къ исторической жизни и перейти въ нее безъ того, чтобы нація прибъгла къ овоей эволюціи къ еще другому продукту творчества общественныхъ формъ, именно къ союзу государственному.

Тъмъ не менъе существованіе подобныхъ примъровъ у кельтовъ и финиовъ—можетъ служить аргументомъ въ пользу мивнія, что переходъ народовъ къ исторической жизни могь совершиться безъ установленія принудительной государственной власти, механически объединяющей націи.

Таковъ быль, во вторыхъ, принудительный союзъ въ доисторических в государствах, обращающій обычай въ законз охраняемый коэрситивною силою и связывающій людей сознательно чужих и по происхождению и по культур и по рычи и по преданіямъ. Эта форма механическаго общественнаго единства представляеть въ доисторическое время связь крайне слабую, способную каждую минуту распасться и съузить или расширить свою территорію, перенести центръ власти въ ту или другую мастность. Съ минуты перваго появденія этой механической формы общественного единство въ доисторическое время и въ продолжение опредъленнаго періода въ теченіе исторіи самыхъ разнообразныхъ странъ, мы почти всюду, въ образующихся, укрыпляющихся, ослабывающих и распадающихся государствахъ, наблюдаемъ борьбу централизующей политической власти съ феодализмомъ элементовъ, стремящихся отвоевать себв возможно значительную долю экономической, политической и юридической независимости. Законъ въ своихъ различныхъ источникахъ, то какъ произвольное распоряжение побъдителя на войнъ, то какъ договоръ между упорными противниками, свидътельствуетъ о различныхъ формахъ этой борьбы въ каждой мъстности. Онъ, въ то же время, въ эти періоды эмпиризма въ области творчества общественныхъ формъ, является любопытною формою элементарнаго опыта въ соціологіи, опыта, помощью котораго правительство констатируеть и провъряеть свою власть по отношенію къ разнымъ элементамъ, ему подчиненнымъ событіями въ большей или меньшей степени. Можетъ быть, съ достаточною въроятностью можно видъть въ доисторической государственной формъ перенесеніе на роды, сознательно-чужіе между собою, власти патріарха или совъта родовыхъ старшинъ въ родовомъ союзъ. но, во всякомъ случав, это едва ли можно считать переживаніемъ, а скорве приспособленіемъ существующей общественной формы къ новымъ условіямъ жизни. За то въ этомъ патріархать или въ этомъ совъть старшинъ, теперь господствующемъ надъ особями, чуждыми другь другу по родству и по націо нальности, можно легко признать зародыши двухъ политическихъ идей, долженствовавшихъ иметь значительное вліяніе на будущую исторію: это, съ одной стороны, идея національнаю мосударства, въ которомъ механическая связь переходитъ мало по малу отъ враждебности элементовъ государства въ ихъ сознательное единство, вырабатывая патріотизмъ одновременно національный и государственный; это, съ другой, зародышъ идеи универсализма въ самой грубой его формѣ единой власти, которой были бы механически подчинены вст народы, вошедшіе въ экономическое, политическое и культурное взаимодъйствіе.

Разделеніе патріархальнаго рода на семьи родичей, болье или менве близкихъ къ патріарху или къ членамъ родоваго совета, проложило путь, въ эволюціи рода, въ третьихъ, еще къ иной общественной формв, на которую перешло понятіе о своихъ съ темъ большею энергіею, чёмъ болье въ понятіе о человъческомъ достоинствъ—понятіе, неизбъжно измъняющееся на всёхъ ступеняхъ эволюціи соціальныхъ процессовъ человіка — входилъ элементь индивидуализма, долженствовавшій характеризовать отличіе историческихъ эпохъ отъ доисторическихъ. Эта форма была тёсная семья, которан, въ наступающемъ періодѣ царства интересовъ и ихъ борьбы, дъйствовала разлагающимъ образомъ какъ на заботы объ интересахъ возникающихъ союзовъ государственныхъ. Какъ переходныя

формы между редовымъ союзомъ во время его процватания и нреобладания, и позднайшимъ—уже историческимъ въ большей части случаевъ — строемъ, гда господствующими элементами являются государство и тасная семья, приходится констатировать сосподские союзы разныхъ ступеней прочности, разной общирности, разной независимости каждаго члена отъ цалаго; а также союзы, которые, при господства различныхъ общественныхъ интересовъ, болье или менье сохранили въ себъ традицію родственности. Широкая семья (Sippe), марка, сельская община и т. п. являются, между прочимъ, примърами подобныхъ переходныхъ ступеней.

Изучая особенности этой эпохи кануна исторіи, вырабатывавшіяся на почві только что указанных продуктовъ мысли технической и творчества общественных формъ, историкъ мысли и въдругихъ областяхъ ея работы не можеть не обратить особеннаго вниманія—какъ и для большинства переходных эпохъ — на зародышныя явленія, подготовлявшія въ разныхъ направленіяхъ историческую жизнь, къ которой постепенно и едва заметными иногда ступенями переходили тв исторические народы, для которыхъ этотъ переходъ оказался возможнымъ. Въ этомъ отношении характеристичны всв явления, подготовлявшія группы интеллиенціи, наслаждающейся развитіемъ и чувотвующей въ немъ потребность, а вследствіе этого или борющейся противъ обычая и его переживаній въ силу своихъ личные или групповыхъ интересовъ, или защищающей этотъ обычай, но уже не какъ обычай, которому нельзя не подчиняться, а какъ нечто благопріятное съ точки эрвнія твхъ же аффектовъ и интересовъ. Уже не ограничиваясь личностями, принадлежавшими къ интеллигенціи, характеристична въ эту эпоху и другая группа явленій, въ сущности тесно зависящая отъ выработки этой интеллигенціи, руководящейся аффектами и расчетомъ, но доступныхъ и личностямъ, чуждымъ потребности развитія. Это-явленія противуположенія своего я обществу, какъ въ процессв пониманія жизненныхъ задачъ, такъ и въ процессв ихъ осуществленія въ жизни, или въ процессъ эстетическаго и объединяющаго творчества: явленія *индивидуализма*.

Лишь на этой ступени общественнаго развитія допустима возможность выработки тёхъ личностей (какъ реальныхъ такъ и идеальныхъ), который могли для послёдующихъ періодовъ сдёлаться замёчательными конвретении иллюстрацівни состоянія культуры и работы мысли въ важдую эпоху 1). Впроченъ матеріалъ для констатированія и для утиливированія подобныхъ иллюстрацій оставался въ продолженіе долгаго времени столь недостаточнымъ, что историвъ мысли можетъ имъ вос пользоваться лишь для наиболье позднихъ періодовъ.

Этоть характеристическій процессь подготовленія интеллигенціи и индивидуализма, съ ихъ громадною творческою ролью въ будущемъ, представляетъ, между прочимъ, два въ значительной мірь противуположныя теченія, которыя не можеть не отметить историкъ мысли, обдумывая схему овоего предмета. Это, съ одной стороны, продолжающееся прогрессивное стремленіе уовонть разныя области мысли въ ихъ различіи и обособденіи: отличеніе заботь о жизни реальной оть заботь объ общеніи съ міромъ фантастическимъ; отличеніе мистическаго обряда отъ общественнаго торжества и увеселенія; отличеніе эстетической обработки мина, саги, поучительнаго или забавнаго разсказа отъ догматическаго и обязательнаго элемента, который всего чаще съ нимъ связанъ; отличение государственнаго закона, традиціоннаго правила жизни и догнатической запов'яди, и т. п. Это, съ другой, стремление самымъ теснымъ образомъ сплотить въ одно культурное целое все эти логически-разделяющеся элементы для взаимной ихъ поддержки и особемно для поддержки прочности государственнаго цълаго. Въ последнемъ стремленіи обнаруживается особенность, повторяющаяся едва ли не во всякую переходную эпоху, именно то, что за подобною эпохою следуеть попытка создать новую прочную культуру; въ первомъ же-совствиъ новая задача неудержимаго логического развитія всёхъ, однажды усвоенныхъ теоретическихъ завоеваній и однажды поставленныхъ жизненныхъ задачъ. Взаимодействіе двухъ указанныхъ теченій можетъ слу-

¹⁾ См. стр. 122 и слъд.

жить въ большинствъ случаевь объясненіемъ нъкоторыхъ странныхъ фактовъ у народовъ, отчасти дестигшихъ до высшихъ ступеней доисторической культуры, отчасти же проявляющихъ и нъкоторыя особенности историческихъ цивилизацій.

Такъ ниогда у нихъ существують рядомъ и культурныя формы, которыя заставляють ставить эти племена ниже очень отсталыхъ дикарей (вакъ, напримъръ, антропофагія, утонченная жестокость въ обращения съ «чужния» и т. под.) и замъчательные успъхи въ области эстетической имсли или философскаго объединения минологии. Подобныя группы событій и общественных рформь, можеть быть, следуеть отнести въ раннямъ проявленіямъ исторической жизни. Однако возможно, что здась предъ нами и такія переживанія доисторической культуры, которыя, при всей ихъ сложности и выработавлости, твиъ не менње свидътельствують, что данное племя, въ работъ мысли, ослановилось безнадежно на доисторическомъ фазисъ жизни. Здъсь исторявъ мысли виветь предъ собою одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ - (многда и вовсе нераврашниую); можно ли въ томъ или другомъ случав признать, или следуеть безусловно отряцать иотребность развитія, хотя бы грубую и прибъгающую въ ложнымъ средствамъ своего удовлетворенія?

Всв остальные признаки, которыми можно пользоваться при этомъ, едва ин можно считать вполнъ удовлетворительными, особенно въ области техники (и употребленіе письменных знаковь для різчи, хотя в нанболве обычное у историвовъ, не состявляетъ исключенія). Лишь совокупность признаковъ можеть служить въ этомъ затруднения болже или менье надежнымь руководствомь. Такъ задача становится разрышимой всюду, гдв мы встрвчаемъ классъ. объединенный не только обычаемъ, но и закономъ, не только властвующій, но и умственно руководящій; всюду, гдв предъ нами стройныя созданія минологій съ объединяющимъ философскимъ содержаніемъ и эпоцей съ недивидуализированными личностями боговъ и героевъ; всюду, наконецъ, где более или менее ясно формы культуры ищуть себв оправданія не въ древности своего существованія и не въ повеленіяхъ боговъ, не допускающихъ спора, а въ реальномъ разсчеть пользы и интересовъ и т. под. Во всёкъ подобныхъ случаякъ историвъ мысли виветь основаніе признать присутствіе исторической жизни въ одномъ изъ характеристическихъ ся фазисовъ. Однаво, ни одна изъ этихъ особенностей въ отдъльности не составляетъ признака безспорнаго: и точно также констатированіе каждой изъ нихъ въ отдёльности не можеть служить доказательствомъ, что предъ нями явленіо доисторической культуры, а не исторической цивилизацін.

Выдёленіе изъ массы народа, сплоченнаго въ націю или скованнаго государственнымъ закономъ, интеллигенціи, усвоив-

шей потребность развитія и обратившейся въ историческую силу, есть основной факть исторической жизни. Тамъ самымъ обусловливается въ обществъ рядъ дифференціацій. Точно также, какъ въ предшествовавшую переходную эпоху кануна исторіи произошла дифференціація между народами не историческими и теми, для которыхъ была возможна историческая жизнь, выработанная собственною иниціативою, такъ теперь дийствительно дифференцируются внутри историческихъ народовъ классы пасынновт цивилизаціи в динарей высшей культуры, остающіеся вив исторіи, отъ интеллигенціи, которая стремится къ развитію, всего чаще на почві низшихъ интересовъ, по отчасти и вырабатывая въ себъ сознательные процессы. Въ средъ этой интеллигенціи совершается съ тыхъ поръ эволюція мысли, если географическія условія, состояніе техники и способы производства и обмана далають возможной эту эволюцію. При этомъ рость или ослабленіе этой исторической силы обусловливается, съ одной стороны, интеллектуальной или волевой энергіей самой интеллигенціи, съ другой, уміньемъ ея расширить кругь своего вліянія, какъ силы цивилизующей, на большее число вчерашнихъ пасынковъ исторіи и дикарей высшей культуры. Но туть же совершается и другая дифференціація. Цивилизующая интеллигенція могла сдёлаться историческою силою лишь при пособіи примкнувшей къ ней или подчинившейся ей части дикарей высшей культуры. Но для этихъ дикарей, въ мысли которыхъ переживаетъ царство обычая и моды, цивилизація, подрывающая старый обычай, не иожеть быть ничемъ инымъ, какъ новою формою обычая, новою прочною культурою, не подлежащею изминению. И воть переходная эпоха кануна исторіи на первой же ступени исторической жизни сменяется эпохою попытки создать новую культуру. Но эта культура представляеть то характеристическое отличіе отъ культуръ доисторическихъ, что она не есть исключительно продуктъ безсознательной и непреднамфренной общественной метаморфозы. Въ обществ образовался и проявился, какъ сила историческая, элементъ интеллигенціи, стреиящейся къ развитію. Новая культура должна удовлетворить

и этой сознанной потребности, а потому предъ нами историческая цивилизація, заключающая въ себ'в не только заботу о прочности новыхъ формъ жизни, а также стремленіе удовлетворить и накоторыя идейныя требованія. Въ данномъ случав попытка создать новую культуру характеризована твмъ обстоятельствомъ, что имветь въ виду цивилизаціи обособленныя. Но, вм'яств съ твмъ, въ исторіи начинается упомянутый выше 1) рядъ неустранимыхъ смѣнъ эпохъ переходныхъ отъ одной разрушающейся культуры къ другой, также неизбъжно долженствующей разрушиться—и эпохъ, характеризованныхъ попыткою создать новую болье прочную и болье раціональную культуру. Требованіе общественной прочности сдерживаеть и регулируеть задачи общественныхъ реформъ и революцій во имя развитія. Требованіе развитія не дозволяеть историческимъ цивилизацимъ остановиться на какой либо неподвижной общественной комбинаціи задачь жизни и мысли. Предъ историческими народами снова и снова возстаеть въ разныхъ формахъ одинъ и тоть же вопрось исторической жизни: остановиться ли на выработанныхъ формахъ общежитія, на усвоенныхъ уже результатахъ мысли, или же следуетъ продолжать работу мысли, измъняя подъ ея вліяніемъ формы общежитія? Если же первое невозможно для мысли, какъ только она пробудилась къ потребности развити, то каковъ долженъ быть путь измъненій? Не следуеть ли отречься отъ некоторых в совершившихся измененій въ прежнихъ культурныхъ формахъ и въ продуктахъ прежняго мышленія, какъ отъ фактовъ патологическихъ, отыскивая оздоровленіе общества въ болье или менье обширномъ возвращении къ старинъ? Или же излъчение общественныхъ бользней надо искать на новыхъ путяхъ, открываемыхъ народамт новою работою мысли и новыми формами культуры, вызываемыхъ къ жизни этою работою? Точно также какъ весь рядъ соціологическихъ задачъ человічества былъ предначертанъ при первыхъ же эмпирическихъ и раціональныхъ попыткахъ создать солидарное общежите, не препятствующее раз-

¹⁾ Cm. etp. 35.

витію сознательныхъ процессовъ въ личности 1), точно также первый же шагт, народовъ на историческомъ пути обусловленъ, какъ въ цивилизующей интеллигенціи такъ и въ ея сторонникахъ, подпавшихъ ея вліянію по обычаю или по модь, - дифференціацією трехъ постоянно-борющихся партій: сторонниковъ того что есть, сторонниковъ реформъ, не ограничиваемыхъ ничемъ, кроме знанія прошедшаго и критики настоящаго, наконецъ сторонниковъ противуположныхъ реформъ, преимущественно черпающихъ свои идеалы изъ прошедшаго, будто бы подтвержденнаго опытомъ. На первыхъ ступеняхъ историческаго развитія здісь діло шло преимущественно о борьбі стараго обычая съ новымъ и съ произволомъ фантазіи личности, руководящейся представленіями о лучшемъ и худшемъ еще чисто эмпирическими и чуждыми дисциплинъ раціональной критики. Съ выработкою критической мысли только что упомянутое противуположение все болье приближалось къ борьбъ партій консерваторовь, прогрессистовь и реакціонеровь, хотя встрівчались случаи, когда эти термины приходилось историку прилагать вовсе не въ томъ смыслъ, который имъ усвоенъ практикою речи, такъ какъ въ этихъ случаяхъ дело шло объ охраненіи нікоторых в прогрессивных пріобрітеній, которымъ грозила опасность со стороны реформаторовъ, строинвшихся къ подавлению процессовъ развития мысли и живни; прикодилось напоминать и старыя «забытыя слова», оставшіяся при долгомъ господствъ реакціи и общественной демораливаціи формулами диствительного общественного прогресса.

Случам последних упомянутых явленій вовсе не такъ редви, какъ это можно ом полагать. Такова, напримеръ, эпоха Воврожденія: для большинства мыслящих висториков стремленіе воскресить критику греческих философовь, устраняющих мистическій и мисологическій элементь, или возвратиться къ автичному типу драмы и лирики—было фактомъ безусловно-прогрессивнаго отношенія къ средневъковой церковной цивилизаціи; однако же это было безпорно возвращеніе къ солже старому фазису исторической эволюціи, чёмъ тотъ, который служиль почвою для «суммы» Оомы Аквината, для средневъковых в

¹⁾ Cm. ctp. 63.

мистерій в «золотых» легендь» или для «Романа Розы». И слеременную русскую либаральную прессу, отстанвающую судь присяжных» и земскія школы противъ «реформаторовъ», алчущихъ стереть съ лица земли эти продукты минующих» десятильтій, едва ли можно назвать прессою «консервативною» въ томъ порицательномъ смыслѣ, который по обычаю связань съ этимъ терминомъ.

Въ этой борьбъ различныхъ теченій мысли у историческихъ народовъ, историкъ этой мысли не можетъ ограничиться объективнымъ констатированіемъ различныхъ фазисовъ, имъвшихъ мъсто въ этой борьбъ, когда поперемънно торжествовало то или другое направление. Ему приходится, съ одной стороны, угадывать возможности, представлявшіяся въ каждую эпоху для иного исхода столкновеній, съ другой — опівнивать, на сколько направленія восторжествовавшія и направленія поб'яжденныя были фактами здоровыми, способными усилить и ускорить действительный прогрессь вы исторіи, или фактами патологическими, затруднявшими и отдалявшими этотъ прогрессъ. Здёсь съ наибольшею яркостью обнаруживается тоть элементъ историческаго пониманія, для котораго, какъ авторъ старался указать выше 1), неизбежнымъ — но, повидимому, и вполнъ научнымъ, - пріемомъ оказывается пріемъ субъективнаго мышленія.

Но при этомъ намъ представляются два разные вопроса, изъ которыхъ одинъ относится къ уяснению того мъста, которое задачи, характеристическия для перваго періода историческихъ цивилизацій, занимають въ общемъ процессъ исторіи, обусловливая степень его прогрессивности; другой—къ тому, что, въ частности, благопріятствовало въ разсматриваемую эпоху, удачному разрішенію этихъ частныхъ задачъ или подрывало возможнось ихъ болье или менье удовлетворительнаго рышенія, т. е. къ тому, что приходится признать здоровымъ или патологическимъ для этой эпохи. Эти два вопроса приходится разсматривать особо, но следуеть обратить вниманіе и на то, что указанные два вопроса, выступающіе предъмыслью изследователя впервые для перваго же періода исто-

¹⁾ Cm. ctp. 101.

рической жизни человъчества, повторяются и при изученіи каждой послъдующей эпохи исторіи мысли.

Во всей совокупности историческаго процесса въ томъ видъ, въ какомъ мы его способны понять съ точки зрънія развитаго человъка нашего временя (или того, котораго мы считаемъ развитымъ), намъ приходится сравнить то состояніе культуры и тъ задачи работы мысли, которыя имъли мъсто при началъ процесса исторіи, съ культурую и задачами мысли, которыя мы теперъ признаемъ какъ наиболье прогрессивныя, и приходится отнести къ явленіямъ здоровымъ тъ влементы изучаемаго комплекса, которые были зародышами и подготовленіями нашяхъ настоящихъ идеаловъ, къ патологическимъ—то, что затрудняло ихъ выработку и отклоняло личности и народы отъ этой выработки.

Здесь, предъ нами, въ начале исторіи, парство обычая, подрываемое царствомъ эгоистическихъ интересовъ, стремленіе выставить на первый иланъ принулительный механизмъ государства для целей механической же солидарности, экономическую и политическую конкурренцію суживающихся интересовъ семейныхъ, какъ органа развитія сознательныхъ процессовъ. Въ этой последней эволюціи мы констатируемъ въ работь мысли теорической отсутствее не только научных основь и нравственныхъ убъжденій, но отсутствіе всякихъ критическихъ методовъ; эти методы, однако же, медленно подготовляются въ области расширяющейся, но чисто-эмпирической техники, въ сферъ творчества эстетической и объединяющей иысли. При этомъ обнаруживается опредвленное стремленіе поддержать и упрочить случайные организмы враждебныхъ между собою націй и государствъ слитіемъ въ одно прочное цвлое элементовъ закона, обряда, общественныхъ вврованій, эстетическихъ торжествъ и насущныхъ вопросовъ политической, экономической и культурой жизни. Но это стремленіе встрвчаетъ противодействие именно въ подготовляющейся критической мысли, такъ какъ она должна была по своей сущности, работать надъ соблюдениемъ этихъ элементовъ или даже надъ ихъ определеннымъ противуположениемъ.

Этой совокупности общественных вызеній то теченіе современной мысли, къ которому причисляеть себя авторъ этихъ странинъ, противуполагаетъ совсемъ иной комплексъ работы мысли надъ формами культуры: понимание мира на почвъ научнаго мышленія и возможно-полнаго устраненія некритическихъ и матафизическихъ элементовъ въ представленіяхъ объ этомъ мірѣ возможно-широкое распространеніе на всв задачи жизни элементовъ раціональной нравственности, одновременно съ стремленіемъ установить царство уб'яжденія на м'єсто предшествовавших царствъ традиціоннаго обычая и конкуррирующихъ интересовъ; возможно-целесообразное творчество общественныхъ формъ въ виду опредъленной и вполнъ сознанной универсалистической цели объединить человечество, солидарность котораго была бы обусловлена общею и согласною работою всехъ личностей и всёхъ народовъ надъ взаимнымъ ихъ развитіемъ.

Съ этой точки зрвнія состояніе человіческих обществъ при началі ихъ исторіи представляется какъ патологическое въ наибольшей своей части; здоровыми явленіями можно признать почти исключительно лишь тв подготовленія критической мысли, которыя обнаруживаются въ творчестві мысли, встетической и объединяющей; процессъ исторіи въ его ціломъ приходится разсматривать какъ процессъ постепеннаго и очень медленнаго оздоровленія, процессъ, въ которомъ всего чаще надо констатировать переживаніе старыхъ патологическихъ явленій, лишь мало по малу вытісняемыхъ и сміняемыхъ явленіями здоровыми, до сихъ поръ—и, віроятно, еще на довольно долгое время—представляющими рідкіе эпизоды.

Тѣ же самыя понятія и термины приходится примѣнить совсѣмъ иначе, какъ только мы отъ всей совокупности историческаго процесса (до нашего времени) переходимъ къ задачѣ понять каждую эпоху въ ея особенности. Здѣсь для каждой эпохи, независимо отъ общаго ея характера—большею частью патологическаго по отношенію къ общественнымъ идеаламъ нашего времени—предъ нами объективно-констатируемыя характеристическія задачи каждой эпохи (послѣдовательно

создание сильныхъ обособленныхъ государствъ; сплочение народовъ не только механическимъ принуждениемъ, но разумнымъ закономъ въ правовой порядокъ, способный стать универсалистическимъ; попытки универсалистической религіи, способной охватить всв народы связью одинаковыхъ убъжденій; попытки прогрессивнаго творчества новыхъ общественныхъ формъ путемъ реформъ сверху орудіемъ неограниченной власти, а затёмъ снизу орудіемъ народныхъ движеній; подчиненіе интересовъ политическихъ интересамъ экономическимъ, въ одномъ случав- господствующаго меньшинства, въ другомъмассъ, и т. п.). Понять каждую отдельную эпоху, въ этомъ случай, значить понять, что именно въ общественномъ ея стров и въ работв ея мысли обусловливало обращение той или другой задачи въ характеристичную для этой эпохи, независимо отъ ея здоровыхъ и патологическихъ элементовъ; что въ наличныхъ традиціяхъ прежнихъ эпохъ оставалось для разсматриваемаго времени элементомъ жизненнымъ, содъйствующимъ характеристическимъ задачамъ того времени; что являлось для этих задачь вреднымь переживаніемь; что, наконецъ, изъ болве или менве замвтныхъ явленій эпохи, должно быть понято какъ зародышь эпохъ позднёйшихъ, зародышъ. не имъвшій еще возможности созръть, но важный для историка, какъ подготовление будущаго. Здёсь дёло идетъ для каждой эпохи о переживаніи какъ доисторическаго времени, такъ и всехъ предшествующихъ періодовъ въ ихъ особенностяхъ, и точно также о подготовленіи не только непосредственно-следующаго періода, но и зародышныхъ задачъ, которыя могли быть поставлены раціонально лишь горавло позже. Здёсь предъ мыслителемъ гораздо более элементовъ объективныхъ, которые приходится констатировать независимо отъ техъ или другихъ общественныхъ идеаловъ; однако субъективный элементъ не можетъ быть исключенъ, какъ только дело идетъ объ оценке важности того или другого переживанія прошлаго или зародыша будущаго, объ установленіи разныхъ возможностей въ данныя фазисы эволюціи, возможностей, существованіе которыхъ зависьло уже не отъ нормальнаго хода

явленій, а отъ ихъ случайныхъ отношеній; наконецъ о признаніи того или другого явленія въ данномъ случав здоровымъ или патологическимъ.

Первый слой историческихъ цивилизацій, именно цивилизацій обособленных и безусловно враждебных в между собою. характеризованъ такою техникою, которая дозволяла образованіе болве или менве обширных объединенных государствъ и окончательное распаденіе рода на многочисленныя экономически конкуррирующія семьи. При этомъ какъ государство, такъ и отдельныя группы, входившія въ его составъ, одни (какъ Египетъ при всъхъ династіяхъ, сохранившихъ его обособленность) могли оставаться на ступени хозяйства натуральнаго, другія (какъ государства на берегахъ Евфрата'и Тигра) могли рано перейти-по крайней мірь въ господствующихъ классахъ-къ хозяйству денежному и кредитному. Происходить немаловажное изм'внение и въ сфер'я работъ мысли теоретической. Въ предыдущій періодъ комплексъ фантастичекихъ върований имъль особенную важность для особей, стремившихся обезпечить себъ удачу, и вызваль въ массъ этихъ особей благопріятный процессъ развитія представленій и понятій. Теперь совершился переходъ къ обрядному комплексу, преимущественно сплачивающему элементы государства, въ достаточной мъръ враждебные между собою и конкуррирующіе экономическихъ и политическихъ интересовъ каждаго изъ этихъ элементовъ. Происходитъ все болъе опредъленное дифференцирование общественныхъ слоевъ: интеллигенція, побуждаемая потребностью развитія и обращающая старую обычную культуру въ историческую цивилизацію, дифференцируется какъ отъ слоя дикарей высшей культуры, пользующихся выгодами этой цивилизаціи безъ участія въ ея развивающемъ двеженіи, такъ и отъ массъ пасынковъ ся, при чемъ пользоваться ея выгодами этимъ пасынкамъ мещаетъ давленіе господствующихъ класовъ. Отсюда въ области техники развитіе тіхъ ея отраслей, которыя усиливають могущество или достоинство классовъ господствующихъ, и застой въ тахъ, значеніе которыхъ въ этомъ отношеніи невелико, или не усвоено

пониманіемъ интеллигенціи. Отсюда въ области творчества общественныхъ формъ сравнительная непрочность государствъ, представляющих почти исключительно связь механическую п подрываемую какъ враждебностью эдементовъ, входящихъ въ эти механизмы, питающіеся выработать органическую связь. такъ и чисто-эгоистическими стремленіями конкуррурующихъ семей и ихъ группъ. Отсюда и сосуществование въ цивилизаціяхъ этого періола двухъ слоевъ фантастическаго творчества. Въ массъ пасынковъ цивилизаціи и въ значительномъ большинствъ дикарей высшей культуры мы констатируемъ слой върованій, представляющихъ пъликомъ переживаніе върованій доноторическихъ (анимизма, фетишизма, колдовства и т. п.), не имъющихъ ничего общаго съ наличными задачами государственной солидарности и усвоенія семьями пониманія нуз двиствительныхъ интересовъ. Этотъ слой вврованій, по сущности аффективнаго элемента въ немъ присутствующаго, съ трудомъ можетъ мириться съ твмъ настроеніемъ духа, которое вызываеть принудительное подчинение государственному закону и административному распоряжению. Совсемъ иного рода комплексъ фантастическихъ представленій и обычаевъ мы констатируемъ въ господствующихъ классахъ, именно въ интеллигенціи и въ одной части дикарей высшей культуры сближенных съ интеллигенціею модою на побужденія, госиодствующія въ последней. Для личностей этого слоя культуры переживанія анимизма и колдовства, при всемъ ихъ распро. страненіи, были уже второстепеннымъ, случайнымъ элементомъ върованій, если даже не признакомъ низшей культуры; обрядность отсёсняла на второй планъ религіозный аффектъ, такъ какъ дело шло уже для интеллигенціи не о «фантастических» представленіяхъ, скрвиляющихъ рядъ обычаевъ и не объ устанавливающемся «общеніи между людьми и богами», -- какъ это было для доисторическихъ върованій и оставалось нормою для массь—а о «комплексъ дъйствій, являющихся символомъ культурнаго единства и около котораго разростались продукты болье или менье свободнаго творчества и философскаго мыпленія» 1). Именно здесь мы констатируемъ обрядную религію, съ одной стороны—ослабляющую въ обществе эмоціонный элементь верованія, къ которому господствующіе классы относятся равнодушно; съ другой—связанную на сколько возможно тёсне съ закономъ, съ обыденною жизнью, съ общественными торжествами, съ произведеніями художественнаго и философско-миоологическаго творчества; съ третьей, наконецъ, направляющую всё коэрситивныя силы государства на охраненіе новаго обряднаго обычая, какъ орудія прочности государства, какъ символа его единства, пытаясь этимъ путемъ обратить государственный механизмъ въ органическій союзъ и ослабить подрывающую эту связь конкурренцію семейныхъ интересовъ.

При этихъ явленіяхъ раздвоенности и враждебности въ нъкоторыхъ областяхъ общественной жизни - явленіяхъ существенно натологическихъ для обществъ даннаго періода по отношению къ ихъ самымъ характеристическимъ задачамъ жизненные элементы эпохи приходится признать въ другихъ областях в мысли, именно мысли эстетической и объединяющей. Ихъ развитие или его недостатокъ не могли оказать значительнаго вліянія ни на ходъ распаденія строя родоваго, ни на сравнительную прочность и силу возникающихъ обособленныхъ государствъ, ни на экономическую и политическую борьбу семей за ихъ интересы, т. е. ни на одинъ изъ важнъйшихъ наличныхъ элементовъ работы творчества общественныхъ формъ. Но эстетическая и объединяющая мысль представляли почву развитія сознательных в процессовъ въ личностяхъ въ направленіи, не только не враждебномъ идейному объединенію общественной культуры, но подготовлявшемъ позднайшую эпоху критической мысли, нравственныхъ убъжденій и универсалистическихъ задачъ выработкою для этой сферы двятельности все болье богатаго матеріала. Этоть матеріалъ находился въ самой тесной связи съ элементомъ индивидуализма, постепенно разъбдавшаго родовой строй, но въ

¹⁾ CM. crp. 64.

то же самое время обращавшагося въ одинъ изъ главныхъ двигателей борьбы съ обычаемъ во имя задачъ мысли. Искусство въ эту эпоху перестаетъ быть лишь забавою, имъющею значеніе гораздо бол'є по своему универсалистическому распространенію 1), чімъ по художественной правдивости своихъ продуктовъ. Эта правдивость становится, повидимому, все болве важнымъ двигателемъ эстетического творчества. Поэтому его продукты пріобратають особенную историческую важность, какъ характеристическія иллюстраціи и формъ культуры и направленій въ работь мысли даннаго времени. Необходимо констатировать въ этой области и еще одно явленіе, им'вющее не менве значенія, какъ зародышъ будущаго: въ довольно раннихъ памятникахъ періода обособленныхъ цивилизацій, среди безстрастной эпики или обрядных гимновь, важных лишь для оцінки формъ культуры, приходится отмітить уже вполні ясныя проявленія сатиры-хотя бы еще и очень наивной -направленной и противъ господствующихъ классовъ, и даже противъ предметовъ общественнаго върованія, сатиры, которая должна была войти впоследствии столь могучимъ двигателемъ въ исторію мысли вообще и сділаться въ наше время едва-ли не самымъ важнымъ жизненнымъ элементомъ въ продуктахъ эстетическаго творчества, болбе или менбе проникнутаго требованіями художественной правдивости. У историческихъ народовъ первой формаціи, въ ихъ эпопеяхъ и въ стройныхъ миоологіяхъ, постепенно развившихся изъ безличныхъ повъствованій, сказокъ и миновъ доисторическаго времени, эстетическая мысль сознавала индивидуальные типы Ахилловъ, Сигурдовъ, Вейнемейненовъ, Зевсовъ, Истаръ и Апполоновъ. мысль объединяющая группировала эти фантастическія индивидуальности въ циклы эпическихъ сказаній, въ генеалогін боговъ и героевъ, вырабатывая и перерабатывая все болве гармоническія и обширныя представленія о составъ и формахъ міра, о происхожденіи предметовъ и людей, о прошедшемъ н будущемъ. Подготовлялись задачи мысли нравственной въ

¹⁾ CM. cTp. 61-2.

стремленіи придать героямъ и богамъ высшее достоинство, и въ невольномъ процессв переработки понятія объ этомъ достоинствъ элементами, связанными не только съ представленіемъ о большемъ могуществі, но и смутнымъ еще понятіемъ о справедливости, насколько это понятіе могло возникнуть до усвоенія челов'якомъ пріемовъ критической мысли. Съ наибольшею энергіею этотъ ранній элементъ будущаго можно констатировать въ переработкъ миновъ о загробномъ міръ и посмертномъ возмездін. Тотъ высшій элементь, который составлялъ достоинство боговъ, невольно перерабытывалъ и понятіе о достоинствахъ личностей человъческихъ, о законъ, которому принудительно подчинялись подданные государства. Вырабатывалось представление о другомъ законъ, болъе удовлетворяющемъ задачъ развитія, чъмъ механическій законъ государства или формальныя требованія обрядности; о неписанномъ законъ Антигоны, въ которомъ переживающее представленіе о несокрушимой святости обычая, мало-помалу, переходило въ обязанность, налагаемую самою личностью на себя во имя потребности развитія.

Здёсь намъ представляется знаменательный комплексъ характеристических в чертъ періода подготовленія дальній шаго фазиса и переживанія стараго. Какъ одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ разсматриваемаго періода, следуетъ отмътить болье или менте роскошный расцвътъ творчества народной эпопеи и систематической миноологіи, - творчества, не ствсненнаго еще требованіями мысли критической и не превзойденнаго никогда впоследствій: туть подготовлялось замечательное будущее въ эволюціи эстетической а отчасти и фидософской мысли. Не менъе характеристична и другая черта, обусловленная противурачіемъ между разрушающимся строемъ родовымъ и новыми требованіями, поставленными обществу развивающимся строемъ узко-семейнымъ; черта, следы которой можно подметить и въ самыхъ замечательныхъ продуктахъ только что указаннаго творчества. Съ одной стороны, всв начала родовой связи рушатся, выставляя на видъ непрочность и элементы враждебности, обусловленные новымъ коллективнымъ организмомъ. Съ другой — этотъ самый разрушающійся родовой строй въ своихъ многочисленныхъ переживаніяхъ является однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ источниковъ только что упомянутой непрочности и враждебности.
Ни стремленіе придать прочность государству и сдѣлать болѣе
удобною конкурренцію семей, ни стремленіе слить въ одинъ
нераздѣльный комплексъ разныя отрасли работы мысли, ни
выработка интеллигенціи и индивидуализма—словомъ, ни одна
насущная задача этого періода не только не были облегчены
этими переживаніями родоваго строя, но скорѣе мы можемъ
констатировать здѣсь противорѣчіе. Тфмъ не менѣе эти переживанія имѣли мѣсто и перешли отчасти еще въ позднѣйшіе
фазисы эволюціи.

Переживаніе родового строя въ поздиййшее время позволительно признать въ наслідственности власти династій монарховъ и аристовратическихъ родовъ, гордыхъ своей геневлогіей, въ заботахъ о геневлогическомъ преданія; въ легендахъ о происхожденіи того или другого рода отъ боговъ, въ спеціальныхъ выработкахъ въ эпопеяхъ генеалогическихъ преданій, въ спеціальныхъ родовыхъ культахъ, въ легальныхъ наслідственныхъ привилегіяхъ и т. п.

Для пониманія этого періода не лишене довольно важнаго наченія это сосуществованіе въ немъ нѣсколькихъ очень различныхъ элементовъ.

Къ этому періоду вдёсь отнесены какъ народы самостоятельно раввинавшіеся около бассейна Средвземнаго моря, такъ и народы новой Европы, вступившіе из исторію подъ сильнымъ вліяніемъ римско-эллинской традвцій и древнёйшихъ формъ универсалистическихъ вёрованій, а также сёверные фины и близкіе къ тропикамъ жители центрально-американскихъ плоскогорій.

Періодъ обоспособленныхъ цивилизацій, какъ фазисъ промежуточный между доисторическимъ времененъ и началомъ опредъленнаго функціонированія мысли при гической, представляетъ еще ту особенность, что онъ отчасти повторяется и могъ бы, даже, еще повторяться, котя при значительно измѣнившихся условіяхъ среды, вслѣдствіе втягиваній тѣхъ или другихъ народовъ въ историческую жизнь въ эпохи, раздѣленныя значительными періодами времени. Въ предыдущемъ мы имѣле преимущественно въ виду народы древне-восточной и античной цивилизацій, которымъ приходилось вступать въ историческую жизнь пре-

имущественно собственного иниціативого (хотя туть предъ историками вопросы, отчасти остающіеся спорными) или, по крайней мъръ, въ эпохи, когда цивиль ующіе народы еще не вышли сами изъ періода обособленныхъ цивилизацій. Но та же цивилизаціонная задача вступленія въ историческую жизнь стала позже предъ народами средней и съверной Европы, когда цивилизующая среда представлялась въ форм' универсалистического правового римского государства и увиверсалистической церкви. При этомъ одна доля общественныхъ процессовъ была обусловлена теми самыми задачами, которыя имели місто для всёхъ народовъ, выходящихъ изъ доисторического быта; другая же-особенностями универсалистических тенденцій среды, служившей почвою новой культуры и новой работы мысли. Подобное же явленіе могло бы повториться и тогда, когда въ канунъ новой свётской цивилизаціи, волна историческаго движенія зауватила народы Америки, изъ воторыхъ нембогіе находились въ періодъ обособленныхъ цивилизацій, ни одинъ не выработаль замётныхъ слёдовъ мысли критической, большинство же находилось въ совершенно такомъ же фазист доисторической жизни, въ какомъ были германцы въ эпоху Цезаря и Тацита. Но только что упомянутая возможность повторенія въ Америкъ того, что вивдо мъсто когда то въ Европъ, не осуществилась, потому что этотъ разъ конквистадоры, искатели американсваго волота и эксплуататоры богатствъ новоотврытыхъ частей свъта, пришли изъ Европы безъ всякой тенденціи дать цвітнымъ людямъ участіе въ цивилизаціи бълыхъ и темъ создать себе новыхъ экономическихъ и политическихъ конкуррентовъ; но съ ясно-сознанною и энергически- проведенною цёлью истребить «язычниковъ» или обратить ихъ въ рабство. Такимъ образомъ мы имвемъ факты сходства рядомъ съ фактами разкаго различія. Въ эти два эпохи, отдаленныя огромнымъ промежуткомъ времени отъ перехода Ваниона или Аоннъ отъ доисторического періода въ періоду критической мысли путемъ культурныхъ формъ обособленныхъ цивилизацій, — и варвары съвера и прасновожіе Америки представили образцы индивидуалистическихъ геронческихъ сказаній, объединенныхъ и довольно-стройныхъ мино погій образцы художественной архитектуры и т. п. Эго были характеристическія черты, общія всёмь народамь вь этомі физись цивиливаціи вогда бы этотъ фазисъ ни повторялся. Что васается до фазиса вритической мысли, то разсматриваемыя двъ эпохи находились въ этомъ отношения въ прямой противоположности: варвары Европы восприняли мысль критическую отъ своихъ античныхъ цивилизаторовъ, какъ элементъ обычной культуры, и всё усилія средневековыхъ обрядниковъ. мистиковъ и метафизиковъ подавить эту унаследованную тенденцію овазались окончательно тщетными; «язычниви» же другихъ частей свёта были насильственно и систематически отразаны отъ всякаго прогрессивнаго процесса общественной жизни своими «просв гителями» и въ значительной мъръ истреблены. — Въ Индостанъ, при переходъ стараго строя обособленной цивилизаціи эпохи Ведъ въ универсалистическому эпизоду буддизма и теченій мысли ему аналогичныхъ, и при возвращеніи къ менте прогрессавному фазису индувама, мы имтемъ особенные процессы, на которыхъ здъсь остановиться было бы не удобно.

ГЛАВА ІХ.

Схема исторіи мысли: б) До свѣтской цивилизаціи новаго времени.

Историческое значеніе мысли критической.— Затрудненія.—Судьба трежь ілавных пронвленій критической мысли и борьба съ переживаніями. — (Невещественныя субстанціи).—Разрыва между основаніями критической мысли и вя проявленіями.

Попытка правового государства.

Періодъ универсалистических религій.—Массы и новая интеллигенція.—Церковь.—(Буддизмь и исламь)

Средневъковая церковная культура и три ея влемента.—Характеристическія несогласія.— Схоластическое мишленів и постановка новой религіозно-философской задачи.

Духовный союзь, государство и семья. — Византійскій типь отношеній между церковью и государствомь. — (Типь ислама).—Типь католицизма.—(Армія монашестви и школы).— Элементь обрядный и легендарный.

Традиція цезаривма и препятствія ен осуществленію. Третій элементь средневьковой культуры.—Средневьковой феодаливмъ.—Средневьковые поэтическіе цикли и типь рыцаря. — Экономическіе и идейные процессы. — Средневьковой городь и средневьковая буржуавія.— Университеты.—Юристы и медиги.

(Возможность иного хода исторіи).

Подютовление паденія средневькового общественнаго строя.—(Отклоненія от общаго хода событій въ разныхъ странахъ).

Канунь новой свытской цивиливаціи.— Гуманизмь.— Открытів новаю міра.—Демонологія.—Искусство эпохи Возрождені; — Расцвыть индивидуализма. — Хаотичность.—Область искусства.—Рость точной науки.

Періодъ обособленныхъ цивилизацій сміняется эпохою выработки въ человъчествъ мысли притической. которой для исторіи не можеть быть оцівнено достаточно высоко. Велико для пониманія эволюціи мысли значеніе выдъленія человъка изъ міра зоологическаго, или вступленіе нъкоторыхъ народовъ въ жизнь историческую. Важны отличія, представляемыя въ позднъйшее время формами и продуктами античной цивилизаціи, попыткою церковной среднев вковой культуры, наконецъ эволюціи новой светской цивилизаціи съ ея фазисами особенно знаменательными для насъ-ея продолжателей и участниковъ ся позднівишихъ заботъ. Тімъ не мев в лишь выработка въ челов в челов в челов в мысли притической обусловила и возможность пониманія задачь солидарности, и возможность усвоенія задачь истиннаго развитія сознательныхъ процессовъ въ личности, и самую возможность поставить задачу прогресса какъ гармоническаго соединенія этихъ двухъ целей. Вне незначительного числа жизненныхъ элементовъ, унаследованныхъ всеми позднейшими эпохами отъ самыхъ раннихъ, едва-ли есть какое либо прогрессивное явленіе въ позднъйшей исторіи, которое не пришлось бы, именно въ прогрессивныхъ элементахъ, возвести къ работв мысли притической, каковы ни были бы, впрочемъ, его технические и эмпирические источники и прецеденты.

Но эпоха выступленія критической мысли на историческую сцену была эпохою переходною и потому уже представляеть изслідователю многочисленныя затрудненія для ея надлежащаго пониманія. Одни изъ этихъ затрудненій принадлежать всякой переходной эпохів, какъ такой, гдів можно вполнів опреділенно констатировать лишь недовольство наличными формами культуры и наличнымъ господствующимъ направленіемъ работы мысли, но то лучшее, которое должно смінить настоящее; вызывающее недовольство, остается въ значительной мірів

смутнымъ. Другія затрудненія характеристичны именно для этой переходной эпохи-

Прежде всего научное и философское понимание разсматриваемой эпохи (и въ этомъ обстоятельствъ дозволительно, можеть быть, констатировать новую аналогію съ другими переходными эпохами исторіи) подавлено богатствомъ конкретныхъ формъ и процессовъ, при этомъ развивающихся. Это богатство вызываетъ въ изследователе гораздо более склонности къ художественному воскрешенію эпохи въ конкретной комбинаціи ея элементовъ, чъмъ къ ихъ пиательному фактическому анализу и дальнъйшему умственному синтезу. Тъмъ не менъе внимательный изследователь отмечаеть несколько крупныхъ явленій въ эволюціи мысли этой эпохи. Постепенно вырабатывается, какъ источникъ прогресса, мысль критическая. Въ основу дальнъйшаго процесса пониманія и творчества въ разныхъ отрасляхъ последняго ложатся начала научно-философскаго мышленія, универсализма и нравственных убъжденій. Въ этомъ фазисѣ философское мышленіе стремится уже не къ приданію наличнымъ върованіямъ и мнтніямъ болье единства и гармоніи, какъ было прежде, но къ внесенію въ эти традиціонные продукты мысли реальнаго пониманія на основаніи усвоенныхъ фактовъ, растущаго наблюденія, удучиающихся методовъ приближенія къ истин' теоретической и къ правд' практической. Послъ долгаго процесса работы философской мысли надъ отысканіемъ сущности вещей въ понятіяхъ, заимствованныхъ изъ міра реальнаго или изъ міра идеальнаго, и надъ стремленіемъ къ абсолютной достовърности въ умоэрвніяхъ, вырабатывается античный скептицизмъ. Онъ сознаеть безплодность этого пути, отрицаеть всякую возможность ставить даже самый вопросъ о сущности вещей и замъняетъ его для мыслителей позднъйшихъ періодовъ раціональною задачею понять міръ, устраням вопросъ о его сущности; онъ указываеть (въ младшей академіи) и путь отысканія впроятнийшаю тамъ, гдв достовприость недостижима, предлагая темъ философамъ, которые остаются верны задаче отысканія сущностей, лишь одинъ исходъ: обращеніе къ не-

критической мистикъ, чуждой всякой научности. И это какъ разъ въ то самое время, когда появляются первые мыслители, провозглашающіе себя «гражданами міра»; когда появляются и первые ученые спеціалисты, по силь и по точности своей научной мысли остающеся образцами для спеціалистовъ позднайшихъ. Искусство усвоиваетт новый могущественный элементь индивидуалистической лирики греческихъ поэтовъ, еврейскихъ псалмопъвцевъ и пророковъ. Оно усвоиваетъ и элементь драмы, воплотившей въ сценическое действіе для массъ-по всей вфроятности безграмотныхъ въ большинствътребованія нравственной критики, направленной противъ минологіи обособленных цивилизацій. Предъ нами первыя произведенія, въ которых задачи повиманія историческихъ событій въ ихъ связи и последовательности поставлены съ опредвленностью, остававшейся надолго послъ того непревзойденною. Предъ государственными двятелями встаетъ философская задача систематического права, и, въ то же самое время, предъ мыслителями, какъ идеалистическаго, такъ матеріалистическаго или даже скептическаго направленія. возникаетъ почти во всей ся полнотъ задача системы философіи, охватывающей и пониманіе міра, и правила жизни и разръшение политическихъ затруднений; предъ всякою же развитою личностью, даже совершенно независимо отъ силы ея пониманія, возникаеть идеаль жизни по личному уб'яжденію не подчиняясь ни стародавнему обычаю, ни господствующимъ формамъ жизни, ни государственному закону.

Но, рядомъ съ этимъ широкимъ развитіемъ прогрессиныхъ задачъ, историка мысли не можетъ не поразить исходъ этого великаго движенія. Вслъдъ за расцвътомъ критической мысли въ философіи и въ точной наукъ, онъ имъетъ предъ собою фактъ, что вредный элементъ переживанія обнаружился все ръзче въ постепенномъ усиленіи метафизической и фантастической доли въ философскихъ системахъ, пока, въ промзведеніяхъ позднъйшихъ орфиковъ, писагорейцевъ, платониковъ, гностиковъ, объединяющая работа мысли выработала наконецъ такія формы, въ которыхъ трудно распознать ра-

щональную философскую работу мысли отъ прежней минологической, создавшей ісрархію боговъ Египта и Ассиріи-Стремленіе небольшой горсти передовыхъ мыслителей возвыситься надъ толпою, какъ уединенные «понимающіе» и «знающіе», устраняя вовсе задачу быть педагогами массъ, сдълало свое дъло. Еще шагъ-и философія сознательно принимаетъ на себя ролъ «служанки». Светская критическая мысль въ ней сходить на ступень явленія случайнаго, незначительного для современниковъ и едва ли не враждебного культурь, которая стремится установиться. При подобныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ проявленія критической мысли въ области теоретическаго пониманія міра, нельзя было ожидать, чтобы это пониманіе оказалось сколько нибудь вліятельнымъ въ сферъ творчества общественныхъ формъ. Это послъднее не могло освободиться отъ пріемовъ, въ которыхъ историкъ мысли признаеть переживание предшествующихъ эпохъ. Предъ нами государственность міра діадоховъ.

Это основное, общее затруднение въ понимании разсматриваемаго періода, заставляеть историка мысли приглядіться болве тщательно къ элементамъ совершающагося процесса и особенно къ твиъ, которые представляются здвсь наибол ве важными и характеристическими. Тутъ встречаются новыя затрудненія. Предъ нами нісколько различных элементовъ работы критической мысли, входящих одновременно въ процессъ ея дъятельности. Но, прежде всего, не совстить легко установить опредъленную связь между этими элементами. Затвиъ оказывается, что изъ этихъ различныхъ направленій, одинаково присущихъ эпохъ, непосредственная побъда принадлежить одному изъ нихъ, тогда какъ другіе отодвинуты временно на второй планъ. Однако позже, именно эти, какъ бы побъжденныя теченія торжествують и тымь самымь обусловливають гораздо позднайшие фазисы цивилизации, возникшей на развалинахъ культуръ, которыя напрасно пытались утвердиться.

Изъ многочисленныхъ формъ проявленія критической мысли

in my steel and/or extends rathers for extends and colleges, processing the open forms.

запа, перенения существ пригры обособилися Обинустинесть существ пригры обособилися

Специона, во-горьных, почин-отчести ветафилически tris nayestato manuscia, a certira permanentra mentina coto expenses in contaments of several. One opening systems expensarie scancel norself ove objectives prescribed выгр винологій али продавія вин больный перайвости. Так не межде работа кака проземления веская вопримен an remejo june di manpamentale americale di managgio anche di правотвежности, о чень оснивсь будеть станаво виже. Работ облединающей высли, сондавщей теперь философскіх састем. меревосится въ оферу свътской имсли, которая созвана, как отличная оть сферы вірованія или лаже какъ противуполижни послідней. Тімъ самымъ, нь усвоенів сознанія раздачів мість сферъ, подравается характеристическое стремление предшествонавшей культуры обособленных вацій слять, нь виду прочвоста государствъ, задачи, принадлежащія разнымъ областинъ миси. Когда наступаеть эноха новой понытьи создать въ историяскій моменть, здісь ницющійся въ виду, новую обычную культуру, оказывается, что и спеціально-научная мысль Киклидовъ и Архимедовъ отдёлилась отъ метифизики акадениковъ, перинатетиковъ и стоиковъ.

Оть сферы обязательнаго обычая, принудительнаго закона в догматической зановъм отділнется, въ гретьихъ, и сфера правственного убъжденія, требующаго постановки жизненныхъ пълей и руководства жизненной дъятельности на основанию обязанности, самою личностью на себя возложенной. Такимъ образомъ подрывается элементъ обрядности, господствований иъ предыдущемъ періодъ въ томъ комплексѣ, который называютъ религіями; на первомъ мѣстѣ въ комплексѣ этого рода становится убъжденіе; подрывается элементъ формальной дегальности, связывавшей механическій государственный союзъ: подрывается элементъ принудительности въ семьѣ, выстаная на первый планъ начало личныхъ симпатій и свободнаго выбора. Съ особенною силою и съ особеннымъ значеніемъ вліяніе этого начала нравственности проявляется въ энергической переработкъ минелогій, дополняя въ типахъ боговъ элементъ могущества элементомъ нравственнаго достоинства, а также въ идеалахъ достоинства человъческой личности, которыя все сильнъ проникаются этимъ элементомъ.

На первый взглядъ эти три формы проявленія критической мысли представляются одна отъ другой независимыми и не легко уяснить себѣ ихъ одновременное выступленіе на сцену исторіи, или ихъ историческую связь.

Едва ли не въроятите другихъ гипотеза, допускающая, что наиболте общирное подгоговление въ предшествующий періодъ имъло начало нравственнное, невольно, подъ вліяніемъ художественныхъ работъ надъ минами и преданіями, входившее въ типы героевъ и боговъ, а заттить, и реальныхъ личностей, въ которыхъ потребность развитія вызывала попытки приблизиться къ этимъ героямъ и богамъ не только по могуществу и по проницательности, но и по новымъ, болте утонченнымъ элементамъ личнаго достоинства.

Для универсалистических тенденцій можно констатировать гораздо меньше подготовительныхъ элементовъ, но дозволительно допустить для этихъ элементовъ прежде всего чисто реальный источникт, въ расширении и учащении торговыхъ сношеній между народами и государствами. Въ виду интересовъ торгующаго класса установление более справедливыхъ пріемовъ обмівна могло предшествовать задолго правственному сознанію обязательности быть справедливымъ, однако могло постепенно вырабатывать это сознаніе. Разъ мы допустили появленіе послідняго, оно для боліве развитых личностей могло уже безъ особеннаго затрудненія перейти изъ сферы обміна и торговых сношеній и на всі другія сферы отношеній между людьми, признававшими другь друга въ какомъ либо отношеніи «своими». Тімъ не меніве сколько нибудь вліятельное проявленіе универсализма приходится повидимому отнести къ болъе позднему времени, чъмъ первое, нъсколько обширное, усвоеніе начала, что развитой личности слі-

Научная мысль въ своей спеціальности была продуктомъ еще позднъйшимъ. Но и свътская философія, способная сдълаться философіей научной, выдъляющей изъ себя минологическій элементь, замѣняя его метафизическимъ, можетъ быть констатирована лишь позже выступленія нравственнаго убъжденія какъ двигателя личности. Уже гораздо труднѣе сказать, на сколько эти филогофскія проблемы были вызваны болѣе или менѣе ясными универсалистическими тенденціямими же выработались на почвѣ этихъ, отчасти безсознательныхъ, тенденцій. Этотъ вопросъ можетъ, пока, считаться спорнымъ.

Во всякомъ случав, можетъ быть врроятиве допустить, что три указанныя проявленія критической мысли, съ виду хотя обособленныя, находились въ тёсной исихологической зависимости между собою, и что, по отношенію къ генетической связи, ранве другихъ, на почвв работы мысли эстетической и объединяющей, началась переработка понятія о достоинствъ личности въ направленіи нравственныхъ элементовъ. Эти элементы, по самой сущности, едва ли могли не сгладить, при оцћикћ личнаго достоинства, различіе «чужихъ» и «своихъ» по расв, по родству, по культурному обычаю, по принадлежности къ тому или другому политическому целому, чтобы замънить это различіе другимъ-по высшему или низшему нравственному разритію, различіемъ уже опреділенно-универсалистическимъ и способнымъ выработать самыя широкія задачи въ этомъ направленіи. При этомъ трудно не допустить дальнъйшаго слъдствія, что въ представленіе о нравственномъ достоинствъ мыслителя должно было по логической необходимости входить все опредълениве требованія точнаго пониманія, выдёленіе работы творчества (миноологическаго, художественнаго и метафизическаго) изъ работы мысли познающей, т. е. именно тотъ интелектуальный процессъ, который лежить въ основ в спеціальной науки и научной философіи.

Но эти три указанные способы проявленія критической

мысли при ея выступленіи на сцену исторіи им'яли предъ собою значительную и упорную массу переживаній. Она вліяла энергически на ходъ событій. Поэтому, для поверхностнаго взгляда на этотъ ходъ, только что упомянутые продукты критической мысли-въ сущности обусловивше главнымъ образомъ всю последующую исторію и внеспіе въ нее все прогрессивные элементы, которые можно въ ней констатироватьотчасти смешиваются самымъ неожиданнымъ образомъ съ явленіями совершенно иного, даже противуположнаго характера, отчасти заслоняются до неузнаваемости подобными явленіями. Именно лишь болье или менье върная оцвика роли этихъ переживаній въ реальной эволюціи событій можетъ, по видимому, способствовать въ накоторой степени уяснению этой эволюціи и устраненію затрудненій, при этомъ встрічаемыхъ историкомъ, стремящимся не только знать особенности совершающагося процесса, но и понимать ихъ.

Предъ нами собственно два сосуществующие но весьма различные слоя процессовъ работы мысли періода. Слою высшему принадлежить выработка представленія объ универсализм'ь; подготовление научной мысли путемъ создания философскихъ системъ, устраняющихъ элементъ фантастическій и способныхъ уяснить разницу мышленія метафизическаго отъ научнаго; наконецъ, внесеніе во всѣ наличные продукты мысли эстетической и миоологической элемента мысли нравственной. Но подъ этимъ слоемъ, собственно вырабатываемымъ меньпинствомъ передовой интеллигенціи, историкъ мысли констатируетъ несравненно болье обширный и вліятельный слой культурныхъ привычекъ мысли и жизни массъ, состоящихъ изъ пасынковъ цивилизаціи, изъ дикарей высшей культуры, наконецъ изъ такихъ группъ интеллигенціи, работа мысли которыхъ направлена лишь въ малой степени и лишь попутно на уномянутыя три проявленія критической мысли, а преимущественно на совствить иныя задачи. Таковы, отчасти, сознанные интересы господствующихъ классовъ и ближайшія формы протеста накоторой доли угнетенныхъ массъ противъ ихъ угнетателей. Отчасти таковы же общественныя движенія,

безсознательно возникавшія въ средь общества изъ формъ производства и обмъна, изъ экономической борьбы семей за распредъленіе богатствъ, изъ политической борьбы сословій и касть, создаваемыхъ и обособляемыхъ закономъ.

Едва ли не однимъ изъ самыхъ важныхъ явленій въ этомъ случать приходится признать переживаніе въ эту переходную эпоху твхъ следствій разделенія классовъ и слоевъ культуры, на которыя было указано выше, какъ на характеристическое явленіе періода обособленныхъ цивилизацій въ самыхъ различныхъ областяхъ работы мысли. Оба эти сосуществующее слоя культуры и работы мысли дайствовали одновременно и вызывали свои особенныя переживанія. Росло недовольство подавленныхъ массъ, жаждавшихъ улучшенія своего невыносимаго положенія -- особенно при умноженіи числа рабовъ и при ухудшеніи ихъ положенія по отношенію къ рабовладъльцамъ. Въ рукахъ последнихъ концентрировались и богатства поземельныя и богатства, движимыя путемъ денежнаго и кредитнаго хозяйства, тогда какъ огромное большинство жило въ условіях в хозяйства натуральнаго. Для этихъ массъ оставались недоступными не только научные методы мышленія, но п работа критической мысли вообще. Однако, массы, въ попыт кахъ улучшенія своего соціальнаго положенія, должны были неизбъжно воспользоваться первыми выводами этой критической мысли, проникшими въ большинство въ формъ модныхъ настроеній мысли или въ форм'в догмата. Таковы были представленія объ универсализм'в и о жизни по нравственнымъ убъ жденіямъ, совершенно отрывая эти результаты критики оть самаго процесса этой критики. Именно въ этой формъ вовсе не критической и, по этому, неизбъжно вызывающей противорвчія въ міросозерцаніи, начала универсализма и жизни по нравственному убъжденію сдіблались знаменемъ волнующихся массъ и историческою силою.

Подобною силою процессъ самой критической мысли могъ бы сдудаться лишь въ томъ случай, еслибы личности, злинмавшія центральное положеніе въ критическомъ движеніи философской мысли (мудрецы, философы и ученые), прибити къ

энергическимъ пріемамъ педагогическаго дѣйствія на массы, возможно-тѣснѣе сближаясь съ ихъ соціальными нуждами и потребностями; а также еслибы объединяющая мысль; имѣвшая въ этомъ случат преобладающее значеніе, направила всѣ свои усилія на сближеніе съ научными методами, троявлявшимися уже въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ областяхъ, устраняя немедленно тѣ проявленія промежуточнаго—метафизическаго—фазиса, которыя составляють естественный переходъ для отдѣльныхъ личностей отъ догматическаго строя мысли къ научному.

Но эти условія не только не им'єли м'єста, а, напротивъ, переживанія старыхъ пріемовъ мысли оказались весьма могучими двигателями въ сторону прямо-противуположную. Мыслители-критики принадлежали едва ли не безъ исключенія къ классу господствующему, экономические интересы и привычки жизни котораго образовали между нимъ и массами пропасть твиъ болве глубокую, чвиъ болве досуга доставляло первымъ ихъ соціальное положеніе для того, чтобы обработывать свою Техническіе пріемы педагогіи, какъ критическую мысль. личной, такъ семейной и общественной, находились въ самомъ элементарномъ эмпирическомъ фазисъ. Объ энергическомъ воспитательномъ дъйствіи на массы темъ менев могли думать ижъ возможные учителя, что унаследованное выделение колдуна, въдуна, «знающаго» и «понимающаго» изъ массы обычныхъ людей, самымъ непосредственныхъ образомъ перешло въ идеалъ мудреца, возвышающагося надъ толной и въ этомъ выдъленіи находящаго единственный источникъ своей умственной и нравственной высоты. Съ другой же стороны, естественное стремленіе отыскивать промежугочные пріемы пониманія между мышленіемъ догматическимъ (доисторическимъ) и чистонаучнымъ (которое должно было еще долго составлять исключеніе) выдвигало на одинъ изъ первыхъ плановъ въ работв мысли переживание такихъ элементовъ доисторическаго эмширическаго философствованія, которые должны были на очень долгій періодъ (даже до нашего времени) стать ном'яхой правильному развитію научной критической мысли въ человъчествв.

, 5.

. 5

,35 ·

, *** 2.12

33.2

4

-4

15

4.4

13.0

1.16

5,7

Олнимъ изъ самыхъ бъдственныхъ переживаній послідняго рэда въ метафизическихъ построеніяхъ древнихъ философовъ приходится, можетъ быть, считать переживанія основного представленія анимизма, двойвика особей или даже предметовъ вообще, въ теоріи невещественных субстанцій; переживанія, весьма рано проявившіяся въ комплекст философскихъ построеній, не смотря на существенное логическое противорічіе, заключающееся въ самой постановкі вопроса о подобныхъ субстанціяхъ.

Такимъ образомъ, въ періодъ, когда критическая мысль вырабатывала элементы, которые должны были впоследствіи сділать ее историческою силою, выдвигая, какъ орудіе этой силы, представление объ универсализмъ, о нравственныхъ убъжденіяхъ и о научно-философскихъ пріемахъ обсужденія предметовъ, въ это самое время комплексъ существовавшихъ рядомъ съ этимъ переживаній обусловливаль крайнюю слабость последняго изъ этихъ трехъ элементовъ, а потому въ обществъ обнаружилось опредъленное стремленіе воспользоваться для классовой борьбы результатами критической мысли, воплотившимися въ задачи нравственной жизни и универсаливма, какъ бы это были задачи сами собою возникавшія и способныя быть оторванными отъ почвы критики, тогда какъ и та и другая выросли и могли вырости лишь на этой почвъ въ небольшомъ меньшинствъ интеллигенци. Новыя господствующія группы интеллигенцій надагали свой пріемы мышленія, какъ моду, на толпу, не живущую историческою жизнью, поставивъ себъ на первое мъсто задачею создать уже не пъльное и критически-обоснованное міросозерцаніе, а систему аргументовъ въ пользу заповъдей нравственности и универсализма, изъ которой элементъ реалистической критики быль бы вполнъ устраненъ.

Сложность процесса увеличилась еще вслыдствіе другого обстоятельства. Для культуры обособленных цивилизацій основнымь элементомь творчества общественных формь была обработка условій существованія возможно прочнаго и сильнаго государства и семьи, способной возможно услоши ве бороться за свеи интересы. Критика, направленная на эту область, въ присутствіи задачъ универсализма и нравствен-

ныхъ убъжденій, должна была не только побъдить значительныя затрудненія, но и устранить довольно явныя противорічія. Въ обособленныхъ государствахъ, образованныхъ семьями, конкуррирующими на почвъ экономическихъ и политическихъ интересовъ, оба эти элемента были по сущности противуположны требованію универсализма внъ стараго представленія о всемірномъ государствъ, подчиняющемъ своей механической власти всъ народы; особенно же оба эти элемента были противуположны требованію универсалистической нравственности, подрывавшему и начало вражды между своими в чужними—при чемъ кругъ своихъ теперь съузился до предъловъ тъсной семьи—и начало конкурренціи вообще.

Однако, несмотря на эти противоречія, именно въ этой области работы мысли была сдёлана попытка къ переработке государственнаго организма, при содействіи критической мысли, въ новый политическій комплексъ, сохраняя возможно бережне основы стараго механическаго государства Рамзесовъ, Навуходоносоровъ и Александровъ, но оживляя его идейными началами общаго для всёхъ права. Римъ взялся за осуществленіе античнаго государства, которое должно было, повидимому, обладать большею прочностью, чёмъ его предшественники, потому что оно имёло въ виду сдёлаться государствомъ правовымъ.

Эта попытка оказалась — и не могла не оказаться — попыткою лишь чисто-внешняго устраненія указанных затрудненій и противоречій. Она представляла ничто иное, какъ новую комбинацію элементовь, унаследованных Римомъ отъ прежняго строя, но не позволяла разсчитывать на устраненіе столкновенія между элементами, остававшимися противоречивыми, или даже на большую прочность новаго политическаго организма. Однако, эта попытка внести идейное начало въ старый общественный механизмъ столь же мало могла оставаться безъ важныхъ следствій для позднейшей эволюціи политической мысли. Въ старомъ идеалё механическаго государства выдвинулось теперь на первое мёсто то самое начало, которое въ обособленныхъ цивилизаціяхъ замёнило силу обычая, органически связывавшаго родовой союзъ, силою закона, механически подчиняющаго подданныхъ "общей власти. начало права усвоило всю ту долю правственной обязательности, которую неустранимая работа критики внесла въ строй мысли новой эпохи. Старая святыня обычая, какъ переживаніе, столь же старый идеаль всемірнаго государства, и новое требованіе господства надъ всіми побужденіями особей равнаго для всъхъ закона, какъ воплощенія разумныхъ требованій критической мысли отъ личности и отъ общества, поддержанныхъ государственною силою-все это слилось въ представленіе о царстві безличнаго права, о правовомъ государстви. Это представление какъ бы примиряло переживающія требованія обособленных цивилизацій, стремившихся подчинить своей власти всёхъ соседей, съ новою задачею найти путемъ критической мысли форму юридического общежитія, удовлетворяющаго требованіямъ универсализма, и сдёлать ее обязательною для всвхъ, не во имя непоколебимаго обычая или принудительной власти, а во имя убъжденія, что это правописачный разумь. Объ этой системь права не инвли представленія ни фараоны, ни цари Востока, ни даже предводители греческихъ городскихъ аристократій и демократій, и тымъ менъе македонские завоеватели и діадохи. Однако, осуществленію подобнаго античнаго правоваго государства и его прочности представлялись при данныхъ условіяхъ значительныя препятствія: это осуществленіе предполагало возможность примиренія въ политической жизни формъ политическаго строя, унаследованных от прежняго времени, и идейнаго начала универсалистическиго права, ставящаго совершенно новыя требованія. политическія Немудрено, что это справовое государство» оказалось даже менте прочнымъ, чтитомеханическія державы восточныхъ деспотовъ, ему предшествовавшія. Именно періодъ созданія того права, которое его почитатели называли впослёдствіи «писаннымъ разумомъ» и которое должно было, казалось, придать боле прочности куда теперь быль внесень могучій идейный государству, дементь — именно этоть періодъ выказаль неудержимое и

чрезвычайно-быстрое распадение римского государственного организма: чрезъ какіе либо четыре віка послі того, какъ первый Августь закрыль врата храма Януса и установиль миръ въ имперіи, сохранившей форму республики, эта единая правовая имперія уже не существовала; ея распадающіеся члены искали себъ поддержку въ элементахъ, не имъвшихъ ничего общаго со старымъ Римомъ; однако и тутъ они не могли найти подобной поддержки, и давали въ своей разлагающейся средв начало совершенно новымъ политическимъ организмамъ, только-что теперь совершавшимъ переходъ отъ жизни чеисторической къ исторической. Переходная эпоха пробужденія критической мысли въ человічестві обнаружила грознымъ ходомъ своихъ событій, что въ области творчества общественныхъ формъ универсализмъ объединяющихъ правовыхъ идей столь же мало можеть установиться при переживаніи старых политических формь, какъ мало можеть упрочиться въ области теоретической мысли прогрессъ знанія и пониманія міра, когда представители этого процесса обращаются въ могучихъ уединенныхъ мыслителей, не желающихъ имъть педагогического общенія съ толпою, остающеюся въ своей работв мысли на фазисв переживаній прошлыхъ періодовъ.

Однако, выработанное критическою мыслыю этого періода представленіе о правовомъ государстві, обнаружившее свое безсиліе для реальнаго обновленія политическаго строя античнаго міра и для приданія ему прочности, оказалось немаловажною идейною силою для послідующаго времени. Это представленіе, устанавливая грань между государствами двухъразныхъ слоевъ, заключало въ себі зародыши всіхъ тіхъ политическихъ задачъ, которыя развились впослідствій и создали внішнюю исторію человічества. Здісь, съ одной стороны, на первый планъ въ заботахъ политиковъ и юристовъвыдвигалось—въ области права государственнаго—то римское государство цезарей и — въ области права гражданскаго — та римская семья патріархальнаго типа, съ которыми теченіе событій ассоціировало нераздільно традиціонную идею о «пи-

SHARE IN THE PROBE OFF BURNER IT former species that is the transfer that is ANTE I BE TAKEN THE DESIGN STATE OF THE TAKEN r. saura mara a ma a dependent me en MIL AND A LOTE SEEL DESCRIBILITY BET THE IN RELIABLE CORNELIS LINCORNES EFFICIENCES mid and para El and ment in the beyesd as likes paració i trada tradamenta de l' Take in Library madern Dassace for Dideted? 19. Outs of meetalest as butter sectors report to: T. SANS DESIGNAL LIE EL SALT LIEU ES IDEBETIS DELL AND BE RESCRIPTION OF COMPANY OF THE PARTY O daminet presentation revision? Em se. iii we sa nyou and send acquirecture docurs, same o-WOOTHERSON, THE DESIGN BUILDINGS CITY yearner, as forthe organizates of members are made or and tione of programments a minimum of points a formation ELECTRONICS SPORESER, E STREFELIETS ESPENS SALET. TOPPIN CEAT. VICTORIBERRATO CITARESTA BATA BATTO OFFI WINNER WIS WINTS CTEMAINERS OFFICERS POPULARITE IN a, he simplicate cipraget, same salage markes that DUTOKENY,

Пер.ода, «Уканаченный выступленіем» на слену ист. д универсалистических религій и польткою создать въ Запа ной Европ'я новую среднев'я коритуру, ниветь гаруг тісную связь со всею посл'ядующею исторією мисли, и при должаеть настолько вліять на нее какъ въ форм'я переживаній, такъ и жизненныхъ элементовъ, что на немъ приходится въ схем'я этой исторіи остановиться нісколько дол'я.

Тамъ, гдъ, по условіямъ среды, оказанісь безсильными и сознательная научно-философская мысль и сознательная идея общественнаго правоваго строя, безсознательно ходъ событій вырабатываль новыя формы общественнаго организма, новый объединяющій комплексъ продуктовъ мысля и новый идеаль культуры, вызывавній попытку создать и упрочить вту культуру. Этотъ новый организмъ, эти новые продукты мисли и

эта новая культура были сами по себъ, для историка мысли, стоящаго на принятой здась точка эрвнія, явленіями регрессивными; однако, въ нихъ вощли, какъ невыделимый жизненный элементь, традиціи подавленныхъ, но живучихъ задачь періода пробужденія критики. Богословы и схоластики не могли отвернуться отъ требованія понять мірь и употреблять для этого болье или менье опредьленно ть самые пріемы мысли, которые были имъ завъщаны философами язычества. Рядомъ съ упорною враждою сектъ, сословій, племенъ и государствъ, въ прямомъ противорвчіи съ этою враждою, принимавшею самыя возмутительныя формы, продолжаль провозглащаться догмать универсализма истины, хотя и вовсе не критической, братства върующихъ въ эту истину, которая должна, по этому върованію, сділаться универсальною. Рядомъ съ обрядностью, столь же широко-распространенною и столь же обязательною, какъ это было въ доисторическомъ період парства обычая и въ культур обособленнаго Китая или Египта, ни на минуту не исчезаль изъ авторитетнаго ученія догмать, что необходимо выработать себ'в уб'яжденіе и жить по этому убъжденію, чуждому всёхъ связующихъ формъ. принося ему въ жертву, если нужно, все остальное. Эти начала обязательнаго пониманія универсализма и правственнаго убъжденія были для среднев'вковой попытки создать новую прочную культуру вредными переживаніями предшествовавшей переходной эпохи; но, для прогресса человъчества какъ онъ здесь понимается-это были жизненные элементы, не позводявшіе упрочиться культурів, склонной къ застою; они обличали ея противоречія и подготовляли въ будущемъ, на ея раввалинамъ, болве раціональную постановку темъ же задачъ пониманія, универсадизма и нравственной жизни.

Въ томъ общественномъ движеніи первыхъ вѣковъ нашей эры, которое нѣкоторые смѣлые историки уже характеризуютъ какъ «движеніе пролетаріата» (хотя и не того новаго пролетаріата, который нынче живетъ заработною платою) замѣчалась безспорно автоматическая, безсознательная попытка массъ населенія, подавленныхъ господствующими классами, положить

конецъ своему невыносимому положенію. Силу для этой нопытки нечего было искать въ рядахъ интеллигенціи предшествующихъ эпохъ, отличавшейся отъ массъ и по своему строю мысли. Оба слоя этой мысли, господствовавшіе въ тогдашней интеллигенціи, были чужды массамъ. Изящной ісрархіи боговъ и героевъ, которая придавала такой блескъ цивилизаціи обособленныхъ историческихъ народовъ; массы противуполагали комплексъ анимистическихъ върованій, простодушной и иногда очень грубой магіи, комплексъ, унаследованами отъ доисторическаго, періода и связанный лишь случайно съ именами того другого олимпійца или члена римскаго или сирійскаго пантеона. Эти върованія имъли полную возможность быть связанными съ минами и легендами, гдв фигурировали новыя божественныя и героическія личности, болье привлекательныя для волнующихся массъ уже по одному тому, что это не были боги и герои ихъ притеснителей. Критика и скептицизмъ более передового слоя интеллигенціи были для массъ совершенно недоступны. И воть историческою силою, въ замвнъ небольшого меньшинства прежней интеллигенціи, жадной до развитія путемъ сперва эстетическаго и философскаго творчества, потомъ нутемъ болье или менье научной критики, -- сдълалась новая интеллигенція, которая, возвращаясь къ анимистическимъ элементамъ колдовства и фетинизма, стала искать развитія на пути перенесенія на эти доисторическіе комплексы понятій о нравственномъ убъждении и объ универсализмъ, бывшихъ исключительно продуктами критики, пріемы которой были на время оставлены въ сторонъ. Представители полубезсознательнаго движенія массъ могли выступить лишь какъ пропов'ядники нравственной и универсалистической истины на почвъ подрыва разницы сословій и національностей, разницы рабовъ и гражданъ Рима, «евреевъ и эллиновъ»; на почви разрушения старыхъ пантеоновъ для замфны ихъ новыми, враждебными богамъ господствующихъ классовъ; на почвв отрицанія критики уединявшихся мыслителей для того, чтобы заменить ихъ энтузіастами, шединими волновать массы и разрушать изящные кумиры, замъняя ихъ магическими реликвіями. На первомъ фа-

зисъ своей двятельности, при кажущемся укръпленіи римскаго государства съ установленіемъ у имперскаго мира и правовой системы, упрочивавшей господство имущихъ классовъ, эта вырабатывающаяся интеллигенція представителей смутно понимаемыхъ интересовъ массъ могла употребить, какъ идейное орудіе борьбы, лишь фантастическое вірованіе въ долженствующій немедленно наступить конець этого міра и сміну его міромъ новымъ. Какъ только сумасшедшіе цезари, безсиліе имперіи въ борьбѣ ст варварами, эпоха 30 «тирановъх и продажа императорскаго сана преторіанцами съ публичнаго торга, опуствніе территоріи имперіи, римлянъ изъ римскихъ легіоновъ и т. под. сдёлали более и болве очевиднымъ вымираніе того «града діавола», которому подавленныя массы приписывали всв свои страданія, такъ немедленно водвореніе реальнаго «Новаго Іерусалима» сділалось цёлью возможною и вызвало работу мысли уже более сознательную, какъ въ области творчества общественныхъ формъ, такъ и въ сферв творчества идейнаго. Государству римскому—а для этой эпохи другое государство было немыслимо-новые проповъдники попытались противоположить не какое-либо новое государство, а идейный союзь върующихъ. не знающій ни разницы племень и рась, ни политическихъ границъ.

Этимъ союзомъ должна была сдёлаться универсальная иерковь, объединяющая всёхъ одинаково вёрующихъ и долженствующая объединать въ единомъ истинномъ вёрованіи все человёчество. Въ ея средё и подъ ея вліяніемъ должна была продолжаться, на почвё новаго комплекса продуктовъ фантазіи и нравственныхъ побужденій, работа эстетической и философской мысли періода обособленныхъ цивилизацій и миеологій, работа, теперь совершавшаяся по тёмъ же побужденіямъ упроченія новой культуры, надъ высшими типами новой мистики, приспособляя эти переработываемые типы то къ требованіямъ аскетовъ Оиваиды, то къ жизненнымъ задачамъ іерарховъ, боровшихся противъ еретиковъ и гностиковъ, то къ процессамъ мысли духовныхъ лириковъ періода рыцарскаго

служенія «дам'в сердца» или къ метафизическимъ пріемамъ Өомы Кемпійскаго, чтобы позже, въ періодъ распаденія и атрофіи связующаго элемента, о которомъ мы здісь говоримъ, этотъ же процессъ переработки высшихъ мистическихъ типовъ продолжалъ идти еще далъе уже по иному руслу, въ какихълибо «Часахъ благоговънія» и, въ наши дни, въ произведеніяхъ Ренана. Возникающая церковь должна была сділаться единственною учительницей людей и распространить повсюду единое истинное пониманіе міра, людей и общества, независимо отъ всякаго государственнаго механизма, а потому она одна и могла быть источникомъ и истолкователемъ права. Она должна была создать новую систему обрядовь и культурныхъ формъ, уже не существующую самостоятельно, независимо отъ формъ убъжденій, но обусловленную върованіями и стеценью развитія мистическихъ типовъ, какъ ихъ символы и выраженія. Основною задачею періода сділалось установленіе и упроченіе культуры церковной, обусловливающей своимъ принципомъ и политическія и экономическія и идейныя и культурныя явленія. Зародыши этой задачи восходили далеко въ доисторическій періодъ, но тогда путь для ея рішенія лежаль весь въ области обычая. Теперь эта задача какъ бы обновилась элементами сознанія и идейности въ нее внесенными критическою мыслыю. Но это была та самая критическая мысль, которая оказалась въ комплексъ этой культуры элементомъ, не дозволившимъ человъчеству остановиться на последней.

Явленія, подобныя только что указаннымъ въ мірѣ Западной Европы, историкъ мысли имѣетъ полное основаніе предполагать и искать конечно съ отличіями, зависѣвшими отъ различія среды—и въ мірѣ буддизма и ислама.

Періодъ попытки создать прочную средневѣковую культуру представляется историку мысли съ новыми характеристическими чертами, съ новымъ комплексомъ переживаній и жизненныхъ элементовъ, съ новыми зародышами булущаго, причемъ перваго же взгляда обращаетъ на себя вниманіе сосуществованіе многочисленныхъ противорѣчій въ задачахъ, постав-

менных эпохою работв мысли, противорвній, которыя не только служать достаточнымь объясненіемь для непрочности установившихся культурных формь, но принуждають отрицать всякую возможность упроченія этих формь, если процессь исторіи должень быль получить прогрессивное направленіе.

Противоречія, здёсь встречающіяся, обусловливаются какъ различіємъ основныхъ элементовъ, входившихъ въ составъ средневековой культуры, такъ и различіемъ целей, которыя одновременно ставилъ себе каждый изъ этихъ элементовъ въ особенности.

Въ средневъковой культуръ, которая пыталась тогда установиться, можно констатировать сосуществованіе трехъ основныхъ движущихъ элементовъ: во-первыхъ, идейнаго элемента церковно-догматическихъ и жизненныхъ върованій; во-вторыхъ, традиціоннаго—опять таки идейнаго—элемента римскаго государства, какъ идеальнаго образца общественнаго строя; каконецъ традиціоннаго элемента, еще вполнъ проникнутаго доисторическими тенденціями, отъ котораго не могли отдълаться новые народы Европы, только что вступившіе въ исторію, какъ неофиты христіанства и какъ продолжатели—и во многомъ подражатели—имперіи цезарей.

Всв эти три основные элемента среднев ковой культуры восходили къ доисторическому общественному строю и къ донсторической работв мысли. Каждый изъ нихъ былъ источникомъ особенныхъ жизненныхъ элементовъ будущаго и особенныхъ переживаній. Общею характеристикою для всвхъ трехъ была, во-первыхъ, выработка особенныхъ жизненныхъ задачъ и общественныхъ идеаловъ, во-вторыхъ — борьба за преобладаніе между этими идеалами въ области мысли, и между общественными организмами, вызванными попытками осуществить эти идеалы, въ области творчества общественныхъ формъ. Фазисы борьбы и возможной побёды того или другого изъ этихъ основныхъ элементовъ обусловливались различіемъ процессовъ, которые подготовили эти элементы при ихъ вступленіи въ столкновеніе между собою въ началѣ Среднихъ Вѣковъ.

Церковный элементь средневъковой культуры быль, по самой своей задачь, элементь идейный, выработавшійся какъ результатъ эволюціи народовъ, интеллигенція которыхъ оставила позади себя доисторическій строй мысли, усвоила задачи универсализма, и господствующіе классы которыхъ пережили періодъ обособленныхъ цивилизацій съ его конкурирующими интересами сословій и государствъ. Лишь этотъ длинный процессъ могь быть подкладкою общественному идеалу, выставленному средневаковымъ католицизмомъ, именно тенденціи создать духовную власть, которой безусловно подчинялись-бы всф свътские элементы. Конечно, историкъ мысли можетъ разглядъть въ этомъ идеалъ и его дальній доисторическій корень, именно мистическое представление о всемогущихъ колдунахъ родоваго или даже дородоваго періода. Но элементь магіи, который составляль сущность этой традиціи, быль теперь заслоненъ идейными тенденціями католицизма какъ разъ настолько, насколько последній разработываль начала правственныя и универсалистическія, въ силу которыхъ онъ предъявляль свои права на власть; но эти догматически-утверждаемыя права не имъли ничего общаго со всемогуществомъ магической обрядности, унаследованной новыми духовными повелителями міра отъ ихъ стародавнихъ предшественниковъ.

Римскій элементъ средневѣковой культуры имѣлъ не менѣе древніе корни въ прошедшемъ, но и онъ выработался въ результатѣ длиннаго ряда фазисовъ эволюціи. Въ дальнемъ прошломъ осталось для Рима Августовъ и Діоклетіановъ доисторическое представленіе о предводителѣ рода, облеченномъ во время войны неограниченною властью, но потомъ поглощенномъ единствомъ рода съ его святынею обычая. На этомъ представленіи наслоились, въ процессѣ предшествующей политической исторіи, типы царя болѣе или менѣе обширнаго имеханически-обособленнаго государства, скрѣпленнаго принудительнымъ закономъ; позже — типъ ничѣмъ неограниченной власти цезаря, бывшаго источникомъ и хранителемъ права, въ которое воплощается разумъ. Но эта комбинація представленій о механической власти съ идейнымъ началомъ права

предполагала, для своего практического осуществленія, такой экономическій и политическій строй, который доставляль бы достаточный матеріалъ и для многочисленной интеллигентной бюрократіи, и для денежнаго хозяйства въ господствующихъ классахъ, и для организація военныхъ силъ, достаточной для механическаго подавленія центральною властью ея соперниковъ. Точно также, какъ идейная сила католицизма требовала, для выработки духовной власти надъ міромъ, весьма трудноосуществимой одновременной поддержки и начала нравственноуниверсалистического и магически-обрядного, такъ чарующій для новыхъ европейскихъ народовъ идеалъ возобновленной древней римской имперіи, въ которой духовный элементъ былъ бы лишь однимъ изъ органовъ прочнаго государства, предполагаль общественныя формы, которыя въ продолжение всъхъ Среднихъ Въковъ оказались неосуществимыми. Отсюда разнообразіе эпизодовъ борьбы за власть между указанными двумя основными элементами среднев вковой культуры.

Для третьяго изъ этихъ элементовъ характеристическимъ отличіемъ отъ двухъ первыхъ было то обстоятельство, здъсь борьба конкуррирующихъ интересовъ и индивидуальныхъ стремленій происходила среди народовъ новой Европы помимо эпохи обособленных цивилизацій, но при непосредственномъ переходъ отъ доисторического быта въ условіямъ культуры и работы мысли, выработаннымъ другими народами, имфвшими другую исторію. Формы обществъ и продукты работы мысли, - естественно развивавшеся на почвъ доисторическаго быта германцевъ или славянъ, комбинировались съ вольными и невольными заимствованіями извив при вліяніи идеаловъ католическаго и античнаго, собственно имъ чуждыхъ. Вследствіе этого, при эволюціи культурныхъ средневіковыхъ формъ и фазисовъ только что упомянутой борьбы церковнаго и римскоабсолютистического направленія, историку мысли следуеть обратить вниманіе на то важное обстоятельство, что эти два соперничающія направленія были не одни лицомъ кълицу, но что борьба происходила на ночвъ кръпко унаследованныхъ традицій тыхь варварских народовь, которые вступали вь

исторію неофитами новаго ученія и подражателями Рима при обстоятельствахъ, принудившихъ ихъ перескочить чрезъ фазисъ обособленныхъ цивилизацій. Какъ жизненные элементы, такъ и переживанія, восходящія къ этому источнику въ области творчества общественныхъ формъ, едва ли не были даже крвиче и прочиве, чвиъ все то, что приходится возвести въ этотъ періодъ къ традиціи Римской Имперіи и къ задачамъ политической и экономической организаціи католицизма. Вследствіе того, что процессь общественной эволюціи, здісь происходившій, должень быль обнаруживать проявленія индивидуализма и борьбы интересовъ-существенных карактеристикъ перваго періода историческихъ цивилизацій — помимо формы обособленныхъ цивилизацій, чрезъ которую переходили народы античнаго міра -- историку мысли приходится констатировать здесь некоторыя особенности, какъ въ идеалахъ власти, такъ и въ отношеніяхъ между личностями и общественными группами, или даже въ новыхъ общественныхъ формахъ, какъ бы непреднамъренно возникшихъ въ средневъковомъ обществъ, подготовляя еще позднайшія формы и процессы эволюціи; и эти особенности трудно понять съ какой либо другой точки зрвнія.

Помимо неизбѣжности борьбы между тремя основными элементами средневѣковой культуры, каждый изъ нихъ представлялъ, въ самыхъ условіяхъ своего существованія, поразительныя противорѣчія.

Изъ этихъ элементовъ одинъ, на первый взглядъ, рѣшительно заслонялъ оба остальные. Это былъ идейный элементъ вѣрованій, безусловно подчинявшій догматическому и нравственному авторитету церкви и экономическія отношенія между личностями и семьями, и переработку политическихъ формъжизни, и творчество художественныхъ типовъ, общественныхъ торжествъ и увеселеній, и даже мелкія подробности обыденной жизни. Именно потому есть основаніе характеризовать средневѣковую культуру какъ культуру церковную.

Но историкъ мысли, вглядываясь въ условія существованія этой культуры, неизб'яжно констатируєть въ самыхъ ея осно-

вахъ характеристическія несогласія. Здёсь мы встречаемъ прежде всего требованіе господства дичнаго мистическаго убъжденія надъ всеми остальными побужденіями. Это требованіе какъ бы предполагало такое общество, которое уже перенью отъ періодовъ парства неприкосновеннаго обычая и нарства конкуррирующихъ интересовъ къ царству убъкденій. Однако ничего въ предыдущемъ ходъ событій не свидътельствовало о такомъ сильномъ общественномъ роств. Даже напротивъ: многочисленныя и общирныя переживанія доисторическаго строя мысли, о которыхъ было сказано выше, и тамъ же указанное практическое безсиліе передовой интеллигенціи, усвоившей критику мысли, скорте должны были вести къ уменьшенію числа личностей, руководимыхъ уб'яжденіями, а не привыченить или моднымъ — для данной среды — строемъ мысли. Могли имъть мъсто характерные взрывы коллективнаго некритического аффекта толпы, по вившности сходные съ дъйствіями по убъжденію. Но въ эту эпоху-точно также какъ во всв последующія, намь известныя-личности, руководимыя индивидуально своими понятіями о теоретической истипъ и о практической правдь, были и не могли не быть очень малочисленны. Требованіе жить по убъжденію оказывалось, по самой своей сущности, въ противоръчи со степенью культуры, • до которой достигли не только массы, но и самая значительная доля интеллигенціи.

Тъмъ не менъе идеалъ жизни по религіозному убъжденію былъ поставленъ предъ средневъковою интеллигенцію, какъ въ міръ католицизма, такъ и въ міръ буддизма и ислама. Но внимательный историкъ мысли не можетъ не констатировать съ перваго же взгляда, что этотъ идеалъ заключалъ въ себъ противоръчіе съ возможностью раціональной попытки установить солидарное общежитіе, пока наличныя формы культуры не выработали почву болъе правильнаго пониманія отвошеній между личностью и обществомъ въ ихъ взаимодъйствіи, почву, далеко еще не подготовленную. Этотъ идеалъ безпрестанно вступалъ въ столкновеніе и съ новымъ устанавливающимст обычаемъ, и съ коллективными аффектами толны, и съ под-

чиненіемъ государству, и съ прочностью семьи, и съ обрядомъ или догматомъ, принятымъ духовною общиною, т. е. со всеми твии началами солидарности, которыя устанавливали и поддерживали единство и прочность идейнаго союза върующихъ. Личное убъждение должно быть связующимъ звеномъ коллективнаго организма, стремившагося охватить единою върою все человъчество; но, по самому своему существу, личное убъжденіе заключало въ себ'в, напротивъ, склонность дробить общество на мелкія политическія партіи, враждебныя другъ другу, склонность подрывать единство союза, отрицать обязательность положительнаго закона. Для устраненія этихъ опасностей, присущихъ обязанности жить по личному убъжденію, приходилось или ставить выше этого убъжденія свътскій разсчеть связующихъ интересовъ личностей и группъ; или же слъдовало, прибъгая къ критикъ и сравнивая разныя формулы убѣжденій-слѣдовательно сомнюваясь въ томъ, которое изъ нихъ есть истинная святыня — искать такія убъжденія, которыя оказались бы способными установить солидарность между людьми и между ихъ группами, какъ убъжденія, истинныя для объединяющаго теоретическаго пониманія, и какъученія о праведной жизни для руководства въ практикъ поведенія. Но оба эти пути предполагали настроеніе мысли, прямо - противуположное той культуръ, которая пыталась установиться.

Однако именно этимъ последнимъ путемъ пошла средневеновая пивилизація. Она стала искать доказательства, что ен верованія составляють единственную истину, зараніве ставя аксіомою, что эти доказательства должны существовать. Необходимымъ элементомъ средневіковой работы мысли, поэтому, являлась выработка апологетики для убіжденій, которыя духовною властью признавались истинными, и полемика съ другими убіжденіями, относимыми къ ереси; попытка построить міросозерцаніе, которое заключало бы необходимымъ элементомъ это истинное убіжденіе и служило бы въ то же время руководствомъ для праведной жизни. Иначе говоря, произошло существенное изміненіе задачъ въ той самой области мысли,

которая въ періодъ царства обычая создавала фантастическія представленія, скрѣплявшія рядъ обычаевъ, а въ періодъ обособленныхъ цивилизацій выработывала обрядный комплексъ, являвшійся символомъ культурнаго единства, символомъ, около котораго разростались продукты болѣе или менѣе свободнаго художественнаго творчества и философскаго мышленія 1). Теперь эта область мысли ставила себѣ задачею создать общечеловѣческое нравственное ученіе, опирающееся на философское міросозерцаніе. Подобная задача могла быть уже раціонально поставлена.

Но ея раціональная постановка вызывала новый подрывъ средневъковой культуры въ ея основахъ. Эта постановка могла вызвать-и действительно вызывала-вопросы: связана ли эта задача неразрывно съ тою формою убъжденія, которая послужила въ данную эпоху почвою для ея появленія? не мъшаеть ли эта самая форма критическимъ пріемамъ, которые върнъе и убъдительнъе ведутъ къ ръшенію задачи? Не приходится ли и для лучшаго пониманія міра и для правильнъйшаго ученія о нравственной жизни устранить мистическіе и метафизические элементы средневъковаго учения, поставивъ на первое мъсто элементы научные? Историки разныхъ направленій могуть, по степени своего развитія, видіть въ постановкі этихъ вопросовъ прогрессъ или регрессъ, но едва ли можно не признать и здёсь, что логическое стремление къ упрочению средневѣковой культуры путемъ аргументаціи о ея истинности неизовжно вело къ постановкв только что указанныхъ вопросовъ и къ подрыву этой самой культуры.

Въ области творчества общественныхъ формъ и продуктовъ мысли, зависѣвшихъ отъ этой области, вліяніе только что указаннаго преобладающаго церковнаго теченія мысли вызвало не менѣе затрудненій. Одно изъ самыхъ существенныхъ заключалось, можетъ быть, въ трудности составить себѣ ясное представленіе о духовномъ союзѣ убѣжденныхъ личностей, чуждыхъ въ то же самое время критическихъ пріемовъ мысли. Но, во

Стр. выше, стр. 70 и саѣд.

внішнемъ ходів событій, на первый планъ выдвигалось не это существенное препятствіе, а трудность установигь какое либо опредівленное соглашеніе между идеею этого духовнаго союза и представленіемъ о государствів въ тіхъ формахъ, въ которыхъ оно стояло послідовательне предъ пропов'ядниками первыхъ десятильтій эпохи гоненій, предъ первыми вселенскими соборами, предъ позднійшими епископами-феодалами и предъ папами эпохи крестовыхъ походовъ.

Для демократической федераціи пресвитеровъ первобытныхъ общинъ, ожидавшихъ ежеминутно конца міра, объ общественныя основы періода обособленныхъ цивилизацій-государство и семья-вызывали отрицательное отношение. Римское государство было «градомъ діавола» и между нимъ и върующими ничего общаго не должно было быть. Его могущество признавали върующіе, но конецъ міра долженъ былъ положить конецъ и его могуществу. Пока отъ него следовало сторониться, какъ отъ всего мірского; и имъ интересовались върующіе лишь настолько, насколько оно своими гоненіями создавало мучениковъ и позволяло проявляться мистическому аффекту, съ которымъ эти мученики шли отдавать свою душу за своихъ братій. Но новый Іерусалимъ все не спускался на землю, а всемогущая имперія цезарей оказывалась безсильною противъ вившнихъ враговъ и противъ внутреннихъ безпорядковъ. Федераціи общинъ върующихъ приходилось вырабатывать изъ себя общественный организмъ, способный жить, развиваться, отстаивать себя противъ гонителей и противъ еретиковъ, еще поэже, —обратить язычес кій «градъ діавольскій» въ «градъ Божій». Возникало новое пъ отиворечіе между этими реальными стремленіями и унаслідованта ымъ отъ эпохи ожиданія немедленнаго конца міра ученіемь, объ устраненіи всехъ мірскихъ заботъ. Однако то ослабленіе кри тической мысли въ эту эпоху, на которое было указано выше, позволяло не вдумываться въ существующее противорьчие и оздавать средневъковое учение о праведной жизни подъ однов, эеменнымъ вліяніемъ двухъ непримиримыхъ идеаловъ: враждь і къ міру и подчиненія всёхъ общественныхъ функцій въ эл омъ самомъ

мір'в крівнкому идейному организму. Общество вірующихъ разложилось на классы мірянъ и духовныхъ, выдёляя изъ среды последнихъ группы еще более строгихъ целей жизни, «ангельскій» чинъ монаховъ, съ целымъ рядомъ оттенковъ киновитовъ, уединенныхъ отшельниковъ, аскетическихъ подвижниковъ, причемъ духовное достоинство личности праведника-чудотворца росло въ глазахъ върующихъ со степенью его отреченія отъ міра. Разрывъ со всякою семейною связью быль обязателень для чина ангельского. Онъ сделался позже обязательнымъ въ католицизмв и для всякаго немірянина. Безбрачіе вошло неустранимымъ элементомъ въ идеалъ върующаго. Указанія на отрицательное отношеніе къ семь в врующій могь констатировать и въ словахъ высшаго для него авторитета. И между твиъ, бракъ сталъ таинствомъ, за строгимъ охраненіемъ котораго зорко следила духовная власть. Начались и въ церковномъ общественномъ строительствъ заимствованія изъ светского міра. Надъ демократическою федерацією общинъ возвысилась аристократія іерарховъ, окруженная арміею этихъ самыхъ монаховъ-аскетовъ, которые были только что упомянуты, но здёсь уже они являлись въ роли энергическихъ борцовъ за требованія организующейся духовной власти противъ еретиковъ на соборахъ, противъ остатковъ язычества, пытавшихся отстоять античный строй жизни и мысли. Классъ личностей, который, по своему положенію, долженъ былъ направить свой умъ на размышление о въчномъ блаженств в праведниковъ и въчномъ страданіи грышниковъ, быль поставлень въ необходимость выработать для мірянъ ученыхъ и поэтовъ, администраторовъ мірскими дёлами, руководителей народовъ въ ихъ борьбъ за мірскіе интересы. Возникла реальная собственность духовныхъ политическихъ организмовъ и тъхъ самыхъ центровъ аскетическаго ученія, идейная сущность которыхъ заключается въ отречени отъ міра. Организовались не только политическія но и экономическія формы церковной культуры. Происходила опредёленная попытка направить силы духовенства на создание новаго государства безъ политическихъ границъ, но съ разграничениемъ образовавшихся діоцезовъ, на созданіе новаго экономическаго строя, неизобжно подчиненнаго въ своей эволюціи условіямъ жизни всякаго экономическаго строя. И этотъ новый общественный организмъ имѣлъ предъ собою, рядомъ съ собою, государственныя традиціи, унаслѣдованныя отъ распавшейся имперіи, или государства варварскаго типа, по мѣрѣ силъ и средствъ подражатели имперіи цесарей, но неспособныя устранить изъ своего политическаго строя все то, что логически выростало изъ ихъ первоначальнаго, варварскаго, источника. Приходилось установить modus vivendi между этими двумя сосуществующими коллективными организмами, прямо противуположноидейнаго характера, но одинаково проникнутыми по самому положенію политическими стремленіямя къ власти.

Комбинація культурных условій и ходъ событій обусловили два совершенно различных типа попытокъ рѣшить этотъ вопросъ.

Византія—впосл'єдствіи Москва—стала почвою выработки типа, гд'є идейный универсалистическій союзъ ограничился ролью первостепеннаго, но подчиненнаго органа въ св'єтскомъ государств'є, причемъ это св'єтское государство взяло на себя обязанность энергическаго осуществленія ц'єлей церковнаго союза, почти неизб'єжно устраняя задачи универсализма и внося въ отношенія между народами ту самую національную или политическую враждебность, которая была въ новомъ мір'є переживаніемъ періода обособленныхъ цивилизацій.

Въ исламѣ выработался еще полнѣе этотъ типъ въ государствѣ калифовъ, сливши, насколько это было возможно, функція главы союза политическаго и союза духовнаго.

На западѣ Европы, надъ представленіемъ объ аристократіи епископовъ и аббатовъ, поднялся идеалъ духовной монархіи съ римскимъ папою во главѣ и съ опредѣленными стремленіями подчинить этому идеальному монарху всѣ политическія и экономическія силы народовъ. Здѣсь задача универсализма была поддержана, повидимому, самыми энергическими пріемами, но за то стремленіе къ универсалистической власти рисковало все болѣе заслонить въ умахъ личностей, въ которыя вопло-

щалось это стремленіе, идейный элементь, во имя котораго они проявляли свое право на эту власть. Имъ приходилось создавать новыя общественныя формы, чтобы отстоять, укрѣпить и расширить эту власть, но фатальный ходъ логическаго процесса обращаль всѣ эти возникающія формы во враговъ не только духовной монархіи папъ, но и средневѣковой культуры вообще въ ен главныхъ характеристическихъ чертахъ.

Этотъ процессь съ особенною яркостью проявился въ эволюців монашества и въ эволюція школьнаго дёла. Въ каждую новую эпо ху жизни католицазма, пока онъ пыгался развиваться (т. е. быть элементомъ исторической жизни) мы видимъ попыгки придать новую организацію монашеской армія духовнаго государства.

Это, прежде всего, ранніе бенедиктинцы, преданные дёлу школъ сельского хозяйства и «божьяго мира». Но путемъ этихъ школъ и необходимымъ для учительства занятій языческими авгорами пронцаеть въ средневъковую культуру все болъе почигание античнаго міра и его формъ высли; создается схоластическая философія, неизовжно подвергающая критивъ догматы богословія и изъ «служанки» послъдняго обращающаяся въ его сопервицу; возникають университеты. - Занятія сельскимъ хозяйствомъ на церковной территорія все сяльніе и неудержиміе втягивають духовенство въ интересы экономическіе и политическіе, создають именно въ высшемъ духовенствъ одинъ изъ общирнъйшихъ классовъ крупныхъ землевладъльцевъ, позже-вліятельные центры денежнаго хозяйства. Но имечно это вызываеть и вражду духовной паствы противъ пастырей - остающихся, по трациціи, учителями отреченія отъ міра. Забота о «божьемь мирь» оказывается орудіемь усиленія свътской центральной политической власти на счетъ феодального строя, который представляль наиболье шансовь господству единаго монархическаго панства издъ дробными центрами политическихъ силъ. Приходится снова и снова реформировать старые монашескіе ордена. Клюни становится могучимъ центромъ реорганизаціи этой монашеской армін, вліяніемъ которой уміноть энергически воспользоваться папы-монархи типа Григорія VII; но вивств съ эволюцією средневвковаго общества вообще и этотъ матеріалъ оказывается недостаточнымъ, чтобы подавить протесть противъ светскихъ элементовъ духовенства, все более выделяющагося - особенно всявдствіе своего безбрачія - изъ свътскаго общества.

Подъ вліяніемъ энтузіазма эпохи крестовыхъ походовъ, какъ самостоятельный эпязодъ переустройства армін монашеской, выступаютъ рыцарскіе духовные ордена. Но это оружіе слишкомъ скоро обращается въ столь независимый общественный организмъ и усвоиваетъ столь независимым экономическім функція, что ділается одинаково опаснымь и для развивающігося централизованнаго государства и для монархизма папъ, такъ что оба эти соперника вступають въ союзъ, чтобы подорвать силу тампліеровъ и довести роль прочихърыцарскихъ орденовъ до возможнаго минимума.

Насколько повже это-нищенствующее монашество, главнымъ даломъ котораго является дъятельный прозелитизмъ, при чемъ одни илъ нихъ (домичиканцы) назначаются на господство въ высшихъ школахъ и университетахъ и на самую безперемонную борьбу противъ умножающихся ересей; другіе (францисканцы) для дійствія на массы средневъкового населенія, оставшіяся въ эпоху проповъди универсалистическихъ ученій все при томъ же анимистическомъ міросозерцаніи, при которомъ они были въ эпоху Платона, Аристотеля, Гипократа и Архимеда, изивнивъ лишь названіе фетишей, термины магическихъ заклинаній, вижиность прісмовъ колдовства и типы чудотворцевъ или скавочныхъ героевъ. Но фатальный ходъ работы мысли сделаль изъ «братства проповёдниковъ», съ одной стороны, мыслителей, поставившихъ авторитетъ Аристотеля чуть ли не выше авторитета отдовъ деркви; съ другой, -- доминиканцы обратились въ героевъ неквизиціи и спеціальныхъ процессовъ волдуній; но именно это вызвало наибольшее возмущеніе противъ католяцирма въ эпоху, когда подготовлявась свётская цивилизація, а идеальный типъ, на вліяніе вотораго было выше указано, сталь принимать ту форму, которую мы наблюдаемь въ книгь, принисываемой Оомъ Кемпійскому и у мистиковъ предшественниковъ реформаціи. Ученики же Франциска ассивскаго почти немедленно выработали въ себъ одну изъ самыхъ опасныхъ для ватолицизма ересей, сознательно стремившуюся къ царству третьей ипостаси, долженствующему будто бы сивнить время монархін папства. Они доставляли и довольно воспрівичивый матеріаль для народных в движеній последней эпожи средняхъ въковъ.

Последнею реорганизацією армін витолицизма было созданіе ордена ісзунтовъ, сделавшагося не менёе энергическою причиною вооруженія интеллигенців противъ католицизма, какъ инквизиторы предшествующихъ эпохъ, хотя по другимъ поводамъ. Но это была уже эпоха постановленій Тридентинскаго Собора, съ которыми участіє каголицизма въ исторической жизни европейской цивилизація прекратилось, и этотъ католицизмъ не могъ не придти неизбежно, опускаясь все ниже по работё мысли, къ признанію схоластики XIII-го вёка руководящей философією въ концё XIX-го.

Такимъ образомъ идейный элементъ средневъковой культуры, сохранивший въ себъ традиціонныя требованія отреченія отъ мірскихъ заботъ, долженъ былъ комбинироваться, вслъд-

ствіе борьбы католицизма за власть, съ прямо противуположнымъ стремленіемъ создать и украпить церковно-политическій организмъ съ его арміями монаховъ, съ его аристократіею духовныхъ феодаловъ, и съ его универсалистическимъ монархомъ-папою. Это придавало кателицизму все боле светскій характеръ. Вивств съ твиъ необходимость вліять на массы, остававшіясія на ступени доисторическихъ привычекъ мысли, побуждала католицизмъ придавать особенное значение элементу обрядному и легендарному на счетъ идейнаго и правственнаго. Именно этотъ обрядный и легендарный элементь, привлекательный для пасынковъ цивилизаціи, которымъ была недоступна мысль критическая, составляль общественную силу католицизма и позволилъ ему удержаться, какъ прочное переживаніе, среди массъ до новаго времени. Но всякое подобное переживаніе элементовъ предыдущаго періода давало новое оружіе противъ средневѣковой культуры, какъ оппозиціонной анти-, церковной интеллигенціи, такъ и политическимъ соперникамъ католицизма. Этой обрядности, какъ ученію о богоугодныхъ «дълахъ», протестантизмъ противуположилъ позже свое ученіе о въръ, т. е. о личномъ убъждении, какъ основномъ богоугодномъ дель. На почвъ обрядности происходить и до сихъ поръ преимущественно борьба свободныхъ мыслителей новой буржуазіи противъ клерикализма.

Главнымъ соперникомъ католицизма, какъ политическаго организма, была, какъ указано выше, традиція римскаго цезаризма. Это была въ значительной мѣрѣ традиція идейная, и потому она сохранялась и выработывалась исключительно и въ группахъ, слѣдовавшихъ моднымъ теченіямъ этой интелмитенціи. Во многихъ случаяхъ римская традиція дѣлалась отчасти безсознательнымъ орудіемъ, отчасти сознанною маскою, интересовъ свѣтскаго элемента въ его соперничествѣ съ церковнымъ, интересовъ централизованной власти въ ея борьбѣ противъ мѣстной самостоятельности болѣе мелкихъ политическихъ организмовъ. Но, для нѣкоторой доли средневѣковой интеллигенціи, эта традиція римскаго цезаризма обращалась въ традицію античной критики философской, научной и нрав-

ственной въ борьбѣ этой критики противъ зарождающейся мистики и противъ догматическаго авторитета. Въ этой своей роли античная традиція существенно подрывала—какъ переживаніе иной эпохи—средневѣковую культуру. Но она выступала здѣсь и какъ весьма важный жизненный элементъ дальнѣйшаго хода исторіи европейскихъ народовъ.

Государственная традиція древней Римской Имперіи стояла, съ самаго начала среднихъ въковъ, предъ господствующими классами этого времени, какъ чарующій образецъ политической жизни. Продолжать эту имперію стремились варварскія царства, возникшія на ея развалинахъ (точно также какъ цезари Византіи и позднайшіе цари Москвы—«третьяго Рима»). Къ подобнымъ попыткамъ снова и снова возвращались европейскіе государи въ эпохи Карла Великаго и Оттоновъ, при чемъ и церковь, организуя свою власть надъ мирянами, не могла имъть иныхъ образцовъ, какъ отчасти механическое, отчасти правовое государство Марковъ Авреліевъ и Діоклетіановъ. Къ тому же авторитеть церкви доставляль отчасти идейный матеріать въ пользу господства свытской власти. Въ библейской традиціи, которая входила невыделимымъ элементомъ въ политические идеалы католицизма, фигурировали типы Сауловъ, Давидовъ и Соломоновъ, способные скорве усилить политическое представление о свътской царской власти, унаследованное отъ римской имперіи, чемт его ослабить въ пользу элемента теократическаго. Поэтому, чрезъ весь средневъковой періодъ, рядомъ съ стремленіемъ создать и укрѣпить универсалистическую монархію панства, приходится констатировать стремленіе свътскихъ государей придать средневъковому строю характеръ мозможно болве сближающій этоть строй съ упомянутымъ выше государственнымъ строемъ. Византіи и Москвы, воплощая въ свътскомъ монархъ комбинацію римскаго цезаря и царя древнихъ евреевъ.

Однако лишь въ послѣднія эпохи средневѣковаго періода эти попытки возстановить государство, приближающееся къ римскому типу, оказались успѣшными. До тѣхъ поръ условія подобнаго успѣха не были осуществимы. Древнее государство императорскаго Рима опиралось на три такія условія. Во первыхъ, энергическая фискальная система, истощая экономическія силы разныхъ странъ имперіи въ пользу, центральной власти, доставляла этой власти и господствующимъ классамъ темъ болве могучія экономическія средства, чамъ болве массы населенія оставались на ступени хозяйства натуральнаго. Затімъ имперія, въ первый періодъ ея существованія, опиралась на военную организацію легіоновъ, унаслідованную отъ республики, способную доставить центральной власти торжество надъ всеми попытками политического сепаратизма, и лишь постепенно эта объединяющая сила подвергалась гибельной для имперіи дезорганизаціи. Наконецъ традиція кліентелы богатыхъ патриціанскихъ и всадническихъ родовъ, умноженіе вольноотпущенниковъ, особенно же образованіе придворной іерархіи около императоровъ, издавна подготовляемой и выработанной въ Рим'в, въ Византіи и около м'встныхъ проконсуловъ-впоследстви кандидатовъ на санъ Августа-положили въ античной имперіи основаніе бюрократіи, безъ которыхъ никакая центральная власть въ мирное время не мыслима. Но всв эти три условія отсутствовали и при каролингахъ и около Оттоновъ и у самыхъ энергическихъ королей Франціи и Англіи во всю первую половину среднихъ въковъ. Самые могучіе монархи этихъ эпохъ нуждались въ деньгахъ, и раздача земель долго оставалась единственнымъ средствомъ уплаты за политическое содъйствіе. Поземельные владъльцы не могли доставить матеріалъ ни для прочно организованнаго войск а въ рукахъ сюзереновъ, ни для бюрократіи, которая чаходилась бы въ безусловной зависимости отъ нихъ. Слабое распространеніе знаній въ обществі принуждало государей для всёхъ административныхъ целей прибегать къ пособію духовенства т. е. именно къ тому общественному элементу, который стремился подчинить себъ свътскую власть. При подобныхъ условіяхъ ни личный умъ, ни личная энергія государей, ни даже случайности расширенія подвластных вимь территорій, не могла привести къ осуществленію чего-либо подобнаго государству римскихъ цезарей или позднъйшихъ европейскихъ самодержцевъ XVI-го и XVII вѣковъ. Матеріалъ для этого творчества общественныхъ формъ долженъ былъ выработаться самъ собою, независимо отъ стремленія каголицизма къ духовной морархіи папъ и отъ стремленія отдъльныхъ личностей къ захвату политической власти. Традиціи церковная и римская могли лишь способствовать выработкѣ почвы для этой эволюціи, но не могли создать ее собственными силами.

Эта почва была обусловлена полубезсознательнымъ развитемъ третьяго элемента средневъковой культуры изъ указанныхъ выше.

Варварскіе народы Европы им'єли свою доисторическую традицію, которую эти неофиты универсалистическихъ върованій и эти продолжатели имперіи цезарей принесли съ собою изъ лъсовъ и пастбищъ средней и съверной Европы; они не успели выработать тамъ обособленныхъ цивилизацій, подобныхъ твмъ, которыя развились по берегамъ Средиземнаго моря и Евфрата. Народы новой Европы были принуждены, перескочивъ чрезъ этотъ фазисъ нормальнаю общественнаго эволюціоннаго процесса, соглашать свои традиціонныя доисторическія формы быта съ задачами универсалистического права и универсалистическихъ върованій, поставленныхъ предъними неустранимымъ ходомъ событій. При условіяхъ этого соглашенія, условіяхъ наиболье характеристичныхъ -- и, можетъ быть, наиболье вліятельныхъ — въ Средніе Выка, автоматически выработывалась общественная среда разсматриваемаго періода; въ эту среду идейное начало господства ученія католицизма и столь же идейное представление объ универсалистическомъ правовомъ организмъ Римской Имперіи съ его неограниченными повелителями, могли внести лишь болже или менье значительныя измененія. При постоявномъ действіи на этоть разъ развивающійся организмъ двухъ внышнихъ силь католицизма и римскаго преданія, та или другая изъ нихъ могла пріобръсти преобладаніе лишь вслъдствіе того, что той или другой изъ нихъ благопріятствовала эволюція среды, совершавшаяся большею частью непреднамфренно, особенно путемъ дифференцированія и слитія сословій.

Сперва предъ нами, какъ прямые наследники родового строя, союзы свободныхъ и равныхъ членовъ марокъ и большихъ семей (Sippe), внъ которыхъ стоятъ лишь безправные рабы и случайные, бродячіе безземельники. Въ эпоху каролинговъ надъ массою свободныхъ людей, обработывающихъ, большею частью, чужую землю, поднимается, какъ главная экономическая и политическая сила, сословіе крупныхъ землевладбльцевъ. Попытка каролинговъ и Оттоновъ создать, для поддержки своей возрожденной имперіи, бюрократію по образцу своихъ античныхъ предшественниковъ, не удаются по недостатку годнаго матеріала; однако подготовленіе будущей бюрократіи совершается инымъ, болье продолжительнымъ путемъ. Крупные землевладельцы, составляющие историческую силу эпохи, создають различные классы посредниковь между собою и работающими классами, большею частью свободными, но отчасти и вчерашними рабами. Появляются свободные управлиющіе имвніями и наблюдатели за хозяйствомъ, свободные оброчные люди и оброчные рабы при разнообразныхъ системахъ оброка, министеріалы изъ свободныхъ лицъ, служащіе но договору крупнымъ землевладальцамъ, и министеріалы изъ несвободныхъ, но, по формамт договоровъ съ владельцами, мало отличающіеся отъ свободныхъ, Сближаются по обычному и по юридическому положенію общины старинныхъ членовъ марокъ и большихъ семей и общины вчеращнихъ крипостныхъ или даже рабовъ. Непреднамъренно, но все съ большею силою, идеть процессъ пониженія юридическаго положенія служащихъ свободныхъ людей, которые недавно были «равными» тамъ, кому они стали служить добровольно. И столь же неудержимо идеть повышеніе всякихъ «слугь», въ значительномъ числю потомковъ крепостныхъ. Почти повсюду эти два слоя сближаются, сливаются и делаются трудно различимыми. Новые изследователи съ удивленіемъ констатирують кое-где даже въ началь періода новой цивилизаціи существованіе отчасти крыпостныхъ сервитутовъ на земляхъ лицъ привиллегированнаго сословія, рядомъ съ отсутствіемъ подобныхъ сервитутовъ на участкахъ roturiers. Они еще спорятъ между собою о процессъ

выработки буржуазіи вні городских центровь даже вт позднійшее время. Тімь не меніе, вт общемь ході событій, вт посліднюю половину средних віковь, окончательно установились уже ті сословія, съ которыми приходится иміть діло государству новой цивилизаціи: дворянство, обладающее многочисленными привиллегіями разнаго рода; крестьянство, на которомь лежить вся тяжесть средневіковаго быта и положеніе котораго скоріте еще ухудшится, чімь облегчится, въ періодь світской цивилизаціи; наконець ростущая по ситі и по значенію буржуазія, о которой придется еще говорить ниже.

Король варваровъ быль лишь первый среди равныхв. Его интересы и ихъ интересы могли быть одинаковы и на столько онъ быль ихъ руководителемъ, судьею, могъ распоряжаться ихъ силами и средствами на основаніи договора, существующаго между ними, болве или менве явнаго и опредвленнаго, обычнаго или внесеннаго въ какую либо «правду». Если интересы расходились, то дело каждаго изъ договаривающихся было обезпечить свои интересы, расширяя или съуживая старый договоръ, отстанвая или видоизменяя его. Въ далекую варварскую древность, давно забытую и римскимъ государствомъ и католическою церковью, восходило то политическое начало, въ силу случайныхъ остатковъ котораго аррагонскіе кортесы еще въ концъ среднихъ въковъ говорили своему королю: «если нътъ-нътъ», а совътникъ Людовика XI вносилъ въ свои мемуары замътку, что лишь путемъ насилія какой либо государь можеть наложить на своихъ подданныхъ, вив своей отчины, новую подать безь ихъ согласія. Договоръ связываль князя съ дружиною, землевладъльца съ земледъльцами, обрабатывающими его поле, какъ онъ связывалъ свободныхъ членовъ сельской общины и марки, выросшей изъ распадающагося или расаавшагося рода; какъ связывалъ между собою эти общины и марки въ болье или менье определенный національный или государственный союзъ. На этой почвь договорных отношеній между группами, гдв повсюду власть принадлежала "первому между равными» шла эволюція средневъковыхъ общественныхъ формъ, причемъ этотъ "первый", въ силу борьбы за свои интересы, естественно стремился передълывать договорный союзъ въ виду усиленія своей власти; "равные" же столь же явно стремились, во-первыхъ, удержать и отвоевать большую долю этой власти отъ своего политическаго главы, во-втовыхъ—внести въ комплексъ равныхъ дафференцированіе сословій и классовъ, разнившихся своими привилегіями или отсутствіемъ послѣднихъ; сословій и классовъ, въ которыхъ можно констатировать настолько же въ низшихъ слояхъ стремленіе слиться съ высшими, какъ въ высшихъ стремленіе удержать свое обособленіе отъ низшихъ.

Важнымъ условіемъ для дальнъйшаго образованія и разделенія общественныхъ классовъ являлось то экономическое обстоятельство, что удовлетворение государственныхъ потребностей, точно также какъ всв частныя сделки, должны были происходить преимущественно на почвъ хозяйства натуральнаго. Земля была единственнымъ источникомъ экономическаго господства. Центральная власть королей и германскихъ императоровъ опиралась на большее или меньшее пространство ихъ отчины и частнаго владенія, и въ малой лишь степени на обширность территорія, имъ юридически подвластной. Это самое придавало классу землевладальцевъ его преобладающее политическое значеніе. Но и тутъ недостатокъ денегъ даже у крупныхъ феодаловъ принуждалъ ихъ устанавливать свои договорныя отношенія къ лицамъ оть нихъ зависъвшимъ, на почвъ отношеній поземельныхъ. Способомъ уплаты министеріаламъ за ихъ службу служила раздача земель. Во всей За. падной Европъ распространяется бенефиціальный договоръ Изъ среды владальцевъ леновъ обособляются при этомъ тв. которые могуть выставить вооруженныхъ всадниковъ, давая этимъ самымъ начало новымъ пріемамъ организаціи военныхъ силъ. Побъда въ битвахъ начинаетъ обусловливаться не только числомъ воиновъ, которыхъ можетъ выставить тотъ или другой землевладелецъ для своего суверена, но числомъ хорошо вооруженной и привычной къ военному дълу конницы рыцарей, получающихъ, какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ массъ, особенное достоинство. Эти рицари выдъляются въ особенное почетное сословіе, при чемъ ихъ происхожденіе изъ свободныхъ, полусвободныхъ или даже крѣпостныхъ теряетъ свое значеніе предъ общимъ для всѣхъ ихъ идеаломъ нравственнымъ и культурнымъ, надъ которымъ трудится эстетическая мысль среднихъ вѣковъ. И договоръ о владѣніи землею, въ связи съ военною обязанностью, требующею все болѣе сложное подготовленіе рыцаря и его дрессировку, принимаетъ особый характеръ, связывающій высшаго суверена съ непосредственно ему подчиненными сюзеренами-перами, отъ которыхъ внизъ идетъ длинный рядъвысшихъ вассаловъ, подвассаловъ, до мелкихъ владѣльцевъ рыцарскаго участка.

На сцену исторіи выступаеть, какъ особенная формасредневъковый феодализмъ, для котсраго историку мысли приходится искать источниковъ среди трехъ основныхъ элементовъ средневъковой культуры. Всв элементы феодальнаю строя стремятся отвоевать себ' возможно большую политическую независимость, возможно-широкія юридическія и финансовыя права, закрыпляя ихъ формальнымъ договоромъ: феодалы всвхъ низшихъ ступеней стремятся устранить свою зависимость отъ феодаловъ высшихъ ступеней, подчиняясь все болъе непосредственно лишь суверену-королю или императору-и довести формы этого подчиненія до минимума; высшій слой феодаловъ - герцоги, маркизы, графы, бароны - стараются, напротивъ, удержать эту іерархію и отвоевать себв суверенитеть по отношенію къ своимъ вассаламъ или, въ нѣкото рыхъ странахъ, пріобръсти для собранія крупныхъ феодаловъ страны то положение необходимаго органа законодательства и управленія, которое наиболье удовлетворяло бы традиціонному представленію о «равныхъ» окружающихъ «перваго» изънихъ, какъ о самостоятельной политической силь. Для этого политическаго строя, для средневпковаю феодализма въ его идеальномъ представлении и въ его частичномъ осуществлени (очень различномъ) въ разныхъ странахъ, историку мысли едва ли можно искать источника въ католическомъ ученіи и тъмъ менъе въ государственномъ и правовомъ преданіи Рима.

Феодальныя отношенія были отношенія чисто реальныя, въ которыя лишь незначительнымъ элементомъ входило мистическое отношение върующаго къ церкви, какъ къ организованной власти сословія или лица, являющагося посредникомъ между паствою и сверхъестественными силами. Сила соціальнаго творчества, создавшаго съть феодализма, охватывавшую общество, начиная императоромъ или королемъ до последняго баронажищника въ его независимомъ замкъ, разбойничьемъ гнъздъ, не полчинялась идей духовной јерархіи, но, напротивъ, втянула въ свою совершенно реальную организацію и епископовъ, и аббатовъ, и киновіальныя общины, группирующіяся въ обширныя федераціи, монашескикъ орденовъ, и самихъ папъ, какъ владальной территоріи. Римскому же юристу съ его ясно опредвленными категоріями полной собственности или ея отсутствія, полной взаимной независимости лицъ или столь же точнаго подчиненія одного изъ нихъ другому, было даже едва мыслимо феодальное неполное право собственности или установленное феодальнымъ договоромъ подчинение даннаго лица въ одномъ отношении, рядомъ съ совершенною независимостью его въ другомъ.

Этотъ новый — по сравнению съ античнымъ и съ церковнымъ-политическій строй имфлъ себф совершенно опредьленнаго предшественника въ далекомъ прошедшемъ, но этотъ прототипъ его лежалъ за предвлами не только понытки римскаго правоваго государства и католической іерархіи общинъ върующихъ; онъ восходилъ къ эпохъ, когда, въ процессъ образованія доисторических в націй и государствь, и, затімь, историческихъ обособленныхъ организмовъ, сдерживаемыхъ механическою силою, шла въ самыхъ различныхъ расахъ борьба индивидуализма мелкихъ центровъ съ стремленіями этихъ самыхъ центровъ сплотиться въ сильныя государства. Этотъ феодализмъ древныйшаго типа историкамъ приходится констатировать въ очень многихъ мъстностяхъ въ борьбъ съ эволюціею централизованныхъ государствъ. Тамъ, гдв онъ одольдъ, страна большею частью вышла изъ ряда историческихъ элементовъ жизни человъческой. Тамъ, гдъ онъ былъ механически подав-

ленъ, наступилъ періодъ обособленныхъ централизованныхъ цивилизацій, не им'ввигій м'вста для народовъ, получившихъ наследство Римской Имперіи и развивавшихся подъ вліяніемъ католицизма. Здъсь, при новыхъ условіяхъ среды, возобновлялся доисторическій споръ о преобладаніи между политическимъ индивидуализмомъ и политической солидарностью частей обширнаго общественнаго комплекса. Средневѣковой феодализмъ едва ли не представлялъ общественную форму, которая могла наилучшимъ образомъ приспособиться и къ традиціямъ варварскихъ народовъ, составлявшихъ почву развитія новой западной Европы, и къ идейнымъ элементамъ католицизма въ средневѣковой культурѣ. Подъ вліяніемъ феодальнаго соперничества между мелкими землевладъльцами и распространенія этого явленія на всь классы средневъковаго общества, семьи этого періода съ большею опредвленностью выступали въ роли элементовъ, подрывавшихъ государство, какъ обширное пълое. Однако въ средневъковомъ феодализмъ можно признать до нъкоторой степени и присутствіе универсалистической тенденціи, такъ какъ онъ выработываль общія формы классовой культуры (рыцарей, горожанъ-патриціевъ, цеховыхъ рабочихъ и т. под.), которыя распространялись изъ одной страны въ другую, независимо отъ государственныхъ и національныхъ границъ, устанавливали большіе для каждаго класса жизненные и эстетическіе идеалы, въ накоторой степени обусловливали и общіе личностямъ разныхъ націй общественныя предпріятія (какъ, наприм'връ, крестовые походы противъ мусульманъ или противъ еретиковъ, торговые союзы городовъ и т. под.). Сч. паденіемъ феодальнаго строя подъ напоромъ централизованныхъ государствъ, политическое соперничество последнихъ и экономическое соперничество буржуазій разныхъ странъ оружіемъ протекціонизма вызвали искуственное усиленіе вражды національностей, характеризующей последніе три века, въ гораздо большей мере, чемъ было до того. Есть, можетъ быть, по этому, основаніе смотрѣть на феодализмъ, какъ на жизненный элементъ средневъковой культуры, заключавшей въ

себѣ, какъ мы видѣли, такое множество противорѣчивыхъ задачъ, грозившихъ ея прочности.

И феодализмъ не былъ, можеть быть, единственнымъ крупнымъ общественнымъ явленіемъ въ тотъ же періодъ, которое приходится возвести не къ церковной или римской традиціи, а къ элементамъ самостоятельной эволюціи европейскихъ варварскихъ народовъ при переходъ ихъ къ жизни исторической, перескакивая чрезъ эпоху обособленныхъ цивилизацій. Такими можно считать въ сравнительно-позднія эцохи среднихъ въковъ появление ивкоторыхъ группъ продуктовъ эстетическаго творчества. Нъсколько цикловъ эпическихъ сказаній (Карла Веинкаго, круглаго стола, скандинавско-немецкихъ сагъ, Беовульфа, скандинавской минологіи, животнаго эпоса Лиса и т. ц.) появляются, какъ продукть совершенно аналогичный великимъ поэтамъ и минологіямъ древности, едва ли сохраняя въ себъ отдельныя и какъ бы случайныя черты не только техъ универсалистическихъ тенденцій государственности и церковности, которыя господствовали въ эпоху ихъ появленія, но даже тогоиндивидуализма, который характеризоваль переходь оть доисторического искусства къ историческому. И эти особенности эстетической формы распространялись и на другія отрасли того же художественнаго творчества, уже по самому своему • предмету указывающія на время своего происхожденія. Въ средневъковыхъ поэмахъ античнаго цикла, въ отрасли поэмъ круглаго стола, относящихся къ Граалю, въ обширной литературъ легендъ о христіанскихъ угодникахъ, а затымъ-въ другой отрасли искусства-въ архитектуръ романской и готической-вовсе не проявляется индивидуальность поэта и сказателя, скульптора многочисленныхъ мадоннъ, точно также какъ составителя многочисленныхъ гимновъ той же мадонив. Предъ нами художественная традиція общественнаго быта, не знающаго ни индивидуалистической поэзіи эпохи Лукреція и Виргилія, ни индивидуалистическаго богословія Августиновъ и Златоустовъ. Въ эпоху такихъ характерно-индивидуалистическихъ личностей въ реальномъ мірѣ, какъ Григорій VII или Фридрихъ II, наканунъ появленія такого индивидуальнаго типа великаго поэта, какъ Данте, предъ нами коллективноя литература и коллективное искусство, источникъ господства которыхъ нътъ ни малъйшаго основанія искать въ антячной традиціи; эта литература вырабатываетъ тины и идеалы ранняго феодала и позднъйшаго рыцаря, совершенно чуждые и даже отчасти враждебные типу угодника и аскета, ныдвинутымъ мистико-универсалистическииъ теченіемъ мысли, имъвщимъ свою ему присущую литературу и свое искусство. А потому здъсь предъ нами иной источникъ; едва ли не всего въроятите его искать въ эволюціи мысли, принесенной въ средневъвовую цивилизацію варварскими народами, и вырабатывавшей свои продукты художественные, рядомъ съ эволюціею другихъ типовъ, унаслъдованныхъ отъ поздней античной цивилизаціи или обусловленныхъ церковными идеалами.

При изучении цикловъ средневъковой поэзіи и продукловъ средневъковаго искусства приходится тщательно различать два ихъ слоя, относящіеся къ двумъ послідовательнымъ фависамъ этой эволюціи. Все сказанное объ отсутствіи индивидуализма въ эстетическомъ творчестві относится къ слою, элементы котораго не заключають еще идеализаціи типа рыцаря съ его высокими требованіями аффективными, нравотвенными и религіозными. Служеніе дамі сердца (немаловажный симптомъ подрыва античнаго семейнаго начала), идеаль мистическихъ цівпей въ світской жизни, искусственная аффективная лирика и переработка грубыхъ фигуръ старинныхъ Gestes и кельтическихъ Мабиногіоновъ въ утонченныхъ хранителей даннаго слова и искателей мистическаго Грааля иміло місто гораздо поздніве и поль вліяніемъ усвоенія нравственныхъ идей уже не церковныхъ, а мірскихъ.

Выработка жизненнаго идеала рыцаря пла параллельно и съ рядомъ культурныхъ измѣненій, обусловленныхъ отчасти экономическими явленіями, отчасти идейными процессами. Трудныя условія натуральнаго хозяйства и недостатокъ девогъ становились съ теченіемъ времени все чувствительнъе одиваково для всѣхъ классовъ общества и потому мыоль нанболже развитыхъ личностей неизбѣжно направлялась на вопросъ: накъ

помочь этому положенію? Въ этомъ направленіи одинаково работала мысль весьма различно поставленных личностей: городской ремесленникт начиналь сознавать, что его умънье приготовлять оружіе для конницы рыцарей ділало его гораздо болье необходимымъ элементомъ общественного строя, чемъ устанавливала это феодальная іерархія, и могло дать ему право на болве значительную общественную роль; рыцарь сближаль безконечныя фантастическія авантюры романовь позднихъ Среднихъ Въковъ съ реальными разсказами о крестоносцахъ, основывавшихъ королевства на дальнемъ Востокъ и грабившихъ Константинополь; смёлый мореходъ Генуи, Каталоніи или Португалін, только что усвонвшій употребленіе компаса, начиналь мечтать о томъ, чтобы пробраться новымъ морскимъ путемъ въ фантастическую Индію стариннаго преданія и новыхъ разсказовъ путешественниковъ, или въ страну Великаго Могола; алхимикъ искалъ философскій камень и элексиръ жизни, какъ источникъ богатства и наслажденій; юристъ, при помощи своего знанія «писаннаго разума», стремился достигнуть вліятельнаго положенія министра крупнаго феодала, короля или императора, что становилось для него все возможные; поднималась въ цвив и работа скромнаго клерика-переписчика, по мърж того, какъ въ средв грамотнаго люда входили въ оборотъ новыя произведенія Аристотеля или его коментаторовъ; ученый еврей видель, что его, какъ искуснаго медика, высоко ценили и приглашали тъ самые сильные міра, которые вчера еще считали чуть ли не богоугоднымъ дъломъ его ограбить, истязать и убить. И эта работа мысли, вызванная жаждой денегь во всвхъ классахъ, которые всв чувствовали въ нихъ недостатокъ, допускала, именно вследствіе противореній средневъковой культуры, самую широкую идеализацію, въ значительной мъръ искреннюю. Рыцарь-крестоносецъ убъждалъ себя, что онъ идетъ не грабить, а защищать гробъ Христа. «Служанкою богословія» должна была быть, по уб'вжденію схоластиковъ-мыслителой, и теософія Іоанна Скотта Эригены, и критика Абеляра и мистика Іоакима ди Фіорэ, точно также какъ тайною наукою была алхимія и астрологія рядомъ съ мели-

пиною. И, подъ вліяніемъ этихъ двойныхъ побужденій, экономическихъ и идейныхъ, происходили характеристическія явленія: возникаль среднев вковой городь; массы искателей богоуголныхъ «авантюръ» шли на далекій Востокъ поль знаменемъ Креста; развивались посл'ядовательные фазисы схоластическаго богословія; рядомъ съ богословіемъ, какъ центры поисковъ истины, которую сладовало знать и внести въ жизнь, вырабатывались университеты юристовъ, а вследъ затемъ обнаруживалось присутствіе удобнаго матеріала для бюрократіи, годной на службу новыхъ политическихъ властей; рядомі съ фантастическими трудами д'Блателей золота, д'Ействительно оказался сдвланнымъ порохъ, разомъ подорвавший военное значение конницы рыцарей; действительно оказалось изобретеннымъ книгопечатаніе, подорвавшее и индустрію переписчиковъ, и необходимость скопленія массъ бродячихъ учениковъ около канедръ знаменитыхъ ученыхъ; оказались созданными денежное и крепитное хозяйство, а съ нимъ выступили на сцену новой исторіи п задачи царства буржуазіи.

Центральнымъ фокусомъ этого движенія, подорвавшаго всё основы средневівковой культуры, оказалась опять-таки не какая либо внішняя сила, не одно изъ тіхъ идейныхъ теченій. которое можно констатировать въ католицизмі или въ римской традиціи, но одинъ изъ самыхъ нормальныхъ и скромныхъ продуктовъ феодальнаго строя. Такимъ центромъ сділался редпеятковой городъ.

Среднев вковой городъ быль соціальнымъ организмомъ, въ значительной м'вр'в отличавшимся отъ города древне-восточнаго и отъ города античныхъ республикъ и тираній. Это не быль лишь бол'ве или мен'ве удобный рынокъ среди пустынь, куда шли издалека караваны, устанавливая сначала торговыя, а потомъ и культурныя связи между вполн'в обособленными и надолго еще прямо враждебными культурами или цивилизаціями. Это не быль и механически-созданный центръ власти фараоновъ того или другого нома, или царей семитовъ, возникавшій или заброшенный всл'ядствіе того, что та или другая династія или національность была поставлена случайностью

военнаго усивха во главъ болъе или менъе общирной страны Это не былъ и органическій центръ власти господствующаго класса землевладъльцевъ и торговцевъ, центръ, которому доброемльно или невольно подчинялись сельскіе жители болъе или менъе общирной территоріи, и самое существованіе и функціонированіе котораго предполагало общирное населеніе невольниковъ около сравнительно незначительнаго числа гражданъ, единственныхъ представителей и политической власти и всъхъ отраслей цивилизаціи.

Средневъковой городъ былъ, прежде всего, въ феодальномъ міръ однимъ изъ элементовъ эволюціи, стремившихся — подобно всъмъ другимъ подобнымъ элементамъ, стоявшимъ рядомъ съ нимъ — отвоевать себъ собственными силами возможно большую независимость, возможно широкія юридическія права. Это была коммуна, связанная внутри договоромъ, и установившая другими договорами свои отношенія, съ одной стороны, къ графу, къ епископу, къ императору, съ другой, къ другимъ городскимъ коммунамъ и сельскимъ маркамъ.

Затвиъ средневъковой городъ былъ преимущественно мвстомъ скопленія свободныхъ землевладельцевъ, ремесленниковъ и торговцевъ, и это свободное отъ крипостной зависимости населеніе противуполагалось кріпостному крестьянству епискоиствъ, аббатствъ, феодальныхъ графствъ и королевскихъ виллъ. Феодальный элементъ этого населенія принужденъ былъ чаще подчиняться городскому договору, чъмъ приспособлять последній къ требованіямъ феодальныхъ отношеній. Городское войско, городской судъ, городское управление выработывались по типу, въ значительной мфрф отличавшемуся отъ того типа, который господствоваль въ подобныхъ же учрежденияхъ на территоріи, подчиненной крупнымъ и медкимъ баронамъ и занятой крепостнымь или полукрепостнымь населениемь. Этидва типа средневъковыхъ общественныхъ организмовъ былино ходу событій, очень смішаны между собою: въ городахъ иныхъ странъ, -- напримъръ въ Италіи, -- замки разныхъ бароновъ находились внутри города, въ другикъ-и еще чащечисто феодальный договоръ подчинялъ городъ, какъ бы кре-

стьянскую общину, графу или епископу; по этому города и феодальные землевладъльцы не могли не входить въ неизовжныя столкновенія. Сословное разділеніе въ городахъ иміло совсемъ иной характеръ, чемъ ісрархическое разделеніе землевладельцевъ на слои высшаго и низшаго дворянства. Въ патриціяхъ и крупныхъ горожанахъ, занимавшихся торговлею и денежными оборотами, выработывались на только отдельныя денежныя силы Фуггеровъ и Медачи, но и классовые экономическіе организмы булущей буржуазін новаго времени. Въ Аисциплинъ цеховъ, созданныхъ потребностью городовъ защищаться отъ феодальныхъ враговъ и скрыплять солидарность городского населенія, организовалась не только світская армія, подобно тому, какъ монашество составляло духовную армію католицизма; но, въ борьбъ цеховъ съ патриціями за участіе въ городскомъ управленіи, подготовлялись демократическія задачи новаго экономического строя въ то самое время, какъ происходилъ захватъ горныхъ промысловъ правительствами и расширеніе предпринимательства по изготовленію тканей (преимущественно еще въ форм'в кустарнаго промысла) опять-таки городскою крупною буржуазіею. Рядомъ съ непрерывными, но безнадежными возстаніями крестьянства, неорганизованнаго и не имѣвшаго возможности организоваться для его «жакерій» и «крестьянскихъ войнъ», феодальному господству землевладальцевъ грозилъ гораздо более опасный врагь въ средневековыхъ городахъ, гдф скоплялись частныя богатства въ рукахъ свътскихъ людей, выработывался государственный кредить и происходили финансовыя комбинаціи, не только не им'ввшія ничего общаго съ основными тенденціями церковной культуры среднихъ въковъ, но непосреественно подготовлявшія культуру свътскую и меркантилистическій взглядъ на деньги, взглядъ, находившійся въ прямомъ противорічіи съ традиціоннымъ отношеніемъ къ этому вопросу католическаго аскетизма, отрицавшаго, какъ грвхъ, проценты при денежномъ займв.

Какъ только въ организаціи средневѣковаго города, съ его переходомъ, во многихъ отношеніяхъ, отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и кредитному, стали вырабатываться центры

новаго типа экономической и политической жизни, и вкоторые изъ этихъ центровъ, находившіеся въ болве благопріятныхъ условіяхъ развитія, сдёлались и центрами интеллектуальными, причемъ на первый планъ выступило ихъ универсалистическое значение на почвъ универсалистического культурного языка, латыни. Возникли университеты, куда сходились тысячи и десятки тысячь полуграмотныхъ слушателей, жаждущихъ интеллектуальнаго развитія, принадлежащихъ самымъ различнымъ народностямъ, чтобы присутствовать при схоластическихъ коментаріяхъ на редкую и немногимъ доступную книгу Аристотеля, или при полемикъ знаменитаго богослова или юриста противъ его соперниковъ. Университеты сделались особенно важными историческими центрами по своему общеобразовательному значенію, въ размірахъ, о которыхъ не могли и мечтать старые монастырскіе центры работы мысли въ Клюни, въ Фульдъ и т. под. Бродячее население этихъ «клериковъ» и «схоластовъ», не имъвшее, въ сущности, ничего общаго съ задачами католическаго ученія, этихъ авторовъ цвлой литературы «голіардовъ», грубой и циничной, употребдявшихъ для сношенія между собою и для своихъ произведеній испорченную латынь, образовало почву для развитія одной части средневъковой интеллигенци, почву, на которой должны были впоследствіи вырости всё могучія и изящныя личности эпохи Возрожденія, всв уединенные въ своемъ ученомъ величіи Коперники и Леонардо да-Винчи, всв энергическіе и неуступчивые борцы за религіозное начало противъ разлагающагося католицизма и противъ растущаго светскаго свободомыслія, вродв Лютеровъ и Кальвиновъ. Города, какъ университетскіе центры, вызывали въ нікоторыхъ містностяхъ и сознательное противуположение буйнаго студенчества, какъ интеллигенцій, стремящейся къ умственному развитію - буржуазін, поглощенной мелкими интересами борьбы за существованіе и за обогащеніе. Они были лабораторіями, гдв вырабатывались сами собою умственныя силы, подрывавшія всё идейныя начала среднев вковой культуры, точно также какъ здвсь вырабатывались силы политическія, прямо враждебныя феодальному строю, и потому самому благопріятныя для централизующей политической власти; наконецъ—силы экономическія, подготовлявшія будущую государственную бюрократію и будущую европейскую буржуазію новаго времени.

Средневѣковые города, въ которыхъ выростала и буржуазія съ ея экономическими задачами, и демократія съ ея политическими идеями о самоуправленіи массъ, не могли не играть крупной роли и въ борьбѣ между началами государства фестальнаго и государства централизованнаго, въ борьбѣ, на которой все болѣе концентрировались политическія задачи второй половины среднихъ вѣковъ.

Именно къ средневъковымъ городамъ и можетъ, повидимому, историкъ мысли возвести всъ теченія, которыя обусловили окончательно въ началъ новаго времени побъду централизованнаго новаго государства надъ феодальнымъ строемъ, не смотря на то, что послъдній могъ, повидимому, гораздо удобнъе приладиться къ основнымъ задачамъ средневъковой культуры.

Въ городахъ развились тѣ денежныя силы, которыя положили основаніе государственному кредиту и сдѣлали возможжнымъ систематическое финансовое управленіе, сразу измѣтившее отношенія между централизованною властью и отдѣльными феодалами, совершенно независимо отъ ихъ юридическихъ правъ и политической роли. Городское эполченіе оргатизовало новую военную силу, предъ которой рыцарской конницѣ пришлось бы спасовать, особенно съ распространеніемъ огнестрѣльнаго оружія и съ измѣненіемъ тактики подъ вліятніемъ артиллеріи, сдѣлавшимъ новые способы организаціи армій и ихъ вооруженіе доступными лишь крупнымъ политическимъ организмамъ. Деньги, какъ признанный «нервъ войны», создали наемныя войска, спеціальную индустрію кондотьери, логически подготовляя необходимость постоянной государственной арміи, чѣмъ нанесли послѣдній ударъ феодализму.

Въ самомъ началъ Среднихъ Въковъ приходится констатировать процессъ подготовленія свътскаго строя мысли въ про-

тивуположность церковному на почвъ усвоенія убъжденія, что лишь въ античномъ-т. е. языческомъ-преданіи можно черцать здоровые элементы работы небогословского знанія и пониманія, и что, поэтому, сама среднев вковая культура нуждается въ посебіи античныхъ пріемовъ разсужденія. Къ Алкуну новые изследователи возводять начало новой европейской схоластики. Система Іоанна Скота Эригена была ближе къ неоплатоникамъ, чемъ къ Августину или Здатоусту. Съ Абеляра средневѣковые мыслители ставили себѣ уже просы о праведной жизни не на основаніи авторитета церкви, а на почвъ логическаго построенія. Точно также, въ средъ вырабатывающейся буржуазіи, новый слой интеллигенціи, подготовлявшей бюрократію позднійшаго періода, рось, рядомъ съ духовенствомъ и соперничая съ нимъ, около первыхъ законодателей варварскихъ «правдъ»; около первыхъ возобновителей древней Имперіи, создавших в переходный фазись средневъковаго права своими капитуляріями; около первыхъ цезарей Священной Германской Имперіи и около королей Фран. ціи и Англіи, боровшихся съ феодалами и съ папами въ силу своего достоинства, будто бы унаследованнаго отъ Соломоновъ и Юстиніановъ. Но, пока эта светская бюрократія и эта будущая буржуазія находились еще въ зародышь, государямь и крупнымъ феодаламъ приходилось, какъ было указано вышеискать элементы нужной имъ интеллигенціи лишь въ средъ духовенства, а торговля и ростовщичество дозволяли скопленіе капиталовъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Въ удобно пом'встившихся городахъ последній процессь приняль бол'ве нормальную форму. Мы говорили выше объ общеобразовательномъ значении средневъковыхъ университетовъ. Теперь приходится обратить внимание на роль, которую они играли въ выработь в сеттекато знанія и пониманія. При ихъ первомъ появленіи западно-европейскіе университеты были и не могли не быть преимущественно богословскими. Но затамъ въ нвкоторыхъ местностяхъ, всяедствіе практическихъ требованій времени, мы видимъ, что факультеты юридические и медицинсвіе принимають тоже характерь уже не профессіональныхъ

школь, а высшихь общеобразовательныхъ центровъ. Въ юридическихъ факультетахъ Италіи, а затемъ и другихъ странъ светская власть нашла себе необходимую политическую и идейную поддержку. Тамъ образовались группы интеллигенціи, которыя, въ своемъ стремленіи къ политической силь, употребили, какъ орудіе, изученіе и систематизированіе, комментированіе и внесеніе въ практику жизни римскаго права какъ «писавнаго разума». Выработывалось, рядомъ съ духовенствомъ, сословіе пристовъ, какъ поддержка централизующейся власти и это уже не въ формъ прямой борьбы за власть, а въ силу идейной борьбы за разумный и справедливый, правовый строй общества; за бол ве цълесообразные пріемы установить тоть самый «божій миръ», который составляль признанную работу католической церкви, а теперь становился одною изъ главныхъ задачъ монарховъ запада съ ихъ юристами, черпавшими свое ученіе изъ пандектовъ самодержавныхъ императоровъ. Во многихъ центрахъ работы мысли въ университетахъ факультеты богословскіе мало по малу уступили юридическимъ. Интересы сословные и интересы политическіе содъйствовали идейному росту отрасли работы мысли, которая была безъ мальйшаго сомнрнія, работою въ области чисто свътской, следовательно враждебной церковному идеалу отреченія оть міра; такъ что юристы, стремившіеся, въ силу своикъ интересовъ, оттёснить духовенство отъ вліянія на политическія діла, иміли возможность при этомъ опираться на этотъ самый аскетическій идеаль, обязательный для монаха,

Но какъ только эта свътская область работы мысли отвоевала себъ право на развитіе въ средневъковомъ міровоззрънін, немедленно предъявила подобныя же права и медицина. Она составляла во всъ періоды жизни человъчества одна изъ главныхъ его заботъ; восходила къ доисторическимъ пріемамъ знахарей и имъла въ своихъ преданіяхъ—уже въ эпоху мысли критической —великіе имена Гиппократовъ и Галеновъ, наименъе вызывавшія недоброжелательство учителей мистической эпохи. Въ силу грозныхъ требованій медицины, къ одрубользни христіанскихъ государей и іерарховъ призывали му-

сульманина и еврея. Она требовала лишь септскаго знанія и практического умінья, игнорируя догматы вірованія, о различіи которыхъ такъ заботилась средневъковая культура. Конечно, для огромнаго большинства средневъковыхъ людей стояла, рядомъ съ этимъ знаніемъ, признанная чудотворная тераневтика обряда и реликвій, восходившая къ доисторическому шаманству; стояли рядомъ и тайныя науки алхимика, искавшаго элексира жизни, астролога, читавшаго въ звиздахъ судьбу отдельных личностей и целых царствъ, наконецъ мага отступника, продавшаго свою душу діаволу. Темъ не менье, въ этомъ комплексв критического знанія, случайного эмпиризма и доисторического колдовства, выработывалась все болве ясно поставленная задача необходимости изучать природу твиъ или другимъ путемъ, интересоваться ея явленіями и законами, и не смотреть на нее исключительно, какъ на міръ искушенія и гръха. Въ этомъ взглядь на вещи заключалась въ зародыше будущая эволюція всехъ точныхъ наукъ съ ея грознымъ значеніемъ для принциповъ среднев вковой культуры. Римское право и медицина выступали какъ традиціонные жизненные элементы античнаго строя въ области пониманія міра и общества; какъ непосредственные соперники праву каноническому, политической роли духовенства какъ таковаго, и какъ враги мистическаго и чудотворнаго знахарства. Юристы, смотр'ввшіе на тексты античнаго міра, какъ на «писанный разумъ», подготовляли перенесеніе на светскую власть того сверхъестественнаго ореола, который, для върующаго ка. толика, окружаль лишь церковь и ея высшаго представителя. Ученики арабскихъ и еврейскихъ врачей въ своей практикъ сглаживали ненависть къ иноверцамъ и вызывали строй мысли, воилотившійся въ знаменательную легенду о «трехъ кольцахъ». Для общей эволюціи мысли въ Западной Европ'в им'вло громадное значение то обстоятельство, что тамъ одновременно, независимо одинъ отъ другого, но при этомъ въ тесномъ психическомъ взаимодействін, шли оба указанные процесса: съ одной стороны критическій протесть противь среднев'іковой культуры въ ен целомъ; съ другой -- рость мысли, искавшей

въ античной традиціи или даже въ непосредственномъ опытъ критическое рѣшеніе вопросовъ о природѣ и объ общественномъ строѣ. Это обстоятельство сдѣлало на Западѣ уже невозможнымъ тотъ типъ общественнаго строя, который перешелъ на Востокѣ отъ Византіи въ Москву, обращая тамъ политическую власть въ обязательнаго сторонника средневѣковой культуры и парализируя въ обществѣ развитіе научной мысли, враждебной этой культурѣ, до того ея застоя, въ какомъ намърисують эту московскую культуру новые критическіе изслѣдователи (Пыпинъ, Дитятинъ, Милюковъ).

Едва-ли можно отридать, что именно та работа мысли въ области творчества общественныхъ формъ, которая принела автоматически въ средвевъковой городской жизни съ ея разнообразными последствіями, превмущественно обусловила теченіе событій, совдавшее новую Европу Но туть предъ историкомъ мысля возникаетъ загадочное обстоятельство, что въ большей части странъ эпоха перехода отъ средневъковаго періода къ новому, была въ то же самое время эпохою упадка самостоятельной жизни городовъ в ихъ окончательнаго разгрома администрацією того самаго централизованнаго государства, господству котораго надъ политическимъ организмомъ церкъв и надъ феодальнымъ строемъ такъ много содъйствовалъ вменно средневъковой городъ съ выработанною имъ интеллингенціею юристовь, схоластовь, светскихъ чиновниковъ, буржуавін, обогащающейся товарною торговлею и денежными оборотами, и т. под. При нынашнемъ состояни историческихъ знаній можно скорфе угадывать чемъ научно утверждать, кокая комбинація силь здоровых: и патологических привела къ тому результату, который констатируеть объективная исторія событій. Можеть быть дозволительны въ этомъ случай следующія соображенія.

Въ течене Среднихъ Въковъ, точно такъ же, какъ и съ самаго начала исторической жизни, главнымъ двигателемъ событій является борьба болъе или менъе сознанныхъ интересовъ, тъмъ болъе, госпедствующая надъ побужденіями другого рода, чъмъ болье терялъ значеніе древній обычай и чъмъ менъе силы обнаруживали идейные мотивы, какъ фантастическіе, такъ и реальные. Многовъковой процессъ зволюціи народовъ въ Средніе Въка обнаруживаль во всъхъ своихъ отрасляхъ подавленіе родового обычая варваровъ, а въ міръ идейномъ растущую враждебность населенія противъ универсалистическаго принциа, выставленнаго католицизмомъ на своемъ звамени. Соперничающіе интересы оставались лицомъ къ лицу. Это были интересы премущественно сословные, такъ какъ, для удобной конкурренціи отдъль-

ныхъ личностей, лишь постепенно выработалясь необходимая легальная и полицейская почва; а болже обширные солидарные организмы, которые могли бы постачить конкурренцію интересовъ на болве широкую почву, представлялись средневаковому интеллигенту едва-ли не исключительно въ форый или церкви, или госудерства, по слабому попонеманью отношеній между личностью в общестномъ. Но за то сословные витересы боролись весьма упорно, вызывая указанное выше 1) образованіе новыхъ сословныхъ дёленій, устраневіе старыхъ и борьбу элементовъ въ средв наличныхъ сословій. Это имело, повидимому, въ значительной мітры мітсто и въ тітх сословіяхь, которыя были созданы условіями городской жизни. Шла борьба вообще между феодалами и городами; котя во многимъ случаяхъ города и феодалы вступали въ полетическія комбинаціи, позволявшія имъ вмаста контролировать центральную государственную власть и даже подчинять ее формамъ политической жизни, въ которыхъоба элемента сохраняли значительное вліяніе, Шла борьба между городомъ, вакъ обособленнымъ элементомъ феодальнаго стрея, и юридическимъ или политическимъ вившательствомъ коронной администраціи и коронныхъ судей; сднако, въ своей борьбъ съ сельсвими землевлядільцами городамь приходилось не разъ прибівтать къ покровительству этой самой администраціи и этихъ самыхъ судей. Къ концу Среднихъ Въковъ все болъе характеристично обособлялось население городовъ, съ его разнообразными отвоеванными имъ феодальными правами и привилегіями, отъ сельскаго населенія, все боліс безцеременно эксплуатируемаго, по мірів растущей нужды въ деньгахъ, в землевладъльцами-феодалами, и коронными чиновниками, и первыми предпривимателями крупныхъ горныхъ работъ и изготовленія тваней; и это обособление не позволяло городскому васелению-гордому своимъ превосходствомъ надъ престыянскимъ-сколько-нибудь ясно видъть общность интересовъ всего рабочаго населени страны въ борьбъ противъ его эксплуататоровъ. И внутри городовъ первыя опреділенныя формы борьбы экономической между классами обнаруживались въ соперничествъ городского патриціата съ массою рабочихъ, въ сопервичествъ цеховъ, строго ограничивавшихъ свой кругь техничесвихъ работъ отъ цеховъ соседнихъ. Въ университетскихъ городахъ вырябатывалось соперничество, указанное выше 2) между особо организованною буйною ителлигенцією «схоластовь», считавшихь себи представателями умственнаго достоинства, и буржуазною интеллигенціею, для воторой всв интересы сводились на расширеніе торговыхъ сношеній, на безопасность рынковъ; и, при этомъ сопервичествъ, невависимыя юрисдивціи университета и города слишкомъ часто обра-

¹⁾ См. стр. 201 и слъд.

²⁾ См. стр. 215.

щались ит органамъ центральной власти, которая, конечно, вольжовалась всявимъ удобнымъ случаемъ, особенно же крупными безпорядвами на улицахъ, для подчинения себъ какъ того, такъ и другого элемента, сохраняниаго болте или менъе свою автономию.

При подобныхъ условіяхъ, предъ историкомъ мысли возвиваетъ почти неизбъежно вопросъ о возможности иного исхода развитія фесдальнаго строя въ Европъ вообще, если бы предразсудочно-идейное представление о томъ, что достоинство сословий завлючается въ ихъ раздъльности, уступило въ бодће значительной мере ясному пониманію ихъ общихъ интересовь въ борьбе сь ихъ главвымъ противвикомъ. И вкоторые отдельные факты или даже общій ходъ исторія накоторыхъ стравъ (напримеръ, Англін) показывають позможность совокупнаго-и даже примъры удачного совокупнаго политическаго дъйствія феодальныхъ вледельцевъ и старыхъ городовъ. Вь другихъ странахъ мы наблюдаемъ одновременное движение въ городахъ и въ селахъ (ванъ во Франціи въ среднив XIV вака) чли даже, въ нимхъ случаяхъ, примо согласное довжені въ той и въ другой средв (какъ въ Англін въ последней четвер и того же века). Здесь, казалось бы, совершенно ясно обнаруживалась возможность союза этихъ движевій для общаго политического и экономического переустройства, которое расширило бы сословное участіе въ параяментахъ, въ собраніи государственныхъ штатовъ и въ кортесахъ. Не было, казвлось, основательной причины и тому, чтобъ интеллигенція средневъковыхъ университет въ (находиншихся нъ живыхъ сношеніяхъ между собою) не стала во главъ буржувани городовъ съ ея стремлениемъ въ витономия внося примирительный элементь въ борьбу клиссовь и придавая всему городскому движенію болье интеллектувльный характерь. Если бы эти возможности осуществились, то періодъ, следовавшій за попыткою создать средвевъковую церковную культуру, имъль бы совершенно другой характеръ. Иныя особенности выказала бы переходная эпоха канува новой свътской цивилизаніи. Эпизодъ иного характера заміжниль бы экоху «короля солнца», его подражателей и прислужниковъ въ мірів эстетической и объединяющей мысли, а также послідующую затвиъ эпоху деспотовъ просивгителей и всесильныхъминистровъ-реформаторовъ съ ихъ цивилизующею бюрократіею. При иныхъ условіяхъ поставлень быль бы какъ вопросъ о самоуправленія народовъ, такъ п вопрось о подчинении интересовъ подитическихъ интересамъ экономическимъ господствующаго меньшинства или рабочихъ массъ. Изученіе этихъ неосуществившихся, котя повидимому, дийствительных возможностей можеть представить не мало интереса для историка мысли, какъ понимание ся эволюція въ нормальныхъ и въ ратологическихъ явленіяхъ последней. Многое въ эгомъ изученім было бы обусловлено

личнымъ развитіемъ меторика, но отвергать научиость подобныхъ соображеній една-ли справеддиво.

Каковы ни были бы возможности того или другого хода событий въ этотъ періодъ и что ни следуетъ признать здесь заявленія патологическія или здоровыя, но реальный ходъ событий, въ томъ виде, въ какомъ историкъ мысли констатируетъ перспективу этихъ событій, руководясь признаваемою имъ ихъ относительною важностью, можетъ представляться этому историку, повидимому, въ следующей общей комбинаціи.

Прежде всего періодъ попытки создать новую церковную культуру есть въ то же самое время періодъ формированія новыхъ европейскихъ національностей. Это-процессъ антропологическій, а не историческій, такъ какъ было бы едва-ли позволительною натяжкою видеть въ немъ какой-либо следъ наслажденія развитіемъ и потребности въ последнемъ. Предоставляя антропологіи или психологіи коллективностей искать разгадки этому любопытному процесссу (уже гораздо болве сложному, чемъ процессъ объединенія доисторическихъ національностей) историкъ мысли лишь констатируетъ, что обособленіе новыхъ европейскихъ національностей совершились въ продолжени періода Среднихъ Въковъ. Оно предстевляется, при ихъ началь, при подсудности отдельныхъ личностей, живнихъ въ одной странъ, различнымъ кодексамъ и «правдамъ». лишь въ зародышной формв, такъ какъ тутъ два племени одинаковаго германскаго происхожденія отличаются одно отъ · другого пунктами своихъ правдъ, тогда какъ всѣ члены церкви подлежать праву каноническому въ его раннихъ фазисахъ, и всв семьи вчерашнихъ гражданъ Римской Имперіи ссылаются на право римское, независимо отъ своего происхожденія. Сознаніе единства національностей німецкой, итальянской, фран. цузской едва-ли допустимо въ эпоху первыхъ кароливговъ, Но оно есть уже совершившійся факть въ эпоху Данте-Жанны д'Аркъ, Виклифа и Гуса, при чемъ фактъ, доставляющій антропологическую подкладку для объясненія многаго изъ того разнообразія, которое историкъ мысли замічаеть въ главнышихъ упомянутыхъ при этомъ историческихъ процессахъ

періода: въ формахъ, которыя получаетъ феодализмъ и городская жизнь; въ элементахъ, которые подготовляютъ побъду централизованной политической власти; наконецъ въ тъхъ пріемахъ, которые обнаруживаются на исторической сценъ съ большею или меньшею опредъленностью въ борьоб противъ основъ католической культуры тъхъ самыхъ силъ, которыя на первый взглядъ, служатъ орудіемъ установленія этой культуры.

Въ процессъ этой борьбы, охватывающемъ въ своихъ какъ сознательныхъ, такъ и безсознательныхъ проявленіяхъ, весь средневѣковой періодъ, историкъ мысли не можетъ не остановиться на той роли, которую играли-указанные выше-монашескіе ордена и университеты. Подобною же иллюстрацією этого процесса можно считать движение крестоносцевъ, охватившее всв западные европейскіе народы подъ маскою идейной борьбы воиновъ католицизма противъ мусульманъ на Востокъ и на Пиренейскомъ полуостровь, противъ язычниковъ Пруссіи, противъ еретиковъ Прованса, противъ православной Византіи. Насколько была слаба церковная идейная подкладка этого движенія, съ виду столь характеристичнаго именно въ этомъ направленіи, приходится констатировать уже по томУ обстоятельству, что въ самый разгаръ движенія крестоносцевъ происходила попытка последнихъ Гогенштауфеновъ основать государство чисто светское, какъ его характеризують новые изследователи. На сколько въ томъ же направлении происходить работа теоретической мысли при всемъ ея заявленномъ стремленіи обратить всякое знаніе и пониманіе въ служебный элементь богословія, видно хотя бы изь следующихъ фактовъ. Вся средневъковая схоластика, по самому своему существу, была попыткою оправдать и поддержать путемъ разума тъ догматы и то ученіе о праведной жизни, которое поддерживалось авторитетомъ церкви, какъ божественное откровеніе; между тъмъ въ послъднюю средневъковую эпоху все болъе опредъленно устанавливается убъжденіе, что міръ разума и міръ откровенія-два міра, требующіе совершенно различныхъ пріемовъ мышленія и аффективнаго состоянія; а тімъ самымъ

подготовляется, рядомъ съ авторитетомъ церкви, независимый отъ нея авторитетъ науки. Этому направленію мысли содійствуеть и накопленіе фактическихъ значій, отчасти непроизвольное, но, тъмъ не менъе, не позволяющее интеллигенту ХУ-го въка оставаться на той ступени мысли, на которой стояль его предшественникъ въ началь Среднихъ Въковъ. Въ представленіях о мірт средневтковый человткь могь оть эпохи «Христіанской топографіи» Козьмы Индикоплова перейти къ той работв мысли, которая подготовила книгу Коперника. Точно также, на почвъ того отношенія къ иновърцамъ или еретикамъ, которое предполагало безусловное осуждение ихъ въ этомъ мірѣ и въ будущемъ, подготовилось то настроеніе, которое поставило въ нравственномъ идеалъ праведнаго человъка новаго времени на первое мъсто терпимость, т. е. одинаковое общечеловъческое отношение къ тому, чьи върования были проповъдью единой и безусловной истины, и къ тому, кто, въ силу върованія въ эту же самую истину, быль обречень на въчныя мученія.

Къ концу Среднихъ Въковъ историку мысли приходится признать, что этой мысли уже невозможно работать въ направленіи среднев' вковой культуры; и въ то же время ему бросается въ глаза все растущая вражда между общественными элементами, выработанными въ процессъ развитія феодализма. Онъ оказывается теперь трудно-одолимою помъхою совм'ястного сознательного д'яствія этих элементовъ для устройства новаго здороваго общественнаго строя. Кое гдв именно въ Англіи, въ Испаніи, въ Скандинавіи, въ Швейцаріи, и т. под. — оказываются болье или менье удачныя попытки въ этомъ направленіи, но, большею частью, нельзя не заметить и въ католицизме, какъ политическомъ организме, и въ прежней традиціи власти «перваго между равными» отсутствіе достаточной силы, чтобы отстоять себя противъ болже выгоднаго политическаго положенія, занятаго элементомъ централизованной свътской власти. Она и воспользовалась этимъ положеніемъ. Однако, прежде ея окончательнаго торжества, западно-европейскому міру пришлось пережить особую Задачи повиманія исторіи. 15

переходную эпоху. Она была обусловлена широкимъ распространеніемъ возмущенія противъ формъ средневѣковой культуры въ томъ видѣ, въ какомъ эта культура представлялась въ XIV и XV вѣкахъ. Тогда всѣ бродячія силы средневѣковаго общества, не сдержанныя уже ни господствующимъ обычаемъ, ни господствующимъ идейнымъ теченіемъ, должны были, благодаря совпаденію нѣкоторыхъ случайныхъ явленій среды, развернуть предъ историкомъ мысли рядъ событій эпохи Кануна повой цивилизаціи, эпохи, которая, съ одной стороны, обнаружила существованіе въ обществѣ силъ, неожиданныхъ и по своей формѣ и по своей энергіи, а, съ другой, путемъ комбинаціи этихъ силъ, дала совершенно опредѣленное направленіе новой европейской цивилизаціи.

Для надлежащаго пониманія эволюція мысли и живни въ средніе въка историку ихъ една-ли не несьма полезно, рядомъ съ изученіемъ нормальнаго хода этой эволюціи въ главныхъ центрахъ ея, обратить внимание и на тъ національности, въ которыхъ эта эволюція представдяеть характеристическое отступление и твиъ самымъ, можеть быть, уясняеть роль того или другого общественнаго элеменга въ здоровыхъ и бользненныхъ общественныхъ процессахъ. Такъ поучительно изученіе роли и судьбы евресва въ Средніе Вака: они представляють націю, такъ прочно связавшую свое существованіе съ типомъ різжо обособленной культуры, что для развитого еврея оказалось невозможнымъ усвоить универсалистическое стремленіе и общечеловіческія вадачи иначе, какъ въ формъ отреченія отъ своей національности. Поучительно изучение Московского царства, которое чуть-ли не такъ же крѣпко связало свое существованіе съ перковною культурою византійскаго типа, пытаясь не допустить въ своей средъ той эволюція мысли жизни, которая на Западъ Европы подготовила новую цивилизацію путемъ подрыва средневѣкового строя: результатомъ оказалась, во-первыхъ, атрофія вритической мысли; во-вторыхъ, возможность войти въ эволюцію общечеловіческой цивилизаціи лишь совершая, во вижшности культуры, ржшительный разрывъ съ прошлымъ; и внесеніе въ національную эволюцію русскаго народа такой доли заимствованій изъ чужой мысли и жизни, которая и до сихъ поръ остается чрезмърною для самостоятельности и для политической иниціативы русской интеллигенціи. Поучительно изученіе судебъ Польши, эволюція которой оказалась, при блестящихъ явленіяхъ творчества общественных формъ, обусловленною темъ печальнымъ обстоятельствомъ, что національная городская жизнь здёсь не развилась, а крестьянство

оказалось предметомь эксплуатація шляхетской сеймикократін, нъсволько напоминая античное отношение демоса свободныхъ гражданъ къ неспободному населенію.- Но витересно изучить причины разницы энолюція и въ странахъ, отступавшихъ не столь далеко оть пормальнаго процесса эволюціи Западной Европы. Интересно сравнять судьбу англійскихъ парламентовъ съ испанскими кортесами, гдв участіе городовъ въ политической жизни произошло ранье, было не менъе значительно, а договоръ феодиловъ съ центральною властью установилъ чуть-ли не большую степень самостоятельности пер ыхъ, что не помфшьло кортесамъ оказаться безсильными въ борьбъ съ вентральною влястью, какъ только эта носледняя, въ конце Среднихъ Вековъ, серьезно приступила въ утвержденію своего господства. Можеть быть не лишена въроятности гипотеза, что разница судебъ этихъ двухъ странъ быда обусловлена темъ обстоятельствомъ, что въ Испаніи борьба съ маврами уврінила идейное господство ватолицизма, такъ что ни въ одной странъ Европы борьба противъ церковной культуры не проявлялась слаже, чемъ на Пиринейскомъ полуостроив; тогда какъ борьба противъ этого идейнаго господства нигдъ, можетъ быть, не проявлялась такъ опредъленно, какъ въ Англів, начиная съ эпожи Геяриха II и Ооны Бенета, переходя къ оппозиціи феодаловъ следующаго покольнія противъ Іозива Безземельнаго, готоваго слалаться вассаломъ пагы, и кончая ломардами и Виклифомъ, въ духовному потомству которыхъ можно отнести и таборито в Чехін и реформатор въ XVI в. Повидимому, въ странахъ, где центральная власть могла въ вонцу С еднихъ Въковъ вступать въ союзъ съ перковнымъ организмомъ, еще не подорваннымъ энергическою оппозицією, органы містной политической и юридической автономіи оказались безсильными бороться съ союзомъ этихъ двухъ силъ. - Любопытно оценить и вліяніе на политическую энолюцію скандинавскихъ странъ той роли, которую съ самаго начала этой эволюціи играло въ ней крестьянство.

Подобно другимъ переходнымъ эпохамъ исторіи мысли, эпоха Кануна новой свытской цивилизаціи представляєть историку какъ общія такъ и своеобразныя затрудненія. Не говоря уже о томъ, что исторіографическая литература далеко не пришла еще къ соглашенію относительно точки дѣленія между средневѣковою и новою исторією, но, въ самомъ ходѣ событій, съ перваго же взгляда, мы констатируемъ нѣсколько параллельныхъ рядовъ ихъ; каждый изъ этихъ рядовъ представляєть какъ бы особую эволюцію; но ихъ одновременность вызываеть сомнѣніе относительно того, на сколько можно ихъ

понять въ ихъ соціологической обособленности, или слідуетть доискиваться ихъ взаимодійствія. А при этомъ приходится еще рішать вопросъ: который изъ этихъ рядовъ, по его важности для исторіи мысли и по своему вліянію на другіе ряды событій, доженъ привлекать особенное вниманіе историка?

Едва ли не всего правильные допустить, что точно также, какъ въ переходную эпоху вступленія кратической мысли въ исторію, приходилось историку мысли устанавливать отношеніе между эволюцією нравственных убъжденій, постановкою универсалистическихъ задачъ и усвоеніемъ научно философскихъ методовъ мышленія 1), такъ и здісь тотъ же историкъ принужденъ констатировать нісколько процессовъ фактически обособленныхъ, но психологически и соціологически зависимыхъ одинъ отъ другого.

Это, во первыхъ, эволюція гуманизма: ея корни идутъ глубоко въ первыя же эпохи Среднихъ Вѣковъ; она переходитъ при этомъ чрезъ разнообразные фазисы отношеній къ средневѣковой культурѣ; но окончательно въ XV-мъ вѣкѣ она выступаетъ какъ особенная идейная сила, прямо-враждебная этой культурѣ и, какъ разъ въ это время, получаетъ отъ истори ческихъ судебъ техники себѣ въ подарокъ огромное пособіе въ формѣ книгопечатанія; она тогда вырабатываетъ особенное идейное сословіе свѣтскихъ литераторовъ, художниковъ и ученыхъ, сознательно и безсознательно строющихъ республику литературы, искусства и науки, которую вскорѣ признаютъ, какъ полезнаго союзника, представители завтрашней политически-преобладающей силы, свѣтской централизованной власти.

Это, во вторыхъ, почти одновременное закрытіе, вслідствіе вторженія турокъ, прежнихъ боліве удобныхъ путей для тортовли съ Востокомъ и открытіе какъ бы новаго географическаго міра: діло шло не только о новыхъ морскихъ путяхъ на Востокъ около Африки, но и о расширеніи чуть ли не вдвое территоріи извістной земной поверхности; это была, для смізлыхъ авантюристовъ, новая обширная почва для личной, са-

¹⁾ См. стр. 169 и след.

мой безцеремонной конкурренціи и эксплуатаціи; для правительствъ-почва для новой отрасли государственной діятельности въ формъ забытой со временъ финикіянъ и древнихъ грековъ колоніальной политики; для ученыхъ-могучее побужденіе изучать путемъ мичнаго наблюденія, личнаго опыта и самостоятельной индукціи цізлый новый міръ вещей и людей. въ то же самое время, когда мысль этихъ самыхъ ученыхъ завоевала представление о дъйствительной формъ солнечной системы; пробудившись къ сознанію своей самостоятельности, эта научная мысль во всвуъ областяхъ изследованій стремилась теперь къ открытію точныхъ истинъ съ такимъ же бла. гоговъніемъ передъ этими истинами и съ такою же фанатическою нетериимостью къ теоретической лжи или къ неточному пріему мысли въ геометріи, съ какими средневъковые богословы относились къ догмату съ одной стороны, къ ересисъ другой: это было жизненное наследство процесса патологическаго, перешедшаго въ процессъ здоровый.

Это, въ третьихъ, какъ бы въ прямой противоположности съ обоими только что указанными теченіями (съ возвращеніемъ къ раціональнымъ пріемамъ мышленія античной критики по постановкою новыхъ научныхъ задачъ прямого наблюденія и опыта) патологическое возрожденіе самыхъ характеристическихъ явленій доисторическаго анимизма и колдовства въ формъ демонологическихъ теорій, возмутительной эпидеміи процессовъ колдуній, распространенія астрологическихъ и алхимическихъ фантазій на столько значительное, что трудно указать въ рядахъ самыхъ замѣчательныхъ ученыхъ и мыслителей такихъ, которые не были бы въ большей или меньшей мърѣ затронуты этимъ фантастическикъ теченіемъ мысли.

Это, въ четвертыхъ, въ области эстетическаго творчества, эпоха, когда задача художественной правды была поставлена наиболье опредъленно со времени древней Греціи; когда въ первыхъ рядахъ художниковъ стояли люди, которымъ наше время удивляется и какъ представителямъ научной мысли, когда безобразную латынь схоластиковъ смънила новая, изы сканная латынь цицероніанцевъ и Эразмовъ; сила эстетиче

скаго теченія мысли въ эту эпоху проявляется еще въ другой знаменательной комбинаціи событій: вся вліятельная часть интеллигенціи эпохи Возрожденія преклоняется предъ античнымъ міромъ, какъ неподражаемымъ образцомъ; въ связи съ этимъ поклоненіемъ, въ литературѣ, въ искусствѣ и въ формахъ увеселеній, все рѣзче обособляется слой продуктовъ, имѣющихъ въ виду господствующіе классы, отъ другого слоя продуктовъ этихъ областей мысли, назначенныхъ для массъ: но въ это же самое время, какъ бы въ противодѣйствіе этимъ двумъ характеристическимъ для эпохи явленіямъ, въ большей части западво-европейскихъ странъ расцвѣтаетъ изящная литература на народныхъ языкахъ, эстетическое могущество которой не было превзойдено ни прежде ни послѣ.

Для значительнаго числа историковъ этого времени всъ только что указанные ряды событій отступаютъ на второй планъ предъ тъми авленіями, которыя побуждаютъ этихъ мыслителей придавать разсматриваемой эпохъ всего охотнъе названіе эпохи реформаціи; здъсь окончательно разбилось религіозное единство западной Европы; народы ея противуполагались другъ другу не только въ силу разницы ихъ національностей и политическаго соперничества, но и въ силу ихъ религіозныхъ исповъданій.

Однако и это не исчернываеть отдёльные ряды событій, нагроможденные въ разсматриваемую переходную эпоху. Она имѣла большое значеніе какъ въ области измѣненія реальныхъ политическихъ формъ, такъ и въ теоретической обработкѣ вопросовъ политическихъ и соціальныхъ вообще. Въ это самое время осуществились всѣ условія, которыя дали возможность централизованнымъ государственнымъ силамъ получить политическое господство надъ попытками автономіи мѣстныхъ центровъ, при значительномъ разнообразіи подготовляемыхъ государственныхъ формъ: въ одномъ случаѣ мы наблюдаемъ абсолютизмъ Филиппа II, Ришелье или Людовика XIV. Въ другомъ предъ нами парламентская монархія Англіи съ ея своеобразною комбинацією государственныхъ силъ, не помѣшавшею имѣть мѣсто ни республикѣ Кромвеля, ни двукратному низвержению Стюартовъ, но позволившею Англіи сравнительно-спокойно пережить эти катастрофы; въ третьемъ, въ Германіи, совершается переходъ отъ феодализма къ политическому хаосу сравнительно небольшихъ, но политически совершенно самостоятельныхъ самодержавій подъ фиктивнымъ единствомъ Священной Имперіи; этотъ хаосъ подготовиль ужасы 30-льтней войны и умственную отсталость страны: историческая жизнь проснулась тамъ лишь подъ вліяніемъ непоб'єдимаго обще-европейскаго политическаго и умственнаго теченія позднійшей эпохи. Едва ли не этотъ самый процессъ творчества новыхъ политическихъ формъ, обобщенныхъ одною особенностью — господствомъ государственнаго элемента надъ всеми остальнымивызываеть въ разсматриваемую переходную эпоху усиленную работу мысли, направленной на общественные вопросы. Эта область привлекаетъ внимание поэтовъ, богослововъ, мыслителей, политическихъ дъятелей и утопистовъ. Макіавелли создаеть теоретическій типь государя, строго-логически воплощая въ него представление о борьбъ сознанныхъ интересовъ какъ объ исключительномъ двигателъ исторической жизни, согласно тому фактическому преобладанію этого двигателя въ исторіи, которое им'яло м'ясто въ періодъ обособленныхъ государствъ. Появляется демагогическая литература лиги. Варооломеевская ночь вызываеть рядь политических памфлетовъ-Ла Боэти нишеть «Добровольное рабство». Можно констатировать проявление понятій о государственномъ договоръ, абсолютизмъ и народовластіе имѣютъ своихъ теоретиковъ; предъ нами зародыши государствовъдънія, естественнаго права; возникла на почвъ классовой борьбы утонія царства общаго труда. Накопляются элементы того, что должно было въ позднъйшую эпоху составить задачи соціологіи. На смъну церковной интеллигенціи выступаеть интеллигенція свътская. Она въ свою очередь, стремится къ творчеству новыхъ общественныхъ формъ, и при этомъ переносить на политические, экономическіе и культурные идеалы правоваго государства и раціональнаго общественнаго строя тоть самый мистическій фанатизмъ, который быль унаследовань этими строителями светскаго и реальнаго будущаго отъ религіозныхъ фанатиковъ предъидущаго періода, стремившихся утвердить на землів царство Божіе путемъ аскетизма отшельниковъ или арміи монаховъ, подчиняя всів индивидуальныя и коллективныя силы человіка власти непогрышимой церкви.

Еще въ началь нашего въка охотно начинали исторію новаго временя взятіемъ Константинополя турками, что было удобно и какъ чисто вившній, легко констатируемый факть, и какъ аналогія съ паденісмъ западной Римской Имперіи, которое связываюсь съ личностью Августула. Были попытки признать точкою деленія отврытіе Америки Уже гораздо чаще, особенно въ намецкой литература, встрачаемъ годъ выступленія Люгера протявъ папы, какъ эпоху начала «новой исторія».-Можеть быть въ немногихъстучаяхъ определенные, чемъ здесь обнаруживается вліяніе субъективнаго элемента-именно личнаго развитія историка-на пониманіе исторіи, именно на рѣшеніе вопроса, что въ этомъ комплексв важные для эволюціи мысли. Едва-ли представляется необходимость остановиться здёсь на всёхъ попыткахъ установить эту точку деленія. Но важиве другихъ, можеть быть, вопрось объ отнесенія реформаціоннаго движенія въ Новой Исторіи мли къ Среднимъ Въкамъ. Съ точки зрвнія, здесь принятой, всего взживе, что подготовлявшаяся въ эту эпоку новая цивилизація, во всехъ ея фазисахъ и проявленіяхъ, есть цивилизація соътская; следовательно, по_ нытка придать въ теченіи событій преоблатаніе вопросамъ испов'внымъ, можеть счигалься лишь переживаніемь болье ранняго строя мысли. Въ такомъ случав реформація не можеть считаться начемъ инымъ, какъ последнимъ проявлениемъ стремления создать прочную церковную культуру, хотя бы уже не католическую. Объективнымъ аргументомь въ пользу недостатка жизненности въ этой попыткъ можно признать то обстоятельство, что уже вслёдь за смертью Лютера и Кальвина, богословская лигература протестантизма обратилясь въ схоластику новой формація. - Однако, едва-ли было бы раціонально относить всв теченія XV-XVI-го въковъ къ Среднимъ В вкамъ, отъ которыхъ они отличаются гораздо больше, чемъ отъ теченія исторіи новой мысли, если начать эту исторію съ Галилея, Монтона и Гобяв. Справедин ве, можеть быть, образовать изъ всей совокупности указанныхъ рядовъ событій особую эпоху Кануна новой свытской цивилизаціи.

Объединение различныхъ только что указанныхъ рядовъ историческихъ фактовъ представляется намъ прежде всего въ области процессовъ индивидуальной исихологіи. Новъйшіе изслъ-

дователи эпохи Возрожденія все боле приходять къ признанію энергическаго полъема индивидуализма, какъ характеристической особенности этой эпохи. Во всёхъ областяхъ мысли устраняется сознательное подчинение обычаю, моль и традиціонному авторитету. Но еще никакое болье или менье опредъленно-установившееся міросозерцаніе не выступило взамънъ разбитаго идеала средневаковой церковной культуры. Личность ничемъ не связана въ настоящемъ и ничто не мешаетъ ей искать лучшаю на всевозможныхъ путяхъ работы мысли. Она и ищеть это лучшее повсюду индивидуальнымъ усиліемъ. «Я не могу иначе», говорить на соборъ одинокій монахъ, и его индивидуальная энергія находить себ'в поддержку въ сотн'я экономическихъ и политическихъ интересовъ, которымъ недоставало лишь энергической личности для того, чтобы сдвлаться историческою силою. Съ такою же энергіею личной иниціативы другой монахъ создаеть сознательно-тенденціозную католическую педагогію, систему педагогических внушеній, и іезунты ділаются учителями государей, двигателями европейской политики, самымъ опаснымъ врагомъ свътской цивализаціи въ то самое время, когда католицизмъ послѣ Тридентинскаго собора отказывается отъ своей средневъковой задачи создать прочную цивилизацію, способную къ развитію. Еще прежде личная энергія нісколькихъ папъ пытается внести въ жизнь католицизма тоть эстетическій элементь свободнаго художественнаго и литературнаго творчества, который казался вредною сустою или даже грахомъ для средневаковыхъ аскетовъ. Цёлый рядъ энергическихъ и безцеремонныхъ индивидуальностей на престолахъ Франціи, Англіи, Аррагоніи, особенно же во главъ разныхъ мелкихъ владъній Италіи, создають фактически власть, въ утверждении которой трудно сказать, какая доля успъха принадлежить автоматическому или логическому детерминизму последовательности событій, и какая — индивидуальнымъ качествамъ личностей, съумъвшихъ воспользоваться комбинаціями борющихся около нея интересовъ: трудно это отчасти и потому, что, рядомъ съ ихъ практическою борьбою за власть, эта же эпоха создавала

теоретическое оправдание самыхъ безперемонныхъ формъ этой борьбы, вырабатывая будущія политическія и экономическія теоріи. Въ другой сферѣ мы встрѣчаемъ сперва дерзкую личную иниціативу открывателей новыхъ частей світа; затімъ столь же энергическія и еще болье безцеремонныя личности конквистадоровъ новаго міра, истребителей и поработителей цалыхъ народовъ. Личная иниціатива уединенныхъ литераторовъ, поэтовъ, ученыхъ, инженеровъ выдвигаетъ людей, не имъющихъ, повидимому, прочной опоры ни въ одной изъ историческихъ силъ эпохи, на историческое положение, причемъ первостепенный живописецъ обнаруживаетъ предъ потомствомъ геній первокласснаго ученаго, очень мало извістнаго его современникамъ въ этомъ отношении; гончаръ оказывается предшественникомъ поздитимихъ геологовъ; но въ то же самое время ученый математикъ ищетъ общенія съ демоническимъ міромъ; защитникъ широкой религіозной тернимости отстаиваетъ процессы колдуній; великій астрономъ пишетъ астрологическія руководства. Въ попыткахъ новыхъ міросозерцаній мы встрівчаемъ особенно много противниковъ Аристотеля, на котораго смотрять какъ на главнаго представителя средневѣковаго мышленія; однако, существують и его сторонники, хотя дёло идеть уже теперь не о его безусловномъ авторитетъ, а тъмъ менъе объ авторитетъ его комментаторовъ, аверроистовъ и александристовъ. Наиболе характерно то обстоятельство что и платоники и последователи стоиковъ или эпикурейцевъ главнымъ образомъ стараются изъ всего этого античнаго-или даже схоластическаго-матеріала выработать, каждый, свое особое, индивидуальное міросозерцаніе, причемъ въ самыхъ крупныхъ представителяхъ философскаго движенія исторіи мысли констатируется см'вшеніе очень разнообразныхъ элементовъ, или даже характеристическое стремленіе слить пріемы философско-метафизическаго и поэтическаго творчества (напр. у Джіордано Бруно). Предъ нами-въ отличіе отъ предъидущихъ и отъ послідующихъ эпохъ-не школы мыслителей, художниковъ и ученыхъ, не искусство, наука или философія съ определенными задачами, но отдельныя личности,

болве или менве энергически выработавшія свою конкретную индивидуальность, прибвгая безразлично къ оружію точно установленнаго факта, художественнаго творчества, широкаго построенія объединяющей мысли, или даже религіознаго аффекта. Лишь изучая этихъ представителей эпохи въ ихъ конкретной индивидуальности, историку мысли можно найти путь къ разгадкъ компликацій и всей этой эпохи, которой съ достаточнымъ правомъ можно дать названіе хаотической.

Причину этой хаотичности, при сильной выработкъ индивидуализма, едва ли можно искать въ чемъ-либо другомъ, какъ въ особенности, болъе или менъе присущей переходнымъ эпохамъ вообще: въ томъ, что общее недовольство существующею культурою совпадало съ значительною неясностью представленія о томъ, гді быль исходъ изъ этого строя жизни и мысли, которымъ большинство интеллигенціи было недовольно. При этой неясности, всв тв области работы мысли, гдв нужна была систематическая критика, сознательная солидарность особей или прочныя правила жизни, восходящія къ обычаю или къ нравственному убъжденію, не могли не представлять рядомъ, въ одномъ и томъ обществъ, при ръшени одного и того же вопроса, даже вы дізтельности одной и той же энергической личности, въ одномъ случав переживанія, восходящія къ самымъ отсталымъ доисторическимъ эпохамъ, въ другомъ — постановку вопросовъ, въ которой историкъ мысли принужденъ, къ своему крайнему удивленію, признать зародыши передовой мысли гораздо позднъйшей эпохи. Тамъ же, гдв главнымъ условіемъ успаха въ рашеніи задачь мысли и жизни являлась личная проницательность, личная находчивость, личное умѣніе воспользоваться благопріятною комбинацією обстоятельствъ, тамъ историкъ мысли можетъ лишь удивляться тому, что способны были совершить въ столкновении соперничающихъ коллективныхъ силъ одинокія личности, вліяніе которыхъ на первый взглядъ даже трудно объяснить.

Такъ все, что дала и могла дать въ эту эпоху мысль техническая, сравнительно еще очень далекая отъ своихъ поздивищихъ успъховъ, было эксплуатировано интеллигенцією

«Кануна свътской цивилизаціи» съ умъньемъ, которое едва ли превзошли и ихъ ловкіе потомки, усвоившіе технику пара и электричества. Промышленныя предпріятія быстро принимають всюду, гдв это было возможно, мануфактурный характеръ; техника мореплаванія въ рукахъ конквистадоровъ, создателей колоніальныхъ предпріятій и всемірныхъ рынковъ, даеть результаты, сразу отодвигающіе на второй иланъ среднев ковое мореплаваніе каталонцевъ, венеціанцевъ или ганзы; военное дело, въ рукахъ кондотьеровъ, «предпринимателей войнъ», получаеть характеръ совершенно немыслимый для крестоносцевъ и гибелиновъ эпохи Гогенштауфеновъ; едва открыто книгопечатаніе, какъ размноженіе памфлетовъ и книгь обнаруживается съ такою быстротою, что изследователи нашего времени становятся очень часто въ затруднение относительно вопроса, въ какомъ хронологическомъ порядкъ возникли эти первые центры пропов'вди печатнымъ словомъ; техника живописи и приготовление стеколъ для оптическихъ инструментовъ сдълались существеннымъ пособіемъ для науки и для искусства даже по непосредственной иниціатив'в самичъ художниковъ и ученыхъ наблюдателей.

Но въ теоретической и практической области творчества общественныхъ формъ, историкъ мысли принужденъ констатировать рядомъ, по хронологическимъ датамъ, иногда даже у одного и того же автора или практического двятеля, проявленія теченія мысли, то стремящіяся воскресить самыя отсталыя возэрьнія, то ставящія предъ изследователемъ, какъ зародышъ будущаго, сложныя задачи позднайшаго времени. Рядомъ работають теоретики всемірной имперіи и духовной монархіи, пропов'вдники «государственной необходимости» и нравственнаго начала въ политикъ, сторонники передачи всъхъ общественныхъ силь въ неограниченную волю монарха, и защитники правъ народа, какъ основанія для всякой власти. Въ Игаліи, а затемъ и въ другихъ странахъ, где усиливается гуманизмъ, самый объективный изследователь не можетъ не констатироначалъ государствовъдънія, политической естественнаго права, философскаго права, философіи исторіи, даже соціологіи въ трудахъ, охватывающихъ чуть не всь отрасли явленій, которыя позже будуть къ ней отнесены. Въ то самое время, когда національности выступають, какъ естественно-враждебные коллективные организмы, начала свътскаго универсализма-уже совершенно отличнаго отъ церковнаго универсализма католичества-находять себв выражение, восходя къ самымъ раннимъ проявленіямъ гуманизма, у великаго поэта Италіи. Рядомъ съ новыми типами государей, энергически работающихъ надъ расширеніемъ и укрыпленіемъ своей власти, въ Рим'в трибунъ-романтикъ пробуеть возстановить республику Сципіоновъ въ ея культурных вформахъ. Въ то время, какъ первыя проявленія борьбы классовъ въ Англіи и огораживаніе земель, вызванное этою борьбою, наводять будущаго манцлера королевства на утопію общества, основаннаго на всеобщемъ трудъ, италіанскій монахъ, работающій вь тюрьм'в инквизиціи, на почвів этой самой утопіи строить проекть реальной конституціи для втальянскаго города.

Еще хаотичнъе представляются работы въ области мысли религіозной. Всв группы интеллигенціи переходной эпохи вооружены противъ той формы церковной культуры, которую принялъ католицизмъ XV и XVI вѣковъ. Противъ нее борятся противники языческой обрядности и светскихъ заботъ римской куріи, сторонники возвращенія къ простот'в церкви первобытныхъ пресвитеровъ, мистики «подражанія Христу» и другіе мистики-фанатики, пытающіеся создать въ Мюнстер'в своеобразное «царство Божіе»; наконецъ соборы, стремящіеся искренно реформировать церковь путемъ, ограниченій непогрешимой власти папъ, но сохряняя въ католицизме все, что казалось еще возможнымъ сохранить; борятся противъ этой культуры ученые демонологи, повторяющие уроки магіи доисторическихъ шамановъ; борятся противъ нее поклонники античнаго міра, сторонники стоицизма и эпикурензма; борятся сторонники широкой религіозной терпимости, сами не уясняющіе себѣ громаднаго значенія для самой сущности вѣрованія того принципа, который они выставляють; борятся, наконець,

Kore grans

скептики или мыслители, пропов'ядующе, что могуть быть признаны мыслящимъ человъкомъ двъ противуръчивыя истины въ двухъ разныхъ областяхъ; или, еще позже, формулирующіе свои върованія въ монтэневскомъ: «не знаю». Въ этихъ разнообразныхъ отношеніяхь къ области в'врованій обще лишь одно: вражда къ существующимъ началамъ культуры. Но отъ великой философской задачи объединяющей мысли универсалистическихъ върованій — создать собщечеловъческое нравственное ученіе, опирающееся на философское міросозерцаніе» 1) интеллигенція эпохи кануна свътской цивилизаціи какъ бы отказалась. Католицизмъ не съумелъ решить эту задачу на почве метафизики религіозной и нравственности церковной. Античный міръ даже не ставиль себ'я этой задачи въ ученіи представителей своей самой передовой критической интеллигенціи, и потому гуманизмъ, какъ таковой, не могь указать для ея ръшенія какихъ либо пріемовъ. Оба наличные источника знанія и пониманія для разсматриваемой эпохи оказались неудовлетворительными для этого дела. Светская цивилизація следующаго періода должна была приняться за эту задачу съизнова, и тымъ самымъ опредълить характеристическія черты своихъ періодовъ и эпохъ. Пока этотъ процессъ могъ только подготовляться.

Онъ и подготовлялся въ тѣхъ двухъ областяхъ работы мысли, которыя или не требовали систематической критики, сознательной солидарности особей и прочныхъ правилъ жизни, или позволяли энергической личности, при самой унорной работъ критической мысли, оставаться обособленною индивидуальностью, игнорирующею все то, что не касалось непосредственной задачи, поставленной себъ работниками мысли.

Такова была область искусства, гдв индивидуализмъ съ первыхъ же фазисовъ исторіи быль основнымъ двигателемъ въ направленіи къ художественной правдв и гдв, именно при ослабленіи давленія обычая и церковнаго ученія, индивидуализмъ въ эстетическомъ творчествв могь развиться безпрепятственно во всю свою ширину. Преклоненіе предъ красо-

¹⁾ Cm. ctp. 73.

тою античною здась немедленно обнаружилось въ стремлении не только къ подражанію, а весьма скоро къ соперничеству въ пониманіи художественной правдивости. Золотой Вѣкъ Возрожденія въ искусств'в быль не только в'якомъ, давшимъ во всехъ отрасляхъ художественнаго творчества новые типы красоты, о сравнительномъ превосходствъ которыхъ у прерафаэлитовъ или въ эпоху Рафаэля и Буонаротти спорять еще до сихъ поръ эстетики-критики. На двухъ самыхъ отдаленныхъ одинъ отъ другого хронологическихъ пунктахъ разсматриваемой эпохи стоятъ два гиганта поэтическаго творчества: Данте и Шекспиръ. Они и обозначають двв высшія точки, до которыхъ достигло индивидуалистическое искуство, такъ какъ высшія произведенія поэзіи въ новой Европ'в до нихъ еще носять въ себъ отчасти слъдъ коллективнаго художественнаго творчества; после нихъ же въ поэзію, какъ и во все отрасли работы мысли, все съ большею непобъдимостью проникаеть забота о задачахъ соціальныхъ, отъ которыхъ могли отвернуться лишь художники, на степень развитія которыхъ, какъ личностей, приходится смотреть какъ на вопросъ спорный.

Такова была и область точной науки. Чрезъ хламъ схоластическихъ споровъ, служившихъ большею частью лишь более или менъе полезнымъ упражнениемъ въ логическихъ приемахъ мышленія на почві самых нереальных представленій, съ трудомъ пробивалась струя точныхъ данныхъ, хранившихся въ наслъдствъ античнаго міра; однако, она все-таки пробивалась и мало по малу росла въ ширинъ и въ силъ. Тъ мыслители, которые заботились о ея роств, были очень уединены к даже, въ своихъ лучшихъ работахъ, большею частью отрывочно и случайно обращались къ тому, что нын вшній ученый цвить наиболье въ ихъ работахъ. Темъ не менье завоеванія накоплялись, особенно въ области математики и астрономіи. Мало кому извъстныя работы Віеты создавали алгебру. Сдълался возможнымъ трудъ Коперника. Леонардо де Винчи вносиль въ свои рукописи, рядомъ съ художественными этюдами, ученыя зам'етки, удивляющія ученых XIX века. Нигд'є и никогда, быть можеть, могущество индивидуального ума при

хаотическомъ состояніи общественной мысли не проявлялось съ такою яркостью и опредвленностью какъ въ эту эпоху, которая, послё долгихъ родовыхъ мукъ, могла представить міру задачу уже совершенно формулированной, здоровой научной мысли, гдё легко было читателямъ Евклида и Архимеда узнать ихъ законное потомство, но гдё, по сравненію съ непосредственно-предшествующимъ временемъ, явно обнаруживается характеръ совершенно новаго міра знанія и пониманія.

ГЛАВА Х.

Схема исторіи мысли: в) Періодъ свѣтской цивилизаціи новаго времени.

Задача свътокой цивилизаціи.—(Затрудненія исторіи эпохи современной историну).—Новия общественныя святини.—Работа новой свътской интеллигенціи.

Борьба съ переживаніями. — Переживанія доисторическія. Переживанія древнийших исторических эпохі. — Насладство работы эстетической мысли. — Насладство эпохи пробужденія критической мысли. — Переживанія римской государственной традиціи. — Переживанія оредневыковаю католицизма. — (Другіе духовные организмы). — Сила сопротивленія разных элементов католицизма.

Эволюція новых в исторических задачь.— (Посльдовательные фазисы или борющіяся партіи).— Вопросы эволюціи новаго времени.

Эпоха государственнаю абсолютивма. — Эпоха деспотовъ-реформаторовъ и новая буржуазія. — Завоеванія мысли научной и ея задачи. — Новая наука и нован философія. — Популяризующая литература и общій характеръ второй эпохи свытской цивилизаціи. — (Космополитизмъ и интернаціонализмъ).

Экономическая почва дальныйшей эволюціи.—Вліяніе ея ст области научной мысли.— Эпоха политическить катастрофъ.—Работи мысли эстетической и философской.—Поднятіе и упадокт общественнаго духа: во Франціи; въ Германіи.—Романтизмъ.—Метафизика.—(Изученіе народностей и народничество).

При такихъ условіяхъ переходная эпоха кануна новой цивилизаціи смінилась новою попыткою создать прочную культуру, уже світскую. Исторія ставила предъ начинающимся періодомъ новыя серьезныя задачи; изъ нихъ мы сначала здісь разсмотримъ ті, которыя были и остались существенными для всего этого, разсматриваемаго здісь періода.

Святыня догматическихъ върованій, въ ея старой формъ универсалистическаго католицизма и въ новомъ дробленіи протестантскихъ исповъданій, не была уже въ состояніи поддержать свое преобладающее значеніе исторической силы, и относительно ея приходилось лишь ръшить, съ одной стороны, въ какой мъръ эта святыня прежняго времени останется могучимъ переживаніемъ въ дальнъйшія эпохи, переживаніемъ, вносящимъ патологическій элементъ въ ихъ нормальное развитіе; съ другой, какая новая общественная святыня или какой рядъ новыхъ святынь замънить ее въ дальнъйшемъ ходъ исторіи.

Историкъ мысли не можетъ не сознавать, что продолжающійся еще періодъ свётской цивилизаціи, охватывзющій и его время, вызываеть въ представителяхъ интеллигенціи нашей эпохи заботы не только въ ихъ качествъ излъдователей и мыслителей, но и въ ихъ роли волевыхъ аппаратовъ, ставящихъ себъ жизненныя цели и обязанныхъ бороться за свои жизненныя убъжденія. Это обстоягельство ставить предъ исторакомъ и еще одно затруднение, противъ котораго на его знание, на его добросовъстное отношение къ фактамъ, ни даже его личное развитие не всегда доставляють ему достаточное оружіе въ его стремленів понять или угадать истинную комоннац ю событій и историческихъ теченій, о которыхъ идеть діло. На почві своихъ объективныхъ и субъективныхъ — но всегда научныхъ пріемовъ мышленія 1) изследователь пытается понять ходъ исторін; но для тёхъ, "проклятыхъ вопросовъ", изъ-за которыхъ около него, изследователя, борются и гибнутъ люди, изъ-за которыхъ онъ самъ, какъ личность, признаетъ однихъ современниковъ своими, другихъ- чужими, даже прямо врагами, онъ серьезно рискуеть не только излишне поддаться субъективной оцимень людей и событій-безъ которой не можеть да и не должень обходиться развитой человъвъ-но и усвоить субъективныя заблужденія при этой оценкъ. Здъсь именю пункть, на который исплючительно-объективный

¹⁾ CM. crp. 93.

историкъ особенно напираеть при своемъ отриданіи всёхъ субъективныхъ пріемовъ мысли. Въ силу этого затрудненія целая школа историковъ отридаеть самую возможность научной исторіи «своего» времени. Но столь радикальное рашение вопроса простыма его устранением едва ля можно признать совивстимымъ съ достоинствомъ научнаго мышленія и съ неодолимою силою, которую приписывають этому мышлечію его безусловные сторонники. Если есть область мысли, гдв объективные пріемы недостаточны, то въ этой области умъ человъка не можетъ остановиться предъ попыткою приложить и пріемы субъективные, дишь бы способы этого приложенія были дъйствительно научны. Если, въ попыткъ понять или угадать очень далекое прошлое, ученый по праву продолжаеть свои точныя розысканія при самомь ограниченномъ и недостаточномъ количествъ данныхъ, лишь храня постоянно въ умъ сознаніе, что діло идеть не о достовърности, но о научно оціневной евроянности, то неужели онъ остановится въ безсилів предъ попыткою понять или угадать существеннъйшія и наживышія теченія современности и здоровый или патологическій характеръ этихъ теченій лишь потому, что наблюдаемые факты слишкомъ многочисленны, слишкомъ бавзки хронологически въ ихъ наблюдателю, слишкомъ вызывають въ немъ аффекты по своей близости къ его жизневнымъ цёлямъ? Призвать это-значило бы, въ этой области, согласиться на то представле ніе о «банкьотствів науки», о которомъ такъ много говорять ея нынашніе принципіальные противники. Ея истинные служители констатирують существующее-и дъйствительно важное-затруднение, принимаютъ противъ него предосторожности, и идутъ смело и решительно впередъ на завоевание всего познаваемаго въ области точной науки и научной философів.

Цивилизація, которая воплощалась въ формы новой культуры, должна была быть цивилизацією свътского, но это самое предполагало полное изм'вненіе какъ въ идейныхъ основахъ, такъ и во вн'вшнихъ формахъ этой цивилизаціи, и сравнительно съ т'ємъ; что ей непосредственно предшествовало въ среднев'вковомъ сгров, и сравнительно съ т'ємъ, что лежало въ основ'в солидарности прежнихъ общественныхъ организмовъ. Ни среднев'вковая общественная организація, ни основы теоретическаго среднев'вковаго ученія, стремившагося пріобр'єсти господство надъ умами, не могли оставаться прежними. Святыня среднев'вковая, съ ея организацією папской монархіи или съ поздн'єйшимъ дробленіемъ протестантскихъ испов'єданій, конгрегацій и общинъ, должна была зам'єниться новыми,

болъе или менъе временными святынями, но уже свътскими, Прочная почва католического богословія, для котораго всв остальныя знанія и пріемы пониманія были лишь «служанками», была подорвана. Въ свътской цивилизаціи не могла дол'ве существовать средневъковая связь церковной общественной организаціи съ церковнымъ ученіемъ, связь, отсутствіе которой было едва мыслимо для среднев вковаго челов вка. Но разрывъ этой последней связи шелъ дале въ прошедшее, чемъ средневековый строй общества. Единство теоретическаго пониманія и жизненнаго ученія было естественнымъ требованіемъ и первобытнаго человічества и высоко-развившейся цивилизаціи; разрывъ между ними могь быть лишь временнымъ явленіемъ въ обществі не вполні патологическомъ. Это единство само собою, какъ бы автоматически, было осуществлено прежде въ царствъ обычая, въ обособленныхъ цивилизаціяхъ, связанныхъ преимущественно единствомъ обряда и внашнихъ культурныхъ формъ, наконецъ въ церковной культурь Среднихъ Въковъ. И вотъ теперь, новая свътская циви дизація съ первыхъ своихъ шаговъ вносила въ работу человъческой мысли дуализмъ: міръ практическихъ заботь, жизненныхъ целей, правъ и обязанностей составляль сферу светскаго государства, которое относилось или равнодушно или даже симпатично къ тому, что въ области геометріи, физики или даже медицины допускали или отвергали духовные потомки Архимеда и Гиппократа; никто не мѣшалъ имъ руководиться своими методами и группироваться въ новое «светское духовенство > спеціалистовь-академиковъ въ областяхъ, имъ исключительно принадлежавшихъ. Само собою разумълось, что этотъ дуализмъ теоретическаго понаманія и практическаго ученія не могъ долго существовать. Логическое требование единства вызывало снова и снова попытки возстановить его для новыхъ покольній. Но теперь покольнія мыслигелей стремились къ этому единству сознательно и должны были найти для него въ свътской цивилизаціи новый путь, не менье чуждый средневъковымъ началамъ, какъ и царству обычая и единству обрядности, составлявшихъ почву этого соглашенія въ предыдущіе

періоды. Единство пониманія и ученія должно было теперь выработаться на почев науки, которая должна была побъдить новый дуализмъ, распространивъ свое господство на область, остававшуюся при началь періода новой цивилизаціи чуждою научному мышленію. Съ темъ вместе эта светская цивилизація ставила своимъ учителямъ новыя, весьма общирныя требованія. Она требовала отъ нихъ въ будущемъ рашенія вопросовъ не только высшаго математическаго анализа или микробіологіи, но и вопросовъ общественной жизни, экономи-· ческихъ, политическихъ и нравственныхъ. Она требовала отъ будущаго государственнаго строя, отъ юридическихъ отношеній, отъ формъ накопленія и распредвленія богатствь, чтобы эти проявленія творчества общественных формъ не были продуктомъ эмпиризма, но осуществляли достигнутое передовыми умами понимание общества и личности въ ихъ взаимодъйствін. Эти поиски за пониманіемъ міра и общества въ ихъ совокупности при помощи научныхъ методовъ въ виду практическаго скръпленія и расширенія солидарности между людьми, и за реальнымъ созданіемъ лучшаго возможнаго въ данную эноху общественнаго строя, --- должны были привести къ единству мысли теоретической и практической въ научной философіи, охватывающей все, достунное человіческому пониманію, и въ соціологіи, ставящей развитой личности требованіе обязательной діятельности во имя ея критическаго пониманія, и созданія этимъ путемъ почвы для дальнівйшаго процесса будущей исторіи.

Этотъ трудный путь, сопровождаемый многочисленными страданіями и катастрофами, новая свётская цивилизація совершила въ послёдніе вёка, причемъ интеллигенція новаго времени боролась различнымъ оружіємъ противъ переживаній предшествующихъ періодовъ, поддерживая жизненные элементы, отъ нихъ унаслёдованные, и пытаясь наиболёе удовлетворительно рёшить характеристическія задачи каждой эпохи новаго періода. Она противуположила средневёковому организму католицизма организмъ новаго свётскаго государства, вдумываясь въ условія его существованія и развитія, и при этомъ

переходя оть представленія о государственной власти какъ о святынь, смынившей святыню католицизма, къ представленію о государственной власти какъ о средствъ борьбы за просвъщеніе и за прогрессъ, чтобы окончательно придти къ идеалу самоуправленія народовъ и стать предъ грознымъ вопросомъ о томъ, въ какой формъ возможно это самоуправление. Она выдвинула въ этомъ процессв творчества общественныхъ формъ, какъ главную историческую силу, буржуазію, созданную средневъковымъ городомъ, но теперь, по паденіи самостоятельности городовъ, сделавшуюся основнымъ элементомъсвътскаго государства: въ ней сначала неограниченная власть получила самаго энергического помощника; потомъ, при постановкъ задачи о самоуправленіи народовъ, она же оказалась естественнымъ и не менве энергическимъ врагомъ этой власти, пока предъ этой буржуазіей не всталь не менве грозный вопросъ о томъ, есть ли «народъ» единое цълое съ общими интересами или же онъ состоить изъ двухъ классовъ съ противуположными интересами. Новая светская интеллигенція стала въ мір'в ученыхъ спеціалистовъ на твердую почву античной научной традиціи, и предъ завоеваніями ся въ этомъ направленіи бліднівють въ глазахъ историка мысли всі политическія перипетіи и всв продукты эстетическаго и философскаго творчества разсматриваемаго здёсь періода. Она, впрочемъ, и въ этихъ областяхъ пришла къ замъчательнымъ результатамъ, въ которыхъ, кромв ихъ самостоятельнаго значенія для исторіи мысли, историкъ последней можеть съ особеннымъ интересомъ разглядъть вліяніе на эти области какъ основныхъ общественныхъ направленій мысли, такъ и могучихъ завоеваній науки.

Но весь этоть путь быль пройдент и все это дѣло было совершено при громадныхъ препятствіяхъ, противупоставленныхъ тому и другому переживаніями прежнихъ эпохъ, пользуясь немногими жизненными элементами, оставшимися отъ этихъ эпохъ. Поэтому здѣсь, на первое мѣсто въ сферѣ попытки понять исторію мысли новаго періода, становится тщательное выдѣленіе въ событіяхъ, сюда относящихся, всего

того, что принадлежить съ одной стороны, къ жизненнымъ элементамъ, съ другой—къ переживаніямъ предъидущаго времени въ обособленности его эпохъ.

Трудно не признать въ объективно - констатированныхъ фактахъ новой исторіи многочисленныхъ остатковъ эпохъ доисторическихъ и присутствія среди насъ элементовъ этихъ давнихъ культуръ. Историку мысли приходится отграничить на карть материковъ еще довольно обширныя территоріи, занятыя целикомъ народами, оставшимися вне исторіи. Приходится внутри границъ «цивилизованныхъ странъ» признать громадныя массы населенія, трудищагося налъ созданіемъ и надъ поддержкою цивилизаціи выгодно-поставленнаго меньшинства, но населенія, условія существованія котораго д'влають для него невозможнымъ участвовать двятельно въ исторической жизни человъчества. Приходится констатировать и въ томъ меньшинствъ, которое пользуется культурными продуктами исторической жизни, большинство дикарей новой культуры: они руководятся лишь обычаемъ или модою ихъ общественнаго слоя или кружка; стремятся исключительно «быть какъ всв» въ этомъ слов или кружкв; они, поэтому остаются, въ своей психической жизни, столь же чуждыми наслажденію развитіемъ и потребности въ немъ, какъ любой ботокудъ или какъ тотъ несчастный пасынокъ цивилизаціи, котораго экономическія условія поставили въ необходимость концентрировать всв свои процессы мысли по 16 часовъ въ сутки на однообразномъ жеств, входящемъ въ процессъ изготовленія будавокт или на автоматической перепискъ словъ, въ смыслъ которыхъ ему некогда вдумываться. Эти неисторические или доисторические люди нашего періода пока они существують, самымъ своимъ присутствіемъ или обусловливають положительно нъкоторыя явленія жизни историческаго общества въ его целомъ, или, отрицательно, мешаютъ осуществиться другимъ нормальнымъ тенденціямъ. Отсюда возникаетъ рядъ явленій, событій, дъйствій въ той или другой сферт техники, творчества общественныхъ формъ, эстетическихъ наслажденій, пріемовъ педагогики и т. под., которые нельзя иначе понять

какъ принимая въ соображение вліяніе комплекса переживаній доисторическаго періода, въ нихъ продолжающаго существовать, на эволюцію періода новой светской цивилизаціи, подобно тому, какъ это имъло мъсто во всъ предъидущія эпохи исторіи. Рядомъ съ этимъ комплексомъ доисторическихъ нереживаній въ самомъ діленіи современнаго человічества на слои, приходится признать, въ современной народной поэзіи и въ накоторой дола обычаевъ въ среда пасынковъ нынашней 🔸 цивилизаціи, жизненные элементы, которые благотворно вліяють на культуру и въ особенности на эстетическое творчество ближайшаго къ намъ времени. Но и въ интеллигенціи всего этого періода, не исключая и последнихъ поколеній XIX-го въка, приходится констатировать не мало элементовъ доисторическихъ, здъсь уже почти безъ остатка составляющихъ переживанія; и переживан:я эти многочисленны. Сюда нельзя не отнести гордость родовитыхъ людей подвигами или даже просто высокимъ положениемъ полумиоическихъ предковъ; признание существеннымъ элементомъ достоинства личности чисто внішних особенностей и богатства костюма; признаніе украшеніемъ нѣкоторыхъ искаженій тыла (какъ, напр., прокалыванія ущей для серегь, или распространяющейся, какъ пишуть, моды на татуированіе); наслажденіе обжорствомъ и и пьянствомъ, вовсе не въ сущности, а только лишь въ изысканности подробностей отличающееся оть того, что видимъ теперь въ Австраліи и у самыхъ низшихъ дикарей; обращеніе иныхъ эстетическихъ наслажденій въ самую низменную и грубую забаву, чуждую и по формъ и по настроенію всякой художественности; враждебность къ «чужимъ» по происхожденію или по форм'я культуры; проявление полузв'ярской жестокости; факты употребленія амулетовъ для удачи, разгадки сновъ и знаменій для узнаванія будущаго, формы колдовства иногца даже очень грубыя; анимистическія върованія въ формъ едваедва отличной отъ того, что наблюдають у полинезійцевъ или якутовъ; и т. д., и т. д.

Все это имъло мъсто у представителей высшихъ слоевъ интеллигенціи и въ эпоху Декарта и Ньютона, и во время

Вольтера и энциплопедистовъ, и среди сторонниковъ культа Разума. Все это приходится констатировать чуть ли не съ большей безцеремонностью здёсь или тамъ и среди самыхъ интеллигентныхъ слоевъ нашихъ современниковъ; все это не могло не отражаться и на общихъ результатахъ работы мысли и на формахъ культуры, обусловливая въ значительной мёрё то реакціонное теченіе, рость котораго трудно не признать характеристическою чертою конца XIX вёка.

Почти то же можно сказать о следахъ прежнихъ историческихъ эпохъ въ новомъ періодв исторіи. Мыслитель нашего времени безъ особепнаго труда отметить въ этомъ періоде и все растущее господство сознанныхъ интересовъ и индивидуализмъ, какъ историческія силы, унаследованныя отъ древнъйшихъ періодовъ исторіи. Эти силы играють, съ одной стороны, роль жизненныхъ элементовъ, какъ источники двухъ важныхъ процессовъ: подъ ихъ вліяніемъ совершается эволюція пониманія сознанныхъ интересовь; подъ тімъ же вліяніемъ вырабатываются въ индивидуализированныхъ личностяхъ убъжденіе и способность обусловливать ходъ событій, какъ самостоятельные волевые аппараты. Но, съ другой стороны, къ этому же источнику, въ его роли переживанія, восходить стремленіе создавать и поддерживать механическое государство съ его принудительною пегальностью и упорною враждою націй, сословій и классовъ; а также противуполагать интересы твсной семьи задачамъ болье общирныхъ и болье идейныхъ общественных организмовъ. Трудно сомнаваться въ томъ, что борьба поздивникъ прогрессивныхъ политическихъ партій за правовое государство или за организацію труда коренится въ древивищей борьбв за самые элементарные сознанные интересы, и насколько энергическія личности государственныхъ людей, ученыхъ и мыслителей последнихъ эпохъ были едва-ли возможны безъ упражненія ихъ далекихъ предковъ въ индивидуалистической борьбъ за власть, за обогащение, за вліяние или за фанатическія върованія. Однако столь же несомивнию, что последніе века, въ фактахъ насильственнаго расширеніа однихъ державъ и естественнаго распаденія или хищническаго разрыва другихъ, предъявляютъ намъ почти ничѣмъ даже не подновленныя побужденія временъ Рамзесовъ и Навуходоносоровъ, и событія сходныя съ гегемонією Вавилона или Ниневін; а также, что въ непотизмѣ фаворитовъ монархіи, лордовъ XVIII вѣка, избранныхъ законодателей или смѣняющихся министровъ буржуазнаго строя продолжается та же конкурренція семей, экономическая и политическая, которая проявилась за тысячу лѣтъ до нашей эры, когда органическая связь рода разрушалась, уступая мѣсто механическому единству первыхъ историческихъ цивилизацій.

Особенный характеръ имъеть еще одно наслъдство стараго міра, воспринятое новымъ. Съ XVII віка представителя интеллингенціи не могли не прійти къ «спору новыхъ съ древними», т. е. къ сравненію эстетическаго достоинства художественнаго творчества раннихъ историческихъ поколеній съ творчествомъ новаго времени. Последнее выставило учениковъ, подражателей и соперниковъ древнимъ поэтамъ и художникамъ, но и сторонники самыхъ блестящихъ соперниковъ древнему искусству должны были признать высокое достоинство древней-чуть-ли не доисторической-эпопеи-по мнінію многих неподражаемой, -- древней драмы, лирики или скульптуры. Противники эволюціоннаго міросозерцанія черпали даже въ этой неподражаемости древняго искусства аргументы въ пользу своей теоріи. Здась, собственно. реальная эволюція шла преимущественно въ усиленіи индивидуализма самихъ поэтовъ и въ идейномъ содержаніи новой поэзіи. Историкъ мысли имбетъ полное основаніе признать во всёхъ поэтахъ и художникахъ, заботившихся лишь обт. изяществъ формъ и не вносившихъ въ свои произведенія ни своей личной жизни, ни идей, волновавшихъ ихъ время, не болъе какъ непосредственныхъ продолжателей того искусства, которое могло дать неподражаемые продукты за 1000 лётъ до нашей эры или среди старинныхъ финновъ или скандинавовъ, точно также какъ въ концв XIX ввка послв той же эры. Украшеніе жизни красотою безъидейною и чуждою дичныхъ волненій было и осталось наслідствомъ церваго историческаго слоя человечества, и отъличнаго развитія историка мысли зависить, признаеть ли онъ въ этомъ фактё жизненный элементь или переживаніе. Лишь въ сатиръ, зародышь которой восходить къ тому же періоду, приходится уже почти безспорно признать жизненный элементь этого наслъдства.

Эпоха пробужденія критической мысли, по самой сущности этой послідней, должна была быть для современной интеллингенціи эпохою подготовленія элементовъ благопріятныхъ. Но мы виділи 1), что она представляла значительную сложность; что судьба элементовъ, ею выработанныхъ, была очень различна, а потому и наслідство, которое она могла передать и дійствительно передала новому времени, иміло очень различный характеръ. Мы и разсмотримъ здісь преимущественно наслідство, полученное изъ этого источника лишь въ тіхъ комплексахъ научно-философской мысли, идеи универсализма и требованій нравственности, которыя составляли характеристическія черты этой эпохи и иміли особую важность для новаго времени; воспринимавшаго отъ своихъ предковъ это наслідство.

Конечно, нередачу въ новую европейскую цивилизацію изъ античнаго міра и требованій научной критики и задачь универсализма и правственного императива нельзя разсматривать съ точки зрвнія здёсь принятой, иначе какъ элементы жизненные; однако эти три продукта появленія мысли критической совершили этотъ переходъ при различныхъ условіяхъ и комбинаціяхъ. Наука Евклидовъ и Архимедовъ, Гиппократовъ и Гиппарховъ перешла къ продолжателямъ ихъ работъ въ XVII-мъ въкъ съ такою чистотою и опредъленностью своихъ требованій, что легко представить себь схему исторіи научной мысли, гдв, устраняя почти вполнв всв постороннія примвси, эта научная мысль связала бы только что упомянутыя имена своихъ античныхъ героевъ непосредственно съ именами спеціалистовъ Кануна новой цивилизаціи, съ д'ятелями великой эпохи, которая начинается Галилеемъ и кончается Ньютономъ, а затымь и съ коллективною работою «республики ученыхъ»,

¹) См. стр. 170 и след.

какъ особеннаго міра, до новъйшихъ знаменитыхъ гражданъ «этой республики». Но въ иной формъ историку мысли приходится констатировать переходъ въ новую цивилизацію требованій универсализма и правственнаго ученія о праведной жизни. Предъ человъкомъ этой цивилизаціи стояли два традиціонныхъ типа универсализма и два типа праведной жизни. Античный универсализмъ мудрыхъ и знающихъ, которые, въ виду своего личнаго развитія, сторонились отъ толпы, подакадемій ученыхъ готовлялъ универсализмъ обществъ позже — универсализмъ псевдоклассической, романтической, натуралистической или символической литературы; но эти универсалистическія теченія не только жали передовую интелегенцію этихъ группъ съ массами, но, скорће, проводили все болће глубокую черту между двумя классами новаго общества. Следовательно, наследство этой комбинаціи универсалистическихъ идей представляло въ значительной мъръ переживанія; жизненнымъ же элементомъ являлось противуположное требованіе апостольства и прозедитизма, во имя котораго «знающіе» шли просвіщать темныя массы и «понимающіе» призывали эти массы къ д'вятельности; на это элементь критики не былъ необходимъ, но прозедитизмъ некритическихъ върованій подготовляль на будущее прозелитизмъ идей критически-обоснованныхъ пріемами, выработанными для пропаганды мистическихъ догматовъ. Точно также пережипротиворвчащимъ сущности новой ваниемъ. **уже** OMRGII свътской цивилизаціи была идея универсализма, тывающая всёхъ одинаково впрующих въ періодъ, когда все большее эти върующіе разбивались на число враж-«наименованій», Канунъ дебныхъ новой вилизаціи выработаль вполнів-опреділенно представленіе о новой добродътели религозной терпимости убъжденнаго человъка (въ античномъ міръ фактическая тершимость предполагала заслоненіе личнаго убъжденія строгимъ охраненіемъ обрядности). Подобный же характеръ имала эволюція нравственнаго ученія о жизни по убъжденію. Ея традиція была, подъ вліяніемъ церковной культуры, на столько смѣшана съ ученіемъ о подчиненіи върующаго постановленіямъ и толкованіямъ католицизма при многочисленныхъ противоръчіяхъ, констатируемыхъ въ этой комбинаціи, что новой цивилизаціи пришлось приняться съизнова за выработку «общечеловъческаго нравственнаго ученія», изъ котораго были бы устроены аргументы, теперь потерявшіе свою уб'єдительность для передовой интеллигенціи. Строительная работа мысли въ области общихъ идей универсализма и жизни по убъжденію, при необходимости связать эти продукты критической мысли съ ея основными научно-философскими требованіями, предполагала въ новой интеллигенціи сознаніе, что традиціонный комплексъ средневъкового универсализма и средневъкового нравственнаго ученія быль въ своемъ целомъ вреднымъ переживаниемъ. Эта строительная работа была облегчена тёмъ обстоятельствомъ что въ средневъковой культуръ были области, которыя поддерживалиболве или менве опредвленно и сознательно-универсалистическія и нравственныя тенденціи помимо какъ той церковной формы, которую имъ придавалъ католицизмъ, такъ и помимо юридически государственнаго идеала античной традиціи. Таковы были проявленія солидарности феодальных и городских с интересовъ независимо отъ государственныхъ границъ и національной раздільности. Таковъ быль нравственный идеаль рыцаря, выработанный и международною среднев вковою литературою и самою жизнью, и т. под.

Эпоха пробужденія критической мысли и ея три важивищихъ проявленія вліяли на последующіє періоды преимущественно при посредстве традиціи античныхъ государственныхъ и правовыхъ понятій и церковнаго авторитета, при чемъ и тв и другой обнаруживали это вліяніє сложнымъ комплексомъ жизненныхъ элементовъ и переживаній.

На сколько римская государственная традиція была традиціей неограниченнаго ничёмъ цезаризма, на столько она становилась союзникомъ абсолютизма короля-солнца и его подражателей—слёдовательно жизненнымъ элементомъ культуры • первой эпохи новой цивилизаціи. Но, по мерт того какъ ходъ событій и связанная съ нимъ эволюція мысли вырабатывали типъ деспотовъ-просветителей, идеалъ власти и бюрократіи, служащей интересамъ общества и подлежащей его критикъ и его контролю, а потомъ идею самоуправленія народовъ, господство буржувани и стремление къ царству биржевиковъ, съ одной стороны, организацію труда-съ другой, по мірів того и античная традиція стала все бол'ве вреднымъ переживаніемъ въры въ общественныя формы и въ идеи, потерявшія всякую связь съ лъйствительностью. Но въ этой традиціи историкъ мысли можеть отличить элементь жизненный и оставшійся таковымъ до самаго близкаго къ намъ времени. Это была внесенная Римомъ въ эволюцію мысли идея правоваго государства, осуществляющаго требованія разума въ своемъ закодательствъ. Эта идея требовала отвъта на вопросы: Что такое въ дъйствительности правовое государство? Въ чемъ состоитъ разумное начало, вносимое и способное быть внесеннымъ въ законодательство? Можетъ ли та или другая наличная государственная форма быть научно названа правовою и разумною? Какимъ путемъ должна идти работа творчества общественныхъ формъ, чтобы построить государство правовое и создать законодательство разумное? Есть ли это задача разръшимая? Или же общественныя задачи, которыя считались разрёшимыми лишь орудіемъ государственной власти и законодательства, приходится попытаться рашить дайствіемъ иныхъ соціальныхъ силь? - Весь этотъ процессъ эволюціи идеи права, унаслідованной отъ римскаго міра, приходится историку мысли считать жизненнымъ элементомъ исторіи новаго времени, причемъ на эту идею права, при ея все болбе раціональной переработкъ въ идею общественнаго блага, переносилось въ наиболье сильныхъ умахъ все болье то чувство мистической обязанности служить правдв и бороться съ общественнымъ зломъ, которое было унаследовано отъ средневековой богословской интеллигенців въ ея преданности церковному догмату и въ ея ненависти къ ереси.

Католицизмъ, какъ организація церкви, насквозь проникнутая мірскими заботами о господств'в духовенства надъ мірянами и стремленіемъ создать духовную монархію, былъ на

столько признаннымъ врагомъ для новаге свётскаго государства, что не можетъ быть и сомнения для историка мысли относительно его роли переживанія въ разсматриваемый періодь. Но этогь организмъ быль такъ могучь, что онъ могь не только отстаивать себя при самомъ различномъ ходъ событій въ разныя эпохи новаго времени, но еще дівствовать активно на этотъ ходъ и обороняясь отъ враговъ и переходя къ нападенію на нихъ. Тридцатилетняя война въ половинъ XVII-го въка, отмъна Нантскаго эдикта во второй, гоненія янсенистовъ, война мыслителей и государей противу језуитовъ въ ХУШ-мъ, энергическая реакція противь редикальныхъ пріемовъ борьбы съ католицизмомъ первой французской республики, религіозная реакція эпохи Священнаго союза, наконепъ характеристическій рость политическаго и культурнаго вліянія клерикальныхъ партій въ последнія десятилетія представляютъ знаменательные симптомы силы сопротивленія, обнаруженнаго католицизмомъ свътскому строю общества. Эти симптомы на столько очевидны и могуть на столько изумить иного изследователя, что онъ склоненъ даже усумниться, не следуетъ-ли въ этихъ переживанияхъ признать чего-либо действительно жизненнаго.

Эти соображевія еще усложняются тімь обстоятельствомь, что чуть ли не во всёхъ проявленіяхъ влерикализма внё католицизма, именно въ различныхъ протестантскихъ церквахъ новаго времени, элементъ, свётскихъ государственныхъ заботъ преобладалъ надъ попытками построить духовный общественный организмъ. Разница тутъ дежала въ преобладание монархического или демократического элемента. При этомъ въ одномъ случав, общественный организмъ приближался къ типу цезаропапизиц глава государства быль въ сущности и главою церкви; духовное убъждение отдельнаго лица такъ мало принималось въ соображеніе, что въ законодательство, въ ніжоторыя эпохи, входило постановленіе: исповъданіе государя опредъляеть господство того же испо-• въданія въ государствъ. Въ другомъ случав, конгрегаціонизмъ вли другія близкія въ нему формы, повидимому ставили во главъ общества демократическое духовенство; однако попытка подчинить свётскую государственную жизнь общества этому духовенству проявилась въ самой незначительной мірів. Всі протестантскіе государственные организмы пытались удержаться и усилить свое духовное вліяніе и преобладаніе

при помощи государства, пытаясь обратиться въ посударственную церковь. Лишь католициямъ пытается въ продолженіи всего новаго періода
сохранять организацію своей духовной монархіи рядомъ съ изміняющимися политическими формами, игнорируи ихъ или пользуясь ими, но
постоянно ставя себъ свои особенныя политическій ціли. Въ самое
посліднее время въ духовенстві наиболье распространенныхъ протестантскихъ исповіданій наблюдають весьма опреділенную наклонность
придать этому духовенству католическій характерь власти церкви въ
замінь прежняго типа общества одинаково нірующихъ.

Однако, внимательный историкъ мысли, отыскивая причины могущества, этого переживающаго организма, находящагося въ прямомъ противурѣчіи со всеми элементами новаго общества, признаетъ, можетъ быть, въ совокупности этихъ причинъ, что однѣ изъ нихъ принадлежатъ глубокой (чуть не доисторической) древности, другія же связано съ характеристическими чертами новой свѣтской цивилизаціи въ ея послѣдовательныхъ фазисахъ господства святыни абсолютизма, борьбы противъ него и господства современной буржувзіи.

Прежде всего культурная сила котолицизма въ массахъ новаго европейскаго населенія зависьла отъ того элемента переживаній доисторических в представленій и пріемовъ мысли, на которое было указано передъ этимъ. Въ глазахъ массъ, оставщихся внъ работы критической мысли или даже внъ исторіи, придавала католицизму значеніе и силу вся совокупность наследства анимизма, колдовства или даже еще болже древнихъ пріемовъ обезпечить себ'в удачу и разгадать знаменіе, наслідства, усвоеннаго католицизмомъ и вошедшаго въ его традиціи или какъ признанный Римомъ элементь демонологіи, или даже какъ элементъ церковной мистической магіи. Но эта сила и это значение не имъли ничего общаго съ историческимъ смысломъ католицизма, какъ религи универсальной или даже какъ опредъленной религіозно-философской сестемы. Следуеть помнить, что вне работы критической мысли оставались во всё эпохи новой исторіи не только пасынки цивилизаціи, а также дикари новой культуры, составлявшіе и состовляющіе весьма вліятельный элементь господствующихъ классовъ. Для этого общественнаго слоя въ эпохи, следовавшія

непосредственно за періодомъ попытки установить средневѣковую культуру, эта культура, какъ обычай и какъ мода, представляла нормальную форму жизни, особенно въ эпохи, когда политическая власть воображала, что можетъ найти добавочную поддержку въ сближеніи съ католическою церковью. Именно этотъ элементъ культурной силы наличнаго обычая и господствующей моды переживаль въ новомъ свѣтскомъ обществѣ съ тѣмъ большимъ упорствомъ, чѣмъ малочисленнѣе была интеллигенція, противуполагавшая этому переживанію свои стремленія къ развитію. Эту силу какъ католицизмъ, такъ и установившійся рядомъ съ нимъ протестантизмъ разныхъ наименованій, удержали въ продолженіи всего новаго періода исторіи, сохранили и въ наше время, однако самый источникъ этой силы не позволяеть историку мысли признать за ней роль жизненнямю элемента.

Уже гораздо менъе значенія приходится придавать тому элементу католической тралиціи, который въ одной части интеллигенціи новаго времени связываль догматы Среднихъ Въковъ съ представленіемъ о религіи универсалистической, что вызывало, съ этой точки вренія, въ отдельных особях в мистическіе аффекты, сближавшіе эти особи независимо отъ разницы ихъ напій, политическихъ организмовъ, экономическихъ тересовъ и т. под. Ни въ течение Среднихъ Въковъ, ни послъ того этогъ универсалистическій аффекть не оказался значительною и прочною историческою силою, когда его идеалы шли въ разръзъ съ интересами личными, сословными или государственными. Уже въ Канунъ новой цирилизаціи этому мистическому побужденію, предполагавшему единственное истинное върованіе, противуположилось, какъ мы видъли, побужденіе уже совершенно иного рода, именно побуждение всеобщей религіозной терпимости. Вмёсте съ темъ новой интеллигенціи приуниверсалистического аффекта шлось искать «солидарности» въ областяхъ, гдв этотъ аффектъ не не противуполагался бы интересамъ личности или коллективности, но сливался бы съ этими интересами. Съ минуты, когда «всеобщій миръ», «братство народовъ», «федерація Соединенныхъ

Штатовъ», охватывающая всь націи, общечеловіческій союзъ «вольныхъ каменщиковъ» въ виду общихъ всвиъ нравственныхъ цёлей, международный союзъ трудящихся и тому подобныя идеи сделались утопическими или реальными задачами мыслящихъ людей, вызывая ихъ къ мысли и къ дъйствію, — съ этой минуты традиціонный мистическій аффекть средневыковаго вырованія, стремивінійся сблизать всыхъ людей ингорируя разницу ихъ интересовъ, обратился въ переживаніе не только безсильное, но скорже вредное. Здоровою формою подобнаго аффекта приходилось мыслителямъ признать лишь ту, которая отождествляла бы интересы огромнаго большинства человъчества съ тъмъ аффективнымъ нервнымъ раздражениемъ которое личность, какъ волевой аппарать, сознаеть въ себв въ форм'й нравственной обязанности и наслажденія осуществленіемъ этой обязанности въ жизни. Надъ этой задачей и трудится современная передовая интеллигенція.

Но мы видели, что католицизмъ ставилъ себъ задачею быть не только-подобно доисторическимъ върованіямъ-способомъ магическаго обезпеченія вірующему удачи въ этомъ и въ будущемъ мірѣ, не только системою церковной культуры съ ея обрядностью и модными пріемами жизни (какъ въ древнихъ обособленныхъ цивилизаціяхъ), не только универсалистическимъ аффектомъ, сближающимъ всвхъ вврующихъ но еще «общечеловъческимъ нравственнымъ ученіемъ, опирающимся на философское міросозерпаніе». Для Среднихъ въковъ это последнее міросозерцаніе должно было заключать невыделимымъ элементомъ особенное догматическое содержаніе, но это требование не было, въ сущности, связано ни съ постановкою задачи ни съ ея ръшеніемъ. Поэтому, съ установленіемъ въ жизни понятія о религіозной терпимости какъ добродътели вполнъ естественно было стремление къ терпимости въ сферъ мысли и относительно способовъ, которыми пыталась интеллигенція новаго времени рішить философскую задачу католицизма. Его традиція—перешедшая и на протестантизмъ въ его разныхъ наименованіяхъ-требовала сохраненія въ возможной неприкосновенности въ философскихъ системахъ элемента

догматическаго; тамъ не менте, мало по малу, этоть элементъ сокращался, улетучивался, подвергался видоизмъненіямъ при сильной работь метафизического творчества. Метафизическія системы, сначала возникавшія рядомъ съ догматическими и устанавливавшія съ последними различные modus'ы vivendi. все опредълениве принимали на себя роль правомърныхъ преемниковъ мистическихъ ученій, пока не началась и не укрвиилась критическая работа сокращенія и улетучиванія и надъ метафизикою, какъ вспомогательнымъ орудіемъ объединяющей мысли. Въ последнюю эпоху многіе мыслители пробують обходиться совсемь какь безь перваго, такъ и безъ второго. Для всёхъ тёхъ, кто раздёляеть это стремление и призваеть его здоровымъ, въ философской задачъ, поставленной католицизмомъ (какъ и другими универсалистическими въроніями) приходится тщательно раздёлять два ея элемента. Самая задача, въ ея сущности и общей постановкъ, можетъ и должна быть разсматриваема какъ жизненный элементъ человъческой мысли, который эта мысль сохраняеть и въроятно сохранить какъ традицію одного изъ пройденныхъ ею фазисовъ своей исторіи. Ограничивающія же условія, поставленныя средневыковою культурою мыслителямь, пытающимся рышить эту задачу, приходится признать вредными переживаниеми для свободной работы философской мысли.

На почвъ только что указанныхъ переживаній доисторическаго времени и последовательных эпохъ исторіи, новой цивилизаціи приходилось одновременно и охранять жизненные элементы прошлаго, ею унаследованные, и решать задачи, характеристическія для новаго періода, и вырабатывать въ своей средв зародыши наступающаго или даже наступившаго уже будущаго. Когда историкъ мысли выделить изъ хода событій новаго времени въ его совокупности элементъ переживаній прошлыхъ періодовъ-безспорно весьма значительный и внимательнье въ вглядѣться вліятельный — ему предстоить характеристи-3aдругою эволюцію возникавшихъ одна отм фтить ческихъ изучаемаго періода, задачъ какъ последовательную ихъ постановку ахи исп немъ.

различін, такъ и получающіяся отсюда особенности последовательных эпохъ новаго времени. При этомъ каждая изъ этихъ эпохъ, нередавая последующимъ эпохамъ овою работу, создаетъ въ нихъ новыя переживанія или жизненные элементы, которыми историкъ мысли не иметь права пренебречь, но которыя, при ускореніи темпа историческаго движенія, могутъ поставить его въ затрудненіе.

Онъ долженъ уяснить себъ, между прочимъ, имъетъ ля онъ предъсобою послъдовательные фависы эволюціи, къ которымъ надо прилагать законъ выработки послъдующаго фависа изъ предъидущаго съ повторяющимися соціологическими процессами невъбъжнаго дифференцированія продуктовъ эволюціи на характеристическій черты, жизненные элемевты, переживанія и зародыши будущаго; или предъ нимъ лишь борющіяся между собою одловременныя теченія одного и стого же фазиса эволюціи, при чемъ побъда того или другого теченія обусловливается или можетъ обусловливаться разнообразными обстоятельствами, которыя далеко не всё могутъ быть установлены съ достаточною достовърностью.

Установивъ для всего періода и для каждой его эпохи комбинацію характеристическихъ ихъ задачъ съ переживаніями прошлаго, его жизненными элементами и зародышами будущаго, приходится историку мысли вспомнить, что эти задачи были поставлены цёлому ряду поколеній. Попытки решить ихъ были многочисленны въ продолжении последнихъ трехъ стольтій. Для этихъ попытокъ пользовались и пріемами научно-философскими и эмпирическими и чисто-фантастическими, но въ эпохи, когда на первомъ мъсть стояло утвержденіе и распиреніе области научнаго мышленія, имфютъ серьезное значение для историка мысли лишь первыя. И воть онъ принужденъ спрашивать себя: насколько научные пріемы рвшенія этихъ задачъ и другихъ, смежныхъ съ ними, вошли въ сознаніе передовыхъ личностей и чрезъ нихъ сдълались историческою силою? Насколько подвигалось впередъ рвшение на различныхъ фазисахъ эволюции новаго времени? Какія препятствія представляли—и еще представляють—этой эволюціи переживанія прежнихъ эпохъ, какъ наличныя силы, съ который приходилось считаться самым энергическимъ личностямъ каждой эпохи, приходится считаться и нашему современнику, историку мысли, въ попыткахъ понять процессъ, имъ изучаемый? На сколько самый этотъ періодъ свётской цивилизаціи, еще продолжающійся, не только противуполагается, въ его цёлости, эпохамъ предшествовавшимъ, но представляетъ последовательные фазисы, каждый изъ которыхъ отличается особенными характеристическими чертами, переносить въ будущее свои особенные жизненные элементы и переживанія и обнаруживаетъ особенные зародыши задачъ, собственно принадлежащихъ къ позднёйшимъ эпохамъ? — Трудно допустить, чтобъ историкъ мысли могъ обойти эти вопросы.

Новая цивилизація въ своихъ политическихъ формахъ характеризована прежде всего тымъ, что предъ нами эпоха государственнаго абсолютизма, на который переходить временно ореоль общественной святыни, окружавшій въ предшествующій періодъ представленіе о церкви. Въ силу этого высокаго значенія, теперь пріобрітеннаго государственною властью, она выступаеть, какъ государство поличейское, на путь политическихъ опытовъ надъ подвластными ей народами, -- опытовъ, на которые не могло рашиться государство прежнихъ періодовъ въ присутствіи силы обычая и разныхъ элементовъ, соперничавшихъ съ государственною властью. Но этотъ путь опытовъ, производимыхъ теперь неограниченною властью, должень быль, по логической необходимости, повести въ слъдующую эпоху къ другому ряду опытовъ, производимыхъ уже надъ этою самою властью въ виду ея ограниченія самоуправленіемъ народа. Какъ матеріальная подкладка государственнаго абсолютизма, является теорія меркантилизма, озабоченнаго въ особенности скопленіемъ денежныхъ средствъ въ рукахъ государственной власти и на территоріи, на которую эта власть распространяется. Въ числъ энергическихъ личностей, усвоившись теоретически принципъ меркантилизма, мы видимъ и министра монархіи, Кольбера, и не менье абсолютнаго, можетъ быть, протектора англійской республики, Кромвеля. Побъда неограниченной светской власти надъ средневъковымъ организмомъ церкви иллюстрируется и въ личностях 6 кардиналовъ-правителей, которые заключають союзы съ протестантами или ведутъ противъ нихъ войну въ силу мотивовъ, не мивющихъ уже ничего общаго съ върованіями; она оставляеть глубокіе следы и въ «Политике» Боссюэта. Другою немаловажною подладкою абсолютизма является, какъ следствіе новой финансовой цолитики, новая организація арміи; съ темъ вместе обнаруживается, подъ вліяніемъ общаго моднаго строя мысли, стремленіе крупныхъ индивидуальныхъ талантовъ (Тюреней, Вобановъ, Мальбро и др.) къ военной карьерв. Жизненнымъ элементомъ эпохи абсолютизма является и современная ей республика ученыхъ и литераторовъ, но въ формахъ этой новой республики внимательный наблюдатель не можеть не констатировать два элемента совершенноразличного характера и значенія, изъ которыхъ одинъ самымъ теснымъ образомъ связанъ съ особенностями первой эпохи абсолютизма и можетъ перейти въ последующія эпохи линь какъ нелогическое и вредное переживание; другой же служить почвою для усиленія идейных силь въ культурі, стремящейся создать светскій обычай, не менее безмысленный какъ прежніе, такъ что эти идейныя силы чуть ли не сейчасъ же начинають подрывать только что устанавливающійся абсолютизмъ и подготовляють бурныя оппозиціонныя ему стремленія слідующей эпохи. При началів новой эпохи этиидейныя силы ограничены лишь твмъ, что онв признаны сидами, но ихт соціальный рость сполна принадлежить будушему. За то съ особеннымъ блескомъ выступаеть на сцену исторіи изящно обработанная литература, придворное искусство и академическая наука, опирающіяся на деморализующее меценатство и вносящія въ новый обычай болье рызкое разпеленіе классовъ.

Какъ характерическій признакъ переживанія средневъковаго отдівленія духовныхъ отъ мірянъ, можно констатировать різкое противуположеніе двухъ слоевъ культуры и общей литературы—для массъ и для придворныхъ, а также понытку

обособить новое «светское духовенство» ученых академиковь оть профановь. Но особенно-характеристично первое противуположение для новой культуры, которую пробуеть установить свытскій абсолютизмъ. Въ эпоху поклоненія центральной власти, въ которой видели установительницу порядка среди феодальнаго и сектаторскаго хаоса, произошло выдёленіе придворной интеллигенціи съ ея утонченною культурою изъ большинства подданныхъ, а, вивств съ твиъ, въ явленіемъ, явной связи съ этимъ общественнымъ росла псевдоклассическая литература и придворное искусство, доказавшія своимъ общеевропейскимъ распространеніемъ, что это быль не містный эпизодь. Является попытка даже установить два различныхъ языка для высшаго и для низшаго жизненнаго обихода, очищая, при посредствъ академій изящнаго слога, языкъ избраннаго общества (языкъ ргеcieuses, послѣ-языкъ придворныхъ) отъ народныхъ элементовъ. Господствующее меценатство подавило и тотъ индивидуализмъ, который, какъ указано выше характеризоваль бурную эпоху Возрожденія, внося въ нее жизненный элементь свободнаго творчества. Искусство, театръ, вся литература псевдо-классициама едва ли могутъ быть поняты въ ихъ особенности и въ ихъ распространении, если не вглядеться въ ихъ соціологическую подкладку съ ея идеаломъ государственной власти, сохранившимъ въ себъ многочисленныя черты побъжденной имъ святыни духовной.

Однако, въ самую минуту торжества свътскаго абсолютизма, приходится констатировать и симптомы его непрочности. Прежде всего сила побъжденнаго клерикальнаго организма въ его переживаніяхъ — о которыхъ было только что
сказано выше — проявляется въ той традиціонной иллюзіи, въ
силу которой свътская власть считаетъ себя и теперь — какъ
было въ Византіи и въ Москвъ — естественнымъ защитникомъ
государственной церкви, и въ тъхъ враждебныхъ мърахъ, которыя свътское государство принимаетъ противъ еретиковъ
(янсенистовъ и гугенотовъ въ одной странъ, папистовъ въ
другой) въ прямомъ противуръчіи съ экономическими и поли-

тическими интересами государства, какъ могическаго органа религіозной терпимости, озабоченнаго лишь реальными интересами. Есть и другіе, менте заметные, но характеристическіе симптомы. Въ политической литературъ и въ заявленіяхъ политическихъ двятелей все чаще и опредвлениве возлагается на абсолютную власть деятельная опека надъ беднымъ населеніемъ, при постоянномъ распространеніи представленія восходящаго въ Кануну новой цивилизаціи -- объ обязанностях в власти относительно подданныхъ и какъ бы о невысказанномъ договорю между этими двумя элементами государства. Иные симптомы еще значительные и ярче. При всемъ блескы и кажущемся могуществъ абсолютизма этой эпохи, внимательный историкъ мысли констатируетъ, во все время его самаго опредвленнаго проявленія, продолженіе той антиабсолютической литературы, которую можно проследить до Кануна светской цивилизаціи; а въ самый расцвёть этого абсолютизма на сцену исторіи выступають англійскіе левеллеры со своей демократической программой.

Эти бользненныя явленія въ политической власти, только что одержавшей, повидимому, полную побъду надъ своими вчерашними врагами, надъ клерикальнымъ организмомъ католицизма и надъ феодальною дробностью политическихъ и юридическихъ правъ, были обусловлены темъ обстоятельствоми, что теперь, вследствіе только что упомянутой победы, изменилась задача государственной власти и ей приходилось считаться съ новою историческою силою, прежде едва входившей въ политические разсчеты, съ буржуазіею, вчера союзницею государственной власти въ ея политическихъ тенденціяхъ, но очень способною сделаться завтра ея противникомъ. Покончено было дело съ феодальной ісрархісй самостоятельных политическихъ и юридическихъ центровъ точно такъ, какъ съ феодальнымъ городомъ. На почвъ новой мануфактуры, новой финансовой политики и новой организація военныхъ силь въ постоянныя арміи, новое государство, уже вовсе не похожее на античныя республики и имперіи, стало лицомъ къ лицу съ классомъ растущимъ по своимъ экономическимъ и интеллектуальнымъ

силамъ, съ буржувзіею, работавшею сознательно надъ одною главною задачею: надъ отміною всёхъ средневёковыхъ привилегій, которыя ставили другіе общественные классы выше «третьяго сословія» т. е. выше ея, буржуазіи. Она, въ городахъ, политически уже не самостоятельныхъ, составляла главное пособіе для централизованных государствъ; она доставляла имъ персоналъ для бюрократіи и полиціи, охранявшей святыню светской власти, и персоналъ интеллингенціи юристовъ и литераторовъ, поддерживавшій власть своими умственными силами и продуктами, въ виду своих все яснъе сознанныхъ классовыхъ интересовъ. Буржуавію и roture приходится уже допускать въ салоны Рамбулье въ лице Вуатюра и остроумныхь Поло и Робино, а после Фронды появляются уже салоны, принадлежащие къ noblesse de robe и къ міру финансистовъ. Болъе или менъе случайныя обстоятельства могли обусловить решеніе насущных національных вопросовь; какъ будуть проведены на карть Европы границы между самодержавными государствами? удастся-ли князьямъ и курфюрстамъ Германіи сділаться самостоятельными государями? Въ какой мъръ потомки вчерашнихъ феодаловъ достигнутъ здъсь участія въ законодательной власти, ограничивая иниціативу монарха, и въ какой-тамъ это дворянство землевладъльцевъ сформируется въ персоналъ придворныхъ вельможъ, правящихъ государями чрезъ фаворитовъ и фаворитовъ? какую политическую силу пріобратаеть буржуваня всладствіе распредалення преимущественно въ ея рядахъ исторической интеллигенціи? Но, вив этихъ мъстныхъ вопросовъ, всюду исторія ставила предъ новою цивилизацією, въ той или другой форм в одинъ и тотъ же вопросъ: какъ установятся политическія отношенія между новымъ государствомъ, въ его интересахъ сильной власти, и буржуазіею, въ ея общественных задачахъ, какъ экономическихъ, такъ и идейныхъ? При этомъ всв прочіе общественные элементы могли быть лишь или элементами, видоизманяющими процессъ взаимодействія двухъ главныхъ общественныхъ силъ; или переживаніями пройденныхъ эпохъ, обреченными естественнымъ путемъ на вымираніе; или, наконецъ, зародышами

другихъ растущихъ силъ, другихъ грозныхъ задачъ, которыя собственно возникали уже на самой зарѣ новой цивилизаціи, однако истиннаго значенія которыхъ еще никто не угадывалъ.

Но, всл'єдствіе указаннаго выше пуализма въ областяхъ мысли теоретической и практической, обусловленнаго требованіемъ св'єтскаго строя въ новомъ обществ'є, рядомъ съ перинетіями политической жизни, вызванными взаимод'єтвіемъ новаго государства и новой буржуваін, шель въ этомъ обществ'є, какъ бы независящій отъ всего остального, прямолинейный и непоб'єдимый процессъ завоеваній строгой научной мысли, оциравшейся на античную градицію мысли критической.

Не могла оставаться въ ея обособленности эволюція научной мысли; не могли оставаться неизмінными и преділы области, которая была ей какъ бы отмежевана въ началь побъдоноснаго шествія впередъ новой науки. Во-первыхъ, философское мышленіе не могло являться чуждымъ успъхамъ спеціальныхъ знаній и, рядомъ съ попытками построить философскія системы при пособіи метафизическихъ пріемовъ, самостоятельныя хотя и частныя обобщенія ученыхъ спеціалистовъ должны были неизовжно привести къ новымъ попыткамъ построить научно-философскую систему, опирающуюся на самыя спеціальныя завоеванія науки и враждебную всякой догматикъ или метафизикъ, что устраняло распаденіе критической мысли на спеціально-научную и философскую, распаденіе, восходившее въ эпохъ Евклида и Архимеда съ одной стороны, вражды стоиковъ съ эпикурейцами — съ другой. Во-вторыхъ, область научной и философской критики-при ихъ распаденіи, точно также какъ и при ихъ соглашеніи-должна была охватывать не только сферу высшаго математического анализа, всемірнаго тяготвнія, химическихъ процессовъ, формъ и функцій живыхъ организмовъ, но также задачи индивидуальнаго и коллективнаго развитія психическихъ процессовъ, или задачи общественной солидарности, логически обязывая передовую умственную интеллигенцію рішить вопрось о возможности, о необходимости и о реальной разработки науки о солидарно_ сти, какъ теоретическаго пониманія этого основного соціоло-

гическаго принципа; а, вмъстъ съ тъмъ, должна была направить научную критику и на задачи пониманія историческаго процесса въ его частностяхъ и въ его целомъ. Въ третъихъ, наконецъ, подготовление и, отчасти, разработка, болье или менве сознательная, соціологических вопросовь, съ самаго начала періода новой цивилизаціи заключала, въ самой постановив своихъ задачъ, требование практическаго ихъ осуществлечія. Поэтому научная критика новаго времени, въ своемъ приложени къ вопросамъ общественнымъ, ставила, рядомъ съ научными вопросами о томъ, какъ понимать общество и государство, столь же научные вопросы: какъ внести въ жизнь это понимание? какъ передовой интеллигенціи сдулаться историческою силою, способною осуществить свои нравственные и общественные идеалы? какимъ образомъ совершить это осуществленіе съ наименьшимъ страданіемъ для личностей и для общества? какъ раціонально созидать будущее въ исторіи?... Короче говоря, предъ интеллигенціей новой цивилизаціи, возникавшей изъ бурной переходной эпохи Возрожденія, исторія ставила съ логическою необходимостью вопросъ о подготовленіи и созданіи соціологіи какъ науки и какъ практическаго ученія, и о пониманіи исторіи.

Прежде всего дёло шло, для новаго времени, о принципахъ научнаго мышленія, о его методахъ, позже — и о его
области. Для высшихъ теоретическихъ умовъ переходной
эпохи—о принципахъ и методахъ въ этой области не могло
быть уже рёчи. Критическая мысль въ ея требованіяхъ научныхъ пріемовъ мышленія выработалась въ античномъ мірё
съ полною опредёленностью. Но ходъ событій отодвинулъ ее
на задній планъ, и масса усвоила лишь конкретные ея результаты: требованія универсализма и жизни по убѣжденію),
какъ будто эти начала могли быть ясно поняты и практически осуществлены помимо критической мысли; какъ будто
конкурренція интересовъ—главный двигатель событій въ продолженіи всей прежней исторической жизни — могла быть

¹⁾ См. стр. 170 и слёд.

устранена изъ хода исторіи лишь потому, что и универсализмъ и нравственныя требованія заявляли себя враждебными этому историческому двигателю. Интересы, несоглашенные съ теоретическимъ ученіемъ, восторжествовали и должны были восторжествовать. Именно это было одною изъ главныхъ причинъ, которыя привели къ неудачъ попытки создать прочную средневаковую культуру. Теперь насладіе критической мысли античнаго міра именно въ спеціальныхъ областяхъ точныхъ наукъ воскресало не только безпрепятственно, но при покровительствъ обоихъ историческихъ силъ эпохи; и растущая свътская власть и отстаивающій свои переживанія организмъ католицизма или протестантизма видели въ ученыхъ спеціалистахъ помощниковъ своимъ интересамъ, удобныхъ здёсь для придумыванія новаго календаря, тамъ для прочтенія шифрованной переписки, еще чаще для целей, связанныхъ съ фантазіями алхимиковъ и астролотовъ. Но именно въ последнемъ случай возникамъ предъ интеллигенціей спеціалистовъ вопросъ уже гораздо боле спорный: какъ далеко шла область критически-достовърной науки? Принадлежали ли къ ней эти тайныя знанія, которыми наиболье интересовались Средніе Въка? Этотъ спеціальный вопросъ рішался отрицательно при помощи яснаго пониманія научныхъ методовъ. Но можно ли было научными пріемами разрабатывать другія области вившняго міра? Чтобы въ XIX вѣкѣ, по логическому ходу творчества общественныхъ формъ, могь быть-какъ только что было указано-поставленъ вопросъ о научной постройкъ соціологіи, необходимо было, чтобы до того возникла научная психологія индивидуальная и коллективная. Для выдаленія этой области изъ метафизической сферы споровъ о невещественныхъ сущностяхъ, необходимо было широкое развитіе науки о явленіяхъ жизни и о группировкъ живыхъ существъ. Но это, въ свою очередь, предполагало переходъ отъ фантазій алхимиковъ къ точной химін. Въ самой основъ всъхъ этихъ рядовъ розысканій должно было лежать ясное и широкое понятіе о механик в съ ея общими міровыми принципами; съ ея приложеніемъ къ астрономін, гдв приходилось бороться противъ догматическихъ

и метафизическихъ переживаній; наконецт. съ ея разнообразными приложеніями къ физика въ различныхъ областихъ последней. Короче говоря, чтобы оказалась возможною въ наше время даже постановка задачи о соціологіи, какъ наукі съ присущею ей общественною техникою, новая светская цивилизація должна была выработать, въ продолженіи трехъ в'вковъ, притомъ и о человака притомъ наукъ не только спеціализированныхъ, но составляющихъ связное и стройное целое. Исторія ставила въ начале ХУП-го выка предъ интеллигенціей новаго времени старинную задачу универсалистической мысли: создать «общечеловъческое нравственное ученіе, опирающееся на философское міросозерцаніе, но уже на міросозерцаніе вполн'в септское; т. е. д'вло шло о подготовкъ и о постройкъ зданія научной философіи, какъ пониманія міра въ его д'яломъ на почві спеціальнаго знанія, причемъ лишь подобная научная философія могла лечь въ основу соціологіи, какъ науки.

воть въ средв новой цивилизации, рядомъ съ ея театральною обрядностью и поклоненія светской власти при версальскомъ дворв и около подражателей короля-солнца, рядомъ съ волненіями пуританъ и кавалеровъ или Фронды, какъ бы особомъ мір'я совершается міровой процессь реста научной мысли въ продолжении стольтия, которое начинается работами Галилея и кончается трудами Ньютона и Лейбница, съ логическою необходимостью устанавливая послёдовательныя ступени пониманія міра, какъ механической системы; и съ такою же логическою необходимостью первымъ же физіологическимъ открытіемъ Гервея обусловливаются и методы розысканія и вся поздивищая эволюція физіологіи. Этоть мірь чисто спеціальных работь, въ которыхъ соперничають отдёльныя личности и организующіяся ученыя общества «світскаго духовенства» новой цивилизаціи, обособленъ, повидимому, отъ попытокъ создать общечеловъческое нравственное ученіе на почвъ философскаго міросозерцанія. Эти два теченія какъ бы сознательно стремятся остаться чуждыми одно другому. Мало обшаго между Лекартомъ «Рвчи о методъ» или «вихрей» и Ле-

картомъ анадитической геометріи, или между Лейбницемъ «предустановленной гармоніи» и «теодицеи» и Лейбницемъ дифференціальнаго исчисленія. Какъ бы забыта людьми строгой мысли старинная историческая задача античной мудрости и религіознаго апостольства: соединить пониманіе существующаго съ ученіемъ жизни. Философія, сохранившая заботу объ этой задачь, становится какъ бы чужда именно точной наукъ. Последняя идеть по пути къ научно-философскому міросозерцанію, какъ бы игнорируя и вопросы объ отношеніяхъ личности къ обществу и къ государству и даже вообще вопросы жизни, и предоставляя формамъ власти устанавливаться и разрушаться, законодательствамъ и процессамъ борьбы классовъ. идти своимъ порядкомъ, въ то время, какъ телескопъ, микроскопъ, химическіе вісы и новые способы математическаго вычисленія уясняють академикамъ и отдільнымъ ученымъ все новыя задачи вившняго міра. Философскія работы этого пе-ріода насквозь проникнуты еще не пытающимся даже выділиться изъ нихъ элементомъ метафизики. Однако, внимательно вглядываясь въ построенія, которыми Гобзъ или Спиноза, а позже Локкъ и Лейбницъ пытаются рашить великую философскую задачу, унасладованную ими отъ періода универсалистическаго верованія, историки мысли не можеть уже устранить само собою предъ нимъ возникающее требованіе-трудное, однако не неразрѣшимое-именно требованіе открыть въ работахъ героевъ философской мысли XVII-го въка и не сознанные зародыши и сознательное подготовление той чисто-научной философіи, на которую направлены здоровыя усилія философской мысли нашего времени и для которой матеріалъ тогда накоплялся все въ большемъ количествъ въ обсерваторіяхъ ученыхъ спеціалистовъ.

Логическая необходимость вывода последствій изъ существующихъ данныхъ не позволяла ни критическому мышленію ограничиться тою областью фактовъ, чуждыхъ жизненнымъ вопросамъ, которая одна была какъ бы отмежована для республики ученыхъ въ первую эпоху ея существованія, ни научному мышленію остаться достояніемъ немногочисленнаго «свътскаго духовенства» спеціалистовь, ни мысли научной окончательно обособиться оть мысли философской.

Канунъ новой цивилизаціи поставиль уже довольно різко въ области мысли нъкоторые новые вопросы творчества общественных формъ, какъ политическихъ такъ и экономическихъ. Методы ръшенія этихъ вопросовъ въ эту эпоху были случайны и эмпирияны, какъ оно и не могло быть иначе при господствъ энергическаго индивидуализма и при отсутствіи яснаго псиманія отношенія личности къ обществу. этимъ вопросамъ не могли уже не возращаться мыслители. Они къ нимъ и возвращались, идя все глубже и глубже въ ихъ рѣшеніи, подьзуясь для попытокъ этого рѣшенія все большимъ числомъ констатируемыхъ фактовъ, при чемъ самая посталовка сегодня одного изъ этихъ вопросовъ влекла за собою завтра съ логическою необходимостью постановку другого интеллигенцією данной эпохи. Приходилось все опредъленняе констатировать разницу понятій государства и общества и сльдовало, во первыхъ, уяснить отношенія между властью и источникомъ этой власти. Необходимо было во вторыхъ, для одънки этой власти, установить требованія, которыя передъ ней ставила исторія съ тамъ большею обязанностью, чамъ эта власть была неограниченные. Рядомъ съ этими возникающими задачами общественной мысли, мысль критическая новаго періода, выступая въ области философіи, обнаружила несколько различных теченій, особенности которых должны были опредвлениве установиться впоследствіи. Независимо отъ національныхъ различій работали некоторые уединенные умы, созидавшіе новыя метафизическія системы, вь болве или менве ясной связи съ научными трудами эпохи (Декартъ, Спиноза, Лейбницъ). Въ Англіи, философскія построенія носять на себъ уже совершенно опредъленно (у Гоббза, Локка) слъдъ борьбы политическихъ партій; но это объясняется темъ обстоятельствомъ, что тамъ политическія работы шире распространялись въ большинствъ населенія, и государственныя катастрофы совершались подъ вліяніемъ экономическаго роста класса землевладъльцевъ въ политической борьбъ противъ него столь же сильно растущей буржувани.

Всв указанныя здесь теченія мысли въ своей совокупности веди неизбъжно въ сферъ творчества общественныхъ формъ, къ наступленію второй эпожи періодъ новой світской цивилизаціи. На рубежі между первою и второю эпохою періода, историкъ мысли, можетъ быть, въ права констатировать фактъ появленія въ невиданныхъ до техъ поръ размерахъ популяризующей литературы и -- едва ли не въ тесной связи съ этимъ фактомъ-появленіе одного изъ тахъ коллективныхъ поднятій духа, которые создають аффективную солидарность личностей тамъ, гдв нътъ достаточно причинъ для солидарности фатальной въ организмѣ, единство котораго установилось автоматично, точно также, какъ отсутствуеть въ коллективности достаточное развитіе для установленія солидарности сознательной 1). Въ святынъ власти, имъвшей отчасти мистическій жарактеръ, совершилась теперь метаморфоза: эта власть уже не святыня по самой своей сущности, но идеаль исторической силы, способной-потому лишь, что она сила-осуществить идейныя требованія, которыя ставить ей потребность развитія, составляющаго наслажденіе для интеллигенціи, тогда какъ для культурныхъ дикарей эти требованія сділались модою. На наступившей ступени пониманій государственных в задачь, обяваности власти все болве заслоняють ся права. Служеніе силь, которая одна способна, по мевнію почти всей интеллигенція эпохи, вести общество по пути «просв'ященія» и «народнаго блага», представляется обязанностью для личности, но не потому, чтобы это была святыня или просто механическая сила, а потому, что она осуществляетъ задачу просвищения, вносить въ жизнь тотъ идеалъ правоваго и разумнаго общежитія, который теперь есть идеаль всякаго члена передовой интеллигенціи. Надъ властью, которой служить эта интеллигенція, она устанавливаетъ идейный контроль, который въ будущую этоху, самыхъ естественнымъ образомъ

¹) См. стр. 30 и след.

перейдеть въ требование контроля реальнаго. Волна энтузіаз... ма, вызваннаго идейными стремленіями, поднимають эту интеллигенцію. Законъ стремится сділаться дійствительно «писаннымъ разумомъ», но уже не по античному преданію, а какъ право естественное; во имя нравственныхъ началъ, въ него вносимыхъ просветителями въ силу своего индивидуальнаго пониманія и убъжденія. Уединенные мыслители пишуть конституціи для народовь и обдумывають «общественный договоръ». Поднимается протесть противъ пытки и противъ смертной казни. Слышатся уже разсужденія, о «правахъ человека». Создается идеаль просвышиельной бюрократіи съ которой какъ бы отождествляется представление о прогрессивной интеллигенціи, -- бюрократіи, гуководящей обществомъ. Возникаеть иллюзія, что интеллигенція просвятителей многочисленна, потому что мода побуждаеть примыкать къ ея рядамъ дикарей новой культуры, вовсе недоступныхъ задачь, развитія. Создается и другая иллюзія, что деспоты-просв'ятители, министры-реформаторы составляють прочную силу, такъ какъ ихъ двятельность поддержана лучшими идейными силами. Но, въ сущности, болбе сложныйи болбе радикальный процессъ скрывается подъ процессомъ видимымъ. Непрочный и временный характерь имбеть связь между передовою интеллигенцією и просвітительною властію, точно также какъ идейный подъемъ въ большинствъ классовъ господствующими. Передовая интеллигенція проникнута большею частью искреннимъ энтузіавмомъ къ реформамъ въ виду созданія правоваго и разумнаго общежитія. Господствующіе классы увлечены модою, неимфющею прочнаго основанія ни въ ихъ интересахъ, ни въ ихъ развитіи. Власть же, даже въ своихъ наиболве интеллигентныхъ представителяхъ, высказываетъ свою «служить народу», но опекая его въ виду его блага, она государственный строй реформы. стремится вносить ВЪ благодътельныя для общества, HO **HOMHMO** всякой иниціативы «народа». Внимательный историкъ мысли здёсь констатируетъ сознаваемое интеллигенціею свое право критики въ приложении и къ моднымъ идеаламъ, и къ мърамъ народ-

ной опеки, и къ формамъ власти, такъ какъ во всехъ этихъ областяхъ дело идеть объ идеалахъ личныхъ и общественныхъ, выработанныхъ самою интеллигенціею, все яснъе усвоивающею сознаніе, что она есть историческая сила или должна сделаться подобною силою; власть же деспотовъ-просветителей сохраняеть свое высокое значение потому лишь, что она, по мнънію интеллигенціи этой эпохи, единственное средство для воплощенія въ жизнь идеаловъ этой же интеллигенціи. Но это право критики прилагается все шире и становится все болъе опаснымъ для идеала власти, опекающей «народъ» въ виду его облагодътельствованія помимо всякой его иниціативы. И популяризующая литература и завоеванія науки, и постройка философскихъ системъ, и практическія задачи, возникающія предъ обществомъ, становятся все болве элементомъ литературы боевой, которая опять таки распространяется на всъ европейскія страны, какъ общее теченіе времени. Крикъ «ecrasez l'infame», направленный противъ соперниковъ свътскаго государства, вызываетъ подражание и въ другихъ областяхъ общественной жизни. Представителями власти, на которую историческія теченія и требованія передовой интеллигенціи возлагають обязанность стоять во глав' реформъ, являются не только Петръ I, Фридрихъ II, или Іосифъ австрійскій, но также Людовики XV или Августы саксонскіе, служеніе которымъ трудно было признать діломъ просвіщенія и прогресса. Понятіе о бюрократіи, руководящей обществомъ, находилось въ полномъ противурачи съ естественнымъ стремленіемъ буржуазін-доставляющій весь персональ этой бюрократіи-господствовать, какъ классъ, устраняя не только привилегіи среднев вковых в сословій, но и исключительное положение администрации, какъ органа власти, имъющаго свои обособленные интересы. Возникають роковые вопросы: можеть ли государственная власть въ той формѣ, которую она выработала въ последнюю треть XVIII-го века, наличными ея традиціями и съ созданной ею бюрократіей, быть органомъ истиннаго просвъщенія или реформъ, осуществляющихъ благо народное? Можетъ ли вообще это благо быть осуществлено

безъ иниціативы самого народа? Въ какой формъ, наконецъ, ета иниціатива можетъ и должна проявиться, если приходится отказаться отъ мечты о благодътельной и просвътительной власти, дъйствующей путемъ бюрократіи на массы?

Эти вопросы приходилось рашать въ эпоху, когда отношеніе двухъ главных в исторических силь этого времени--государственной власти и буржуазіи-существенно изм'внилось; измънилось и отношение научныхъ работъ къ жизненнымъ вопросамъ. Буржуазія не нуждалась уже, въ виду своихъ экономическихъ и культурныхъ интересовъ, въ покровительствъ власти, какъ общественной святыни, или даже какъ самостоятельной силы, независимой отъ буржуазіи и имбющей возможность, помимо ея, поддерживать новые общественные элементы: Буржуазія все болье приникалась сознаніемъ, что именно, она-общественная сила, вовсе не нуждающаяся въ опекъ власти, но для которой государственныя средства должны служить оружіемъ; что она, какъ представитель «народа»--- о которомъ такъ заботились будто-бы и деспоты-реформаторы, ихъ просвътительная бюрократія — можетъ переработать формы государства во имя идеи народнаго самоуправленія. Историкъ мысли едва ли можетъ усомниться, что тому поднятію общественнаго духа и тому политическому энтузіазму, на которые было указано выше, во многомъ содействовало обстоятельство, что именно во второй половинъ ХУІП-го въка буржуазія все болье проникалась сознаніемъ своей силы поли. тической, какъ сословія, составляющаго почти весь персоналъ государственныхъ дъятелей; своей силы экономической, какъ класса, чрезъ руки котораго переходила большая часть движимыхъ общественныхъ богатствъ; наконецъ, своей силы интеллектуальной, какъ общественнаго слоя, доставлявшаго почти весь персональ ученыхъ, мыслителей, художниковъ, литераторовъ, и создавшаго для нихъ центры цивилизаціоннаго вліянія, оппозидіонные придворнымъ кружки въ буржуазныхъ салонахъ. Къ этому присоединялась въ ней вполнъ искренняя въ эту эпоху иллюзія, что она, буржуазія, дійствительно представительница интересовъ массъ.

Къ этому фазису эволюція буржувани, какъ самостоительной общественной свям, приходится, повидимому отнести и особенную форму универсализма, исихологически тесно сензанную съ представлениемъ о исемірной пителлигенціи просвітителей, витересующейся лишь общимъ развитіемъ, одинавово доступнымъ всему господствующему и состоятельному классу, игнорируя пасынковъ цивилизаціи, фатально обреченных в, въ эту эпоху своинь прошлымъ на различныя культурныя формы и на національную разпицу. Это быль космополитилма «гражданъ міра», торговцевъ всемірнаго рынка, провикнутыхъ убъжденіемъ, что они-все действительное человечество. На этой идейной почив из XVIII-мъ въвъ вознивъ космонолитический союзъ «нольныхъ камень» щиковъ», масоновъ, оказавшій временно не малое вліяніе и на политическое движение революціонной впохи, но имфицій особенную важность вакъ явленіе світское в опреділенно-оппозиціонное союзамъ дерковнымъ всъхъ наименованій, и потерявшій всякое серьезное значеніе въ новъйшую впоху, когда ему противуположился иной упиверсализмъ въ формъ интернаціонализма рабочихъ истхъ странъ и націй, и когда затвиъ последовала борьба этого интернаціонализма съ интерваціонализмомъ всемірныхъ комерсантовъ, индустріалистовъ и биржевыхъ спекуляторовъ, не имфющихъ уже ничего общаго съ «гражданами міра» XVIII-го вѣва.

Можеть быть сильный толчекъ въ направлении къ только что упомянутой эволюціи буржуазін дали экономическія катастрофы, имвинія место уже въ началь XVIII века, а также безобразія колоніальной политики. Эти явленія обнаружили воочію значеніе экономическихъ процессовъ, передъ которыми законодательство оказывалось большею частью безсильнымъ, но которые вносили въ жизнь общества самыя радикальныя потрясенія. Критическая мысль обратилась на экономическіе вопросы. Въ глазахъ мыслителей-экономистовъ, деньги потеряли то значеніе, которое имъ передъ этимъ приписывали и теоретики и государственные люди. На сміну меркантилизма выступають съ попыткою рашить экономическій вопрось о блага народовъ и о государственныхъ задачъ сначала физіократы, в всявдъ за твиъ классическіе экономисты. Работа экономической мысли еще оживляется, когда, рядомъ съ борьбою экономическихъ теорій, совершается поразительный чисто-реальный процессъ перехода мануфактуръ въ фабрики и заводы; возникаетъ громадная новая машинная техняка; формы производства претериввають радикальныя изменения; создаются массы пролетаріата въ то самое время, какъ въ рукахъ индустріальныхъ предпринимателей концентрируются богатства, не только не устукающія темь, которыя въ предшествующую впоху оказывались въ рукахъ крупныхъ землевладёльцевъ, торговыхъ магнатовъ или индійскихъ набобовъ, богатства боле прочныя, такъ какъ они имели теперь неустранимую реальную основу: это была потребность въ работе у милліоновъ пролетаріевъ, приносящихъ на рынокъ свои руки; это была добавочная стоимость, ими создаваемая чуть ли не во всёхъ формахъ ихъ индивидуальнаго труда.

Этотъ рость буржуазіи, какъ общественной силы, и связанный съ нимъ переворотъ въ формахъ производства и въ разделеніи классовъ не могь не оказать вліянія и на другія области работы мысли. Продолжалось указанное выше прямолинейное развите точныхъ наукъ, которое, какъ разъ въ эпох в политических в бурь во Франціи, создавало новую химію и, при помощи ея, давало бол ве прочную почву научной біологіи. Это новое широкое развитіе наукъ, ранве признанныхъ точными, рядомъ съ усиливающимися попытками научно-обработать вопросы экономические и съ неуклонною необходимостью обратить вниманіе теоретиковь на громадныя техническія завоеванія эпохи , способствовало и стремленію къ популяризаціи всвхъ наличныхъ вопросовъ теоретическихъ и практическихъ, стремленію, на которое было указано выше, какъ на характерическую черту эпохи. «Энциклопедія» Дидро была для этой эпохи знаменательнымъ памятникомъ умственной революціи, въ процессь которой ученые спеціалисты добровольно или невольно отрашились отъ своего исключительнаго положенія «свътскаго духовенства», нашли почву сближенія съ умственными потребностями профановъ, и поставили самую широкую популяризацію всёхъ знаній и всякаго пониманія, какъ пъль для знающихъ и понимающихъ. Но при этомъ произошло-если не въ міръ науки, то въ міръ ученыхъ-еще иное явленіе, тесно связанное съ революціей въ области производства. Научныя завоеванія механики, физики и химіи

направились вы значительной мфрф весьма определенно на техническія цізли, что, съ одной стороны, способствовало той экономической централизаціи богатствъ въ рукахъ индустріальныхъ предприниматетей, о которой только что говорилось; съ другой же вызывало въ умахъ личностей, занимающихся точными науками, особенное направление этихъ занятій; дівло шло уже не объ открытій новыхъ истинъ, какъ о жизненной цъли, имъющей свою самостоятельную цънность и возвышающей личное достоинство ученаго; но объ экономической выгодь новаго открытія и для того промышленника, который воспользуется новой истиной, и для спеціалиста, сдълавшаго открытіе, допускающее подобную эксплуатацію. Наука не изм'внила своего прямолинейнаго логическаго хода къ расширенію и украпленію своей территоріи. Но, рядомъ съ ученымъ-мыслителемъ, все въ большомъ числв, въ техъ же академіяхъ и ученыхъ обществахъ, на техъ же конгрессахъ спепіалистовъ, все росло число ученыхъ-индустріалистовъ, для которыхъ экономическая сторона ихъ научной работы стала на первомъ планъ, и которые были способны скрыть или даже исказить ясную имъ истину, если это оказывалось подезнымъ въ виду ихъ личныхъ экономическихъ интересовъ и ихъ общественнаго положенія. Само собою разум'вется, что это самое явленіе обнаруживалось еще чаще и знаменательнъе въ области вырабатывающихся общественныхъ наукъ, подготовлявшихъ соціологію; чаще и знаменательне потому, что тутъ и пріемы критики не были на столько установлены, чтобы лжеученое соображение было такъ же легко облегчить, какъ въ химіи или въ физіологія; и сознанные интересы конкуррировали съ большею энергіею.

Въ связи съ предъидущимъ можно сказать, что всѣ условія жизни второй эпохи періода новой свѣтской цивилизаціи, именно эпохи просвѣтительной дѣятельности, направленной на сближеніе серьезной и боевой интеллигенціи съ большинствомъ обезпеченныхъ классовъ, вызывали довольно естественно два явленія въ области мысли: во первыхъ, при атрофіи прежняго меценатства, произопло пониженіе эстетическаго уровня худо-

жественнаго творчества, которое теперь принимало на себя преимущественно роль орудія идейной пропаганды; во вторыхъ, объединяющее мышленіе обратилось на насущные вопросы дня, при чемъ самый терминъ философіи усвоилъ смыслъ болье практически-боевой, чъмъ умозрительный; главною задачею ея становилась борьба противъ средневъковыхъ переживаній оружіемъ сенсуализма, деизма и матеріализма.

- Для внимательного историка мысли при нынвшнемъ состоаніи званія и пониманія, предъ только что указанными революціями въ области техники, экономическихъ явленій и экономическихъ теорій, наконецъ въ отношеніи научной мысли къ вопросамъ практическимъ и жизненнымъ, какъ бы бледяркія событія йоте эпохи; между самыя эдесь, предъ историкомъ мысли, одна изъ самыхъ бурныхъ эпохъ человъческой исторіи, съ которой многіе мыслители находять нужнымъ начинать какъ бы новый періодъ исторіи политической. Въ сущности, именно въ политическомъ смыслъ, едва ли не върнъе смотръть на эту эпоху, какъ на прямое продолжение предъидущей, только при обстановкъ радикальноизмънившейся. Задача новаго свътскаго государства осталась та-же: путемъ измѣненія его формъ и его законодательства творчество этихъ общественныхъ формъ пыталось идти по пути прогресса. Только теперь это прогрессивное общественное творчество отказалось отъ надеждъ употреблять, какъ единственное возможное оружіе, неограниченную власть Помбаня или олигархическаго парламента Англіи конца XVIII-го въка, а обратилось къ оружію народнаго самоуправленія, народной воли, демократіи Не измінилась и основная общественная сила, обусловливавшая и внешность событій и ихъ дъйствительное содержание: этою силою оставалась та самая буржуазія, которая въ концѣ Среднихъ вѣковъ и въ Канунъ новой исторіи доставила светскому абсолютизму возможность подавить сословный феодализмъ въ интересахъ ел, буржуазіи, которая стала подъ знамя деспотовъ-просветителей, осуществлявшихъ государственною силою ея задачи ея идеи. Толькотеперь она выступала въ роли самоуправляющагося народа,

разбивая на куски ту самую власть, которой она вчера служила, ломая то самое орудіе, которое вчера считалось необходимымъ, а теперь оказалось негоднымъ для цѣлей опять таки ея, буржуазіи. Дальнѣйшему ходу событій приходилось показать, было ли достаточно для историческаго прогресса новое политическое орудіе, которое служило къ созданію новаго царства буржуазіи, ничѣмъ уже не стѣсненной и попытавшейся создать новую прочную культуру, именно культуру капиталистическую.

Однако, какъ ни посмотритъ историкъ мысли на политическое значеніе этой эпохи-какъ на начало радикально-изм'йнившагося ряда событій или какъ на продолженіе прежняго ихъ хода въ ръзко-изманенной форма, - во всякомъ случав третья эпоха періода новой світской цивилизаціи характеризована, въ своихъ вившнихъ формахъ, целою группою самыхъ крупныхъ политическихъ катастрофъ, заслонившихъ, по своей драматичности, предъ глазами многихъ мыслителей, болье существенное значение одновременной технической, экономической и умственной революціи, о которой сказано предъ этимъ. Тогда впервые, на почвъ сознаннаго, обсуждаемаго и легально постановленнаго договора, возникла за океаномъ могущественная федеральная республика, въ которой до сихъ поръ целыя группы мыслителей готовы видеть политическій идеалъ нашего времени; государство, построенное буржуазною интеллигенціею страны, устраняя сразу то сословное политическое различіе, которое тяготьло, какъ переживающая традиція, надъ буржуазією всёхъ странъ Европы. Тогда въ небольшое число леть на почет Франціи историкъ творчества общественныхъ формъ отмъчаеть бурный рядъ политическихъ опытовъ, смену конституцій, въ которых политическіе энтузіасты воплощали свои — большею частью смутно понятые политические идеалы, принося имъ въ жертву самыхъ близкихъ союзниковъ, навязывая ихъ народамъ, въ которыхъ готовность къ воплощенію этихъ идеаловъ была еще очень сомнительна, и окончательно приводя вчерашнихъ политическихъ энтузіастовъ къ безобразію новаго цезаризма, къ см'ян'я политическаго энтузіанизма столь же полнымъ политическимъ разочарованіемъ, индифферентизмомъ и упадкомъ духа; и оставляя следующей эпохе, какъ результать грозныхъ политическихъ бурь, лишь фактъ господства буржуазіи какъ экономической, политической и идейной силы, со всеми особенностями, обусловленными этимъ фактомъ. Тогда-какъ бы въ видъ доказательства отъ противнаго-стерто было съ политической карты Европы и государство, думавшее, въ своемъ шляхетскомъ и сеймикократическомъ стров, обойтись безъ буржуазів; оно исчезло рядомъ съ многочисленными болъе слабыми представителями феодальныхъ переживаній. Тогда и на самой прочной въ западной Европъ политической почвъ, именно на почвъ Англін, началось радикальное движеніе противъ стараго парламента, не дававшаго достаточно почвы для буржуазіи, рость которой быль именно здёсь наиболёе могуществень; движеніе. которое должно было повести къ ряду реформъ все более радикальныхъ и все болве демократическихъ.

Подъ совокупнымъ вліяніемъ экономическихъ, политическихъ и научныхъ переворотовъ и перипетій, охватывавшихъ и эпоху въры въ просвътительный и опекающій абсолютизмъ и эпоху попытокъ самоуправленія народа, какъ единаго общественнаго пелаго, совершалась работа мысли и въ другихъ сферахъ, именно въ сферв эстетическаго и философскаго творчества. Но именно здёсь приходится внимательно отличать и разницу эпохъ и разницу подготовленности той или другой страны къ совершающемуся движенію въ области мысли Въ канунъ революціонной эпохи историкъ мысли констатируетъ. что энтузіазмъ интеллигенціи быль исключительно направленъ на борьбу съ переживаніями, на практическіе жизненные вопросы о власти ио личной инипіативь, на теоретическія и реальныя задачи буржуазіи въ ея соперничестві съ бюрократіею и съ переживаніями феодализма, въ ея стремленіи стать господствующею общественною силою. Наиболе сильные умы были отвлечены иными заботами отъ требованій правдивости или патетичности въ искусствъ и въ литературъ, или видъли въ послъдней лишь средство для идейныхъ цълей. Атрофировалось творчество

предшествующей эпохи, обусловленное меценатствомъ власти и служеніемъ ей какъ святынь; однако традиціямъ этой формы псевдо-классического творчества продолжають служить представители литературы и искусства, какъ модъ, противъ которой не находила нужнымъ бороться интеллигенція; создавалась, какъ литературное оружіе, лишенная всякой художественной правдивости форма сантиментализма, плаксивой буржуазной драмы. Въ работахъ объединяющей мысли, направленной на господствующія заботы эпохи, интересь къ популяризаціи, къ умноженію арміи просвітителей-какъ по убіжденію, такъ и по модъ-заслонялъ интересъ къ глубокому и широкому мышленію: противъ «стараго режима» удобиве было бороться не оружіемъ сложныхъ умозрѣній, а оружіемъ «здраваго смысла». Но именно въ этой области мысли произошелъ вседъ затемъ переломъ, на первый взглядъ поразительный. Когда эпоха служенія существующей власти, какъ средству воплощенія въ жизнь идей передовой интеллигенціи, смінилась эпохою цересоздать форму власти, такъ чтобъ последняя могла сделаться дъйствительно средствомъ для указанной общественной цъли, то лишь перипетіи возвышенія и пониженія общественнаго духа при ход в дальный шихъ событий могутъ объяснить историку новъйшей мысли одно довольно крупное явленіе: именно возрождение сначала въ Германии, а потомъ и въ другихъ странахъ Европы, творчества художественнаго и творчества философско-метафизическаго въ самую эпоху революціонныхъ бурь во Франціи и въ эпоху непосредственно за этимъ послъдовавшую. Вообще, если историкъ мысли охватить въ своемъ обзоръ общій ходъ работы эстегической и философской мысли за весь періодъ новой св'ятской цивилизаціи, то ему довольно трудно разглядеть, что въ главныхъ литературныхъ, художественныхъ и философскихъ продуктахъ разныхъ эпохъ принадлежить тому или другому изъ общественныхъ теченій, или проявляющихся одновременно, или быстро сменяющихъ другъ друга, или вступающихъ одно съ другимъ въ разнообразныя комбинаціи. Здёсь кое что восходить еще къ вліянію отношенія къ светской власти какъ къ самостоятельной святыне въ

лиць монарха или въ формъ правоваго общественнаго строя; другое-къ просветительной тенденціи при помощи той-же власти, но обратившейся, по собственному пониманію, въ слугу общества, имъ опекаемаго; третье объясняется приливомъ общественнаго энтузіазма въ процессв перестройки политическаго міра собственной инціативой народа. Въ нікоторыхъ явленіяхъ этой области проявляется уже позднъйшая эпоха политическаго разочарованія и индифферентизма: мыслители представляють экономической конкуренціи создавать и разрушать громадные капиталы; вырабатыется въ обществъ жажда утонченняго комфорта, прикрываемая лицемврными фразами о великихъ идеалахъ, въ которые всего менье върили ть, выставляль эти идеалы на своемь знамени, проникаясь, въ сущности, все болве убъжденіемъ въ невозможности удовлетворить какимъ бы то ни было путемъ высшія потребности человака. Кое что, наконецъ, въ области литературы, искусства и философіи или было уже прямо обусловлено начинающеюся борьбою противъ капитализма, или, независимо этого боевого мотива, приходило къ разкимъ нападеніямъ на формы современной жизни, или, хотя бы косвенно, поддерживало враговъ капитализма, подрывая самостоятельными путями его основныя тенденціи и аргументы, выставляемые въ пользу его. Но едва ли менъе трудно этому историку мысли разобраться въ сложныхъ и какъ бы противоположныхъ проявленіяхъ работы мысли, одновременно характеризующихъ эпоху, которую принято многими называть эпохою «революціонною». Можеть быть, всего върнъе объяснить хронологическое сосуществование этихъ течений общимъ поднятиемъ духа въ овропейскомъ обществъ, вызвавшемъ энтузіазмъ передовой интеллигенція, но направившемъ этоть энтузіазмъ на разныя области мысли вследствіе различія психических типовъ національностей и разницы ихъ политической подготовки.

На почвъ Франціи этоть энтузіазмъ направился естественнымъ путемъ на перестройку политическихъ формъ, перестройку насильственную, отчасти исскуственную, и, во всякомъ случаъ, опиравшуюся на весьма недостаточное пониманіе эконо-

мическихъ и культурныхъ затрудненій общественной задачи, поставленной исторіей предъ интеллигенціей: соотечественникамъ Дантона и Робеспьера некогда было удълять заботы на эстетическое и философское творчество и они оставались върными переживаніямъ псевдо-классицизма въ литературѣ и философіи, «здраваго смысла» въ умозраніяхъ; но недостаточная ясность цълей, изъ за которыхъ они боролись и губили другъ друга, могла довольно логически привести, при наступившихъ политическихъ разочарованіяхъ, къ упадку общественнаго духа, смінившему политическій энтузіазмъ, и ко тому деморализующему общественному настроенію, которое сділало возможнымъ наполеоновскій цезаризмъ. Этотъ же упадокъ духа подготовиль последовавшія затемь тенденціи буржуазной культуры съ ея враждебностью всякой «идеалогіи» и съ концентрировкою главной работы мысли ея интеллигенціи на способахъ личнаго обогащенія вообще (что воплотилось въ пресловутый, хотя, по всей въроятности, минический-призывъ Гизо: Enrichissez vous) и, въ особености, на почвъ гигантскихъ успъховъ. техники.

Въ Германіи къ подобнымъ взрывамъ политическаго энтузіазма не было вовсе подготовленной почвы ни въ привычкахъ личной мысли, ни въ учрежденіяхъ. Но ходъ событій позволилъ выработаться общественному классу духовныхъ и свътскихъ педагоговъ, которые сплачивались въ многочисленныхъ университетахъ въ небольшія группы, солидарныя по своимъ умственнымъ тенденціямъ и имѣвшія досугь для идейнаго творчества. Это творчество, направлялось, за отсутствиемъ подготовки къ политической деятельности, на деятельность поэтическую и философскую. При нынешнемъ эмбріональномъ состояніи знаній и пониманія въ коллективной психологіи, историкъ мысли едва ли можетъ даже приблизительно рашить вопросъ, ночему въ эту эпоху могла одновременно выработать. ся весьма значительная группа крупныхъ идейныхъ дъятелей. Въ этой группъ возвышаются надъ другими предвъстникъ золотого въка Германіи, Лессингь, геніальный философскій умъ Канта и два великихъ поэта Германіи; около нихъ, какъ ихъ

товарищи, ученики и какъ самостоятельные подражатели въ области поэзін и философіи, предъ нами не малое число высокоталантливыхъ личностей, не теряющихъ своого значенія даже по сравнению съ этими гигантами нъмецкой мысли; наконецъ уже гораздо ниже стоятъ многочисленные второстепенные работники на этомъ поприщѣ, большею частью несамостоятельные подражатели и адепты моднаго направленія мысли. Но всв они въ целомъ вызвали весьма крупное идейное теченіе, которое разлилось на весь цивилизованный міръ и временно сдѣлалось универсалистическимъ. Если допустить, что эта волна поэтическаго и философскаго энтузіазма была вызвана тымъ же поднятіемъ духа въ европейской интеллигенціи, которое лежало въ основъ революціонных бурь тогдашней Франціи, то приходится признать, что, въ этомъ направленіи, волна эта не обнаружила такого быстраго и печальнаго пониженія, какъ республиканскій энтузіазмъ техъ французскихъ гражданъ, которые пережили буру революціи, и что она, въ дальнъйшихъ своихъ судьбахъ, пошла по разнымъ русламъ, изъ которыхъ иныя могли считаться жизненнымъ элементомъ для последующихъ эпохъ, хотя, при встрвчв съ общей волной реакціи въ XIX-мъ въкъ, метафизическій и эстетическій энтузіазмъ. о которыхъ здёсь идеть рёчь, не могь не проявиться и какъ довольно вредное переживаніе. Попытка распреділись различныя одновременныя явленія и последовательные фазисы, сюда относящіеся, по ихъ различному сродству съ основными общественными теченіями, на которыя было указано, могла бы привести повидимому, къ следующимъ результатамъ.

Взрывъ эпохи «бурь и волненій» (Sturm und Drangperiode) и выступленіе Канта съ его революціей въ научной и философской теоріи познаванія, отчасти и метафизическую идеализацію я у Фихте, всего скоръе можно сблизить съ эпохою политическаго энтузіазма во Франціи конца XVIII-го въка. Уже къ росту реакціи противъ политическихъ и общественныхъ заботъ и, спеціально, противъ французскаго политическаго движенія, приходится отнести исключительное преобладаніе эстетическихъ интересовъ въ маленькомъ мірѣ Вей-

мара около олимпійца, пережившаго всйхъ своихъ современниковъ. Это направленіе еще опредёленнёе подпадаеть вліянію реакціи у нёмецкихъ романтиковъ и у метафизиковъ, близкихъ къ ихъ группѣ. Но романтизмъ въ литературѣ и въфилософіи оказывается комбинацією работы мысли весьма сложною и допускающею самыя неожиданныя метаморфозы, когда онъ переходитъ въ другихъ странахъ къ эпохѣ, которую многіе обозначаютъ терминомъ «царства буржуазіи», и вызываетъ все растущую группу интеллигенціи къ борьбѣ съ этимъ царствомъ.

Въ Германіи, у Фридриха Шлегеля, и въ «положительной философіи», которой поучаеть Шеллингъ берлинскихъ учениковъ Гегеля по смерти ихъ учителя, это — полная сознательная реакція въ направленіи клерикализма, средневъковой культуры и мистического отношенія къ власти; однако, въ то же время, это, въ значительной мфрф, у нфмецкихъ романтиковъ, протестъ противъ «буржуазной пошлости» во имя высшихъ требованій жизни (въ данномъ случай болйе эстетическихъ), тогда какъ, рядомъ съ романтизмомъ въ поэзіи и въ философіи, изъ рядовъ «лівыхъ» гегеліанцевъ выдвигается группа «діалектиковъ» уже совершенно иного направленія, группа Фейербаховъ, Штраусовъ и Марксовъ. Въ Англіи романтизмъ есть не только протестъ противъ пошлости буржуазныхъ формъ жизни (общій почти всемъ романтикамъ), но и противъ основныхъ началъ наличнаго общественнаго строя, и, въ этомъ его фазисъ, какъ въ «байронизмъ», враги капиталистического порядка находять въ немъ союзниковъ косвенныхъ, а иногда и прямыхъ, подготовляющихъ борьбу позднейшихъ эпохъ и доставившихъ аргументы для этой борьбы. Во Франціи, гдв романтическое теченіе въ литературі выступаеть на историческую сцену всего позже, оно подъ вліяніемъ распространяющейся враждебности къ идеологіи, принимаеть чисто-формальное направление на борьбу съ песвдо-классицизмомъ (царствовавшимъ тамъ еще въ 20-хъ годахъ и до сихъ поръ им вющимъ тамъ своихъ сторонникові), на игру въ условныя средневъковыя, восточныя и всякія другія экзотическія формы, въ мистику и въ ведикія идеи; этотъ французскій романтизмъ, при тонкой выработкъ формы, сохранилъ въ себъ значительную дозу неискренности и театральности, присущей вообще эпохъ царства буржуазіи. Въ Польшъ романтизмъ не только не воплощаетъ политическаго и соціальнаго индифферентизма эпохи, но становится энергическимъ и глубокоискреннимъ въ своей фантастичности пробудителемъ политической жизни въ народъ, исчезнувшемъ съ политической карты Европы. Въ Россіи оно быстро переходитъ къ требованію художественной правдивости.

Однако, рядомъ съ этими разнообразными элементами реакцін или прогресса, жизненными или патологическими, въ романтизм'в всехъ странъ существують и некоторыя общія черты. Одну изъ нихъ нельзя не отнести къ переживаніямъ. Въ этомъ направленіи романтизмъ пытается въ работі мысли вообще, въ формахъ культуры и въ самомъ творчествъ общественныхъ формъ, деставить преобладание элементу эстетическому, создать изъ поэтовъ и художниковъ новое «светское духовенство» (какъ въ предъидущую эпоху пытались это сдълать для ученыхъ ихъ исключительныя академіи), продолжающее въ новомъ обществъ ту роль, которую романтики приписывали въ своемъ воображенік пророкамъ и магамъ давноминувшаго періода. Подобное же болье или менье ясно сознанное стремленіе едва-ли не приходится констатировать въ философскихъ стремленіяхъ метафизическихъ школъ. Онъ не только пытаются решать задачу, которая естественно и по полному праву перешла въ ихъ руки отъ средневъковыхъ учителей: выработать «общечеловъческое нравственное ученіе, опирающееся на философское міросозерцаніе», но они пытаются решить эту задачу подобными же пріемами, какъ средневъковые учителя: они пытаются непосредственно усвоивать сложныя истины; они ипостазирують формулы, заимствованныя изъ одной области знанія, для приложенія ихъ къ совсемъ инымъ областямъ, создавая темъ невозможныя сущности; они хотять решать вопросы, самая раціональная постановка которыхъ невозможна для научнаго пониманія. Эти переживанія метафизических задачь прошлаго времени были сами по себ'в вреднымъ элементомъ мысли. Вредъ его усиливался тімъ обстоятельствомъ, что эти метафизическія притязанія заявлялись въ эпоху самыхъ блестящихъ завоеваній въ спеціальныхъ наукахъ и тімъ какъ бы проводили різкую черту между научнымъ эмпиризмомъ и объединяющими иріемами мышленія. Жизненнымъ элементомъ здісь было только противудійствіе крайней спеціализаціи ученыхъ работъ и ограниченности чистаго эмпиризма. Задачи научной философіи выступали уже съ гораздо большей опреділенностью предъ интеллигенціей XIX-го вівка.

Мы только что видели, что во многихъ отношенияхъ романтизмъ усиливаль вредныя переживанія прежнихь времень; но было бы несправедливо не указать еще на одну черту въ эволюціи, тоже общую его стороненвамъ въ разныхъ странахъ, но сделавшуюся не только характеристическою чертой недавней эпохи, но подготовлениемъ обширнаго умственнаго движенія, развившагося на почет романтическихъ влеченій безъ преднамітревности со стороны настоящихъ романтиковъ, однако при ихъ безспорномъ вліянія. Это было научное изученіе народностей всей Европы, яхъ культурныхъ формъ, яхъ древнихъ верованій и ихъ коллективнаго творчества съ такою же тщательностью, съ какою филологи и археологи эпохъ Возрожденія и слідующихъ въковъ занимались античнымъ классическимъ міромъ. Исходнымъ пунктомъ и здёсь было стремленіе въ живописному, въ любопытному въ его отличіи отъ обыденной пошлости и отъ волнующихъ общественныхъ вопросовъ. Но, подъ вліяніемъ роста научной мысле, это стремленіе, въ области теоретическаго пониманія, легло въ основаніе цёлыхъ новыхъ отраслей знанія (этнографіи, сравнительной лингвистики, сравнительной исторіи вірованій, доисторической археологіи, сравнительного права и т. под.) и сообщило вообще последней эпохъ характеръ «историзма», т. е. стремленія понимать людей и событія съ точки зрвнія исторической эволюців. Въ практической же сферв. это же стремленіе вызвало въ разныхъ странахъ (и, можеть быть, съ особенною яркостью на нашой родина, совершенно помимо насколько каррикатурнаго явленія «славянофильстпа») то теченіе, которое обыкновенно обозначають терминомъ «народничества», и полное значение котораго въ настоящемъ и въ будущемъ трудно еще оцънить современному изследователю.

ГЛАВА ХІ.

• Схема исторіи мысли: г) Теченія и партіи настоящаго времени.

Эпохи періода новой свътокой цивилизаціи.—Борющіяся партіи или послъдовательно развивающіяся теченія.

Теченіе политическое.—Теченіе буржувано-квпиталистическое.-Протесть противъпослюдняю теченія,--(Генцъ).

Идеалы новой буржуазіи.—Идеалы ея противниковъ.— Противогосударственники.

Генетическій порядокь возникающих теченій.

Затрудненія для сторонников неограниченной власти государства и для противников всякой организованной власти.—Затрудненія для сторонников политическаго теченія.—Два враждебных класса и общая имъ почва.

Затрудненія для сторонников идеала конкурренціи.— Затрудненія для их противников — Нъкоторыя фактическія явленія въ работь мысли посльдних эпох. — Певаризм и усиленіе клерикализма. — Явленія въ области работы эстетической и философской мысли. — (Петербуріскій періодг исторіи русскаго общества).

Вопросы настоящаю. — Вопросы будущаю.

Подготовление вопросовъ настоящаго въ прошвдшемъ. Постановна вопросовъ и ихъ ръшение.—Еще одинъ вопросъ настоящаго.—Поучительная роль истории.

Такимъ образомъ, передъ историкомъ мысли новаго времени, періодъ свътской цивилизаціи, въ средъ которой онъ самъ живеть и дъйствуеть, развертывается въ послъдователь-

Задачи пониманія исторіи.

ности несколькихъ эпохъ. Вследъ за эпохою поклоненія светской власти, какъ новой святынь, изследователь наблюдаеть эпоху служенія этой власти, какъ единственному орудію общественнаго прогресса. Затемъ следуеть какъ бы быстрый переломъ-но, въ сущности, логическое следствіе изъ предъидущаго-эпоха попытокъ перестройки существующихъ общественныхъ формъ силами самаго самоуправляющагося народа. Эта задача ведеть къ разочарованію, которое вызываеть въ большинствъ интеллигенціи упадокъ духа; но въ то же время обнаруживаются враждебныя между собой теченія, которыя для однихъ мыслителей могуть выступать какъ три борющіяся партіи одной и той же продолжающейся эпохи; для другихъкакъ тра послъдовательные слоя общественной мысли новъйшаго времени, и генетически и логически выростающіе одинъ изъ другого, сладовательно способные быть поняты историкомъ мысли какъ три последовательныя эпохи.

Эти двъ точки зрънія ставять предъ изследователемъ различные ряды вопросовъ.

Если оставить временно въ сторонъ точку зрѣнія генетическаго развитія этихъ соперничающихъ теченій одно изъ другого, и разсматривать ихъ, какъ борющіяся партіи, намъ современныя, то предъ историкомъ мысли неизбѣжно возстаютъ вопросы: кто правъ въ этомъ столкновеніи разныхъ современныхъ намъ историческихъ теченій? Что въ этихъ теченіяхъ принадлежить къ явленіямъ здоровымъ и что—къ явленіямъ патологическимъ? Какому теченію исторія послѣднихъ эпохъ какъ бы предсказываетъ успѣхъ и которыя изъ нихъ обрекла она на безнадежную атрофію? Что было подготовлено медленно и послѣдовательно ходомъ событій и работою мысли, и что опирается на переживанія, вредъ которыхъ едва-ли сомнителенъ? Чему и кому принадлежитъ ближайшее будущее?

Однако, выдумываясь въ эти грозные для нашего времени вопросы, мы скоро приходимъ къ убъжденію, что отвъты на нихъ могутъ быть выработаны, хотя бы гадательно, историкомъ мысли лишь въ тъсной связи съ пониманіемъ догической или фактической послъдовательности эпохъ новой европейской цавилизаціи вообще, при чемъ и къ самимъ этимъ борюпцимся въ наше время теченіямъ приходится приложить, хотя бы гипотетически, пріемъ изученія ихъ какъ посл'ядовательные фазисы одной и той же эволюціи.

Фактически и логически эпоха поклоненія власти привела, путемъ размышленія надъ необходимыми для этой свётской святыни качествами, къ представленію объ ея обязанностяхъ, какъ опекуна "народа", къ ея критикъ, какъ необходимаго орудія для блага «народа», а затъмъ къ задачъ "народнаго" самоуправленія.

На этой почвы, въ борьбы англо-американцевъ за свою независимость отъ метрополіи и за новый демократическій федеральный строй, а затымь вь буряхь первой французской революціи, выработалось теченіе, ставившее основною задачею, въ виду блага "народа", какъ одного цълаго, рядъ политическихъ и юридическихъ реформъ. Сторонники этого теченія, несмотря на разочарование въ способахъ, которыми ихъ отцы и деды пробовали решить общественную задачу, продолжають утверждать, что лишь эгоизмъ, узкость мысли, неосторожность и неумълость личностей повели къ неудачъ; что надо проделжать исканіе лучшей политической формы народнаго само-/правленія—(существують въ рядахъ этихъ "политиковъ" и такіе, которые считають возможнымь и болве полезнымь вернуться къ пріемамъ опекающей и просвітительной власти) и что всв реформы вив политическихъ представляютъ явленія натологическія. Сторонники этого политическаго либерализма и радикализма, точно такъ же, какъ политические коисерваторы и реакціонеры, не могуть не признать важности и трудности экономическихъ вопросовъ нашего времени, твмъ не менве они видять въ современной намъ культуръ высшій возможный для человъчества жизненный идеаль, который, по ихъ мнънію, требуетъ въ будущемъ лишь небольшого улучшенія опять таки политическихъ и юридическихъ формъ для решенія всехъ грозныхъ экономическихъ задачъ. Даже въ теоретической области пониманія соціологіи и исторіи они ставятъ – если не исключительною, то главною целью обществу уяснение идеи государства, и сущность соціальной эволюціи видять въ эволюціи политической. Такимъ образомъ одна часть вліятельной интеллигенціи нашего времени следуеть только что упомянутому теченію политическому в стремится отыскать лучшую конституцію, создать разумнейшее законодательство, обезпечить, съ одной стороны юридическую и политическую самостоятельность и безопасность отдёльныхъ личноетей, съ другой—общественной порядокъ и правильное функціонированіе народной власти.

Но въ противоположность этому продолжающемуся стремленію, нодъ вліяніемъ обширнаго развитія техники и индустріи, а также изученія экономическихъ вопросовъ замізчательными мыслителями, выработалось и продолжаеть вырабатываться въ средв буржуазіи другое теченіе, съ иными принципами и съ противуноложными задачами. Сторонники этого теченія, разочарованные въ политическихъ идеяхъ вследствие неудачи политическихъ программъ, пришли къ политическому индифферентизму и къ выработкъ представленія, что на почвъ безусловной . экономической конкурренціи и естественнаго подбора способнъйшихъ, еамъ собою выработается лучшій строй, гдъ менъе сильная и менъе способная масса обезпечить своимъ трудомъ способныйшему меньшинству комфортъ жизни, и досугъ для развитія, и самое это развитіе; политическое же господство обусловится господствомъ экономическимъ. Для сторонниковъ этого теченія вътворчеств'в общественныхъ формъ и въ разработк'в соціологических теорій основнымъ принципомъ исторіи являет-. ся конкурренція индивидуальныхъ интересовъ. При этомъ заслуживають вниманія два положенія, которыя входять, искренно или неискренно, въ строй мысли этой партіи. Это, во первыхъ, аксіома, что экономическій строй въ своемъ автоматическомъ развитіи самъ исправляеть всв недостатки общественнаго строя и изличиваетъ бользни послидняго. Это во вторыхъ, что именно буржуазія есть правом'врный представитель «народа» въ его целомъ и что, борясь за свои интересы, она, твиъ самымъ, борется за интересы этого единаго народа.

Именно на этомъ последнемъ пункте возникъ протестъ

противъ буржуванаго теченія и образовалось третье, новое теченіе, прямо враждебное предшествующему. Прежде всего приходится замітить, по отношенію къ политическимъ и экономическимъ задачамъ первыхъ двухъ партій, что сторонники третьей разочаровались не въ идеяхъ, вызывавшихъ энтузіазмъ ихъ предшественниковъ, а въ способахъ ихъ осуществленія въ жизни; не въ ціли, а въ средствахъ для этой ціли предложенныхъ и предлагаемыхъ, ставя себі задачею не новые политическіе опыты, а экономическую перестройку современнаго общества, которая, въ самомъ ході своего процесса, обусловить, какъ логическій выводъ, новыя политическія и юридическія формы.

Здёсь не мешаеть заметить, что въ этомъ столкновении общественныхъ теорій, имъвшихъ возможность даже выработаться лишь при современномъ состояніи знанія и пониманія. есть, можеть быть, основание признать, что передъ нами снова стоить задача, возникшая при самомъ началь человыческой исторія. Тогда еще произошло основное разділеніе классовъ общества. На почвъ борьбы сознанныхъ интересовъ интиллигенція, едва сдівлавшаяся двигателемъ классовъ господствующихъ, устранила отъ участія въ исторической жизни пасынковъ цивилизаціи, обращенныхъ въ орудіе прогресса господствующаго меньшинства, а тымъ самымъ вызвала въ массахъ этихъ насынковъ естественное стремление выйти изъ своего подавленнаго положенія и войти въ историческую жизнь. До сихъ поръ, въ продолжени тысячельтий, всв попытки массъ въ этомъ направленіи не могли не быть безплодными, и самое представление объ исторической роли массъ оставалось смутнымъ. Но въ новъйшую эпоху историку современной мысли приходится констатировать въ рядахъ пасынковъ новой цивилизаціи все расширяющуюся-однако, еще далекую отъ обращенія въ неодолимую историческую силу — попытку организоваться собственною инипіативою и отвоевать себ'я м'ясто въ исторін. Они стремягся, уже не какъ отдельныя единицы, а какъ общественный классъ, принять участіе въ исторической жизни, отъ которой они были до сихъ поръ оттеснены и по

литическими формами и еще болье экономическими условіями современнаго строя. Эгимъ своимъ стремленіемъ они пугаютъ и дякарей нашей культуры и нъкоторую часть современной интеллигенціи, которая, ставя себь задачею чисто-политическія реформы, или находя, что экономическій строй, свободно развиваясь, самъ излъчиваетъ свои раны, защищаетъ современный общественный строй.

Этотъ протестъ пасынковъ исторіи и ихъ сторонниковъ противъ ихъ устраненія отъ исторической жизни имъетъ источникомъ возникшее сомитніе, точно-ли, подъ названіемъ «народа», который стремились опекать деспоты-реформаторы и за самоуправленіе котораго боролась буржуззія, приходится понимать одно цѣлое, съ общими всему ему интересами, или не представляеть ли этотъ «народъ» два класса съ противу-положными экономическими интересами. Для мыслящихъ изслѣдователей общественной жизни это сомиты переходитъ въ увъренность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, два послѣднія теченія, о которыхъ было сказано выше, обращаются неизбѣжно въ двъ борющіяся партія, отстамвающія каждая свои интересы.

Буржуазія, какъ особенный общественный классъ, признаетъ за собою историческое право отстаивать свои классовые интересы въ силу теоріи, что прогрессъ народовъ вообще имълъ и имъетъ мъсто лишь путемъ развитія меньшинства, которому это развитіе обезпечено трудомъ большинства, и что новые пасынки цивилизаціи обязаны приспособиться къ этому соціологическому закону, какъ приспособлялись къ нему ихъ предки.

Доствточно ярвимъ и безцеремовнымъ проявлениемъ этой борьбы могутъ служить слова Генца въ эпоху Священнаго Союза: «Мы вовсе не желаемъ, чтобы массы были экономически обезпечены (wohlhabend) и назависимы. Какъ могли-бы мы господствовать надъ ними при подобныхъ условіяхъ?»

Изъ новаго положенія буржувзій вытекли неизб'яжно н'ькоторыя логическія сл'ядствія. Во первыхъ, какіе мотивы общественнаго блага она ни выставляла бы на своемъ знамени, она, въ сущности, приходила къ необходимости не только признавать невозможнымъ стремиться къ благу «народа», какъ

одного цълаго, но и прямо отрицать пользу подобныхъ стремленій для человічества, такъ какъ прогрессъ послідняго, съ новой точки эрвнія буржувзіи, есть развитіе экономическихъ, политическихъ и умственныхъ силъ меньщинства; развитіе, возможное лишь при постоянномъ и обязательномъ трудъ пасынковъ цивилизаціи, остающихся таковыми, труді, направленномъ на обезнечение меньшинству интеллигенции средствъ существованія и развитія, а также досуга для последняго. Это предполагало, во вторыхъ, отрицаніе не только какъ святыни, но и власти, какъ силы, опекающей массы и заботящейся о ихъ благь. Въ силу того же идеала царства обезпеченной и будто-бы цивилизующей буржуазіи, устраняется и всякая потребность въ какомъ либо идейномъ энтузіазмъ, толкающемъ отдёльныя личности на борьбу съ вредными началами, такъ какъ полезное и вредное, здоровое и патологическое возникають и разрушаются сами собою въ процессъ конкурренціи экономическихъ интересовъ. Теряеть при этомъ смысль и мечта о какомъ либо лучшемъ и разумномъ правовомъ порядкъ, такъ какъ, въ процессъ конкурренціи экономическихъ интересовъ, фактические обладатели богатствъ соетавляють естественную власть въ человичестви, не нуждающуюся въ поддержкъ никакимъ юридическимъ порядкомъ. Многіе современные мыслители признають, что на службъ этого теченія теперь стоять почти всп общественныя силы.

Враждебное ему теченіе направляется, какъ только что сказано, на пріобретеніе пасынками цивилизаціи доли въ исторической жизни. Сторонники этого последняго теченія имеютъ въ виду достигнуть своей общественной цели путемъ организаціи пасынковъ цивилизаціи въ общественный классъ, сознательно стремящійся къ власти, но при сознанной и непрекращающейся заботе донести въ общественномъ строе элементъ принужденія до минимума. Главнымъ двигателемъ дальнейшей человеческой исторіи по направленію къ солидарности они считають при этомъ, по прежнему, растущее сознаніе и повиманіе условій воплощенія въ жизнь этой новейщей общественной святыни, съ одной стороны—ваучно-обоснованной въ

устанавливающейся соціологіи, съ другой способной вызвать въ личностяхъ энтузіазмъ къ общему делу, въ которомъ интересы рабочаго большинства отожествляются съ нравственнымъ идеаломъ наиболъе развитыхъ личностей интеллигенціи. Въ этомъ двигателъ именно видятъ сторонники теченія, о которомъ здёсь идеть дёло, ручательство своей победы, такъ какъ у ихъ противниковъ этотъ энтузіазмъ къ общей соціальной цъли не существуеть: въ области борьбы чисто-политическихъ партій и теорій онъ атрофировался, доходя до поразительныхъ явленій политическато индифферентизма; въ области же господствующей экономической конкуренціи какой либо энтузіазмъ не только не имълъ и не имъетъ основанія проявляться, но составлять и составляеть здёсь логическое противоречие. Передовые сторонники этого антибуржуазнаго теченія считають возможнымъ предвидъть и окончательный результатъ процесса сознательной организаціи рабочихъ какъ общественнаго класса и ихъ борьбы противъ ученія о правом'врности всеобщей экономической конкурренціи-ученія, которому они противуполагають другое: ученіе сознанной ими солидарности всёхъ трудящихся, какъ новой общественной святыми, долженствующей заменить все прежнія. По ихъ убежденію этоть процессь и эта борьба ведуть естественнымь образомъ къ установленію единства трудящагося человъчества и къ гармонической коопераціи всёхъ трудящихся для всеобщаго развитія; это какъ бы предполагаеть распространение исторической функции интеллигенціи на массы вообще.

Нѣтъ основанія не упомянуть здѣсь о существованіи еще одного теченія внѣ трехъ только что указанныхъ. Оно отрицаетъ власть во всѣхъ ея формахъ уже въ настоящую минуту, даже какъ временную силу, организующую борьбу за прогрессъ и, слѣдовательно, разсчитываетъ для прогрессивнаго хода событій единственно на солидарность интересовъ личностей, уже теперь достигшихъ довольно высокой степени умственнаго и нравственнаго развитія.

Генетическій порядокъ этихъ различныхъ теченій можетъ быть установленъ объективно почти внѣ всякаго сомнѣнія.

Едва ли допускаеть споры положение, что, въ логической посивдовательности, вопросъ объ обязанностяхъ власти вызвалъ, на почев фактическаго недовольства и массъ и интеллигенціи, вев перипетіи и катастрофы либеральнаго и радикальнаго политическаго движенія, начавшагося въ последней четверти XVIII-го въка и до сихъ поръ продолжающагося. Немногіе историки мысли стануть въ наше время отрицать, что на почвы недовольства въ господствующихъ классах ь результатомъ политическихъ волненій изъ-за либеральныхъ и радикальныхъ программъ образовалось то буржуазное теченіе, которое стремилось понять исторію какъ борьбу экономическихъ интересовъ и предоставить будущее человъчества фатальной борьбь этихъ интересовъ. Эпоха появленія вопроса объ организаціи труда на почві утопических настроеній, вызвавшая затемъ строгую соціологическую критику капиталистическаго строя и научное понимание его генезиса и его сущности, можеть быть столь же объективно установлена. Точно также легко констатировать дату появленія анти государственныхъ теорій, оставляя въ сторонъ прододжающійся споръ о томъ, надо ли видеть въ нихъ, какъ думають одни, естественный отпрыскъ общаго ствола анти буржуазнаго теченія, или, какъ полагають другіе, вредное для этого теченія переживаніе въ немъ того буржувзнаго индивидуализма, противъ котораго имъють логическое основание бороться организаторы пасынковъ новой пивилизаціи.

Но мы виділи выше, что эти послідовательные фазисы эволюціи современнаго общества приходится разсматривать и какъ существующія одновременно и борющіяся общественным партій съ очень различными общественными идеалами. Каждая изъ этихъ партій иміла во всі эпохи новой цивилизаціи сво-ихъ сторонниковъ; эти сторонники боролись за господство въ прошедшемъ, продолжаютъ бороться въ настоящемъ, и, какъ слідствіе этой борьбы, предъ историкомъ мысли возникаютъ различныя возможности для будущаго. А потому онъ имість предъ собою новый рядъ спорныхъ вопросовъ: есть ли основаніе именно разділенію перечисленныхъ теченій придавать

преобладающую важность въ пониманіи современной намъ исторін? какіе элементы во всёхъ этихъ параллельныхъ движеніяхъ можно признать здоровыми, и какіе-патологическими_ такъ какъ вст они выработались съ логическою необходимостью изъ хода событій и изъ предшествующихъ фазисовъ эволюціи мысли? Затемъ: какое вліяніе оказало каждое изъ этихъ теченій на парадлельные съ ними въ это время процессы въ области мысли, именно, на побъдоносный ходъ завоеваній науки вообще и ея техническихъ приложеній; на смвну болве или менве сильныхъ и болве или менве общихъ философскихъ построеній; на усиленіе и атрофированіе той или другой отрасли литературы и искусства; наконецъ, на группировку личностей, представительныхъ по своимъ умственнымъ силамъ и по энергіи своего характера, около той или другой отрасли деятельности? Здесь историкъ мысли, не желающій поддаться слишкомъ безцеремонно своимъ личнымъ идейнымъ влеченіямъ, можетъ, повидимому, употребить лишь слёдующій пріемъ: предъ каждымъ изъ указанныхъ теченій мысли, по ихъ сущности, возникають его особенныя задачи; съ другой стороны, мы фактически имбемъ передъ собою пріемы, употребляемые сторонниками этого теченія для того, чтобы сдалаться историческою силою, удержать за собою это положение и восторжествовать надъ соперниками; имбемъ предъ собою и факты, действительно полученные, какъ логическій результать или какъ эмпирическій продукть этихъ столкновеній. Можеть быть, для уясненія вопроса, здёсь насъ занимающаго, следуетъ дишь сопоставить эти задачи съ пріемами, употребляемыми для ихъ ръшенія и съ результатами фактически полученными, и отмътить благопріятные и неблагопріятные результаты этого сопоставленія.

Не желая вдаваться ни въ фактическія подробности, ни въ длинныя разсужденія, мы ограничимся зд'ёсь сл'ёдующими соображеніями:

Выделимъ изъ нашего разсуждения сначала вопросъ о партияхъ, вызывающихъ наимене споровъ.

Такъ, признать за основного двигателя исторіи ту не-

ограниченную государственную власть, которая, въ эпоху деспотовъ-просветителей, принимала на себя исключительную заботу объ опекв надъ обществомъ, о благв массъ и необходимыхъ для этого реформахъ, устраняя инипіативу самаго общества, значило бы допустить некоторыя соціологическія посылки, которыя трудно защитить. Такъ надо, напримеръ, допустить, что безконтрольная государственная власть, выступившая на путь реформъ, на немъ обязательно останется, понимая свое дёло такъ же; какъ прежде и устраняя всякую наклонность вернуться къ переживаніямъ власти — святыни. Но исторія представляєть этому мало прим'вровъ. Автору «Наказа» ничто не помъщало обратиться въ гонительницу Новикова и Радищева. Та самая власть, которая узаконяла нъкоторую степень самоуправленія, могла и довести его впоследствии до довольно жалкаго минимума. Следуеть также допустить, какъ необходимое орудіе благодітельныхъ реформъ свыше, существование просвытительной бюрократии, преданной идей общественнаго прогресса и способной руководить обществомъ въ этомъ направленіи, тогда какъ эта бюрократія, во всь эпохи, при самыхъ различныхъ формахъ власти, которой она служила, выказывала такое количество эгоистическаго пользованія своимъ положеніемъ въ виду чепотизма и казнокрадства, что большинству соціологовъ приходится смотрѣть на бюрократическій строй политического общества, какъ на одинъ изъ самыхъ малонадежныхъ и, скорбе, деморализующихъ. Изъ всъхъ традицій, перешедшихъ отъ этой эпохи на следующія, жизненнымъ элементомъ дозволительно считать, повидимому, лишь сознательную дисциплину, составляющую характеристическую черту всякой бюрократіи, но являющуюся необходимымъ условіемъ для успаха въ борьба съ противникомъ и для всякой общественной партіи, прогрессивной, консервативной или реакціонной, какъ только эта партія окружена соперниками и способна, подъ вліяніемъ личныхъ привычекъ, аффектовъ или убъжденій, каждую минуту, обнаружить въ своей средъ раздоры и распаденіе.

Точно также необходимость только что упомянутой дисцип-

лины при борьот партій, наполняющей вст ближайшія къ намъ эпохи исторіи, находится въ очевидномъ противоръчіи съ анархическими теоріями полной самостоятельности личности въ группъ, группы въ союзъ группъ и т. под., теоріями, какъ бы отрицающими самую возможность для этой партіи организоваться для борьбы съ общественнымъ врагомъ; тогда какъ эта партія готова, повидимому, употреблять для этой самой борьбы самыя сомнительныя средства. Представление объ осуществленіи строя, въ которомъ принудительная власть доведена не только до возможнаго въ каждую эпоху минимума, но до нуля, предполагаеть строй, не им'яющій въ своей средв противниковъ и потерявній всякую возможность распасться или цегенерировать подъ вліяніемъ личныхъ побужденій, т. е. строй, состоящій изъ личностей, пошедшихъ въ своемъ развитіи гораздо далъе того, что представляють теперь самыя передовыя группы, какъ бы ни относился историкъ нашего времени къ вопросу, которая изъ этихъ группъ-дъйствительно передовая.

Уже гораздо более расходятся оценки роли, занятой въ последнія эпохи исторіи в въ наше время темъ теченіемъ, которое ставило своею задачею реформы политическія и юридическія въ виду самоуправленія народа, какъ единаго коллективнаго организма. Это теченіе, въ эпоху, спеціально-называемую «революціонною», создало Соединенные Штаты Съверной Америки и обусловило сменяющіяся конституціи французской демократической монархіи Людовика XVI, республики конвента и поздъйшаго консульства. Оно же, въ ближайшее къ намъ время, вызвало рядъ дальнейшихъ политическихъ новообразованій, нісколько пардаментских реформъ въ Англіи все болъе демократическихъ, распространение и видоизмънение парламентаризма въ западной Европъ вообще. Оно подготовило катастрофы 1830 и 1848 годовъ, внесло въ политическую жизнь референдумъ, разжигало борьбу подавленныхъ національностей за независимость, борьбу крупныхъ центровъ государственной жизни за гегемонію, мелкихъ-за федеральный строй и сепаратизмъ. Оно обусловило повсюду борьбу большинства съ меньшинствомъ за участіе въ выборахъ власти и въ законодательстве, за свободу мысли, слова, автономной ассоціаціи и т. под. Здесь споръ идеть не о томъ, имеють-ли крупное значение эти политическия явления, но о томъ, имфеть-ли борьба политическихъ партій значеніе самостоятельное, такъ что отъ ея хода зависятъ и экономическое благостояние общества и культурныя изм'вненія и идейныя теченія? или же разнообразныя политическія партіи представляють не что иное, какъ сознательно или безсознательно усвоенныя знамена, подъ которыми ведуть борьбу интересы экономические? или. наконецъ, приходится признать въ разныя эпохи и при разныхъ историческихъ обстановкахъ различную долю вліянія на ходъ исторіи и за экономическими побужденіями, фатально вооружавшими одинъ противъ другого классы, экономические интересы которыхъ были и оставались различными, и за борьбою за политическія права или за напіональную независимость, какъ за идейныя начала. Последняя гипотеза допускаеть возможность весьма различныхъ комбинацій въ способ'в пониманія исторических задачь, поставленных предъ народами въ последнія эпохи и стоящихъ предъ народами въ последнія эпохи и стоящихъ предъ современною интеллегенціею политическихъ двятелей. Останавливаться на этомъ различіи едва-ли здъсь умъстно. Но обратимъ внимание читателей лишь на вопросъ, насколько, при нынфинемъ состояніи историческихъ и соціологических знаній, историкъ мысли могь бы допустить первую изъ поставленныхъ гипотезъ, именно, что здоровое теченіе современнаго творчества общественныхъ формъ и научно-философской разработки соціологіи должно было бы ограничиться продолженіемъ той политической работы, которая началась въ последней четверти прошлаго века; что этотъ путь следуеть считать единственно здоровымъ на основании аксіомы, что онъ самъ собою поведеть къ правильному рѣшенію всіхъ другихъ общественныхъ вопросовъ и устранить борьбу экономическихъ классовъ, какъ явленіе патологическое.

Допущеніе этой гипотезы можеть встрічть слідующія возраженія.

Одною изъ характеристическихъ чертъ современной науч-

ной мысли является ея историчность. Насколько періодъ новой цивилизаніи въ его цівломъ съ самаго начала ознаменовался выработкою въ математикъ и въ естествознании точныхъ методовъ, обусловившихъ всв завоеванія наукъ, -именно благодаря этому обстоятельству обособляемых веще теперь подъ названіемъ «наукъ точныхъ»—на столько же въ нашъ въкъ, особенно же въ его вторую - половину, историческое знаніе и историческое понимание во всёхъ его частныхъ отрасляхъ можно считать совершенно точно установившимъ свои методы и пріемы. Поэтому приходится и въ области общихъ исторических возаржній придавать большое значеніе темъ особенностямъ, которыя характеризуютъ историческіе труды последняго времени, какъ совершенные подъ вліяніемъ усиленія вообще научности въ этой области. Но вся историческая литература последнихъ десятилетій обнаруживаеть совершенноопредъленное стремление придавать, въ истолковании событий, общественныхъ формъ и продуктовъ мысли разныхъ эпохъ, все большее значеніе явленіями, экономическимь; историки прежняго типа ограничиваются темъ, что главы ихъ трудовъ, трактующія объ этихъ явленіяхъ, ростуть въ объемъ; до очень смѣлыхъ крайностей доходять безусловные и неуступчивые ни въ какой подробности сторонники, такъ называемаго, экономическаго матеріализма, но это же подмічается и у цвлаго ряда писателей, занимающихъ мьсто между этими крайностями, ищущихъ болъе или менъе старательно повсюду экономической подкладки исторіи эпохъ, но допускающихъ, что эта подкладка не была и не осталась единственнымъ объясненіемъ хода исторіи, и что существують какъ въ прошедшемъ такъ и въ настоящемъ-и весьма въроятно будутъ существовать и въ будущемъ - цълые ряды событій и процессовъ, сводимые на обычій и на привычки, на стремленіе къ украшенію жизни, на императивъ идеальнаго уб'яжденія, на логическую необходимость последствій, вытекающихъ изъ предшествовавшихъ фактовъ и событій и т. под.; т. е. на побужденія, чуждыя не только прямо-экономическихъ мотивовъ, но даже мотивовъ сознанныхъ интересовъ вообще. Допущение безусловнаго примата политической и юридической эволюціи въ ходѣ исторіи было бы отрицаніемъ научности всей упомянутой исторической литературы, что потребовало бы отъ историка мысли, вступившаго на этотъ путь, такого обширнаго иересмотра всего матеріала исторической эрудиціи и критики, хотя бы для ближайшихъ къ намъ эпохъ, на который еще никто изъ представителей этого направленія не ръшается.

Затвиъ историкъ современной мысли, при изучении группировки личностей, наиболье крупныхъ по своимъ способностямъ и по энергіи своей діятельности, а также при изученіи взглядовъ на спеціально-политическія карьеры, господствующахъ въ литературв и въ обществв, не можетъ не быть поражень двумя явленіями нашего вретени. Понижается, во первыхъ, уровень политическихъ дъятелей; крайне бъднъстъ ихъ вліятельный персональ; первыя роли занимають дёльцы въ родъ Дизразли, Тьера, Бисмарка: это совершенно напоминаеть историческій факть, что, при переході къ новому времени, быстро понижается уровень мысли и деятельности въ духовенствъ. Во вторыхъ, именно на почвъ денежныхъ и предпринимательскихъ спекуляцій наше время представляеть выработку личностей, успахъ, сообразительность и энергія которыхъ изумительны и чуть не геніальны. Не менве, если не болве геніальные умы, но лишенные склонности въ этому роду двятельности, наблюдаются теперь почти исключительно въ сферъ научнаго мышленія, гдъ непобъдимый и прямолинейный ходъ завоеваній, продолжающійся все съ тіми же общими задачами со времени Галилея и Гэрвея, былъ обозначенъ въ последнія эпоху великими открытіями физико-химическаго трансформизма, механической энергіи, біологическаго трансформизма организмовъ, микробіологіи, психофизики, общественной эмбріологіи, сравнительнаго языкознанія, сравнительной теоріи учрежденій, сравнительной исторіи религій, экономической теоріи прибавочной стоимости и т. д. Но, именно въ рядахть личностей, посвятившихъ себя работ в теоретической мысли въ эпохи, характеризованныя преобладаніемъ рыночной конкуренціи, предпринниательства и биржевой спекуляціи, мы

замѣчаемъ знаменательное теченіе мысли, обусловливающее въ ученыхъ и въ мыслителяхъ не только индиферентизмъ къ политической д'ятельности, но сознанное и откровенное отвращеніе оть участія въ ней, какъ къ діятельности низшей. Не мало проявленій того же самаго настроенія мысли, опирающагося и на разсчеть матеріальной выгоды оть той или другой профессіи, и на оцінку ихъ интеллектуальнаго достоинства, приходится констатировать и въ рядахъ литераторовъ, беллетристовъ, журналистовъ и т. п., которые во многихъ случаяхъ находять какъ бы унизительнымъ для себя посвящение части своего времени практическимъ заботамъ о благв своихъ согражданъ. Профессіональное «политиканство» въ Америкъ давно уже потеряло въ глазахъ общества всякій идейный характеръ. Въ наше время мода въ области мысли, какъ при установленіи жизненныхъ цёлей реальными личностями, такъ и при созданіи положительныхъ типовъ эстетическимъ творчествомъ: оказывается не на сторонъ «гражданина», а на сторонъ выработаннаго ума, съ больщею или меньшею долею презрвнія относящагося къ политической агитаціи, или участвующаго въ ней лишь случайно, изъ-за побужденій, не вміющихъ ничего общаго съ интересомъ къ общему дълу и еще менъе того съ гражданскою доблестью. И реальная исторія даеть указанія въ томъ же направленія. Достаточно сравнить характеръ борьбы партій. при выборахъ новаго президента Соединенныхъ Штатовъ въ концѣ XVIII-го и въ концѣ XIX-го вѣка, характеръ агитаціи за парламентскую реформу въ Англіи въ тридцатыхъ годахъ и противъ палаты лордовъ въ ближайшее къ намъ время, мотивы политическихъ преній въ Парижь эпохи реставраціи бурбоновъ и въ Парижћ эпохи буланжизма.

Нельзя не констатировать эти объективные и конкретные факты и историкъ мысли имбетъ достаточно основанія считать ихъ симптомами атрофіи политическихъ идей, какъ преобладающихъ двигателей исторіи. Но и внѣ этихъ фактовъ, при болѣе огульномъ обзорѣ характера образованія и трансформаціи политическихъ партій и преобладающихъ предметовъ презній въ законодательныхъ учрежденіяхъ—тамъ, гдѣ они су-

ществують-трудно не признать, что съ каждымъ годомъ все большая часть -- какъ въ заботахъ "законодателей и группъ, спорящихъ за власть, такъ въ газетной и журнальной публицистикъ-приходится на интересы классовые, экономическіе, въ особенности же на борьбу наличныхъ неполитическихъ партій, на вопросъ объ отношеніи труда къ капиталу, заслоняющій все чаще всі другія государственныя соображенія. Для того, чтобы оставаться сторонникомъ теоріи, что политическіе и юридическіе вопросы продолжають играть въ исторіи народовъ ту же роль, которою имъ приписывали въ концъ XXIII-го въка, а не обращаются все пълостиве въ одинъ изъ способовъ борьбы за интересы экономические, или индивидуальные или классовые, историку мысли нашего времени едва ли не такъ же трудно понять съ этой точки эрвнія фактическую комбинацію событій и теченій XIX-го въка, какъ противудъйствовать упомянутому выше общему направленію историческихъ трудовъ последнихъ десятилетій, вносящему въ эти труды все болве тщательную оцвику экономическихъ мотивокъ явленій, подчиняя имъ больщинство другихъ, какъ обусловленныхъ этими мотивами.

Предъидущія соображенія наводять на мысль, что въ области современнаго творчества общественныхъ формъ, все болъе обусловленнаго научнымъ пониманіемъ соціологическихъ вопросовъ, въ процессъ выработки и обработки соціологіи какъ науки, важивишею задачею, которую ставила исторія последнимъ эпохамъ и которую она продолжаетъ ставить нашему покольнію, оказывается борьба между двумя теченіями изъ пяти, перечисленныхъ выше. Эти два теченія обнаруживаются для историка мысли какъ два враждебныхъ класса, выработанные съ наибольшею опредвленностью въ наше время, какъ результать ихъ борьбы, продолжавшейся въ теченіи всей предъидущей исторіи, и о которой замічательный публицисть нашей эпохи могь сказать: «Ищите, что всплыло изъ всёхъ обломковъ стараго и новаго міра; что плаваетъ надъ всеми этими обломками; вы найдете только начало классового различія; здісь различіе прежних классовь, тамь различіе новыхъ». Поэтому, указанныя два теченія оказываются безусловно противоположны; и вс ечто въ теоріи или въ практикъ ослабляеть одно изъ нихъ, служитъ, по тому самому, усиленію другого, усиленію косвенному, если не прямому. Всякое противурвчіе и всякая уступка переживаніямъ, констатируемыя здись, составляють симитомъ, указывающій на большую возможность тамъ болье усившной борьбы. Стремясь къ бозможнобольшей научности въ оценке фактовъ и потому даже вполне воздерживаясь отъ приложенія къ общему ходу событій субъективныхъ рубрикъ здороваго или патологическаго процесса, историкъ мысли не можетъ, темъ не мене, не констатировать, насколько различно отношение каждаго изъ двухъ основныхъ теперь борющихся теченій къ жизненнымъ элементамъ прошлаго и къ его переживаніямъ; не можеть не остановиться на условіяхъ, необходимыхъ для торжества того или другого изъ этихъ теченій надъ его противниками, и на затрудненіяхъ которыя каждое изъ нихъ должно преодольть индивидуальной энергіей своихъ сторонниковъ, - затрудненіяхъ, вытекающихъ изъ самой постановки своей исторической цъли тою или другою изъ борющихся партій.

Существують положенія, которыя составляють точку исхода для задачь объихь борющихся партій, или, по крайней мъръ, для техъ изъ ихъ сторонниковъ, которые наилучие вдумались въ ихъ смыслъ и наиболье искренно относятся къ своему дълу. Таково положение, что въъ огромномъ числъ случаевъ экономические вопросы лежать въ основа всахъ прочихъ общественныхъ и даже личныхъ задачъ; что лишь удовлетворивъ экономические интересы общества можно достигнуть удовлетворенія и всіхъ другихъ. (При этомъ все равно, смотріть-ли на эти последніе какъ на украшеніе жизни, въ сущности не необходимое, или какъ на интересы высшіе, подготовка которыхъ въ глазахъ развитого человъка обусловливаетъ всю ценность интересовъ низшихъ). То же можно сказать о положеніи, что теперь общество распадается на два класса, интересы которыхъ существенно противуположны, а потому борьба между этими интересами неизовжна и можеть имъть

лишь одинь, изъ двухъ исходовъ: или полное подчинение массъ господствующему меньшинству и прекращение протеста ихъ сторонниковъ противъ современнаго строя (который обыкновенно понимается подъ терминомъ «капиталистическаго»); или же-распаденіе этого строя со всёми формами его культуры, переноси въ новую общественную постройку дишь тв элементы прошлаго, которые, какъ признанные жизненными, согласны и останутся согласными и съ новыми общественными задачами. На этой общей имъ почвъ стоять эти двъ борющіяся силы, отличаясь историческими цълями и той и другой партіи оть задачь быта родового, отъ культуры обособленныхъ цивилизацій, отъ церковной культуры, выросшей изъ универсали. стическихъ редигій, отъ культуры абсолютизма, какъ светской святыни, какъ цивилизующей силы, наконецъ и отъ задачъ эпохи чисто-политическихъ стремленій къ народному самоуправленію. Едва-ли эти две борющіяся силы имеють возможность придти къ какому либо искреннему соглашенію.

Сравнимъ ихъ основныя положенія. Сторонники капитализма опираются преимущественно на признанную ими аксіому: полезна и необходима всеобщая конкурренція, которая должна доставить въ обществъ господство личностямъ болъе даровитымъ и энергическимъ, групцамъ, наилучше понимающимъ свои интересы и наилучше организованнымъ для борьбы за существованіе, за усиліе и за усп'яхъ. Трудъ массъ, поб'яжденныхъ этимъ меньшинствомъ и подчиненныхъ его интересамъ, даеть последнему возможность и досугь довести свою культуру до наибольшей утонченности и до наибольшаго комфорта, выработать свою мысль до краянихъ предвловъ изобратательности и способности понимать вещи, процессы и комбинаціи явленій. Въ этой все совершенствующейся культуръ и все вырабатывающейся мысли меньшинства представителей человъчества можетъ и долженъ состоять единственно для сторонниковъ этой партіи прогрессъ человічества. Торжество интересовъ массъ было бы, съ этой точки зрвнія, торжествомъ новаго варварства надъ цивилизаціей, орудіемт, которой служить меньшинстве буржуазіи, Какъ только процессъ конкурренціи, вырабатывающей господствующее меньшинство, совершается безпрятственно, такъ прогрессъ имветь мвсто автоматически. При этомъ великія идейныя стремленія личностей къ идеалу справедливости, общественнаго блага и т. п. оказываются не только не нужными но, скорве, вредными. Передъ мыслью сторонниковъ этого взгляда рисуется такой универсализмъ, который есть исключительно продуктъ солидарности фатальной и не имвющей никакой нужды быть сознанною, именно солидарности, автоматически связывающей господствующій классъ съ массами, обреченными логикою исторіи на то, чтобы быть орудіемъ развитія этого класса.

Партія, отстаивающая эти взгляды, сділалалась въ нашъ вікъ обладательницей, если не всіхъ экономическихъ средствъ нашего общества, то наибольшей ихъ части, поддержана въ этомъ отношеніи громадными успіхами научной техники и обладаеть почти исключительно средствами умственнаго развитія. Однако, къ осуществленію ея тенденцій существують нікоторыя затрудненія, которыя полезно указать.

Прежде всего всеобщая экономическая конкурренція, составляющая характеристическую черту капиталистического строя, способствуя обладателямъ капитала концентрировать въ своихъ рукахъ общественное имущество, орудія труда и развитія, въ то же самое время подвергаеть каждаго изъ этихъ обладателей опасности отъ каждаго изъего соперниковъ. Конкурренція, все расширяя территорію своихъ денежныхъ и кредитныхъ войнъ, вызываеть неизбъжно синдикаты капиталистовъ, предпринимателей и биржевыхъ спекуляторовъ, но всё члены такихъ коллективныхъ экономическихъ организмовъ, по самой сущности двла, обречены на взаимную конкурренцію, которая можеть проявиться каждую минуту, если только кто либо изъ нихъ сочтеть это для себя выгоднымъ. Подобное же столкновение можно констатировать между стремленіями капитализма къ учрежденію всемірнаго космополитическаго рынка и мірового царста биржевиковъ, и имъ же вызываемою и усиливаемою враждою между національностями и государствами, подъ личиною натріотическихъ идей, въ которыхъ враждебность къ чужому играетъ

гораздо значительныйшую роль, чымъ солидарность со своими. Не меньше затрудненія представляеть въ царств'в капитализма самый процессъ концентрировки богатствъ, вызывающій все большее удаление группъ, непосредственно работающихъ въ мірѣ крупныхъ предпріятій и не менье крупныхъ биржевыхъ спекуляцій, отъ группъ, извлекающихъ главную выгоду изъ тёхъ и другихъ (именно отъ группъ обладателей большей части бумагь и купоновъ акціонерныхъ обществъ и т. под.). Это неизотжно ведеть къ выработкъ класса дълопроизводителей въ общирномъ смысла этого слова. Эти далопроизводители одни дъйствительно знають и понимають дъла, ведущія къ наконленію и къ перераспреділенію богатствъ, неизбіжно пользуются этимъ своимъ знаніемъ и пониманіемъ въ виду личной своей пользы, и потому являются постоянно классомъ, мъшающимъ концентрировкъ богатствъ, а слъдовательно и нормальному успашному ходу всей капиталистической тенденціи. Еще одно не малое затрудненіе обусловливается психическими привычками пользоваться чужимъ трудомъ, въ виду усиленія жизненнаго комфорта, при наименьшемъ количествъ личныхъ заботъ, направленныхъ на эту цель. Эти психическія привычки способны вести къ атрофіи индивидуальныхъ силъ каниталистическаго общества, и въ работв теоретической или эстетической мысли, и въ личной энергіи въ деле постановки экономическихъ целей и ихъ достижения. Между темъ, въ процесст конкурренціи всталь противу всталь, именно изворотливость и проницательность мысли и энергія характера составляють необходимыя условія. Обратимъ вниманіе еще на одно обстоятельство: торжество каниталистического строя предполагаетъ ослабленіе, доведеніе до минимума, если не полную атрофію протеста большинства пасынковъ новой цивилизаціи противъ капиталистическаго строя. Это можетъ имъть мъсто дишь при томъ условіи, что буржуваная культура имветъ шансы сдълаться для большинства не только принудительною силою, но и пріобръсти достаточную привлекательность, чтобы устранить какъ общественныя волненія, такъ и неумолимую критику недостатковъ капиталистическаго отроя. Но очень

сомнительно, чтобы этотъ строй былъ способенъ рашить удовлетворительно эту задачу. Всякій историкъ мысли, допускающій, что здоровый элементъ хода событій нашего въка заключается въ распространении и укръплении капиталистическаго строя, долженъ быль бы взять на себя трудъ доказать, что указанныя затрудненія или исчезають сами собою или легко преодолимы; но едва ли можно допустить, что существующая соціологическая литература представляеть достаточные образцы подобныхъ доказательствъ. Пока это не сделано, приходится и сторонникамъ и противникамъ капиталистическаго строя прислушиваться внимательно къ аргументаціи его критиковъ и взвъшивать факты ими указываемые. Въ этомъ направленіи важны понытки рашить возникающие вопросы: почему сторон. никамъ капитализма приходится все чаще прибъгать къ пріемамъ общественной политики (особенно въ обобществленіи нъкоторыхъ отраслей производства: и экономической жизни вообще), входящимъ собственно въ составъ общественнаго міросозерцанія и соціологической практики ихъ противниковъ? почему въ современной эволюціи мысли не малое число критиковъ констатируетъ ослабление знания и понимания формъ конкурренціи и накопленія богатствъ въ томъ самомъ меньшинствъ, общественное значение котораго исключительно опирается на эти формы и процессы? почему именно эпоха царства буржуазін вызвала цёлый рядь философскихъ и нравственныхъ ученій, которыя логически ведуть къ ослабленію личной энергіи характеровь? какъ объяснить тотъ фактъ, что, въ современныхъ перипетіяхъ борьбы капитализма съ его врагами, буржуазія, вчера бывшая главною опорою светскихъ началъ и подчиненія государственной власти дівятельному контролю общества, вступаеть тенерь, въ виду этой борьбы, въ союзъ съ клерикализмомъ, съ милитаризмомъ и съ цезаризмомъ? какъ могли имъть мъсто нъкоторые любопытные пріемы современной борьбы буржуазіи за свои хорошо или дурно понягые интересы, пріемы, которые сближають нынфиній протекціонизмъ, въ виду усиленія производства, съ протекціонизмомъ старинныхъ меркантилистовъ, заботившихся

лишь о накопленіи монеты въ государственной казні и у денежныхъ магнатовь? Не слідуеть ли считать, наконець, опасными симптомами для царства буржувазіи всі возникающія въ немъ модныя направленія эстетическаго творчества, которыя или понижали и понижають уровень его идейнаго содержанія, или бичевали и бичують именно формы мысли и жизни, наиболіве тісно связанныя съ условіями существованія капиталистическаго строя?

Партія враждебная капитализму, выступила и выступаеть какъ преемница идейнаго теченія, направленнаго въ предъидущую эпоху на политическія и юридическія реформы, въ виду народнаго самоуправленія; но она переносила и переносить энтузіазмъ эпохи борьбы за политическія идеи на почву экономическую, которая, съ точки зрвнія сторонниковъ этого • направленія, одна могла и должна обусловить формы юридической и политической жизни. Эта партія имфеть въ виду не туманное демократическое представление «о народв», какъ одномъ целомъ, но установленное экономическою наукою понятіе о жассах этого народа, интересы которыхъ, по этому взгляду на вещи, были и остались враждебными. Одинъ изъ этихъ классовъ, именно классъ сторонниковъ капитализма, не могь установить сознательной общественной солидарности въ силу основнаго принципа своего общественнаго міросозерцанія-принципа всеобщей конкурренціи. Другой же, классъ трудящихся, усвоившихъ классовое сознаніе, видълъ и видить единственное средство своего торжества и единственнию возможность осуществить свою святыню солидарности-въ коопераціи, распространяющейся постепенно на все трудящееся человичество; когда онъ достигнеть этой ступени своей эволюцін, тогда исчезнеть, по уб'яжденію представителей этого направленія, и разница классовъ, потому что сдёлается невозможнымъ развитіе и самое существованіе личностей и группъ, живущихъ чужимъ трудомъ. Борьба за экономическое обезиеченіе всёмъ трудащимся необходимаго была основною жизнен. ною задачею сторонниковъ этихъ взглядовъ, но въ последнее время это представление довольно быстро переходить и даже

отчасти перешло въ другое, именно въ жизненную цъль доставить всемъ нынешнимъ «пасынкамъ цивилизаціи» условія жизни, «достойныя человека». Эта формула сделала возможною эволюцію общественныхъ идеаловъ, не исключая самыхъ высшихъ, доступныхъ развитой личности. Поэтому, армія противниковъ капиталистического строи охватила теперь однимъ общимъ стремленіемъ насколько различныхъ группъ личностей, имъющихъ въ виду различныя, но удобно-согласимыя задачи. Въ рядахъ этой арміи стоять и тв, которые концентрирують работу мысли на непосредственной задачь экономической борьбы труда съ капиталомъ. Къ этой арміи принадлежать и тв, которые усвоили мысль, что для усивха въ этой борьбв классъ пасынковъ цивилизаціи долженъ достигнуть политической власти и организовать эту власть сообразно экономическимъ требованіямъ поб'єдившей партій. Едва ли изъ нея кто-либо р'йшится исключить и техъ, которые особенно заботятся о торжествъ, въ процессъ событій, высшихъ идейныхъ началъ солидарности всъхъ трудящихся, личнаго развитія каждаго изъ нихъ и справедливости въ ихъ отношеніяхъ какъ между собою, такъ и къ остаткамъ стараго міра; тіхъ, которые придають особенное значение подготовлению въ борцахъ противъ капитализма и за диктатуру пролетаріата - строителей общественнаго организма, который дозволиль бы воплощение въ жизни только что упомянутыхъ въ высшихъ потребностей человъка. Наконецъ армія противниковъ капитализма съ логическою необходимостью охватываеть въ наше время и тыхъ, которые убъждены рядомъ теоретическихъ соображеній, что строй, къ которому они стремятся и въ которомъ они видятъ высшій, доступный нашему пониманію въ настоящее время, идеаль цивилизаціи, есть не что иное, какъ естественный и необходимый продукть и всёхъ прежнихъ формъ исторической жизни и самаго того капиталическаго строя, на разрушение котораго ихъ товарищи всехъ группъ направляютъ все свои умственные силы и всю свою личную энергію.

Затрудненія, которыя историку мысли приходится признать какъ существовавшія и какъ существующія для успѣховъ этой

партін, не менве значительны, чемъ тв, которыя указаны выше для ихъ противниковъ, но это въ значительной долъ затрудненія совсимь иного свойства. Прежде всего это-затрудненія, встречающіяся на пути всякой исторической партіи, борящейся противъ соперниковъ, господство которыхъ установилось и которые, какъ указано выше, имъють въ своихъ рукахъ и большую часть экономическихъ и политическихъ силъ общества, а также пользуется той весьма значительной силой сопротивленія, которую всегда противупоставляеть установившійся порядокъ вещей тому, который стремится ниспровергнуть его. Затьмъ, историкъ мысли не можетъ не принять въ соображение тотъ психическій процесъ, который им'веть м'ясто въ сред'я борцовъ за новое въ нашу эпоху, какъ онъ повторялся и въ другихъ случаяхъ исторіи, когда новое теченіе заявляло себя, какъ теченіе, прямо противуположное предъидущему: почти вев сторонники нового общественнаго идеала родились, развились, усвоили этотъ новый идеаль и стали въ его защиту въ старой средь; эта среда была проникнута во всъхъ своихъ формахъ и привычкахъ мысли старыми тенденціями, враждебными порядку вещей, который эта новаторы стремятся установить; имъ приходатся бороться и ег себть съ переживаніями того стараго строя, противъ котораго они борятся вив себя. Уже побъда надъ этимъ затрудненіемъ предполагаетъ большее напряженіе личной энергіи и личной работы мысли, чемъ то, которое нужно сторонникамъ существующаго, имъющимъ съ дътства предъ собою и тв же привычки и тоть же общій плань жизни. Но необходимость тщательной выработки личныхъ способностей въ данномъ случат увеличивается еще потому, что изъ двухъ элементовъ (среды и личныхъ побужденій), которые, какъ указано выше 1), обусловливають ходъ событій исторіи, на первое мъсто въ рядъ задачъ, поставленныхъ исторією предъ интехлигенцією этого лагеря, становятся задачи побужденій и личной роли волевыхъ аппаратовъ. На свою личную энергію и на свое личное пониманіе приходится раз-

¹⁾ Cu. crp. 102.

считывать всемъ участникамъ непосредственной борьбы труда противъ капитала. Она составляла и составляетъ необходимое условіе успаха въ стремленіи нынашнихъ западно-европейскихъ и американскихъ пролетаріевъ организоваться въ самостоятельную политическую силу и достигнуть диктатуры. Уже по самой сущности нравственныхъ побужденій лишь въ актахъ личнаго убъжденія, личной воли и личнаго участія въ общественной дъятельности, можетъ воплотиться задача построенія царства справедливости. Сладовательно, изъ группъ перечисленныхъ выше 2), какъ входящія въ составъ армін нынвшнихъ противниковъ капитализма лишь одна вводить. въ аргументацію принципъ необходимаго хода событій, который самъ собою вырабатываеть новый строй сознательной коопераціи всёхъ трудящихся изъ строя безусловной конкурренціи враждебныхъ между собою интересовъ, тогда какъ всв сторонники нынашняго капитализма ставять на первое масто въ своемъ общественномъ пониманіи именно автоматическій подборъ господствукщаго меньшинства въ процессъ борьбы интересовъ. Въ цёляхъ жизни, которыя преследуетъ интеллигенція всіхъ этихъ группъ, наименьшую роль играетъ соображение объ историческомъ детерминизмъ, выводящемъ автоматически последующее изъ предъидущаго. Все концентрируется, напротивъ, на деятельности личныхъ волевыхъ аппаратовъ. Получаетъ громадное значение способность личностей выработать въ себъ прочное убъждение, ясное понимание своихъ жизненных задачь, и энергическую рышимость осуществить эти задачи. Это осуществление совершается путемъ пропаганды личныхъ убъжденій; путемъ участія личностей въ реальныхъ фазисахъ борьбы за доставленіе пасынкамъ цивилизаціи м'вста въ исторической жизни; наконецъ, путемъ личнаго примъра, который, при подобныхъ условіяхъ, оказывается очень часто дыствительные всякой аргументаціи и всякихт частныхъ уличныхъ побъдъ. Независимо отъ своего личнаго развитія, историкъ современной мысли принужденъ признать, что самая

¹⁾ См. стр. 312.

возможность не только победы, но какого либо успеха сторонниковъ партін, о которой мы говоримъ, обусловлена степенью личнаго пониманія и личной энергіи, которыя каждый изъ нихъ вносить въ свою дъятельность путемъ слова, дъла и примвра. Лично приходится имъ бороться противъ переживаній, устранить которыя имъ невозможно изъ среды, въ которой они живуть. Переживаніе прошлаго вырабатываеть въ нихъ и около нихъ наклонность къ конкурренціи и на почвѣ экономическихъ интересовь группъ и странъ, и на почвъ фракціонныхъ споровъ изъ за частныхъ вопросовъ или изъ за власти; переживанія вызывають здись отрицаніе партійной дисциплины, тамъ-нвато въ родв бюрократическаго строя; переживанія обнаруживаются въ ихъ средв и въ борьбъ между различными элементами ихъ арміи, на которые указано выше: кто поглощенъ интересами прямой борьбы съ капиталомъ и съ его политическими союзниками, относится слишкомъ часто съ пренебрежениемъ къ тому, для котораго на первомъ мъсть стоитъ мотивъ построенія царства справедливости и объединенія трудящагося человъчества въ виду его развитія; съ другой стороны, последній столь же часто отказывается примириться съ печальными-но до сихъ поръ неустранимыми-условіями всякой общественной борьбы и всехъ политическихъ катастрофъ. - Могутъ ли быть устранены эти затрудненія, которыя приходится констатировать всякому добросовъстному историку современной мысли? Есть ли въ прошедшемъ или въ настоящемъ указаніе на то, что, рядомъ съ классовымъ сознаніемъ, въ лагеръ борцовъ противъ капитализма росло и растетъ, укрѣплялось и укрвиляется сознаніе необходимости при данныхъ условіяхъ выработать въ себв и въ другихъ ту преданность своимъ общественнымъ идеаламъ, то личное понимание и ту личную энергію, которыя одни могуть доставить усп'яхъ при данныхъ условіяхъ? Эти вопросы приходится историку или считать спорными или давать имъ лишь гадательное решение.

Н'якоторымъ пособіемъ при попыткахъ приблизиться къ подобному р'яшенію можеть служить объективное констатированіе н'якоторыхъ фактовъ въ процесств творчества обществен-

ныхъ формъ, творчества эстетическаго и философскаго, за тотъ періодъ, когда господствующими агентами исторіи можно признать тѣ теченія мысли, о которыхъ мы только что говорили; но отъ личнаго развитія историка въ значительной мѣрѣ зависить отнести тотъ или другой факть этихъ сложныхъ комбинацій къ преобладающему вліянію того или другого изъ этихъ теченій. Остановимся на нѣкоторыхъ явленіяхъ, сюда относящихся.

Такъ, при общемъ направленіи въ послѣдніе сто лѣтъ работы творчества общественныхъ формъ къ замѣнѣ власти, устраняющей общественную иниціативу, самоуправленіемъ общества въ болье или менѣе демократическихъ формахъ съ болье или менье искуственною системою представительства, предъ историкомъ вдругъ возникаютъ эпизоды цезаризма (первой и второй французской имперіи, а затѣмъ имперіи германской), поддержаннаго одною частью господствующихъ классовъ и даже передовой умственной интеллигенціей (особенно въ современной Германіи). Историкъ мысли не можетъ отказаться отъ попытки разгадать, насколько условія борьбы труда съ капиталомъ обусловили эти эпизоды и какой изъ боркщихся партій приходится приписать преобладающее вліяніе на то, что эти эпизоды могли имѣть мѣсто.

Точно также борьба съ клерикализмомъ была естественною задачею свътскаго государства, сознанною задачею интеллигенціи эпохи просвътителей, достигая своего апогея въ эпоху бурныхъ попытокъ къ народному самоуправленію, и осталась существеннымъ элементомъ политическихъ программъ передовыхъ политическихъ партій. Однако, съ половины нашего въка и до самыхъ послъднихъ годовъ, обнаружилось и все растеть не только вліяніе клерикализма въ его традиціонной организаціи духовной монархіи католицизма и болье или менье демократической федераціи протестантскихъ общинъ, но растутъ и симпатіи господствующихъ классовъ, модной литературы, философскихъ тенденцій въ ихъ несистематической формь—къ самымъ разнообразнымъ мистическимъ и символическимъ проявляется

и и вкоторое отвращение къ раціональнымъ требованіямъ мысли критической. Истично-научные умы нашего времени сознательно и безсознательно направляются къ выработка научной философів, устраняющей вев посторонніе ей элементы; они устанавливають соціологію; они прямо заявляють, что наука не только въ области теоріи отвергаеть неподвижность догматовъ, какъ противную человъческой природь, но что научный прогрессъ требуетъ, въ области практики, «непрерывныхъ изміненій въ организаціи государствь, какт слідотвія втого прогресса». Однако, рядомъ съ этимъ, въ это самое время, въ умахъ больщинства лицъ, которыхъ нельзя не отнести къ интеллигенціи, приходится констатировать поразительныя проявленія мистической и метафизической реакціи разнаго рода, дозволяющія н'якоторымъ нервнымъ мыслителямъ опасаться даже возвращенія къ теократическимъ формамъ общества Совпаденіе этого довольно общаго явленія—ві, которомі, можно констатировать даже некоторую правильную эполюцію -- съ заостреніемъ борьбы партій, о которыхъ говорилось выше, принуждаетъ историковъ современной имсли искать раціональную связь между темъ и другимъ, и разглядывать, какіе классовые интересы воплощались въ это реакціонное явленіе нашего Времени.

Той и другой изъ этихъ двухъ поразительныхъ на первый взглядъ аномалій въ ходъ новой исторіи приходитея, повидимому, искать наиболье удовлетворительное объясненіе въ томъ изъ трехъ основныхъ общественныхъ теченій, которое болье другихъ выказывало склонность къ пренебреженію посльдовательности въ мысли и въ жизни, идейнаго начала вообще, и которое, при каждомъ отдъльномъ вопросъ, поставленномъ событіями, всего охотиве руководилось принципомъ оппортучнаяма, т. е. попыткой рішить всикій поставленный вопросъ, какъ бы вить его никакихъ другихъ не было. Вражда къ преологіи и склонность употреблять «великія идеи» дишь какъ лицемтриро маску для личныхъ пілей быля именно характеристичны для новой буржувзій. Она была демократична и антиклерикальна въ эпоху, когда, при опреділенной комбивалля

событій, главнымъ своимъ соперникомъ она считала привилегированныя сословія. Какъ только, въ последнія десятилетія, подобными—вил даже боле опасными—врагами она стала считать соціалистовъ, никакое принципіальное побужденіе не оказалось на лицо въ буржуваной интеллигенціи, чтобы помешать ей искать союзниковъ въ клерикализмѣ и въ цезаризмѣ; «дикари же современной культуры», составляющіе и теперь большинство въ буржуваіи, даже не могли ни понимать, ни чувствовать разницы между «порядкомъ», устанавливаемымъ штыками и уваженіемъ къ демократическому закону, или между модой на насмѣшки надъ религіей и подобною же модой на неосмысленное исполненіе ея обрядовъ.

Борьба трехъ указанныхъ теченій не оставалась безъ вліянія и на работу эстетической и философской мысли въ современную намъ эпоху.

Вымирающій псевдо-классицизмъ, разнообразныя формы романтизма и традиціи служенія красоть, какъ чему то самостоятельному, были наследствомъ прошлаго, воспринятымъ тымъ поколыніемъ, которое усвоило сознаніе существующей классовой борьбы съ ея грозными общественными задачами. Противуположение идеалистической метафизики крайней дробности эмпирическихъ работъ спеціалистовъ точной науки было другимъ наслъдствомъ, полученнымъ этимъ же поколъніемъ Между темъ, въ представлении о культуре царства буржуазіи и въ процессъ логической эволюціи понятій, входившихъ въ составъ работы ученыхъ спеціалистовъ этой эпохи, заключались требованія, нераздёльныя отъ задачь эстетическаго и философскаго творчества. Въ заботы объ утонченномъ комфортъ господствующаго класса, индифферентного къ идейнымъ интересамъ, входило требованіе украшеній жизни, доступныхъ на этой ступени эволюціи мысли, украшеній, которыхъ естественно было искать въ работв мысли эстетической. Съ другой стороны, наука въ своемъ прямолинейномъ ростъ расширяла свою область на вопросы, которые не могли оставаться ни строго-спеціальными ни чисто-эмпирическими. Дівло шло о пониманіи физико-химических явленій въ ихъ механическомъ

обобщении и возникало научное понятие о метаморфозакъ энергіи; діло шло о пониманіи органическаго міра въ его цъломъ и въ его развитін, и спеціалисты были поставлены предъ научными задачами біологическаго трансформизма и біологической эволюціи. Дало шло о пониманіи общественныхъ явленій въ ихъ комбинаціи и въ ихъ исторической роди, и предъ изследователемъ возникла целая группа новыхъ научных задачь: какое дъйствительное отношение существуетъ между капиталомъ и трудомъ? Какова роль различныхъ общественныхъ процессовъ въ общемъ процессъ жизни общества? можно ли считать общественныя явленія неизм'внишми, или же предъ нами историческія категоріи, фатально обреченныя на сміну каждой изъ нихъ другими? какую роль играетъ личная иниціатива въ ході событій? какъ зарождаются и развиваются идеи, движущія событія? въ чемъ состоить эволюція върованій, учрежденій, творчества въ разныхъ его формахъ? что мы знаемъ объ эволюціи солидарности и индивидуализма? каковъ действительный смыслъ термина исторический прогрессь? Дело шло въ сфере строгой науки о чисто-философскомъ понятіи эволюціи, о роли въ науки метода сравнительнаго и историческаго въ самомъ широкомъ философскомъ смысле этихъ словъ. Дело шло о возможности или невозможности создать соціологію и научно понять исторію.

Эти наслъдства и эти задачи вызывали и вызываютъ рядъ эстетическихъ теченій мысли и рядъ философскихъ построеній. отчасти болье общихъ, отчасти ограниченныхъ болье частною областью.

Романтизму противуположился патурализмъ въ самыхъ непривдекательныхъ его формахъ. Крайній эстетизмъ заявляль свое равнодушіе ко всякому идейному содержанію и потребоваль отъ художниковъ преклоненія передъ одною формою, обработка которой должна быть доведена до совершенства. Сторонники другой отрасли того же эстетизма, именно импрессионисты, отказались даже отъ обсужденія путей, способныхъ передать художественно-правдивое представленіе о предметь, й ограничились задачею передачи кистью, різцомь или словомъ

непосредственнаго впечатальнія, получаемаго отъ предмета. Съ другой стороны симоолизмъ требоваль отъ художника не той чарующей ясности въ созданныхъ имъ образахъ, которая когда-то была задачею и великихъ эпическихъ произведеній давняго времени и великихъ лириковъ и драматурговъ индивидуалистической поэзіи; онъ требовалъ смутныхъ намековъ, вызывающихъ лишь общее настроеніе и какъ бы прододженіе творчества художника въ работѣ мысли того, кто воспринималъ художественное произведеніе. Символистъ хотѣлъ, чтобы его статуя, картина, стихотвореніе были восприняты, какъ воспринимаютъ музыкальное созданіе, и это самое повело къ тому, что музыка явилась высшимъ и самымъ моднымъ искусствомъ эпохи.

Уже въ этихъ группахъ явленій въ области эстетическихъ вкусовъ дозволительно угадывать вліяніе того или другого основного общественнаго теченія, но трудно идти далве догадокъ. Такъ, въ ограниченияхъ натурализма въ искусствъ изображеніемъ самыхъ низшихъ побужденій, особенно — полоныхъ, въ принципіальномъ пренебреженіи эстетизма къ идейному содержанію, въ ограниченіи импрессіонизма поверхностными впечатлъніями, въ отвращеніи символизма отъ ясныхъ представленій и понятій и въ мод'в на мувыку-характеризованную, по самой своей сущности, отсутствіемъ вполив опредвленныхъ образовъ и преобладаніемъ сміны настроеній — было не особенно дерзко угадывать вліяніе того историческаго теченія, которое относилось враждебно въ идеологіи. стремилось устранить всв заботы этой области, заглушало жаждою чувственныхъ оргій и утонченнаго комфорта грозный призракъ все обостряющейся классовой борьбы, и старалось забыть въ заботь о формъ, о символь, о неопредъленномъ настроеніи реальныя задачи и опасности, которыя надвигались все неотразимбе на жуировъ и эстетовъ; при этомъ въ символизмб не особенно было трудно признать одно изъ проявленій мистической реакціи въ направленіи среднев'вковаго строя мысли, реакціи, о которой было сказано выше.

Не было противорнчія и въ томъ, чтобы признавать въ

другихъ элементахъ техъ же самыхъ фазисовъ работы эстетической мысли тенденціи противуположнаго свойства: въ натурализм'в проявляются требованія критики, направленной на реальный міръ и реальное общество въ его самкіхъ бользненныхъ явленіяхъ; въ эстетизм'в - критическое паученіе встув частностей формы, что неизовжно вело къ вопросу о ея отношенін къ содержанію; въ импрессіонизм'в отражается отчасти то самое тшательное изследование элементарных поихнуескихъ явленій, которов въ то же самое времи нерерабатывало исихологію, зам'вняя умозр'внія о ждушь изученіемъ и разложеніемъ ощущеній; въ символизмъ, наконецъ, приходится приззнать больженное чнотому, что связанное съ мистикою - но твиъ не менье довольно опредвление противодвиствие проповъди и эстетовъ о пеобходимости подчинить въ искусствъ все заботь о формь, а въ жизни дать преобладание заботамъ эстетическимъ. Кромъ того, чуть и не во всахъ этихъ направлевіяхь эстетическаго творчества сохранилась транилія романтического отвращения отъ ношлости буржуваной культуры, традины, являвшаяся вреднымъ переживаніемъ для госполотва этой культуры, жазнейнымъ элементомъ для ен общественныхъ враговъ. Тъмъ не менье, при этихъ сближениях трудно выйти изы области, гадательнаго: и чен ит высле оттель истипация

Уже съ ввроитностью, гораздо болье значительною, можно говорить о подобных явленіяхь вы двухь дальный шхв областихь эстетическаго творчества послыднихь десятильтій. Это, во первыхь, общественная сатира въ романахь, въ драмь, въ журнальной полемикь; она была направлени противу всёхъ основныхъ и второстепенныхъ явленій современной жизни; въ большей части случаевъ не выстанляла накакого опредъленнаго политического или соціальнаго знамени, никакой практической программы, но, въ своемъ стремленій къ правдивой картинъ существующаго зла, нививиности побужденій въ геопедствующихъ классахъ, лицемфрім ихъ показныхъ чувствъ и идей, эта сатира подрывала всь основы буржуванаго міра и тъмы самымъ явилась иногда преднамфреннымъ, но большею частью невольнымъ союзником сего противниковъ, тъмъ

болье могучимъ, что художественная правдивость и литературный успахъ въ интеллигенціи всего чаще оказывались на сторон'я этихъ эстетическихъ враговъ новой буржуазіи, враговъ, оставивщихъ уже далеко за собою романтиковъ, напиравшихъ лишь на пошлость и на неэстетичность современной имъ буржуазіи. И особенню знаменательно обстоятельство, что эстетическое проявленіе этой сатирической литературы и даже мода на нее устиновилась и устанавливается какъ разъ въ эпоху, когда матеріальныя средства, способныя поддерживать литературу и искусство, находилось и находятся въ рукахъ этой самой буржуазіи. Еще гораздо болье широкое мъсто въ проявленіи эстетическихъ вкусовъ последняго времени, въ связи съ общими соціальными вліяніями, занимаеть искусство и литература, представляющія какъ бы полярную противуположность предъидущему, именно искусство и литература рыночныя, открыто преследующія цели чисто-экономической конкурренціи, туть только-что упомянутыя моды натурализма, импрессіонизма символизма или безсодержательного эстетизма и т. п. выступають какъ бы случайными эпизодами на общемъ фонв рыночной борьбы, которая вносить въ процессъ «сочинительства», литературнаго и художественнаго «ремесла», исключительную заботу о ходкости эстетического товара, поставляемаго на рынокъ. Изъ продуктовъ этого ходкаго производства огромное большинство не имбетъ никакого эстетическаго достоинства, однако въ другихъ нельзя не признать его даже въ довольно значительной мъръ; но и въ техъ и въ другихъ историкъ современной мысли можетъ проследить съ поразительною ясностью и низменность нравовъ общества, созданныхъ современнымъ царствомъ буржуазныхъ интересовъ, и опошленіе литературных и художественных вкусовъ, и полное безсиліе даже зам'вчательных художников создать правдивые положительные типы. Последній симитомъ всего естественнъе сблизить съ еще большимъ безсиліемъ реальнаго общества, усвоившаго буржуазную культуру, выработать реальныя личности подобныхъ положительныхъ типовъ вив рядовъ людей, враждебныхъ тому самому строю, который теперь

господствуеть. Вглядываясь внимательно во всю совокупность продуктовъ того творчества, которое въ последнее время можно отнести къ эстетическимъ побужденіямъ, или къ еще более широкимъ побужденіямъ украшенія жизни, историкъ современной мысли можеть быть наведенъ отчасти на положительные выводы, отчасти же на более или мене правдоподобныя догадки о томъ, каковы шансы той или другой изъ двухъ борющихся общественныхъ партій восторжествовать въ столкновеніи буржуазной культуры съ ея перестроителями.

Въ философскихъ теченіяхъ нашего въка на первое мъсто. по значенію для разсматриваемаго здісь вопроса, приходится поставить эволюціонизма въ разныхъ его формахъ (отчасти даже метафизическихъ) какъ теоретически объединяющее міросозерцаніе, выросшее на почві строгой науки, охватившее почти вст ея отрасли и связавшее почти непроизвольно задачи спеціально научныя съ философскими: эволюціонизмъ нашего времени, въ его лучшихъ представителяхъ, опирается исключительно на точно-констатированные, отдёльные факты, или на такіе, віроятность которых в точно оцінена; но въ то же время онъ ставить задачею установление связи между всеми подобными фактами. До сихъ поръ объ борющіяся партіи относились къ нему благопріятно. Врагамъ капитализма принципъ эволюціонизма дозволиль смотреть на капитализмъ, какъ на историческую категорію, подлежащую зам'єн другою, столь же правомърною; слъдовательно, передовыя личности получили нравственное право направить свои силы и свою энергію на возможную задачу этого общественнаго изминенія. Сторонники же противуположного теченія видели въ этомъ ученіи оружіе противъ непосредственныхъ соціальныхъ опасностей. Предшествовавшая эпоха передала одной части интеллигенціи нашего времени идеализацію революціонных в катастрофъ и наклонность къ нимъ, перенося въ средъ нъкоторыхъ группъ это представленіе изъ сферы политической въ сферу соціальную. Сторонники капитализма пытались противоположить логически, какъ нормальный, процессъ мирной и постепенной эволюціи всемъ призывамъ къ патологическому будто-бы явленію революціонныхъ катастрофъ. Точно также-если еще не въ болве значительной мірів — и та и другая партіи искала философскаго оружія въ пользу сьоихъ соціальныхъ тенденцій въ бол'ве частной идев, выдвинутой попутно эволюціонизмомъ, именно въ идев борьбы за существование, идев, которою сторонники капиталистического строя думали оправдать свой основной принципъ всеобщей экономической конкуренціи, тогда какъ ихъ противники указывали въ ней же философскій базисъ, во первыхъ, для основного принципа своего пониманія исторіидля классовой борьбы; во вторыхъ, для своего стремленія къ солидарному союзу рабочихъ, какъ къ лучшему оружно въ этой самой классовой борьбв. По мфрв роста въ буржуазіи наклонности вступать въ союзъ, для своей обороны, съ переживаніями клерикальныхъ тенденцій и съ милитаризмомъ, стала въ носледнее время расти въ проявленіяхъ реакціи враждебность къ эволюціонизму съ его неизбіжными логическими выводами, но слишкомъ глубокіе корни, которые это міросозерцаніе пустиловъ точныхъ наукахъ, едва ли позволяють сторонникамъ этой временной тенденціи разсчитывать на усл'яхъ.

Можетъ быть на ряду съ предъидущимъ приходится историку мысли поставить позитивизмъ, какъ первую вполет опредъленную постановку (хотя и не рашеніе) задачь научной философіи, устраняющей всв постороннія ей примвеи, и какъ первую попытку философски-установить и отграничить соціологію, какъ особенную науку, въ то же время завершающую все систематическое зданіе наукъ. Но, съ одной стороны, объ эти особенности, при ихъ громадномъ теоретическомъ значеніц не представляли особенно удобной почвы для борьбы общественных партій, и если въ последнее время буржуазія обнажила наклонность стать въ ряды враговъ научнаго позитивизма. она сделала это лишь въ той мере, въ какой она считаетъ нужнымъ опираться на сторонниковъ переживаній средневъковаго строя мысли. Съ другой стороны, позитивизмъ, въ той форм'в, которую онъ дъйствительно принялъ въ эволюціи мысли, распался на двъ враждебныя отрасли, изъ которыхъ отрасль наиболъе (или даже исключительно) научная обнаружила

подпаденіе вліянію современнаго плейнаго индифферентизма въ томъ, что отказалось отъ систематическаго внесенія въ свою систему какого бы то ни было присущаго этому міросозерцанію нравственнаго ученія; слідовательно эти позитивисты отказались оть основной задачи философіи въ томъ видъ, въ какомъ эта задача была издавна поставлена предъ мыслителями новой Европы 1). Другая отрасль позити. визма (контизмъ, какъ ее обыкновенно называють) поставила себь задачу, противоръчащую основной роли ученія, именно задачу создать новую религію. Знаменательно, что объектомъ этой религіи контисты поставили человічество въ его единствъ, т. е. идею, какъ разъ противуположную капиталистическому догмату всеобщей конкурренцін; темъ самымъ контисты какъ бы признавали святынею общечеловъческую солидарность, выставленную противниками капитализма. Предъидущее не мъщало всъмъ главнымъ представителямъ этого ученія въ своихъ соціологическихъ и историческихъ умозрѣніяхъ, быть скорве враждебными по отношению къ противникамъ капитализма. Именно эти теоретическія и практическія аномаліи едва-ли дозволяють историку мысли признать за позитивизмомъ ту историческую роль въ попыткахъ рёшить современныя задачи мысли, которая, казалось, принадлежала бы ему по его зам'вчательной теоретической постановки научно-философскихъ задачъ. Въ связи съ позитивизмомъ можно, повидимому, упомянуть и азностицизмъ, точка исхода котораго, по своей сущности, не отличалась отъ основныхъ принциповъ позитивизма, но который, при недостаточной выработкъ характеристичной для него идеи «непознаваемаго», уступилъ въ ней ибкоторую почву переживанію метафизики и едва-ли могь до сихъ поръ отъ нея вполнъ освободиться.

Изъ другихъ более частныхъ продуктовъ философской мысли последнихъ эпохъ историкъ мысли отметить, вероятно, утилитаризмъ, который, казалось бы, должевъ былъ сделаться руководящимъ практическимъ ученемъ буржуазіи; но, въ своей

¹) См. стр. 189 и савд.

реальной эволюціи, онъ пришелъ къ идеѣ «наибольшаго количества наслажденій и наименьшаго количества страданій для наибольшаго числа людей», идеѣ, перебросившей его сразу въ ряды подготовителей общественнаго строя, противуположнаго общественному идеалу прогрессивной эволюціи путемъ развитія меньшинства; затѣмъ позже, когда передовые утилитаристы признали разницу между наслажденіями не только количественную, но и качественную, разница между ихъ этическимъ ученіемъ и нѣкоторыми другими потеряла всякое особенное значеніе.

Историкъ отмътить въ этой области почти неизбъжно и пессимизмъ, распространеніе котораго (совершенно независимо отъ того метафизическаго ученія о безусловной воль, на почвь котораго пессимизмъ выросъ) съ нъкоторою въроятностью можно сблизить съ деморализацією, внесенною въ современные умы опасностью классовой борьбы и разочарованіемъ господствующихъ классовъ во всъхъ ихъ старинныхъ идеалахъ и надеждахъ; тогда какъ, въ болье узкомъ своемъ приложеніи—именно въ ученіи, что напоминія формы общественной и государственной жизни не позволяють надъяться ни на какой благопріятный исходъ изъ общественныхъ затрудненій—пессимизмъ былъ и остался элементомъ враждебнымъ капиталистическому строю.

Въ вилектизми, пытавшемся сделаться оффиціальною философіею французской буржувзін, уже безъ труда можно констатировать непосредственное проявленіе недодуманности и того идейнаго лицемерія, которое составляеть въ нынешнемъ обществе одинъ изъ главныхъ объектовъ художественной и публицистической сатиры, о которой сказано выше. Наконецъ новый митергализми, антропологизмъ, новый критицизмъ и близкія къ этому частныя критическія философскій ученія суть—въ значительной мере сознательно—направленія мысли, непосредственно благопріятныя для враговъ капитализма.

Какъ общій характеръ историческихъ особенностей почти всёхъ этихъ ученій, съ ихъ враждебными другъ другу элементами—иногда даже противурёчивыми въ одномъ и томъ

же ученіи—едва ли не поразить историка мысли то обстоятельство, что они всё склонны подрывать разсчеть на личную иниціативу и энергію воли у отдёльных в особей, въ то самое время, когда догмать всеобщей конкурренціи, характеризующей царство буржуазіи, требуеть, какъ было сказано 1), непремѣннымъ условіемъ прочности этого царства особенное развитіе и этой иниціативы и этой энергіи.—Лишь личное развигіе историка мысли можеть ему позволить надлежащимъ образомъ понять этотъ знаменательный фактъ въ эволюціи современной мысли и его роль въ современной исторіи.

Такимъ образомъ, на основаніи только что изложенной въ наибольшей части гипотетической—схемы исторіи мысли можно сказать, что предъ современною интеллигенцією и предъ той долею массъ, на которую распространилось уже ен вліяніе, исторія ставить слідующіе вопросы.

При изложении схемы исторін средневівковой мысли было указано 2) на пользу обратить вниманіе при этомъ на націи и страны, въ которыхъ процессъ исторической эволюціи видонамінялся вслідствіе нікоторыхъ частныхъ или местныхъ условій, и одинъ изъ подобныхъ случаевъ представился для культуры Московскаго царства. Можетъ быть, въ болье новое время, нетербургскій періодъ исторіи Россіи представияеть подобный же эпизодь, заслуживающій спеціальнаго вниманія. При этомъ возникаютъ вопросы: почему именно въ Россіи Петръ І представиль ранже чёмь въ другихъ странахъ вполнё опредёленный образчивъ типа неогранниченнаго монарха-реформатора, типа, который на западъ выработался повже? почему дальнъйшіе фазисы эволюцін въ этомъ случав приняли гораздо болве характерь политическій и соціальный, тогда какъ борьба противъ d'infame, столь характеристичная для эпохи энциклопедистовъ, не проявляясь у насъ никакимъ яркимъ фактомъ, совершалась въ интеллигенци какъ бы сама собою, вызывая въ массахъ явленія раскола, которыя всего справедливѣе, повидимому, отнести въ переживаніямь? и почему, темъ не менье, въ ближайшія въ намъ десятильтія общеевропейской реакціи, русская интеллигенція обнаружила бользненныя явленія склонности къ метафизвив, къ мистицизму и формы декаденства, совершенно-однородныя съ тъмъ, что мы видимъ на западъ, становясь въ то же время въ разрѣзъ со своею недавнею традицією, повидимому вполнѣ здоровою? По-

¹⁾ См. стр. 309.

²⁾ См. стр. 316 и слёд.

чему, наконедъ, и фазисы, чрель которые проходила мысль русской передовой (интеллигенціи, въ ея знамененательной зависимости отъ хода европейской исторів, и современная постановка основныхъ соціальныхъ и политическихъ вопросовъ мысли и жизни въ этой интеллигенців, въ однихъ отношеніяхъ совершенно сходна съ темъ, что мы видимъ на засадъ, въ другихъ же представляеть характеристическія отдичія? Иныя наъ этихъ явленій легко объяснить, другія можно попытаться понять лишь гадательно; но изучение въ русскомъ идейномъ денженій новаго времени и элементовъ его подражанія западу, я его особенностей, и его попытокъ установить свою національную самостоятельность въ культуръ и въ мысли-понытокъ, почти фатально приводившихъ иъ определенно-реакціовнымъ теченіямъ-можетъ, повидимому, значительно содъйствовать дучшему пониманію эводюців мысли не только въ нашемъ отечествъ, но и въ странахъ, подъ идейнымъ влія. ніемъ которыхъ находилась и во многихъ случаяхъ осталась русская интеллигенція.

Чрезъ вавіе-вибудь сто літь, можеть быть, подобный же или даже еще болье любопытный типъ представить Японія, но въ настоящую минуту она находится лишь въ первомъ фазисъ процесса втягиванія ея въ общечеловъческую исторію мысли, и данныя, представляемыя ею истораку мысли, еще недостаточны.

Пойдетъ ли человъчество по пути фактической и принципіальной всеобщей конкуренціи, въ разсчетъ выработать всеболъе утонченную культуру и все болъе гибкую мысль небольшого меньшинства, существованіе и развитіе котораго предполагаетъ трудъ массы насынковъ цивилизаціи, остающихся фатально внъ исторіи и принужденныхъ примириться съ этою своею судьбою? или-же оно пойдетъ по пути все болъе полной и сознательной коопераціи всего трудящагося человъчества для его возможно-широкаго и непринудительнаго развитія?

Поставить ли себѣ теоретическая мысль современной интеллигенціи неуклонною задачею вырабатывать все болѣе цѣльное пониманіе міра, человѣка и общества путемъ чисто-научныхъ пріемовъ и гипотезъ, устраняя матафизическій и мистическій элементь, въ нашей культурѣ существующій и въ нее все болѣе явно проникающій? Или же побѣдитъ та потребность въ некритическихъ элементахъ мысли, которую въ ближайшія къ намъ десятилѣтія все большее число личностей изъ интел**лигенцін** признаеть потребностью здоровою и нормальною, провозглашая несостоятельность и банкротство науки?

Въ числъ важивищихъ научныхъ задачъ нашего времени следуеть ин поставить установление социологии, какъ особой самостоятельной науки о явленіяхъ солидарности въ группахъ сознательных особей; науки, которая является завершеніемъ системъ наукъ вообще въ ихъ нынвшнемъ состояніи, и которая характеризована еще тою особенностью, что практическія приложенія ся истинъ составляють невыдалимое условіе наллежащаго ихъ пониманія? Или же эготъ комплексъ фактовъ умозраній, точно также какъ гасно связанная съ нимъ продуманная исторія-окажутся вовсе не науками, а могуть быть отнесены теоретически къ области личныхъ ненаучныхъ соображеній, при чемъ общественныя явленія и общественная роль личностей останутся въ области эмпиризма и случайности; для исторіи же раціональными задачами окажутся только, или эрудиція, занимающаяся отдільными фактами, или художественное воскрешеніе эпохъ и типическихъ дичностей, о научномъ же ихъ пониманіи не должно быть и рѣчи?

Можетъ ли современная интеллигенція поставить себѣ сознательною и нравствено обязательною цѣлью, идейною святынею, солидарность наибольшаго возможнаго числа личностей, съ столь же яснымъ сознаніемъ и съ такою же нравственною обязанностью стремящихся къ наибольшему личному развитію (хотя бы борющіяся группы этой интеллигенціи думали осуществить эту солидарность и это развитіе, одна—свободною кооперацією трудящихся массъ, другая—устраненіемъ всякаго протеста въ этихъ массахъ, приспособившихся къ труду на пользу господствующаго и развивающагося меньшинства)? Или же это соглашеніе двухъ элементовъ прогресса будетъ признано невозможнымъ и человѣчество будетъ вѣчно поставлено предъ дилеммою: или крѣпкая солидарность при подавленіи развитія отдѣльной личности; или же сильное и разносторовнее развитіе личностей, отрекшихся отъ всякой идейной солидарности?

Въ современномъ фазисъ исторіи, въ дальнъйшемъ ся ходъ и въ выработкъ типическихъ по своему развитію личностей

слъдуетъ ли признать преобладающимъ начало универсализма, сближающаго личностей и ихъ группы и раздъляющаго ихъ, помимо антропологическаго ихъ сходства или различія и политическаго обособленія, исключительно на почвъ одинаковой или различной ступени развитія, ими достигнутой? Или же преобладающая роль принадлежить и будеть принадлежать въ ближайшемъ будущемъ раздъляющему началу расъ и національностей, теперь такъ громко провозглашенному его сторонниками, при стремленіи обусловить этимъ расовымъ и національнымъ сепаратизмомъ и ходъ политическихъ событій?

Въ тѣхъ случаяхъ, когда личности, группы личностей и пѣлые народы вызываются къ дѣятельности различными—или даже противурѣчивыми—мотивами дѣйствія, вырабатывается ли въ человѣчествѣ и въ его наиболѣе развитыхъ представителяхъ наклонность искать рѣшеніе трудныхъ вопросовъ преимущественно въ личномъ убѣжденіи и въ критической оцѣнкѣ жизненныхъ цѣлей? Или же человѣкъ все болѣе стремится руководствоваться въ подобныхъ случаяхъ внѣшними критеріями: обычаемъ среды, модою кружка, мнѣніемъ большинства, декретами власти, текстомъ положительнаго закона, и т. под.?

Ограничимся пока хотя бы этими вопросами. Едва ли историкъ мысли, поставившій себѣ задачею понять наше время въ его характеристическихъ чертахъ, въ его зависимости отъ прошлаго и въ его ожиданіяхъ отъ будущаго, можетъ обойтись безъ попытки такъ или иначе рѣшить ихъ.

Конечно было бы вовсе ненаучно считать ихъ вопросами окончательными. Эволюція человічества, въ его переработкі культуры мыслью, остановиться не можеть, будуть ли ея фазисы здоровыми или болізненными, нормальными или обнаруживающими временное отклоненіе отъ нормы, прогрессивными или регрессивными. Возникнуть неизбіжно фазисы, когда всякая схема исторіи мысли теперь возможная, окажется неполною, недостаточною, а отчасти и вовсе несостоятельною; когда въ томъ, что развитой человікь теперь признаеть переживаніемъ, окажутся влементы жизненные, а то, что для него—элементь жизненный, обнаружится какъ вредное пере-

живаніе; когда будущій историкъ будетъ удивленъ, открывая въ явленіяхъ, имѣющихъ мѣсто среди насъ, но ускользающихъ отъ нашего наблюденія, зародыши или громадныхъ завоеваній будущаго человѣчества или же его самыхъ мучительныхъ страданій. Кое что изъ комплекса будущихъ вопросовъ, которые поставитъ исторія народамъ, можно разглядѣть или угадать, но нѣтъ сомнѣнія, что для большей ихъ части это намъ невозможно. Мы можемъ утверждать одно: подобные вопросы будуть поставлены и матеріалъ для ихъ постановки, для попытокъ рѣшить ихъ, даже для самаго ихъ рѣшенія въ томъ или другомъ направленіи, мы теперь подготовляемъ напимъ коллективнымъ и индивидуальнымъ участіемъ въ исторической жизни, и подготовимъ его.

Оставимъ будущимъ историкамъ мысли заботу о твхъ изміненіяхъ, которыя могуть быть внесены и будуть неизбіжно внесены въ схему ея исторіи на основаніи соображеній, для которыхъ теперь не существуетъ достаточныхъ-или даже никакихъ-данныхъ. Выскажемъ искреннее убъжденіе, что другіе современные писатели, обладающіе большей исторической эрудиціей и болве проницательнымъ взглядомъ на прошлое, чвмъ пишущій эти строки, по всей въроятности построили бы иную схему, гораз до болве удовлетворительную. И резюмируемъ въ немногихъ строкахъ, то, что изложено на предшествующихъ страницахъ. Эти строки имфютъ цълью еще разъ указать, на сколько только что указанные вопросы-которые, по нашему мненію, исторія ставить нашему времениоказываются подготовленными всемъ ходомъ предшествующей исторіи.

Когда въ зоологическомъ мірѣ выработывались въ борьбѣ за существованіе орудія, необходимыя или полезныя въ этой борьбѣ, тогда уже выработка, въ числѣ важнѣйшихъ изъ этихъ орудій, сознательныхъ процессовъ въ особяхъ и солидарнаго общежитія въ скопленіяхъ особей подготовляла современный вопросъ о роли солидарности и сознательныхъ процессовъ въ прошломъ, въ настоящемъ и въ будущемъ.

Когда у древняго доисторического дикаря впервые явилась

склонность не только къ употреблению техническихъ пріемовъреальныхъ или фантастическихъ — для удовлетворенія своихъ элементарныхъ потребностей или для обезнеченія себ'в удачи въ предпріятіяхъ, но также къ составленію въ своемъ умф и къ уяснению въ себъ представления о томъ, почему такой-то пріемъ труда или колдовства годенъ въ данномъ случав, на какія реальныя препятствія направляется его трудъ и къ какимъ предметамъ, неопределеннымъ силамъ или определеннымъ сверхестественнымъ пособникамъ обращается его заклинаніе-тогда было положено основаніе длинному и разнообразному ряду представленій, понятій, продуктовъ творчества, методовъ критики фактовъ, построеній сложныхъ міросозерцаній, ряду, въ который вошли всв религіи, всв созданія искусства, всв науки, всв философіи, и который поставилъ наше время предъ задачами современной точной науки во всвхъ ея спеціальныхъ развітвленіяхъ; передъ задачами современнаго научнаго міросозерцанія, чуждаго всякой метафизики и всякой мистики; современнаго искусства съ его требованіями правдивости въ изящныхъ формахъ; точно также какъ къ предшествующимъ ступенямъ того же ряда принадлежать всё тё вредныя переживанія лже-наукъ, некритическихъ върованій, метафизическихъ умозрѣній и эстетическихъ отклоненій отъ правды, и уродствъ, съ которыми приходится бороться истиннымъ ученымъ, мыслителямъ и художникамъ нашего времени

Когда въ сознательныхъ процессахъ человъка обособилось наслаждение развитиемъ и потребность его, когда это вступление народовъ въ жизнь историческую обусловило выдъление интеллигенция съ ея борьбою за сознанные интересы, тогда, въ этой борьбъ коренились и зародыши всей позднъйшей эксплуатации интеллигенцием массъ, коренилась и нынъшняя теорія меньшинства, вырабатывающаго высшую культуру на почвъ труда большинства. Но въ той же потребности этой интеллигенцие развиваться интеллектуально, независимо отъ ея желанія и ея интересовъ, фатально подготовлялась и вырабатывалась также мысль критическая съ ея задачами на-

учнаго мышленія, универсализма и привственнаго императива; а эти элементы критической мысли съ такою же необходимостью подготовляли современное требованіе чисто-научной философіи, современное представленіе объ универсалистической солидарности всёхъ трудящихся и о нравственной обязательности для личности, въ силу своего индивидуальнаго уб'яжденія, положить всё свои умственныя силы и всю свою личную энергію на осуществленіе своихъ личныхъ и общественныхъ идеаловъ, все равно — господствують ли въ этихъ идеалахъ идеи коопераціи или конкурренціи.

Когда научное мышленіе разъ установило свои пріемы, то никакія отклоненія, даже самыя характеристичныя, въ область мистики и метафизики не могли устоять противъ завоеваній въ области науки: могли пройти сотни и тысячи лѣтъ замиранія научной критики, но логическій ходъ ея работы продолжался неуклонно, расширяя ее во всѣхъ направленіяхъ и накопляя точные факты, которые уже сами собою сцѣплялись въ объединяющіе законы при помощи критически-оцѣниваемыхъ гипотезъ. Первыя же работы Евклида и Архимеда были непосредственнымъ подготовленіемъ теорій всемірнаго тяготѣнія, всеобщей трансформаціи энергіи, всеобщаго трансформизма организмовъ, наконецъ теоріи современнаго капитализма, какъ исторической категоріи; и каждый шагъ этого подготовленія вызывалъ неизбѣжно послѣдующіе шаги въ томъ же направленіи.

Когда въ политической мысли античнаго міра впервые возникла идея о законъ, не только обычномъ или принудительномъ, но о внесеніи разума въ законъ—т. е. о подчиненіи декретовъ и «правдъ» критическому процессу мысли, —о государствъ правовомъ, —тогда въ этой самой постановкъ вопроса заключались уже въ зародышъ всъ перипетіи сложнаго процесса эволюціи идей права, государственности, наилучшей государственной формы, наконецъ отношенія этихъ идей къ обязательности личнаго правственнаго убъжденія; логически были тогда обусловлены въ будущемъ и борьба между различными формами правленія, и вопросъ о раздъленіи властей,

и смѣна представленія объ опекѣ надъ народомъ представленіемъ о самоуправленіи народа, и столкновеніе легальной обязательности съ обязательностью индивидуально-правственнаго убѣжденія, и переходъ идеи права отъ высшаго разумнаго начала въ мотивъ, подчиненный началу общественнаго блага и принципамъ нравственности; наконецъ разложеніе идеи государственной принудительности, обусловившее большее укрѣпленіе и уясненіе идеи общества, какъ солидарнаго коллективнаго организма.

Когда впервые принципъ универсализма изъ сферы личныхъ соображеній мыслителей и изъ школь философіи перешель въ форму аффективнаго влеченія массъ, тогда ни громадный слой фантастического и мистического матеріала, сперва связанный съ этимъ принципомъ ходомъ событій, ни многочисленныя противурачія въ форма постановки вопроса объ этома универсализм'в, ни его невозможныя требовавія игнорировать иди подавить естественныя влеченія и насущные интересы-не могли уже пом'вшать той широкой эволюціи, которую этотъ принципъ заключалъ въ себъ, какъ необходимое слъдствіе. Именно противурвчія, заключавшіяся въ первомъ универсалистическомъ построеніи, доступномъ массамъ, вызывали въ интеллигенціи снова и снова критику этого построенія; именно волнующій мистическій эффекть заставляль интеллигенцію, еще мало упражнявшуюся въ критикъ, съ большимъ энтузіазмомъ идеализировать свои универсалистическія побужденія и, въто же самое время, упражняться въ критикћ, подрывавшей и этотъ аффектъ и средневъковую культуру, пытавшуюся на него опереться, а это вело неибъжно европейскіе народы къ новой светской цивилизаціи. Именно невозможность победить борьбу интересовъ, главнаго двигателя предшествующей исторіи, силою мистическихъ идеаловъ отреченія отъ міра и прямой враждебности ко всемъ низшимъ естественнымъ потребностямъ, вызывало мыслителей на поиски универсализма, имъющаго иныя основанія, и должно было, наконецъ, вызвать въ передовыхъ умахъ идею такого универсализма, который въ самой своей сущности опирается на экономические интересы больпинства нынѣшнихъ пасынковъ цивилизаціи и праводить не къ противурѣчію, а скорѣе къ отождествленію низшихъ интересовъ человѣчества.

Когда въ процессъ борьбы противъ мистическихъ образовъ и соображеній и противъ патологическихъ формъ общественнаго строя, на нихъ опирающихся, при помощи эмпирическихъ пріемовъ творчества общественныхъ формъ. и римской государственной правовой традиціи, попытка среднев ковой культуры рухнула, предоставляя побъду свътскому государству. тогда самыя условія проихожденія світскаго государотва и его существованія подготовляли съ логическою необходимостью и явленія просвітительнаго абсолютизма и политическія катастрофы, вызванныя попытками народнаго самоуправленія. Эти же катастрофы и последовавшее за ними политическое разочарованіе, подорвавшее въру въ чисто политическіе пріемы уже на глазахъ ближайшихъ покольній, съ такою же неизбъжностью поставили одну противъ другой двъ партіи, вражда между которыми такъ характеристична для западной Европы и для Америки нашего времени.

Констатируя это подготовление въ прошломъ будущихъ вопросовъ, выставляемыхъ исторією предъ народами въ разныя энохи следуеть обратить внимание на то обстоятельство, что общій ходъ событій можеть обнаружить предъ историкомъ мысли неизовжность въ каждомъ случав постановки того или другого вопроса, тогда какъ то его рышеніе, которое изъ возможнаю сегодня ділается дийствительными завтра, обусловливается сложною комбинаціею обстоятельствъ, въ самыхъ редкихъ случаяхъ доступною въ ея частностяхъ и случайностяхъ пониманію историкахъ. Вліяеть распредаленіе интеллектуальныхъ и нравственныхъ силъ интеллигенціи на характеръ обычаевъ или модъ въ средъ культурныхъ дикарей данной страны. Въ особенности же вліяеть индивидуальная выработка силы мысли и энергіи характера въ особяхъ, безъ индивидуальной работы мысли и безъ индивидуального акта воли которыхъ не можеть обойтись ни одно историческое дъло. Для обращенія исторически-возможнаго въ дійствительно-совершающееся трудно не признать преобладающую роль личностей, случайно постановленных въ узлѣ событій данной эпохи, какъ правители или какъ демагоги; какъ пророки, окруженные ореоломъ фантастическихъ вѣрованій, или какъ отрицатели тѣхъ или другихъ особенностей современной имъ культуры; какъ типическіе представители общаго поднятія духа въ обществѣ, толкающаго массы на историческое дѣломили столь же общаго упадка общественнаго духа, упадка, парализующаго всѣ попытки вызвать коллективный организмъ къ реагированію противъ соціальной болѣзни.

Это посл'вднее обстоятельство принуждаеть прибавить къ сд'вланному выше перечню основныхъ вопросовъ, которые поставлены исторіей предъ нашимъ временемъ, еще одинъ вопросъ:

Къ какому результату для мыслящихъ личностей приведетъ усиливающееся господство началъ детерминизма въ современномъ пониманіи міра—какъ въ формѣ механическаго міросозерцанія, такъ и въ формѣ логической эволюціи идей, или даже въ формѣ провиденціализма, поддерживающаго мистическое предустановленіе хода событій? Къ усиленію-ли общественнаго "квіетизма", къ росту воздержанія большинства мыслящихъ личностей отъ всякой опредѣленной постановки цѣлей жизни и отъ всякаго энергическаго преслѣдованія ихъ цѣлей? Или же полное усвоеніе мысли, что этотъ самый детерминизмъ требуеть непремѣнымъ орудіемъ, для осуществленія неизбѣжнаго, чувство, мысль и волю индивидуальныхъ строителей будущаго, вызоветъ въ личности большую рѣшимость быть однимъ изъ этихъ строителей, большую энергію въ попыткахъ осуществить индивидуальные идеалы, какъ элементы исторіи?н

Констатируемъ прежде всего, что, детерминизмъ событить ни въ какомъ случать не устранимый, обнаруживается при этомъ съ одинаковою силою и въ упадкъ духа однъхъ мичто ностей, склоняй ихъ къ воздержанію отъ всякой исторической дъятельности, и въ поняти духа другихъ, брасая ихъ в неудержимою силою въ смъняющіяся перипетіи историческато дъла. Но, для самой личности, если она личность развитану,

пониманіе исторіи прошлаго времени и современной ей эпохи являєтся въ мірѣ цѣлей и средствъ, въ которомъ она живетъ, интелектуальнымъ орудіемъ, чтобы оцѣнить всѣ возможныя въ данную эпоху цѣли и средства. Для этой личности пониманіе исторіи становится почвою воспринимаемаго поученія о томъ, которая изъ этихъ возможныхъ цѣлей должно сдѣлаться для личности малью живненного и какими средствами она, развитая личность, можетъ стремиться осуществить эту цѣль.

Поучительная роль исторіи была въ прежнее время педистомъ наогихъ умозрѣній. Въ ней провиденціалисты пытались разгадать тамиственныя отпровенія и рішенія вийміровыхъ силь, управляющихь піромь и человікомь, но эти соображенія сданы, повышиюму, въ смутную область «непознаваемаго». Въ историе игралисты полагали возможнымъ почерпнутъ -правственные и политическіе уроки для правителей государствъ и для руководителей народовъ; но едва ли именно эти личности, · поставленныя обстентельствами въ узель событій, когда дибо обращанись за урокомъ къ исторіи, слишкомъ озабоченныя , наличными затрудненіями и планами, алементы которыхъ BORNERAME MILES HEXT RAMINE PART RAND RESTO CONCLET HONOR. Тим не менье довышетельно утверждать что- меторыя сопра-HHIA, VACHARIA E HOUTLEMANTS VACHATS BHEMATERSHORY ESCRIпователю все болье шировій алекенть поученія, направленный уже не на мнотическія задачи и обращенний не къ вожимии-TRIBUG-HOUTABLEBRING GOODENS, & NO BURIOR RESPONTE, CHEUSmiteli code pareette, espensifelis pareneatrus e yeartereatr BE DEATEBOOTE BOTOMESPECIENT INVESTED . OF TO BUE DOWN IN ARщихся. Капъ правила видивидуальной гиплены. Папла вимнаremano especia pintera Stricerà e osmiperia surficia-copamiantes so brists profest, crapanomente lipagetto tene SEOPHISE, TARE COTTRICEMENT SCHOOLS BOTTLE GOVERNMENTS BE IDABELA VENTE-ERIË E EDABNISHEELE NENHEEL LIE BOELIË paserioù leveuste.

By were he countries of the meterical

. Jenedots, etablicas coll subbolebue tele expeta tichelbusche tipest coloro alebeeta nomogrammani, boltepatement.

